

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ

**ОСМАНСКАЯ
ИМПЕРИЯ
И
СТРАНЫ
ЦЕНТРАЛЬНОЙ,
ВОСТОЧНОЙ
И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ
ЕВРОПЫ
в XV-XVI вв.**

ГЛАВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ
ПОЛИТИЧЕСКИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1984

В книге исследуются главные тенденции политических взаимоотношений Османской империи со странами Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XV—XVI вв., в ту историческую эпоху, когда утверждалась новая политическая карта данного региона; освещается политическая, идеологическая и культурная жизнь данной части Европы в XV—XVI вв.

Редакционная коллегия:
И. Б. ГРЕКОВ (отв. редактор),

Л. В. ЗАБОРОВСКИЙ (отв. секретарь)
 Г. Г. ЛИТАВРИН, С. Ф. ОРЕШКОВА,
 Л. Е. СЕМЕНОВА (зам. отв. редактора)

О $\frac{0506000000}{042(02)-84}$ —35—83—IV

© Издательство «Наука», 1984 г.

OCR – Aspar, 2011.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

Глава 1

**СТАНОВЛЕНИЕ ОСМАНСКОГО ГОСУДАРСТВА И НЕКОТОРЫЕ
ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ОСМАНСКОГО ФЕОДАЛИЗМА**

Глава 2

**ЮГО-ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА В СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ
СТРУКТУРЕ ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ**

Глава 3

**НАРОДЫ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ И ОСМАНСКАЯ ИМПЕРИЯ В
XIV—XV вв.**

Глава 4

**ОСМАНСКАЯ ИМПЕРИЯ И СТРАНЫ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ВОСТОЧНОЙ
ЕВРОПЫ В 50—70-е ГОДЫ XV в.**

Глава 5

**ОСМАНСКАЯ ИМПЕРИЯ, КРЫМ И СТРАНЫ ВОСТОЧНОЙ И
ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЫ В КОНЦЕ XV в.**

Глава 6

**КОРОЛЕВСТВО ВЕНГРИЯ И ОСМАНСКАЯ ИМПЕРИЯ (XV — ПЕРВАЯ
ЧЕТВЕРТЬ XVI в.)**

Глава 7

**ОТНОШЕНИЯ ДУНАЙСКИХ КНЯЖЕСТВ С ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИЕЙ В
КОНЦЕ XV — НАЧАЛЕ XVI в.**

Глава 8

**ОСМАНСКАЯ ИМПЕРИЯ, КРЫМ И СТРАНЫ ВОСТОЧНОЙ И
ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЫ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVI в.**

Глава 9

**ПОРТА, КРЫМ И ПОЛИТИКА СТРАН ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ ВО
ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XVI в.**

Глава 10

**ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ДУНАЙСКИХ КНЯЖЕСТВ С ОСМАНСКОЙ
ИМПЕРИЕЙ В XVI в.**

Глава 11

**ГАБСБУРГИ, ВЕНГРИЯ, ТРАНСИЛЬВАНСКОЕ КНЯЖЕСТВО И
ОСМАНСКАЯ ИМПЕРИЯ В XVI в.**

Глава 12

**ТЕРРИТОРИИ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЫ ПОД
ВЛАСТЬЮ ОСМАНОВ**

Глава 13

**ПРОБЛЕМЫ ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ БОРЬБЫ ПРОТИВ ОСМАНСКОЙ
ЭКСПАНСИИ В ЛИТЕРАТУРЕ И ПУБЛИЦИСТИКЕ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ
(КОНЕЦ XV-XVI В.)**

Глава 14

**ОСМАНСКАЯ ИМПЕРИЯ, КРЫМ И СТРАНЫ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В
50-70-е ГОДЫ XVI в.**

**ЗАКЛЮЧЕНИЕ
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН**

ВВЕДЕНИЕ

Предлагаемый труд посвящен изучению главных тенденций в развитии отношений стран Юго-Восточной, Центральной и Восточной Европы с Османской империей на протяжении второй половины XV—XVI в., начального этапа в истории этих отношений¹. Авторы ставили задачу рассмотреть общую картину этих весьма сложных политических взаимоотношений в контексте европейской международной политики указанного периода. Необходимость в специальной разработке указанной проблемы тем более очевидна, что освещаемый авторами отрезок времени был периодом, когда закладывались основы политических взаимоотношений в Юго-Восточной Европе, специфика которых отразилась на всей их последующей истории.

Исследование начинается со второй половины XV в., когда после захвата в 1453 г. султаном Мехмедом II Константинополя и распространения османских завоеваний присутствие Османской империи на Балканах стало постоянным фактором международных отношений в обширном регионе Европы. В качестве конечной хронологической грани работы берется конец XVI в., время появления первых признаков упадка военной мощи Османской империи, что проявилось в последующий период и оказало влияние на ее внешнеполитические планы и международное положение, на отношения со странами Юго-Восточной, Центральной и Восточной Европы.

Выделение периода вторая половина XV—XVI в. для рассмотрения основных черт политических взаимоотношений в названном регионе представляется авторам оправданным также потому, что это была по существу переломная историческая эпоха, когда в ходе хорошо организованной военно-политической экспансии Порты в Юго-Восточной и Центральной Европе, в процессе сложного взаимодействия всех феодальных государств данного региона происходили значительные перемены в исторических судьбах народов этой части европейского континента. Именно в этот период проявившая себя ранее тенденция к сохранению и восстановлению моноэтничных государств уступила место тенденции к формированию многонациональных государственных образований, в результате чего сложилась и утвердилась новая политическая карта юго-востока Европы, просуществовавшая без больших изменений ряд столетий (в одних случаях — до конца XVIII в., в других — до рубежа XIX—XX вв.).

Вполне понятно, что столь важная эпоха в политическом развитии юго-восточного региона Европы уже давно привлекала внимание исследователей. Говоря в целом об историографии проблемы взаимоотношений между странами Юго-Восточной, Центральной и Восточной Европы и Османской империей, следует отметить определенные достижения историков разных стран в изучении ее отдельных аспектов, главным образом двусторонних отношений и связанных с ними событий международной жизни региона. Но работы большинства этих ученых основывались на страноведческом

¹ Обзор и критику работ зарубежных авторов, идеализирующих тогдашнюю политику Порты в Юго-Восточной Европе, см.: Некрасов А. М. Некоторые вопросы политических взаимоотношений на восточных и южных рубежах России XVI в. в зарубежной историографии.— История СССР, 1983, № 1, с. 195—202.

подходе к освещаемой проблеме. Представляя ту или иную «национальную» историческую школу, эти ученые, как правило, проявляли особый интерес к выявлению прежде всего вклада своей страны в развитие международных отношений того времени, сильно гипертрофируя именно ее роль и недооценивая значение других государств региона.

Такой подход к изучению данной проблемы был порожден определенным этапом развития науки в целом, который, в частности, характеризовался «всесилием» страноведческого, локального рассмотрения исторического процесса, явной недооценкой взаимосвязанности политической жизни всех государственных образований Европы и Ближнего Востока, что проявлялось и при анализе хода международной жизни изучаемого региона.

Создавая данный труд, коллектив авторов попытался комплексно исследовать политические взаимоотношения стран Юго-Восточной, Центральной и Восточной Европы с Османской империей. Авторы ставили задачу раскрыть в общем контексте международной политики второй половины XV—XVI в. сложное взаимодействие всех политических сил региона, выделяя важнейшие этапы этих отношений². При решении указанной задачи авторы исходили из общетеоретического положения о взаимовлиянии и взаимообусловленности внутривнутриполитических процессов в странах региона и в Османской империи и международных факторов, определявших характер и эволюцию политических взаимоотношений между ними.

Изучение проблемы под таким углом зрения поставило авторов перед необходимостью рассмотреть ряд важных моментов внутривнутриполитической истории Османской империи и стран Юго-Восточной, Центральной и Восточной Европы, остановиться на некоторых вопросах, относящихся к периоду XIV — первой половины XV в.

Исходя из того, что внешнеполитическая активность Порты на международной арене на протяжении второй половины XV—XVI в. определялась в конечном итоге социально-экономическими и внутривнутриполитическими процессами в Османской империи, значительное место в настоящем труде отведено выяснению характера сложившихся в империи феодальных отношений, специфики государственно-правового строя в империи и ее балканских владениях. Одним из важных для авторов был вопрос о характере внешней политики Порты вообще и ее политики в Юго-Восточной, Центральной и Восточной Европе в частности. Авторы, разумеется, не могли при этом не учитывать весьма сложного «геополитического» положения Османской империи, существования на ее окраинах ряда очагов политической напряженности — на границах с Ираном, в Средиземноморье, в отношениях со странами Юго-Восточной, Центральной и Восточной Европы. Основное внимание, естественно, авторы уделили специально изучаемому региону.

Данная часть европейского континента являлась в XV—XVI вв. ареной интенсивного развития нескольких крупных феодальных государств — Германской империи, Венгрии, Польско-Литовского государства, Московской Руси, которые, находясь сами в тот период в довольно сложных отношениях друг с другом, тем не менее были способны если не сформировать широкую антиосманскую коалицию (о чем усиленно заботился, как известно, Ватикан), то создать двусторонние союзы, направленные против Порты.

Так, развитие двух мощных государственных систем Восточной Европы — Московской и Польско-Литовской, хотя и происходило в условиях их бурного соперничества друг с другом, тем не менее допускало возможность либо полного торжества одного над другим, либо установления политического сотрудничества между

² Рассмотрение указанной проблематики в таком аспекте связывает труд с серией коллективных трудов, подготовленных Институтом славяноведения и балканистики АН СССР и посвященных истории международных отношений в Юго-Восточной Европе конца XVIII—XIX в.

ними. Что касается политической жизни государств Центральной Европы, то развитие взаимоотношений Германской империи, Венгрии и Польши также создавало условия для более тесного взаимодействия между ними. Так, на рубеже XV—XVI вв. происходит венгеро-польское сближение, когда возникает реальная перспектива создания польско-чешско-венгерской унии под руководством Ягеллонов.

Такой ход международной жизни в данной части европейского континента (суливший то создание широкой антиосманской коалиции, то формирование «сверхсильной» державы, способной подчинить своему влиянию), разумеется, не мог позволить Порте занимать позицию «изоляциизма» в отношении данного региона. Совершенно очевидно, что пассивность султанской дипломатии означала бы для Порты потерю контроля над ходом событий, невозможность обеспечить выгодное ей соотношение сил между ведущими государствами этого региона, угрожала бы ей ослаблением позиций сначала здесь, в Центральной и Восточной Европе, а затем и на остальных направлениях ее военно-политической активности.

При освещении внешней политики Османской империи авторы труда стремились иметь в виду весь комплекс направлений османской военно-политической экспансии, рассматривать их в тесном взаимодействии друг с другом.

Авторы отдавали себе отчет в том, что реальная взаимосвязь всех аспектов внешней политики Османской империи, их субординация в практической деятельности султанской дипломатии до сих пор полностью еще не раскрыты в литературе. Исследователи данной проблемы в настоящее время как бы стоят перед дилеммой: либо они должны следовать отмеченной выше сложившейся в историографии традиции, согласно которой существовала исторически устойчивая «иерархия» в степени важности военно-политических задач Порты (значительный интерес к Ирану и Средиземноморью «гасил» или ослаблял интерес к странам Юго-Восточной, Центральной и Восточной Европы); либо они должны допустить существование иного, более эластичного порядка взаимосвязи направлений турецкой военно-политической активности, того порядка, при котором очередность реализации тех или иных политических целей султана обуславливалась не заранее принятой их субординацией, а реальным ходом всей международной и внутривосточной жизни Османской империи, той или иной расстановкой сил на различных этапах исторического процесса в рассматриваемом регионе.

Таковы два возможных подхода, которые имели в виду авторы, приступая к изучению общего характера внешней политики Османской империи.

Перед авторами данного труда стояла также проблема конкретно-исторического плана, заключающаяся в выявлении главных стратегических целей Османской империи, особенно в Юго-Восточной, Центральной и Восточной Европе, в раскрытии тактики, с помощью которой империя добивалась своих целей.

Учитывая существующие в историографии споры по поводу характера сотрудничества Порты с ее вассалом Крымом, большое внимание в труде было уделено проблеме использования султаном ордынского политического наследия в Восточной Европе, в частности Крыма, для осуществления больших стратегических замыслов османской дипломатии против Московской Руси и Польско-Литовского государства.

Значительное внимание в работе уделено освещению места и роли Валашского и Молдавского княжеств во внешнеполитических планах Османской империи, в международной жизни Юго-Восточной Европы в изучаемый период. При этом учитывалось взаимодействие ряда факторов: с одной стороны, усиление вассальной зависимости Дунайских княжеств от султана при сохранении юридической автономии в системе Османской империи, чему способствовала внутривосточная конъюнктура в княжествах, с другой — сам ход международных событий, оказывавших непосредственное влияние на внешнеполитическое положение княжеств.

Большое значение авторы придавали, естественно, выяснению основных линий в отношениях между Османской империей, Германской империей, Венгрией, Польшей и Московской Русью в рамках европейской международной политики второй половины XV—XVI в. На основе материалов двусторонних взаимоотношений в работе прослеживается их эволюция, характерные черты на разных этапах международной жизни региона, их органическая связь с внутривосточной историей названных стран. Особое место уделено влиянию внешнеполитических концепций, связанных с борьбой против османской экспансии, на развитие идеологии освободительных движений, в частности на литературу и публицистику народов региона.

Такое комплексное рассмотрение основных аспектов проблемы в едином хронологическом и региональном плане позволяет, по мнению авторов, на основе результатов, достигнутых предшествующей историографией в изучении двусторонних отношений между Османской империей и странами Юго-Восточной, Центральной и Восточной Европы, составить общую картину политических взаимоотношений между ними, выявить главные тенденции и характерные черты, сложившиеся во второй половине XV—XVI в., показать объективно-историческую роль каждой из стран в истории международных отношений изучаемого региона.

При этом авторы не ставили перед собой задачу систематического изложения отношений всех стран региона с Османской империей. Так, например, в труде отсутствуют специальные разделы, посвященные отношениям с Османской империей Болгарии, Албании, Морей и др.

Разумеется, авторский коллектив отдает себе отчет в том, что, возможно, не все стороны большой и многогранной проблемы, исследуемой в труде, получили одинаково полное освещение, что отдельные вопросы еще ждут дополнительного изучения, а некоторые положения могут оказаться дискуссионными. Свою цель в изучении проблемы авторы видели в переходе от страноведческого подхода к комплексному региональному принципу рассмотрения международных отношений, в частности взаимоотношений между Османской империей и странами Юго-Восточной, Центральной и Восточной Европы во второй половине XV—XVI в.

* * *

В написании текста участвовали: И. Б. Греков (введение, главы 4, 5, 8, 14, часть § 2 главы 9, заключение), С. Ф. Орешкова — Институт востоковедения (главы 1 и 2), Г. Г. Лнтаврин, Е. П. Наумов, В. П. Шушарин (§ 1 главы 3), Е. П. Наумов (§ 2 главы 3, § 1 главы 12), В. П. Шушарин (главы 6, 11, § 2 главы 12), Л. Е. Семенова (введение, главы 7 и 10, заключение), Ю. А. Лимонов — Ленинградское отделение Института истории СССР (§ 1 главы 9), С. О. Шмидт — Археографическая комиссия (§ 2 главы 9 со с. 173), А. И. Рогов (глава 13). В главе 6 использованы материалы Г. Мельникова, в главе 8 — В. А. Артамонова.

Научно-технические работы выполнены Н. С. Захарьиной, О. В. Ивановой, С. А. Ивановым, Н. И. Сериковым.

Указатель подготовлен Л. В. Заборовским, Н. С. Захарьиной.

Глава 1.

СТАНОВЛЕНИЕ ОСМАНСКОГО ГОСУДАРСТВА И НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ОСМАНСКОГО ФЕОДАЛИЗМА

§ 1. Складывание османского государства и его первые завоевания

В XI—XIII вв. в Малой Азии произошли значительные этнополитические и социально-экономические изменения, вызванные массовой миграцией огузо-туркменских племен. Там сложилась новая для этой территории этнолингвистическая и культурная

общность тюркских племен, связь которых с новой родиной не смогло уничтожить даже опустошительное монгольское нашествие¹.

Разгромив в 1242 г. существовавшее здесь государство Сельджукидов Рума, монголы включили восточные области этого региона в свое государство Хулагидов (или Ильханов)². Западные территории, формально продолжавшие находиться под властью Сельджукидов (как вассал Ильханов это государство просуществовало до 1307 г.), фактически были предоставлены тюркской племенной вольнице.

Монгольское нашествие в Малую Азию сопровождалось новой волной тюркской миграции в этот район. В движение были включены не только кочевые племена, но и племена, в той или иной степени перешедшие на оседлость, и даже оседлые земледельцы и горожане³. На территории Малой Азии происходили перегруппировки племен, складывались новые объединения, формирование которых происходило вокруг правящих родов, получавших для своего племени территории от Сельджукидов или Ильханов⁴. В Центральной и Западной Анатолии в это время сложилось около двух десятков небольших бейликов (княжеств). В своих внутренних делах они не зависели фактически ни от монголов, ни от Сельджукидов. Наиболее крупным и влиятельным был бейлик Караманов. Он сложился в Западной Киликии, а затем, территориально расширившись и укрепившись, распространил свою власть на район Коньи, бывшей столицы Сельджукидов, и стал претендовать на роль наследника этой державы. Соперничал с ним бейлик Гермиянов с центром в городе Кютахья, включавший территории севера и юго-запада Анатолии.

Междоусобная борьба этих бейликов за первенство в Анатолии была одной из причин относительно медленных темпов их социального развития. Они длительное время оставались на переходной стадии от племенного союза к феодальному государству. Значительно быстрее развивались мелкие западные бейлики, такие, как расположившиеся на побережье Эгейского моря Караси, Сурухан, Айдын, Ментеше или северо-западный бейлик Османов. Сюда, в пограничные районы, откуда можно было вести борьбу с «неверными» за новые земли и военную добычу, устремлялись многочисленные группы населения, не нашедшего себе места и занятия во внутренних областях Анатолии. Во внутреннем развитии западных бейликов было меньше племенной традиционности. Население отличалось большей этнической и социальной пестротой. Наряду с ортодоксальным суннитским исламом и христианством распространялись учения различных исламских сект. Главным объектом завоевательных устремлений этих бейликов стала Византия, которая после отвоевания у латинян Константинополя и восстановления империи в 1261 г. объединила под своей властью часть Фракии и Македонии с городом Фессалони-кой, некоторые острова Эгейского архипелага, отдельные владения на Пелопоннесе и в северо-западной части Малой Азии, но все же не достигла былого могущества. Бейлики Эгейского побережья создавали свой флот и активно участвовали в пиратстве и работорговле, что наносило значительный ущерб ряду районов Балканского полуострова и островов архипелага, а также малоазиатскому греческому населению⁵.

Вторжение приморских бейликов в сферу европейской средиземноморской торговли и попытки соперничества с многочисленными корсарами Восточного Средиземноморья, среди которых в это время особенно были известны родосские рыцари⁶, вызвали совместный отпор европейских держав. В 1343—1344 гг. против них был предпринят крестовый поход, в организации которого приняли участие французский король Филипп VI, римский папа, Византия, Венеция, неаполитанский король и феодальные владетели ряда островов Эгейского и Средиземного морей⁷. Крестоносцами был отвоеван у бейлика Айдын г. Измир (Смирна), который вернулся под власть мусульманских правителей лишь после нашествия Тимура в 1402 г. Европейское вмешательство обострило внутреннюю нестабильность в этом районе. В результате династической

борьбы Караси и Айдын распались на более мелкие бейлики, что, разумеется, ослабило их в политическом отношении.

По-иному развивались события на северо-западе Анатолии, где сложился бейлик Османов.

По преданию, Эртогрул, предводитель небольшой группы кочевников, происходивших из племени кайя, получил от сельджукского султана Алаеддина Кей-Кубада I (1219—1236) пограничный удж * (* Удж — пограничные территории, предоставлявшиеся Сельджукидами главам отдельных племен и передававшиеся по наследству. Здесь властители могли кочевать со своим племенем, собирать дань с подвластного оседлого населения, расширять свои владения в сторону соседних государств.) в районе Сегута, расположенном между Караджахисаром и Биледжиком. На бея, владевшего уджем в районе Сегута, возлагалась оборона северо-западной границы державы Сельджукидов. Вождем племени и уджбеем после Эртогрула стал его сын Осман (1258—1324, по иным сведениям — 1326).

Сведения о начальных этапах истории Османского бейлика носят легендарный характер. Достоверно известно лишь, что в 1289 г. Осман захватил у Византии небольшой город Караджахисар, население которого бежало перед приходом турок. Город был вновь заселен выходцами из бейлика Гермиянов и других районов Анатолии. Местный христианский храм был превращен в мечеть, где впервые стала читаться хутба (пятничная молитва) с упоминанием имени Османа⁸. В 1299 г. бейлик Османа полностью избавился от верховенства сельджукских султанов, хотя и продолжал еще признавать политическую власть Ильхаюев и платить им небольшую дань⁹.

В военных действиях против Византии Осман, а затем и его преемники направляли свои усилия против ее малоазиатских территорий, тогда как правители других пограничных бейликов, имевших флот, совершали набеги главным образом на прибрежные районы Балканского полуострова. Эти набеги вызывали активные контрудары Византии, в которых, как это было, например, с крестовым походом против Измира, принимали участие и другие европейские страны. В малоазиатских же районах Византии после переноса столицы империи из Никеи в Константинополь значительно сократилось население, упало хозяйственное значение этих территорий, ослабло внимание правительства к обороне границ. Михаил VIII Палеолог в целях увеличения средств имперской казны отменил налоговые льготы, предоставлявшиеся военнообязанным крестьянам-акритам, ранее охранявшим границы. Запустение пограничных районов императоры пытались преодолеть, раздавая земли отдельным тюркским племенам, переселявшимся с Балкан¹⁰.

Все это, разумеется, облегчало османскому бейлику возможность расширения своих территорий за счет Византии. Уже Осман подготовил плацдарм для завоевания византийского города Пруссы, который был взят его сыном Орханом в 1326 г. и, будучи переименованным в Бурсу, стал впоследствии столицей бейлика. В последующие годы турки-османы, овладев городами Никеей (Изник, 1330) и Никомидией (Измид, 1337), выходят к берегам Мраморного моря.

К этому времени значительные изменения происходят и во внутренней структуре бейлика. Осман и его племя вели полукочевой образ жизни. Завоевав новые территории, бей начинает раздавать своим приближенным земли в «кормление». Эти «кормления» или пожалования (тимары) Осман раздавал исключительно за военную службу. Тимариот получал право собирать заранее определенные беем налоги с предоставленного ему земельного участка (а на первых порах иногда и с неаграрных объектов, например в городе с проживавших там ремесленников, лавок городского базара и т. п.) и расходовать их на свои личные нужды и военную экипировку, чтобы по требованию бея выступить в поход в качестве воина-кавалериста (сипахи). С сохранением этого условия тимариот мог передать тимар своим наследникам. Уже при Османе наметилась некоторая градация между пожалованиями: рядовым воинам давались отдельные деревни, сыновьям бея и его

приближенным — целые области, что свидетельствовало о происходившем в бейлике процессе социального расслоения. «Война за веру» (газават), во имя которой в пограничные с Византией бейлики собирались значительные массы газа, по сути дела стала войной за новые земли, необходимые феодализирующейся кочевой знати для утверждения собственной власти и увеличения материального достатка.

После смерти Османа беем стал его сын Орхан (1324—1360; по другим данным, 1326—1362), а его старший брат Алаэддин выполнял при нем обязанности везира¹¹. Первые османские правители были всего лишь вождями племени, опиравшимися на силу кочевого ополчения, к которому присоединялись воины, приходившие из других княжеств (бейликов), и многочисленные дервиши. Османский бей считался первым среди равных. Ему как военному командиру полагалась 1/5 добычи (пенчик)¹². По инициативе Алаэддина в бейлике начинает формироваться регулярная армия, состоявшая из двух родов войск — пехоты и конницы, что, однако, не означало отказа от племенных ополчений и иррегулярных частей. В пехоте наряду с пехотинцами-ополченцами (азапами) создавалось особое воинское формирование — *я*. Оно комплектовалось из молодых турок, которые получали жалованье из казны во время участия в военных действиях; в мирное же время они трудились на предоставленных им участках земли, освобожденных от уплаты налогов в казну бейлика. В кавалерии широко использовались отряды добровольцев из Анатолии, которых привлекала перспектива захвата военных трофеев или получения тимара. Их называли акынджи (*акын* — набег). Отряды акынджи объединяли по 10, 100, 1000 воинов. Каждый кавалерист имел с собой обычно две лошади (одну для себя, другую для возможной добычи), был вооружен мечом, кривой турецкой саблей, щитом, а временами и просто дубиной. Акынджи — это наиболее типичная фигура османского воинства первого периода завоеваний. Алаэддин и Орхан учредили в дополнение к акынджи регулярную кавалерию, воины которой назывались *мюселлемы*; они, как и пехотинцы *я*, получали жалованье в период военных действий и освобожденный от уплаты налогов участок земли, который обрабатывали в мирное время.

Создание частей *я* и *мюселлемов*, помимо военного, имело и большое социальное значение. Через эту категорию воинства определенная часть османского полукочевого общества переходила к оседлому земледельческому образу жизни, получая на первых порах определенные льготы (в виде жалованья и освобождения от налогов), ставившие их в более выгодные условия, чем остальное — прежде всего местное, дотурецкое — крестьянство. Как кавалеристы участвовали в военных действиях и тимариоты, однако на первых порах их количество было незначительным.

Орхан впервые приступил к созданию принципиально нового войска (*ени чери*). Это были ставшие знаменитыми впоследствии *янычары*. Для их комплектования производился принудительный набор мальчиков из христианских семей. Такой принудительный набор, позднее проводившийся регулярно, получил название *девширме*. Мальчиков раздавали в турецкие семьи разного социального происхождения и материального достатка (представителей знати, ремесленников, крестьян), чтобы «обучить турецкому языку и рабскому служению». Через несколько лет их помещали в специальную военную школу при султанском дворце «Аджеми огланы» (чужеземные мальчики), где, уже будучи тюркизированными и обращенными в ислам, они подготавливались к военной службе, за которую получали жалованье.

Созданием *янычарского* корпуса, сыгравшего значительную роль в будущих завоевательных войнах и вообще в судьбах османского государства, турецкие правители обеспечивали себя надежным и хорошо обученным войском, не имевшим родственных отношений с османским обществом, не связанным с землей, зависящим исключительно от султана, его финансовых возможностей и функционирования бюрократического аппарата в его правление. При Орхане это войско лишь начинало создаваться и пока еще не оказывало заметного влияния на жизнь и политику страны¹³.

В своей внешней политике Орхан, как и его отец Осман, проводил активную экспансионистскую политику против «неверных» и всемерно избегал военных конфликтов с соседними тюркскими бейликами, хотя и не отказывался, разумеется, от дипломатических способов, подкупов, династических браков и т. п. для расширения границ своих владений и здесь. В 1345 г. была приобретена часть бывшего бейлика Караси, что дало османам доступ к восточному побережью Дарданелл, а следовательно, — плацдарм для набегов на Балканы. Воспользовавшись династической борьбой в Византии, помогая одному из претендентов на византийский трон, сын Орхана Сулейман в 1345—1348 гг. вел военные действия во Фракии, Македонии, совершал походы в Сербию и Болгарию, за что получил крепость Цимпе на полуострове Галлиполи (1352). С этого времени начинается новый этап османских военных действий на Балканах, характеризовавшийся уже прочным завоеванием территорий. Первым объектом наступления османов стал город Галлиполи (1354), куда вслед за армией начало переселяться турецкое население.

Другие бейлики также посылали свои отряды на византийскую территорию, где они действовали независимо друг от друга. Наивысшим успехом османов в этот период было взятие в 1362 г. города Адрианополя (Эдирне)¹⁴ вторым сыном Орхана Мурадом, продолжавшим завоевательную политику Сулеймана после смерти последнего в 1357 г.

В дальнейшем почти на два десятка лет османы вынуждены были отказаться от активной политики на Балканах. После смерти Орхана в бейлике началась междоусобная борьба. Мураду I (1362—1389) пришлось бороться за власть с местными беями и братом Халилом. Османские позиции на Балканах оказались утраченными, византийцы вновь вернули себе полуостров Галлиполи¹⁵. Османы возобновили активную политику на Балканах лишь в конце 70-х годов XIV в., когда византийский император Андроник (1376—1379), желая привлечь на свою сторону османов и получить от них помощь в борьбе за власть, снова передал им полуостров Галлиполи. Генуэзцы, союзники Андроника, помогли османам переправить их войска в Европу. Мураду удалось быстро склонить на свою сторону обосновавшихся в Румелии турецких беев, среди которых были бывшие ранее на службе у османов военачальники. Вновь был отвоеван Адрианополь, куда Мурад перенес свою резиденцию.

Итак, центр Османского государства во второй половине XIV в. переместился в Европу. При Мураде I и его преемнике султани Баязиде I (1389—1402) османы захватили почти все византийские территории на Балканах, кроме Константинополя и небольшого района вокруг него, ряда островов и областей в Пелопоннесе, подчинили Сербию после победы на Косовом поле (1389), болгарские земли (к 1397 г.), подошли к границам Венгрии, создав непосредственную угрозу Центральной Европе. За небольшой отрезок времени (менее 50 лет со времени первой высадки на Галлиполи) они овладели восточной и центральной частями Балканского полуострова.

Одновременно Мурад I и Баязид I сумели различными дипломатическими мерами подчинить себе бейлики Центральной и Западной Анатолии. К военным действиям здесь пришлось прибегать лишь в отношении бейлика Караманов (в 1387 и 1390—1392 гг.). Для идеологического оправдания войны с мусульманским княжеством были использованы сношения караманов с Венецией, Сербией, римским папой, которые пытались толкнуть этот бейлик к выступлению против османов. В военных действиях против караманов широко использовались христианские вспомогательные войска.

Осуществляя захватническую политику на Балканах, османы придавали большое значение тому, чтобы сеять вражду между своими противниками, и прежде всего расколоть господствующий класс, привлечь на свою сторону определенную его часть. Поэтому, подчиняя себе балканские государства, на первых порах, в XIV в., они создавали на своих границах особую буферную зону вассальных территорий¹⁶. Бывшие христианские государи, подчинившиеся османам, сохраняли определенную независимость во внутренних делах, но платили ежегодную дань и поставляли османским султанам воин-

ские контингенты. Османскими вассалами стали болгарский царь Иван Шишман и ряд других владетелей разрозненных тогда болгарских земель¹⁷. После разгрома на Косовом поле османский сюзеренитет признал сербский деспот Стефан Лазаревич, который в 1396 г. с 15-тысячным войском участвовал на стороне султана в Никопольской битве и своей поддержкой турок в значительной мере решил исход битвы в их пользу¹⁸. Как уже отмечалось, вассальные христианские войска использовались султанами в военных действиях против Караманов. Валашские и сербские полки выступали на стороне Баязида I в битве с Тимуром в 1402 г.¹⁹ Данником османских султанов был, по сути дела, и византийский император.

Сохранили свои владения и те беи-военачальники, которые вели завоевание балканских территорий параллельно османам, а затем признали их главенство. Вокруг таких беев группировались значительные массы кавалеристов-акынджи, которые как вспомогательное войско просуществовали до конца XVI — начала XVII в., когда их функции окончательно перешли к крымским татарам²⁰. Османские султаны официально уступали беям-завоевателям в качестве безусловной собственности (мюльк) находившиеся в их распоряжении земли. Сами беи считали себя равными султану и в своих владениях, будучи почти независимыми от центральной администрации, наиболее отличившимся акынджи они от себя лично предоставляли тимары.

На Балканах обосновывались в это время и отдельные кочевые племена, получавшие от султанов территории для кочевок и сыгравшие в дальнейшем заметную роль в турецкой колонизации Балканского полуострова²¹.

Все эти разрозненные категории населения, подчинившиеся османам в процессе завоевания, ставили перед ними новые административные проблемы. В 1362 г. была учреждена на Балканах особая административная единица — бейлербейлик Румели (в русской литературе часто называется Румелия). Первым его правителем был назначен бывший воспитатель Мурада I Лала Шахин. В 1393 г. такой же бейлербейлик был учрежден в анатолийских владениях. Так начала формироваться административная структура государства. Складывание ее было тесным образом связано с более широкой раздачей тимаров, что султанское правительство смогло делать, получив в свое распоряжение крупные балканские территории. Более значимой в османской армии становится и сипахийская кавалерия, рекрутируемая на тимарной основе.

В бейлербействах выделялись более мелкие административные единицы — санджаки. Само слово *санджак* (как и часто используемый его арабский эквивалент *лиа*) в переводе означало «знамя», и его использование в качестве названия административной единицы указывало на единство административного деления и военной организации.

Санджакбей был не только правителем, но и командиром военного подразделения, которое первоначально, очевидно, получало для своего размещения определенную территорию. В дальнейшем же с этой территории (санджака) должно было регулярно выставляться соответствующее кавалерийское подразделение. Воины кавалерийского ополчения получали тимары. К XIV в. тимарная система стала характерной, очевидно, не только для османского, но и для других бейликов Анатолии²², а отсюда с успехом распространилась в Румелию.

При Мураде и Баязиде I было установлено наследование тимаров по мужской линии. Издававшиеся неоднократно в это время строгие султанские указы, запрещавшие наследование тимаров женщинами, подтверждают сугубо военный характер этого условного земельного пожалования. Этим же объясняется запрещение Баязида I раздавать тимары различным чиновникам и секретарям.

Подчиняясь санджакбею как командиру отряда кавалерийского ополчения тимариот и в санджаке выступал как его полномочный представитель, выполнявший некоторые административные функции в отношении подвластного ему податного населения. Отношения тимариота с крестьянством носили публично-правовой характер,

так как строго регламентировались султанским бератом (грамотой) на предоставленный ему тимар.

Первые тимары, выделявшиеся сипахи, были незначительны по размеру. Лишь утверждаясь на Балканах, османские султаны смогли предоставлять в распоряжение своих воинов за особые заслуги, а позже и за выполнение каких-либо административных функций большие земельные участки. В 1375 г. при Мураде I были учреждены более крупные земельные пожалования, раздаваемые на условиях несения военной службы, — зеаметы (заимами, т. е. получавшими зеамет, в частности, становились санджакбеи)²³. Везирам же и ближайшим султанским родственникам стали жаловать хассы. Размеры хассов были более значительными, но предоставление их было связано лишь с выполнением определенной обязанности или занятием должности, по наследству они не передавались. Так, на земельно-рентной основе, которая сложилась еще до османского завоевания, новое государство начинает формировать османский феодальный класс, тесно связанный с системой государственного управления и централизованно управляемой армией.

Параллельно с сипахийской кавалерией, создаваемой на тимарной, т. е. земельно-рентной основе, продолжали формироваться янычарские отряды. Их значение возрастало²⁴. Постепенно они оттесняют на задний план я и мюселлемов и начинают соперничать с тимариотами.

Вместе с армией менялась и структура центральных органов власти. Первые османские правители строили свое государство прежде всего по сельджукским образцам, через ортодоксальных суннитских улемов (исламских богословов), воспринимая традиции и обычаи общественного устройства, свойственные странам Ближнего и Среднего Востока. Многие везиры и другие османские администраторы происходили из среды улемов — выходцев из старых центров Сельджукского государства, а также Ирана и Египта²⁵, либо султанских родственников. С расширением государства усложнялась его система управления. Уже при Орхане выделяется великий везир (пока, правда, еще не имевший этого титула, введенного при Мураде I), который сосредоточил в своих руках как военное, так и гражданское управление. Первым таким везиром был Чандарлы Халил Хайреддин-паша²⁶. Везиру полагался соответствующий должностной символ — бунчук (пучок волос из лошадиного хвоста), свидетельство высокого титула и особой знатности. В дальнейшем произошла градация между беями: санджакбеи и лица, занимающие соответствующие этому рангу должности, стали получать один бунчук (однобунчужный паша), бейлербей — два бунчука, везир — три, султану полагалось четыре бунчука. Военно-административная линия управления страной — от султана через великого везира, бейлербея, санджакбея до рядового тимариота — была наиболее характерной и заметной в административной структуре османского государства первых веков его существования, однако не охватывала всех сфер управления страной.

При Мураде I начало формироваться финансовое ведомство, личная султанская казна отделилась от государственной²⁷. В организации финансов и складывании фискальной практики государства значительным было влияние доосманских балканских традиций.

Обособливается и судебно-религиозная система, что характерно для всех мусульманских государств. Первоначально наивысшим авторитетом в религиозной сфере был кадий (мусульманский судья) Бурсы. Затем в 1360—1362 гг. учреждаются особые должности кадиаскеров²⁸, отдельно для Румелии и Анатолии, в ведение которых был передан шариатский контроль за деятельностью администрации и подданных. Им были подчинены все кадии.

Характерной чертой развития религиозных отношений в османском государстве первых двух веков его существования было то, что наибольшую активность в стране проявляли в это время не ортодоксальный ислам, а дервишские и подобные им религиозные организации и братства. Первые османские правители широко практиковали

предоставление земель в распоряжение различных, зачастую далеких от суннитской ортодоксии дервишских организаций. Значительные земельные угодья передавали в их ведение и отдельные беи-завоеватели, действовавшие на Балканском полуострове. Дервиши разных исламских направлений, основывая свои обители (текке и завийе), играли заметную роль в османской колонизации Балкан, осваивали многие стратегически важные как для продолжения завоеваний, так и для укрепления османской власти районы. Они же сооружали и в дальнейшем содержали многочисленные караван-сарай, обслуживавшие торговые пути, в частности знаменитый константинопольский путь, связывавший Балканы с Центральной Европой. Среди дервишских организаций были такие, которые исповедовали воинствующий ислам, т. е. стремились к поголовному обращению христианского населения в мусульманство и превращению церкви в мечети. Такие настроения проявлялись и в действиях местной османской администрации. Однако подобные стремления не всегда встречали поддержку у ортодоксальных суннитских теологов, имевших значительное влияние при дворе османских султанов. Интересы государства требовали не массовой исламизации местного населения, а его подчинения и более высокого, чем мусульман, обложения налогом.

К началу XV в. османская власть на Балканах была уже относительно прочной, что и определило судьбу османского государства в период тех сложных испытаний, которые выпали на его долю в результате вторжения в Малую Азию полчищ среднеазиатского завоевателя Тимура (1370—1405). В битве под Анкарой (1402) Тимур наголову разбил султана Баязида. Единое османское государство распалось. Однако даже в этот период балканские владения оставались под властью турок: здесь уже была заложена прочная социальная и политическая база их власти ²⁹.

§ 2. Дальнейшая феодализация османского общества. Становление Османской империи

Тимур восстановил самостоятельность анатолийских бейликов, собственно же османские владения разделил между четырьмя сыновьями Баязида. Армия Тимура огнем и мечом прошла Малую Азию, опустошив целые районы, разрушив многие города, взяв в плен либо уничтожив тысячи жителей. На западе полуострова Тимур отвоевал у рыцарей Родоса г. Измир, но не затронул других владений христианских государств и балканских владений османских султанов.

После того как в марте 1403 г. армия Тимура покинула Малую Азию, между османскими принцами, сыновьями Баязида, разгорелась борьба за власть.

На первых порах выдвинулся Сулейман, получивший от Тимура европейские владения отца, затем в 1410 г. его сверг брат Муса, продержавшийся на троне в Эдирне три года, и, наконец, в 1413 г. утвердился Мехмед I (1413—1421). Показательно, что борьба шла за установление господства того или иного претендента прежде всего в европейских районах османского государства. Продолжительность и упорство внутрдинастической борьбы объясняется тем, что в государстве обострились социальные противоречия. Оспаривая друг у друга османский трон, сыновья Баязида опирались на те или иные группы османского общества, используя их противоречия, по сути дела объективно выступали как сторонники того или иного пути феодализации османского общества. Сулейман первоначально опирался на крупных пограничных беев, имевших неограниченную власть в своих европейских владениях, затем же, почувствовав свою силу, попытался, используя янычарский корпус и войска христианских вассальных княжеств, избавиться от чрезмерной опеки беев. Однако, лишившись их поддержки (прежде всего поддержки одной из наиболее могущественных семей того времени — Чандарлы), Сулейман не смог устоять перед натиском брата Мусы.

Муса пришел к власти как продолжатель дела гази. Известно, что Сулейман в 1403 г. заключил соглашение с византийским императором, сербским деспотом, Генуей,

Венецией и рыцарями Родоса, купив их нейтралитет некоторыми уступками, возвратив, например, Византии Фессалоники³⁰. Муса выступал под флагом «борьбы с неверными», но искал себе союзников и среди христианских государств, поддерживал, в частности, контакты с валашским господарем Мирчей Старым. На Балканах Муса опирался прежде всего на акынджи и их беев. Первой его акцией после утверждения в Эдирне было назначение бейлербеем одного из представителей известной семьи Михал-оглу. В предшествующий период развития османского государства наметилось соперничество между беями границ и центральной администрацией, представителями которой были и прежние бейлербеи. Муса попытался назначением Михал-оглу на должность в центральном управлении смягчить эти разногласия. Михал-оглы и назначенный Мусой кадиаскер шейх Бедреддин начали жаловать тимары наиболее близким им представителям акынджи. Причем тимары раздавались не в пограничных областях, а в безопасных внутренних районах Румелии³¹. Вокруг Мусы группировались бывшие я, мюселлемы, акынджи, т. е. все те слои османского племенного воинства, интересы которых затрагивались созданием янычарского корпуса и сипахийской кавалерии.

Среди рядовых воинов, вовлеченных в процесс феодализации, шло расслоение. У части их была надежда получить тимары и войти в разряд сипахи. Однако усиление сипахийской кавалерии означало для большинства воинов перечисленных выше категорий отеснение их на задний план и утрату надежд войти в состав феодального класса. Отсюда отчаяние и метания вытесняемой с исторической арены прослойки османского общества.

Установив свою власть над территориями, где развитие феодального общества имело уже определенную историю, и восприняв сложившуюся до них рентную основу, османы смогли, используя силу государства, ускоренными темпами формировать собственный феодальный класс. Наиболее чистые, спонтанные процессы развития феодальных отношений при переходе от кочевничества к земледелию, носителями которых явились, в частности, я и мюселлемы, оказались нарушенными, смятыми государственно-феодальными отношениями, складывавшимися на базе тимарной системы. Способность османского общества к ускоренным темпам развития феодализма свидетельствовала о том, что оно уже далеко ушло от родо-племенных отношений. В завоеванных областях османы в отличие, например, от монголо-татар или таких более ранних тюркских кочевых государственных объединений, как государства протобулгар, печенегов, половцев, Данишмендидов и т. п., смогли установить не просто военно-политическое господство, но и господство социально-экономическое. Это означало, что османское общество находилось уже на более развитой по сравнению с упомянутыми выше кочевыми обществами ступени развития.

Известно, что кочевое хозяйство, коль скоро оно остается кочевым, способно развиваться в социальном плане лишь до известных пределов. Современные исследователи видят этот предел в военной демократии или стадии раннеклассового общества³². Причем после распада огромных и сильных в военно-политическом отношении кочевых империй у подвижных скотоводов неизменно возрождается общинно-кочевая организация. Османы же далеко ушли от этой стадии развития. Об османском государстве XIV в. можно говорить как о смешанной земледельческо-кочевнической державе, где главную роль в хозяйственной жизни и социальной структуре играло уже земледельческое население. Появление таких категорий османского общества, как я и мюзеллемы, свидетельствовало об интенсивно идущем в этом обществе процессе внутренней феодализации, связанном с синтезом кочевого и оседлого населения на земледельческой культурно-хозяйственной основе.

В начале XV в., однако, в османском обществе наметился социальный кризис, суть которого — в противоречии этой спонтанно развивающейся линии феодализации османского общества и тимарной системы. Тимарная система, становясь одной из главных опор султанской власти, пришла в противоречие также с интересами фактически

независимых от султанов пограничных беев. Поэтому при Мусе наметился союз пограничных беев, интересы которых выражал назначенный бейлербеем Михал-оглы, и рядовых воинов — яя, мюселлемов, акынджи. В это же время имел место взрыв настроений воинственного исламизма, породивший серию жестоких репрессий против христианского населения Румелии. В 1411 г. Муса попытался осадить Константинополь. Император Мануил II обратился за помощью к третьему сыну Баязида Мехмеду, который охотно откликнулся на эту просьбу и, укрепив до этого свою власть в анатолийских владениях османов, включился в борьбу за трон в Эдирне. Муса был разбит. Мехмед I восстановил османское государство, раскинувшееся как в Румелии, так и в Анатолии (Муса и Сулейман действовали лишь в румелийских районах и части прибрежной Анатолии).

Османские султаны пытались играть на соперничестве могущественных беев. Что же касается низших прослоек османского воинства — яя, мюселлемов ж различных акынджи, то они выступали не только как инструмент династической борьбы, но и в какой-то степени самостоятельно. Их интересы отражал бывший кадиаскер Мусы суфийский шейх Бедреддин. Проповедь Бедреддина, взгляды которого сформировались после нескольких лет странствий по Анатолии, посещения Египта, Тебриза, знакомства с жизнью кочевых племен, румелийских христиан и даже христиан других стран (в частности, о. Хиоса)³³, включала элементы исламской мистики, шиитских мессианских надежд и некоторых христианских идей. Попытки сближения ислама с православным христианством³⁴ были безусловно новыми идеями, которые могли возникнуть лишь в среде смешанного исламско-христианского населения Западной Анатолии и Румелии. Шейх пользовался большим авторитетом, который внушала его аскетическая жизнь, ореол справедливого государственного деятеля, сложившийся вокруг его фигуры во время пребывания на посту кадиаскера при Мусе, проповеди социальной и религиозной справедливости.

Его ученики Мустафа Берклюдже и Кемаль шли еще дальше своего учителя: Берклюдже в своих проповедях высказывал идеи всеобщего равенства, что, весьма очевидно, было близко крестьянству и рядовому кочевничеству. Кемаль был дервишем-шиитом, связанным с туркменскими кочевыми племенами. Шейх Бедреддин и его ученики в 1416г. подняли восстание, Мустафа Берклюдже действовал в районе бывшего бейлика Айдын (на Чешменском полуострове), где к восстанию примкнули и представители греческого населения. Терлак Кемаль поднял восстание в районе Манисы. Восстания были жестоко подавлены. Сам шейх пытался найти поддержку среди анатолийских беев, в частности у Исфендияр-оглу в Кастамону, но не получив ожидаемой помощи, переправился в Румелию, оде в Дели Ормане (Южная Добруджа) попытался собрать своих сторонников. Он объявил себя Махди, т. е. скрытым имамом, явившимся, наконец, людям, мессией, сотрудничал с валашским господарем Мирчей, привлекал пограничных беев обещанием должностей и тимаров. Разногласия в среде восставших помогли султану подавить и эту вспышку восстания³⁵.

Восстание Бедреддина и его учеников было довольно широким народным движением, которое вовлекло в выступление против султанских властей массы крестьянства, кочевников, низшие звенья османского воинства. Оно было утопическим по своей идейной направленности, так как пыталось остановить процесс феодализации, интенсивно шедший в османском обществе в это время, а свои идеи социального равенства черпало во многом из воспоминаний об идеализированных родо-племенных порядках. Сам шейх Бедреддин, однако, был более умерен в своих преобразовательных стремлениях, чем его ученики. Доказательством этого служит его сотрудничество с представителями феодального класса. Идеи исламо-христианского союза после поражения восстания Бедреддина не получили дальнейшего развития. Для христианского населения османского государства «исчезла последняя надежда на уравнение его с завоевателями и совместного участия в создании нового по своему характеру государства.

Вновь поднимается призрак деспотической теократии»³⁶. Мехмед I, восстановивший, хотя и в урезанном виде, государство Баязида, в первые годы своего правления был занят борьбой против Дюзме (Лже) Мустафы, назвавшегося сыном Баязида, подавлением восстаний Бедреддина и его мюридов (учеников). В это время он вынужден был мириться с большой самостоятельностью крупных бейских родов, таких, как Чандарлы, Эвренос и др., и даже опираться на них. Завоевательная политика на Балканах, приостановившаяся в первые годы его правления, продолжалась лишь силами отдельных крупных беев либо вождей кочевых племен. Наследнику Мехмеда I Мураду II (1421—1451) в первые годы также пришлось бороться за свои права на престол. Против него действовали братья и снова выступил Дюзме Мустафа, оказавшийся особенно опасным, так как за ним шли все те же силы, которые потрясли устои империи в первые два десятилетия XV в., — яя, мюселлемы, акынджи и т. п. Это восстание явилось отражением борьбы феодализирующихся масс тюркского общества с османской верхушкой, феодализация которой шла более быстрыми темпами, так как опиралась на сложившуюся ранее рентную основу, т. е. возможность эксплуатировать христианское земледельческое население завоеванных районов. Отстававшие в своем социальном развитии категории османского воинства неизбежно должны были потерпеть поражение от нового османского феодального класса — займов и тимариотов. Упомянутые выступления против султанской власти были объективной попыткой заинтересованных в этом групп османского общества задержать темпы феодального развития, способствовать его архаизации и даже дефеодализации³⁷.

При Мураде II был восстановлен и укреплен янычарский корпус. Причем принцип его формирования — девширме — превратился в более или менее регулярный налог на немусульманское население империи. Молодые люди, поступавшие после соответствующего обучения в распоряжение султана, считались его рабами (капыкулу). Из них формировали армию, состоящую на жалованье у султана. Состав армейских подразделений капыкулу стал дифференцированным: пехота составляла янычарский корпус, кавалерия — алты булюк халкы, артиллерия — топчу оджагы³⁸. Отдельных выходцев из капыкулу султан начал назначать на высшие должности государства. Он использовал их в противовес старым беям, державшим себя независимо в отношении султана. Как отмечает американский исследователь С. Шоу, Мурад II, используя соперничество капыкулу и старого нобилитета, балансируя между этими двумя группами, равными по силе, сумел значительно укрепить авторитет султанской власти³⁹. Продолжала совершенствоваться также и система тимаров, которые Мурад раздавал своим приближенным и наиболее отличившимся воинам. Тогда же, при султанах Мехмеде I и Мураде II, стал создаваться османский флот⁴⁰, без которого было невозможно достаточно прочное объединение двух частей государства — Анатолии и Румелии.

Утвердив свою власть, Мурад II присоединил к своим владениям ряд небольших анатолийских бейликов, которые были втянуты в династическую борьбу начала XV в. (Ментеше, Айдын, Сурухан, Хамид), а также отвоевал у Византии и Венеции территории, которые им удалось присоединить к своим владениям в период османских междоусобиц. В Анатолии главным соперником османских султанов, как и в XIV в., продолжал оставаться бейлик Караманов, в Европе византийский император (снова, впрочем, обязавшийся платить дань султану), а основными объектами турецкой экспансии стали Босния, Герцеговина, фактически независимые до этого сербские земли, территории Северной Греции и Пелопоннеса.

Мехмед II (1451—1481) сумел захватить Константинополь, осуществив таким образом считавшуюся в мусульманском мире со времен арабских завоеваний главную цель «священной войны с неверными». Бывшая столица Византии к этому времени оказалась отрезанной от остального христианского мира. Среди ее защитников не было единства. Готовность императора идти на уступки римскому папе в церковных вопросах,

чтобы получить помощь католического мира, встречала резкое противодействие местного населения.

Несмотря на предательство отдельных представителей византийской аристократии и генуэзцев Галаты (квартал в Константинополе), население героически отстаивало город⁴¹. Лишь после 54 дней осады (с 7 апреля по 29 мая 1453 г.) город сдался туркам.

После завоевания Константинополя возрос международный престиж османских султанов как в мусульманском мире, так и в Европе. Османские султаны начиная с Мехмеда II стали смотреть на себя как на наследников византийских императоров. В титулатуре османских султанов появился даже термин «кайсер-и-Рум», т. е. «римский император»⁴².

По исторической традиции к османскому государству после 1453 г. применяется название Османская империя. В период правления Мехмеда II Завоевателя окончательно оформилась социальная и политическая структура Османской империи, которая в дальнейшем лишь усложнялась, уточнялась, но по сути своей оставалась неизменной вплоть до XVII столетия, когда появились силы, подтачивающие ее изнутри.

¹ Подробнее см.: *Еремеев Д. Е.* Этногенез турок (происхождение и основные этапы этнической истории). М., 1978, с. 132; *Новичев А. Д.* История Турции. Т. 1. Л., 1963. Эпоха феодализма (IX—XVIII вв.), с. 26.

² Об Ильханахсм.: *Boyle J. A.*, *Dynastic and Political History of the Il-Khan.*— In: *Cambridge History of Iran.* Cambridge, 1975, v. 5, p. 303—421.

³ *Еремеев Д. Е.* Этногенез..., с. 125—129.

⁴ *Тверитинова А. С.* Фальсификация истории средневековой Турции в ке-малистской историографии.— ВВр, 1953, т. 7, с. 12—13.

⁵ См.: *Verlingen Ch.* L'Esclavage dans l'Europe medievall. Gent, 1977, t. 2, p. 805 — 825; *Жуков К. А.* Начальный этап торговых отношений эмирата Ментеше со странами Леванта (70-е годы XIII — 20-е годы XIV в.).— В кн.: Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. 16-я годовичная научная сессия ЛОИВ. Февраль 1981 г., М., 1982, ч. 1, с. 82—86.

⁶ *Heyd W.* Histoire du Commerce du Levant au Moyen age. Leipzig, 1885, t. 1, p. 443.

⁷ Об организации этого крестового похода и истории бейликов см. подробнее: *Шамсутдинов А. К.* вопросу об организации Османского княжества.— Тр. ИВАН, 1947, № 5, с. 129-152.

⁸ *Asik pasa zade.* Tevarih-i al-i Osman. Istanbul, 1913, s. 3—18.

⁹ *Шамсутдинов А. К.* вопросу..., с. 142.

¹⁰ См.: *История Византии.* Т. 3. М., 1967; *Кёпрюлю М. Ф.* Происхождение Османской империи. М., 1939, с. 59.

¹¹ *Nesri M.* Kitab-i cihah-niima, Nesri tarihi. Ankara, 1941, s. 149.

¹² *W Beldiceanu-Steinher I.* En marge d'un acte concernant le pengyck (pengyck) et les aqingi. — Bevue des etudes islamiques, 1969, v. 37, f. 1, p. 21 — 47.

¹³ Подробнее о нововведениях Орхана и Алаэддина см.: Хюсейн, Беда и уль-ве-ка'и. М., 1961, ч. 1 (Памятники литературы народов Востока. Тексты. Большая серия, т. 14), л. 43 об,— 45 об.

¹⁴ См.: *Inalcik H.* The Ottoman Empire. The Classical Age 1300—1600. London; New York, 1973, p. 104. О дате взятия Адрианополя в исторической литературе идет дискуссия.

¹⁵ См.: *Werner E., Markov W.* Geschichte der Türken von den Anfängen bis zu Gegenwart. Berlin, 1978, S. 15—17.

¹⁶ *Inalcik H.* The Ottoman Empire..., p. 104—105.

¹⁷ См.: *Димитров С., Манчев К.* История на балканските народи. XV—XIX вв. София, 1971, с. 18-19.

¹⁸ Об этом см. воспоминания участника битвы Иоганна Шильберга: *Брун Ф.* Путешествия Ивана Шильберга по Европе, Азии и Африке с 1394 по 1427 г.— Зап. Новорос. ун-та, 1867, т. 1, вып. 1-2, с. 4.

¹⁹ *Beldiceanu N. N.* Les roumaine out-ib's participe a bataill le d'Ankara? — Balcanica (Buc.), 1945, v. 8, p. 145—155.

²⁰ *Cook M. A.* Population Pressure in rural Anatolia 1450—1600. London, 1972, p. 10.

²¹ *Shaw S.* History of the Ottoman Empire and modern Turkey. Cambridge, 1916, v. 1, p. 17.

²² См.: *Жуков К. А.* Проблема происхождения тимара в современной историографии.— В кн.: Письменные памятники..., ч. 1, с. 79—82.

²³ Наиболее подробно данные турецких хроник о тимарной системе в Османском государстве XIV в. изучены в работе: *Шамсутдинов А.* Феодальные отношения в Османском государстве в XIV в.—Тр. ИВАН, 1941, № 3, с. 163—178. К сожалению, в настоящее время эта работа является библиографической редкостью.

²⁴ *Shaw S.* History..., p. 23, 26.

²⁵ *Inalcik H.* The Ottoman Empire..., p. 65.

- ²⁶ *Uzuncarfiş I. H.* Osmanlı devletin merkez ve bahriye teşkilatı. Ankara 1943, s. 319.
- ²⁷ *Ibidem.*
- ²⁸ Asik pasa zade. *Tevarih...*, s. 52; *Uzuncarfiş I. H.* Osmanlı devletin merkez..., s. 223.
- ²⁹ *Werner E., Markov W.* Geschichte..., S. 29.
- ³⁰ *Ibid.*, S. 40.
- ³¹ *Inalcik H.* The Ottoman Empire..., p. 33.
- ³² См.: *Марков Г. Е.* Кочевники Азии: Структура хозяйства и общественно-организационной организации. М., 1976.
- ³³ *Werner E.* Seich Bedr-eddin Burkluge Mustafa und Chios.— Sitzungsberichte des Sachsischen Akademie der Wissenschaften (Leipzig), Philologisch-historische Klasse, 1974, Bd. 116, H. 5, S. 27-57.
- ³⁴ *Gokbilgin M. T.* XV—XX yüzyıllarda merkezi ve Güney-Bogu Avrupada köylü hareketleri konusu hakkında. — Belleten (Ankara), 1966, N 117, s. 93.
- ³⁵ *Тверитинова А. С.* К вопросу об изучении первого антифеодального восстания в средневековой Турции. — ВВр, 1956, т. 15; *Новичев А. Д.* Крестьянское восстание в Турции в начале XV в.— Проблемы востоковедения, 1960.
- ³⁶ *Werner E.* Seich Bedr-eddin..., S. 57.
- ³⁷ *Werner E.* Die Geburt einer Großmacht — Die Osmanen. Leipzig, 1966, S. 145.
- ³⁸ О развитии системы капыкулу см.: *Uzuncarfiş I. H.* Osmanlı devletin teşkilatından kapıkulu ocakları. Ankara, 1943—1944, с. 1—2.
- ³⁹ *Shaw S.* History..., p. 46.
- ⁴⁰ *Uzuncarfiş I. H.* Osmanlı devletin merkez..., s. 391—392.
- ⁴¹ История Византии, т. 3, с. 194—196.
- ⁴² См. резюме доклада: *Sprawozdania z posiedzeii komisji naukowych oddzialu PAN w Krakowie*, 1971, т. 15, 2, s. 409—410.

Глава 2

ЮГО-ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА В СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ

§ 1. Социально-экономическое, внутривластное, этнодемографическое развитие европейских владений империи

К периоду правления Мехмеда II главной опорой султанской власти стала та прослойка османского феодального класса, которая была связана с тимарной системой. Своего наивысшего и наиболее четкого развития эта система достигла на завоеванных османами землях Западной Анатолии и особенно в Румелии, т. е. на европейских территориях империи. В первые века складывания османского государства (XIV—XV вв.) именно эти районы определяли уровень развития социальных отношений в стране. В Анатолии тормозящее влияние на развитие социальных отношений османского общества оказывали кочевничество и те раннефеодальные формы организации общества, которые возникали при массовом переходе кочевников к оседлости. В Румелии же стало возможным ускоренное феодальное развитие¹.

Характерной чертой османского феодального развития было активное участие государства в формировании нового феодального класса. Это стало возможным благодаря широкому использованию тех рентных отношений, которые сложились в завоеванных османами областях задолго до османского завоевания. Тимарная система формировалась на уже готовой, ранее существовавшей рентной основе.

В османских источниках все виды земельных пожалований носят общее название «тимар», применяемое как обобщающий термин и к зеаметам, и к хаосам, и к другим типам феодальных пожалований, возникавших позднее. Этим общим термином подчеркивалось, что между ними было что-то общее. Действительно, общим было то, что все эти земельные пожалования были получены от государства и, что принципиально важно, не утрачивали с ним связи. Та или иная степень контроля государства за хозяйственной эксплуатацией владения и взаимоотношениями владельца с подвластным ему крестьянством сохранялась в течение всего периода существования тимарной системы. Термин «тимар» употребляется, однако, и в узком значении — как название небольшого земельного пожалования воину-кавалеристу, участнику феодального

ополчения (сипахи). В нашем дальнейшем изложении термин «тимар» будет использоваться именно в этом узком смысле. Обобщающее же выражение «тимарная система» нами употребляется, как и рядом других исследователей² в последние годы, для общего обозначения того типа феодальных отношений, который сложился в стране и стал основой османской государственности.

Главной отличительной чертой тимарной системы было длительное существование разнотипных феодальных владений. При этом, во-первых, возрастала роль государства как единственной силы, способной интегрировать их в единую социальную структуру, а во-вторых, у государственной власти отсутствовало стремление к унификации этих владений и даже, более того, именно разнотипность их, а потому и отсутствие единства между связанными с ними различными группировками господствующего класса делали возможным само существование сильной государственной власти.

В ходе завоевания Балканского полуострова османские беи, как и другие действовавшие на первых порах самостоятельно беи-завоеватели, захватывая земли, считали их своей собственностью. Позднее, подчинившись османам, беи-завоеватели формально сохранили свои владения, однако очень скоро наследники этих беев начали в массовом порядке передавать их в вакф, т. е. в распоряжение каких-либо религиозных учреждений, сохранив за своим родом как учредителем вакфа определенные отчисления, составлявшие обычно по османо-шариатской традиции 20% дохода, получаемого с пожертвованного в вакф имущества³. Очевидно, передача земель в вакф была вынужденной мерой, позволявшей жертвователям защитить себя и своих наследников от произвола султанов. Как управители вакфов представители таких бейских фамилий, как Эвренос-огуллары, Малкоч-огуллары, Чандарлы и др., упоминаются в османских документах в течение нескольких веков.

Некоторые выходцы из этих родов, сохранившие авторитет и материальный достаток, с конца XVII в. начинают снова возвышаться на фоне рушившейся тогда тимарной системы. Однако в период ее господства они отходят на второй план.

Массовое жалование тимаров разного типа стало возможным потому, что, кроме вакуфных, все остальные земли были объявлены землей султана (эмира, т. е. военного предводителя). Назывались эти земли «араз-и эмирие», или сокращенно «мири». Юридический статус их был иным, чем статус земель, принятый в других исламских государствах⁴. В середине XVI в. об этом неоднократно заявлялось в многочисленных фетвах шейх уль-исламов * (* **Фетва — это опирающееся на шариат (мусульманское право) заключение по тому или иному спорному вопросу, выносимое муфтием (мусульманским богословом). Главным муфтием мусульманской общины империи был шейх уль-ислам.**). Согласно фетвам муфтиев Абуссууда и Кемаль-паши-заде, это были земли, которые во время завоевания не были поделены как военная добыча. Право контроля за ними получила государственная казна. Именно она предоставляла их в пользование, но не на правах собственности, а лишь в аренду или временное владение. Их нельзя было продавать, закладывать, жертвовать в вакф⁵. Характерно, что это положение касалось как крестьянства, облагавшегося податями за пользование землей, так и сипахи, которому шли эти подати.

Право собирать подати — это было то главное, на чем базировалась тимарная система и что лежало в основе социального деления османского общества. Аграрное налогообложение, по мнению турецких историков, было моделировано османами по византийскому образцу: византийские традиции прослеживаются, в частности, в том, как определялись объекты налогообложения, в уровне налогообложения, даже в терминологии⁶. После включения в состав своего государства того или иного района османские власти проводили перепись земли и населения. В этих переписях они фиксировали населенные пункты и хозяйства, существовавший там уровень налогообложения, способы и формы изъятия налогов. Материалы этих переписей в дальнейшем брались за основу издававшихся османскими властями местных

законоположений⁷, которые, по сути дела, являлись лишь законодательным закреплением существовавшего ранее налогообложения. Причем сохранялась даже специфика налогообложения разных районов⁸. Предоставляя владение сипахи и выделив ему из всей массы налогов строго определенную квоту, османские власти сводили его роль к функции надсмотрщика за поддержанием сложившегося ранее уровня ведения хозяйства и налогообложения.

Усвоив византийско-балканские традиции, османы придали своей системе налогообложения общемусульманскую форму, разделив все налоги на две группы.

Первая — это так называемые шариатские или законные налоги (рюсум-и шерийе), состоявшие из собираемых с мусульман налогов с земли и различного имущества (ушра или ашара и зекята) и налогов с немусульман — хараджа (более высокого, чем с мусульман налога с земли и урожая) и джизье (подушной подати). На основании этих четырех законных Аналогов постепенно выростала целая система всевозможных податей, имевших различные названия (всего их насчитывалось до 80).

Вторая группа налогов включала так называемые текалиф-и урфийе, т. е. налоги, собираемые в соответствии с обычаями и традициями (в разных местах и разное время их насчитывалось до 97 названий)⁹.

По подсчетам болгарской исследовательницы В. П. Мутафчиевой, для балканских районов соотношение денежных и натуральных сборов в XV в. составляло 50,2 и 49,8%. В следующем столетии оно увеличилось в пользу денежной ренты (60 : 40). Отработочная рента была незначительной и уже ко второй половине XV в. была полностью заменена денежной рентой¹⁰. Разумеется, приведенные выше данные свидетельствуют о значительном распространении в стране товарно-денежных отношений. Однако коммутация ренты была лишь временным и частным явлением¹¹, связанным с такими особенностями османской феодальной системы XV—XVI вв., как частое отсутствие феодала в своих владениях, объясняемое почти непрерывными войнами, нераспространенность обособленного личного хозяйства феодала, трудности для рядового представителя класса феодалов использовать натуральные формы ренты и пр.¹² Для крестьянства денежная форма ренты означала не столько развитие товарности хозяйства, сколько усиление его зависимости от ростовщиков.

В султанских реестрах и жалованных грамотах размеры тимара и других видов земельных пожалований обычно оцениваются не по размеру земельной собственности и не по количеству подвластного крестьянства, а денежной суммой его дохода, означающей величину отчислений от государственных налогов в пользу феодального владельца. Причем эти отчисления бывали как в натуральной, так и в денежной форме. Оценка же всегда была лишь денежная. Она означала попытку строгой регламентации доходов владельца.

Во всех законодательных актах Османской империи, начиная с кодексов Мехмеда II, присутствует деление общества на две группы: военных (аскери), которые были освобождены от налогов и не принимали непосредственного участия в производстве, и податное сословие — реайя¹³. Аскери представляли собой некую господствующую общность завоевателей, среди которой еще продолжался процесс социального расслоения. Некоторые группы османского населения, первоначально относившиеся к аскери, теряли этот статус. Так, происходило, например, с яя и мюселлемами. Их военные командиры становились тимариотами. Рядовые же члены их подразделений, называемых в османских источниках племенами, обрабатывали в мирное время свои надельные земли и были освобождены от налогов. Постепенно они были переведены на такой режим, что стали ходить в походы по очереди, а затем и совсем были отстранены от военной службы. Отдельные группы этих бывших военных уже в период Сулеймана I Законодателя (1520—1566) были записаны как райаты.

Среди аскери существовало деление на «людей меча» и «людей пера» * (* Такое деление восходило к общемусульманскому делению на четыре сословия: 1) люди меча, 2)

люди пера, 3) торговцы и ремесленники, 4) земледельцы. В османском обществе сохранилось представление об этом делении, но в более приниженном положении, чем в других мусульманских странах, находились ремесленники и торговцы.). К последним относились различные категории улемов и кадиев, а также чиновники финансового ведомства¹⁵. Хотя по своим функциям эти категории османского общества далеки от военных, они к ним приравнивались и в социальном плане включались в категорию аскери. Подобное деление общества еще раз подчеркивало военный характер Османского государства. Законодательные положения о тимарах вырабатывались и уточнялись с начала XIV в., а окончательно были зафиксированы при Сулеймане I Законодателе. Они точно определяли доход, который мог получить сипахи с пожалованного ему участка. Обязанности же его состояли в том, чтобы жить в санджаке, где находился тимар, и в зависимости от дохода с предоставленного ему тимара выставлять строго определенное число воинов-джебелю и слуг-гулямов, с которыми вместе он обязан был идти в поход. Командиры отрядов конного ополчения имели в качестве кормления зеамет. Все отряды одного санджака собирались под командованием санждакбея и т. п. Санджакбеи и бейлербеи были одновременно гражданскими правителями и командирами войск феодального ополчения.

Сипахи также выполняли определенные военно-организационные функции: надзор за состоянием земельного фонда, обработкой земли, регулярным поступлением налога с каждого крестьянина, наследованием земли крестьянами и т. п. Иначе говоря, на местах тимариоты и займы выступали как чиновники местного государственного аппарата. Это, однако, не исключало их из среды феодального класса, как утверждают некоторые турецкие ученые, поскольку материальной основой их благосостояния служила рента — налог, взимаемый ими с подвластного крестьянства. Рентой сипахи являлась часть государственного налога, которую он мог собирать в свою пользу. Кроме того, с того же владения определенные налоги продолжали взиматься государственными чиновниками в пользу казны.

Правильность взимания налогов и их размер определялись кадиями, они же следили за тем, чтобы доля сипахи не превышала определенных законом размеров, и выполняли некоторые хозяйственно-организационные функции, оказывавшиеся не под силу сипахи¹⁶. Часть доходов с владения сипахи-тимариота шла в пользу санджакбея и бейлербея, которым он был подчинен¹⁷. Иначе говоря, как по военной, так и по налоговой линии имело место определенное соподчинение мелких тимариотов своим военно-административным начальникам, складывалась своеобразная феодальная иерархия¹⁸.

Государство, даже при условии выполнения тимариотами всех обязанностей, сохраняло за собой право контроля за владением сипахи. Кроме налоговой сферы, это касалось прежде всего наследования тимара. Сыну передавалось не все отцовское владение, а лишь так называемый кылыдж-тимар и кылыдж-зеамет, т. е. минимальный размер владения, положенного за участие в феодальном ополчении того количества всадников, которое за владением было записано. В разных эйялетах размер кылыджа был определен по-разному. Суть же принципа наследования состояла в том, что земли сверх кылыджа, полученные за какие-либо заслуги либо в результате распашки каких-то новых территорий, составляли ненаследуемую, особую часть. Это законоположение ограничивало пределы роста земельных владений сипахи, государство постоянно возвращало себе часть земельного фонда для новых раздач.

Тимары по своему происхождению восходят к сельджукскому икта и византийской пронии. С развитой византийской пронией тимар сближает его наследственный характер. Однако пути эволюции этих институтов оказались разными. Прония очень быстро эволюционировала в безусловную феодальную собственность. Тимар же, существуя при строгом контроле и регламентации султанской власти, не сумел перерасти свои условные рамки. Даже займы, являвшиеся военачальниками сипахийского ополчения и получавшие в кормление однотипные тимарам, но более крупные пожалования — зеаметы, не

становились безусловными собственниками своих владений. Среди них были очень частые передвижения из одного зеамета в другой, что уменьшало их связи с конкретными земельными владениями. В этом они приближались к другой категории османского господствующего класса — чиновникам центрального управления.

С 1375 г. везирам и ближайшим султанским родственникам, привлекаемым к государственному управлению, стали предоставляться хассы, а несколько позже чиновникам следующих за везирами рангов стали жаловать арпалыки. Размеры этих земельных пожалований намного превышали размеры тимаров и зеаметов¹⁹, но они не передавались по наследству, были связаны лишь с определенной чиновнической должностью и утрачивались с прекращением службы или переходом на другую должность²⁰.

Во владениях сипахи-тимариотов и высших чиновников, получавших хассы и арпалыки, устанавливались различные отношения владельцев и податного населения. Чиновничество было меньше связано со своими владениями, выступало исключительно как ренто-получатель, часто к тому же отдавая свои владения на откуп или поручая управление ими своим уполномоченным. Тимариоты и в какой-то мере займы также являлись рентополучателями, но выступали в то же время и как представители местной администрации. У них устанавливались более тесные отношения с крестьянством, в их владениях возникал другой тип хозяйствования. Их разнотипность делала различными и пути их дальнейшей эволюции, и судьбы тех слоев господствующего класса, которые были с ними связаны. Султанское же правительство, используя противоречия между этими-слоями, получило возможность усиливать свою деспотическую власть.

В своем дальнейшем развитии тимариоты и займы, естественно, стремились усилить хозяйственную эксплуатацию своих владений и тем преодолеть мешающую их росту государственную регламентацию. Однако они не смогли одолеть поставленные на пути их развития препоны. Государство же в этих условиях начинает активнее передавать землю в руки чиновничества, постепенно сужая сферу материального обеспечения сипахийско-тимариотской части феодального класса. Как и яра и муселлемы в XVI в., сипахи-тимариоты в XVII—XVIII вв. постепенно вытесняются с исторической арены»

Усложнялась государственная структура империи. До середины XV в. существовало лишь два бейлербейлика (Анадолу и Румели), а на границах империи располагались вассальные государства и независимые бейские владения. Затем вновь захваченные территории султанские власти начали сразу ставить под контроль провинциальной администрации, формируя новые санджаки. Некоторые из них, наиболее важные в стратегическом отношении, а также самосто-ятельные области в Анатолии выделялись в новые бейлербейства. Так были созданы бейлербейства Рум (центр — Амасья и Сивас) в 1413 г., Караман (центр Конья) в 1468—1512 гг., Диярбакыр в 1515 г. и т. д. Босния, которая с 1463 г. считалась санджаком бейлербейства Румели, была в 1580 г. выделена в специальный бейлербейлик, на который была возложена подготовка к наступлению против Австрии. В XVI в. специальными бейлербействами стали Каффа в Крыму (1568) и Чилдыр (1578) в Закавказье, как особый военный плацдарм в Северо-Западном Причерноморье был выделен санджак Озю. Формирование административной структуры империи совершалось постепенно. К концу правления Сулеймана I Законодателя (1566) в стране насчитывалось уже 16 бейлербейликов. С 1590 г. их начали называть эйялетами²¹.

Тимарный режим был введен далеко не во всех областях, а лишь в европейских владениях империи, в Малой Азии и на некоторых примыкающих к ней арабских и закавказских территориях, частично на Кипре и островах Эгейского архипелага. В турецких источниках эти районы называются «эйялеты с хассами». Все эти территории в той или иной степени были затронуты турецко-мусульманской колонизацией и связанной с нею перестройкой сложившейся ранее социальной структуры.

Кроме «эйялетов с хассами», существовали «эйялеты с сальяне», откуда султанское правительство получало дань (сальяне), держало там гарнизоны войск капыкулу (главным образом янычар), посылало туда своих наместников, но не подвергало преобразованию старую, сложившуюся здесь структуру социальных отношений. К этой категории эйялетов относились основные арабские территории. Кроме того, в систему империи входили Дунайские княжества, сохранявшие государственную автономию с условием уплаты дани и утверждения Портой господарей. Имелись также хюкметы ряда беев курдских и арабских племен, полностью независимые в своих владениях, но признававшие османское верховенство, а также зависимые лишь в административном отношении владения шерифов Мекки и крымских ханов²². Разумеется, вхождение в единое государство, а для многих этих областей и уплата значительной дани не могли не оказывать определенного влияния на их развитие и некоторую трансформацию их социальной структуры, однако это уже были побочные процессы османского владычества. Первоначально же их социальная структура слому и преобразованию не подвергалась.

В XVI в., в Период наибольшего и бурного территориального роста, османские власти даже в «эйялетах с хассами» допускали определенное отступление от классического османского тимарного образца, что знаменовало собой неспособность османского общества переварить и преобразовать столь огромные приобретения. Так, в Боснии и Восточной Анатолии появляются юрдлуки и оджаклыки. Между этими категориями феодальных владений в разных районах империи были некоторые различия. Общее же состояло в том, что при их создании османское правительство стремилось привлечь на свою сторону представителей доосманского правящего класса этих земель, а потому сохраняло за ними большие права распоряжаться землей и подвластным крестьянством. Все юрдлуки и оджаклыки считались родовой собственностью и без каких-либо ограничений передавались по наследству. Эти султанские пожалования меньше, чем какие-либо другие, подвергались государственному контролю²³.

С введением этого вида феодальных пожалований начала формироваться еще одна группа османского феодального класса, происходило усложнение социальной структуры османского общества.

Продолжали совершенствоваться органы центральной власти, которые распались на три независимые, не подчиняющиеся друг другу системы управления: военно-административное управление (от тимариотов через санджакбея и бейлербея — к великому везиру), судебно-религиозная система, включавшая судей-кадиев на местах и через кадиаскеров подчиненная шейх уль-исламу, и, наконец, финансовое управление, находившееся в ведении дефтердара. Функции между этими системами управления разделялись. Например, кадий выносил решение, а заставить его выполнить мог лишь бейлербей. Но в то же время все они были самостоятельными в своих сферах деятельности и имели прямые связи с центральным правительством — Портой. Все это способствовало централизации управления. Местные же органы власти оказывались раздробленными по разным ведомствам.

Формирование новой социально-экономической структуры в европейских районах Османской империи стало возможным в результате колонизационной и миграционной политики, проводившейся османскими властями в первые века утверждения их господства в этом регионе²⁴.

Значительную массу переселенцев из Анатолии составляли кочевники²⁵, расселившиеся в долинах рек Марицы и Вардара и в Причерноморье²⁶. Эти кочевые племена получили впоследствии общее название племен юрюков²⁷. Уже на Балканах юрюки включили в свой состав несколько родственных этнических групп, в частности татар-ногайцев, двигавшихся на запад после распада Золотой Орды²⁸. В XV в. юрюки вели полуоседлый образ жизни, занимаясь как скотоводством, так и земледелием²⁹.

Уже говорилось о большой роли дервишества и различных религиозных учреждений в тюркской колонизации Балкан. Вокруг дер-вишских обителей, караван-

сараев, мечетей и медресе селились значительные массы мусульманского, а затем и немусульманского населения.

Мурад II и Мехмед II переселяли отдельные группы горожан для поселения во вновь завоеванных городах, особенно Салониках (в 1430 г.), и Стамбуле (после 1453 г.).

Оседали на Балканах также османские военные (акынджи мюселлемы, сипахи).

Массовая тюркская колонизация иссякла, однако, уже в XV в. Она захватила лишь восточные и центральные части Балкан. В большинстве районов полуострова тюркские переселенцы оставались количественно незначительными среди компактных масс балканских народов.

Усиление османского господства вызвало значительные миграционные процессы также в местном балканском населении. Часть греческого, болгарского, сербского и другого населения Балкан, спасаясь от преследований, истребления, угона в рабство, уходила в горы и другие труднодоступные районы, переселялась в более безопасные места, в которых власть османов более или менее устоялась либо, напротив, которым их завоевание еще не угрожало. Поэтому, например, для периода завоевания характерно скачкообразное развитие городов, когда одни из них оставались без населения, другие, наоборот, сначала разрастались, так как временно становились пограничными городами, в которых сосредоточивались войска и вспомогательный персонал, а затем, с перемещением границы, переживали упадок³⁰. Однако в стратегически и хозяйственно важных районах османским властям удавалось удержать местное население. Так, в районе главной транспортной артерии Юго-Восточной Европы — Константинопольского пути, в частности между городами Белград и София, после кратковременного бегства населения в момент турецкого завоевания общее демографическое состояние района существенно не изменилось³¹. Для упрочения своей власти в западных и северо-западных районах Балканского полуострова — Сербии, Боснии, Герцеговине и др.— османские власти поощряли миграцию отдельных групп местного населения, в частности влахов-скотоводов (* **Влахи — романизированное (пастушеское по преимуществу) население Балкан.**), для которых был установлен особый статус. За выполнение военно-вспомогательных функций в пограничных районах они получали некоторые налоговые льготы³².

Осуществлялась и исламизация некоторых групп населения. Помимо принуждения, девширме, работорговли и прямого захвата рабов, особенно женщин и девушек, исламизации способствовали материальные стимулы. Налогообложение мусульман было ниже, они меньше подвергались прямому насилию власти. Для части феодального класса балканских народов переход в мусульманство способствовал сохранению ими прежнего социального положения. В первые годы после завоевания прослойка так называемых хри-стиан-сипахи, т. е. местных феодалов, перешедших на службу к завоевателям, но сохранивших старую веру, была довольно значительной, но тимары их были небольшими³³. В дальнейшем происходит сокращение этой категории феодального класса. Переход в ислам для христиан-сипахи означал надежду на получение тимара большего размера и в какой-то мере гарантировал от произвола властей. Принявшие ислам бывшие христианские феодалы находились среди самых крупных османских сановников и военачальников.

Были и другие причины принятия ислама. Так, в Боснии, Герцеговине и ряде других балканских районов исламизация значительных масс местного населения объяснялась внутренними религиозными распрями. Здесь с XII в. среди крестьянства было распространено учение богомилов. Феодалы-католики и рагузские купцы под предлогом борьбы с еретиками организовывали настоящую охоту на людей, продавая затем босняков-крестьян в рабство. В этих условиях народные массы видели в наступающих турках избавителей. В дальнейшем, уже к концу XV в., большая часть бывших богомилов приняла ислам³⁴.

По подсчетам Н. Тодорова, даже в начале XVI в., т. е. в период наибольшей концентрации турецких поселенцев на Балканах и все еще значительного сокращения

местного населения, вызванного его бегством в труднодоступные районы, соотношение между числом хозяйств мусульман и немусульман выражалось примерно отношением 1 : 4. При этом значительную массу мусульман составляли не турки, а представители покоренных народов, недавно принявшие ислам. Мусульманское население концентрировалось в стратегически важных местах — в северо-восточной Болгарии, Фракии, в западных областях Балканского полуострова, в частности в Боснии, Герцеговине, Албании ³⁵.

Турецкая колонизация и исламизация части балканского населения способствовали ассимиляции турками некоторых групп принявшего ислам местного населения. Однако для большинства районов Балкан турки оставались пришлым населением. Их этническим центром по-прежнему являлась Анатолия. Именно там и на примыкающих землях Восточной Фракии шел процесс складывания турецкой народности, с ее особой территорией, языком, определенной экономической и культурной общностью. Конечно, эта общность даже в XVI в. была еще очень относительной. В составе турецкой народности сохранялось много кочевых и полукочевых племенных объединений, различающихся особенностями хозяйственной жизни, языка, культуры. Складывание народности в условиях постоянных завоеваний, значительных миграций и длительного существования в рамках единой империи с другими народностями, стоящими на разных уровнях развития, осложняло и задерживало формирование турецкого самосознания, на первый план выступали религиозные настроения. В Османской империи для различных религиозных групп населения была введена система замкнутых религиозных общин, миллетов ³⁶, которая усиливала религиозную рознь и разобщенность и способствовала рассредоточению местных властей. Главы различных религиозных общин выступали в Османской империи перед своей паствой как вершители правосудия и посредники в сношениях с высшей имперской администрацией. Обособляя религиозные общины в замкнутые группы, османские власти содействовали консервации уровня развития общества и препятствовали росту национального самосознания отдельных народностей. Формирование миллетской системы относится ко второй половине XV — началу XVI в., когда сложился миллет православной церкви (рум миллети), под управление которого были переданы все православные народы — славяне, греки и др. Затем оформились миллеты армян-грегорианцев (эрмени миллети) и евреев-иудаистов (яхуди миллети). Оформление миллетной системы означало, что османские власти были вынуждены отказаться от политики массовой насильственной исламизации местного населения. Они стремились теперь к упрочению создавшейся ситуации, при которой немусульмане империи несли более высокое, чем мусульмане, налоговое бремя и находились в правовом отношении в более зависимом положении. Мусульманская община была также обособлена, что, несмотря на ее привилегированное положение, препятствовало росту национального самосознания отдельных мусульманских народов, прежде всего самих турок.

Дальнейшее развитие и совершенствование османской социально-экономической и государственной системы сопровождалось усилением строжайшей регламентации различных сторон жизни османского общества. Регламентировались цены, доходы, различные экономические связи ³⁷. Усиливался контроль за предоставлением тимаров. Однако эти жесткие меры были показателем не силы, а слабости османского государства. Значительные территориальные расширения и особенно включение в состав империи новых мусульманских — арабских территорий усилили в стране влияние исламских традиций, приведших к отказу от ряда достижений предшествующего периода.

В XVI в. усилилось налогообложение раий. Податное население в тимарных областях было уравнено в правовом отношении. Налоговые льготы отдельных категорий населения ликвидировались. Сохранились в то же время более строгие правовые ограничения для так называемых издольщиков-рабов ³⁸, работавших со времен Орхана на

землях султана и в вакуфных владениях. Особенно много их было в окрестностях Бурсы, Эдирне, Стамбула³⁹.

В условиях почти непрерывных войн правительство, нуждаясь в финансовых средствах, не ограничиваясь прежним налогообложением, вводило так называемые чрезвычайные налоги — аваризы и принудительные закупки государством сельскохозяйственных продуктов по низким ценам⁴⁰.

Лавируя между различными прослойками феодального класса, султан и его окружение все больше и больше начинают прибегать к услугам капыкулу. Причем это относилось как к военным действиям, в которых возрастала роль войск, состоявших на жалованье, так и к практике назначения на высшие бюрократические посты управления государством. Меняется прежнее соотношение сил между различными группировками господствующего класса, а в связи с этим и сбалансированность различных феодальных укладов, которая была характерна для XV — первой половины XVI в.⁴¹ В стране назревал внутренний кризис

§ 2. Основные направления османской внешней политики второй половины XV — XVI в.

Лишь завоевав Константинополь и установив свое господство почти над всем Балканским полуостровом, османские султаны сумели приступить к окончательному подчинению Анатолии. Борьба с Караманами, их главными противниками в Малой Азии, длилась свыше 12 лет. Караманских беев поддерживали кочевые феодалы. Османо-караманская борьба не только отражала политическое соперничество двух феодальных правителей, но имела и определенное социальное содержание. Османские султаны опирались прежде всего на турецких феодалов Румелии и северо-западной Анатолии, ведущих оседлый образ жизни и видевших главный источник своего богатства и власти во владении земель и эксплуатации земледельческого населения. Именно за расширение фонда новых земельных пожалований они вели войны в Европе. Кочевые же феодалы, отодвинутые на задний план, блокировались в своем недовольстве османской властью и централизаторской политикой султанов с их главными врагами в Малой Азии — Караманами. На той же почве установился политический союз Караманов с государством Ак Коюнлу⁴², наиболее значительным государством тюрко-огузских кочевников, созданным в начале XV в.

В период наивысшего расцвета при султанине Узун Хасане (1453—1478) это государство, сложившееся в верховьях Тигра и Евфрата, владело Азербайджаном, Арменией, Арабским Ираком и Западным Ираном. В борьбе с османскими султанами за власть в Восточной Анатолии Узун Хасан пытался опереться на союз с итальянскими торговыми республиками. Активные дипломатические отношения он установил с Родосом, Кипром, но особенно с Венецией⁴³. Государство Узун Хасана посетил Афанасий Никитин, возвращаясь из Индии⁴⁴. Ко двору Узун Хасана стекались недовольные Мехмедом II анатолийские беи, надеявшиеся с помощью султана Ак Коюнлу повторить победоносный рейд Тимура. Однако надежды оказались тщетными. В 1470 и 1472 гг. Мехмед II нанес поражение караманским беям, а в 1473 г. разгромил Узун Хасана. Малоазиатские владения Ак Коюнлу отошли к османам⁴⁵. В войне с Узун Хасаном отчетливо проявилось преимущество османов в техническом оснащении армии. Конница кочевников не выдержала огня османской артиллерии.

Добившись заметных успехов на востоке, Мехмед обратил свои взоры к Северному Причерноморью. В 1475 г. он захватил Крым вместе с генуэзскими городами-колониями, утвердив восточноевропейское направление военно-политической активности Стамбула и Бахчисарая. Теперь султан пытался подчинить своему контролю также и Молдавию. Тогда же он начал организовывать систематические вторжения крымцев в пределы Польско-литовского государства. Одновременно Османская империя старалась укрепить

свои позиции и в Восточной Адриатике, вступая при этом в вооруженный конфликт с Венецией (1463—1479). В конце 70-х годов османы сломали сопротивление Албании. Османская угроза становилась реальной для стран Центральной и Западной Европы. Набеги акынджи докатывались до Штирии и Каринтии.

Османская империя к концу XV в. полностью контролировала малоазийский участок важнейших караванных торговых путей, по которым издревле шли азиатские товары (шелк и пряности) в Европу. Первая столица Османского государства Бурса была важным торговым центром, так как находилась на перекрестке этих путей. Выгода от обслуживания торговых путей и сбора таможенных пошлин традиционно считалась азиатскими властями наиболее важной статьёй государственных доходов, а потому учет того, в чьих руках сохранялся контроль над торговыми путями, определял во многом союзников и противников в политической борьбе⁴⁶. Так, бейлик Караманов, господствуя над проходами в горах Тавра и пролегающими там караванными тропами, мог оказывать влияние на ход торговли, ведущейся по древнему так наз. «диагональному пути» через Анатолию (Алеппо (Халеп) — Адана — Конья — Акшехир — Карахисар — Кютахья — Бурса и далее к побережью Эгейского моря)⁴⁷. В борьбе с Караманами османские султаны постоянно опирались на союз с мамлюкскими султанами, владевшими истоками «диагонального пути» и заинтересованными, как и османы, в регулярном проходе караванов с пряностями. В дальнейшем, когда выявилась неспособность мамлюкских властей противостоять португальцам, организовавшим после открытия Васко де Гама морского пути в Индию (1497—1498) морские перевозки товаров из этой страны, османы сокрушили мамлюкский султанат (1516—1517), чтобы получить возможность вести военные действия против португальцев в районе Красного моря⁴⁸. В 1538 г. османы совершили военную экспедицию в Индию, закончившуюся, однако, безрезультатно⁴⁹.

Включившись в посредническую торговлю пряностями и всячески поощряя ее, османы не внесли, однако, каких-либо новшеств в организацию этой торговли. Возможности же ее были ограниченными, поэтому конкуренция с морскими перевозками португальцев оказалась ей непосильной. Однако с ростом в Европе потребности в восточных товарах караванная торговля еще долго сосуществовала с морской. Мало того, доходы османских властей от пошлин с торговли пряностями продолжали расти: таможенные сборы в Бурсе с 1487 по 1582 г. выросли в 4 раза (без существенного изменения размеров обложения)⁵⁰.

В это время, однако, изменились контрагенты этой торговли. Более активно в нее включились представители местных народов, населявших Османскую империю (армяне, евреи, греки, турки и арабы). Сменились и внешние партнеры, экспортировавшие товары в Европу: сузилась сфера деятельности венецианцев, активизировались флорентийцы и генуэзцы, активности которых также вскоре были поставлены препятствия. Изменилась и направленность европейской торговли османов: она сдвинулась на северо-восток, что объясняется соперничеством Венеции и Португалии, снабжавших пряностями Западную Европу. Поворот торговых путей сделал для османов более важными связи с Восточной Европой, в частности с Польшей и Россией. Большое значение придавалось также торговым путям, идущим через Молдавию на Львов и далее на север и северо-восток. Не случайно османы, сохранив внутреннюю самостоятельность Молдавии, Валахии и Крымского ханства на правах вассальных территорий, оккупировали важнейшие в стратегическом и торговом отношении пункты — Каффу (1475), Килию и Аккерман (1484). Интересы транзитной торговли между Азией и Европой и обеспечение безопасности путей поступления восточных товаров служили также одной из важнейших причин борьбы Османской империи за Восточное Средиземноморье, за овладение Родосом (1522) и Кипром (1571), многочисленных турецко-венецианских войн. В начале XVI в. главным направлением внешнеполитической активности Османской империи стало азиатское. Это также в значительной мере было связано со стремлением контролировать торговлю по Великому шелковому пути, используя ее в то же время как инструмент

политического давления. В первые годы XVI в. сложилось Сефевидское государство, которое подчинило себе бывшие территории Ак Коюнлу. В его создании активное участие принимала военно-феодалная знать тюркоязычных кочевых племен (в том числе и малоазиатских), использовавшая для сплочения своих сторонников шиизм имамитского толка⁵¹. Причем, как отмечает советский исследователь И. П. Петрушевский, шиизмом в то время интересовались скорее как знаменем политического или социального движения, враждебного прежнему (суннитским) правителям, чем как религиозной доктриной. Правитель нового государства ардебильский шейх Исмаил принял титул шахиншаха Ирана. С этим титулом издавна было связано представление о некоей «всемирной» монархии, как, например, в Европе — с титулом римского, а на Дальнем Востоке — китайского императора⁵². Шиитский фанатизм стал идейным обоснованием войн с суннитскими государствами: османской Турцией и узбекскими ханствами Средней Азии. Войны Османской империи и Сефевидского государства (просуществовавшего с 1502 по 1736 г.) со второго десятилетия XVI в. стали для обеих держав постоянным фактором международных отношений. Религиозная вражда суннитов и шиитов окрасила эти войны в еще более мрачные тона⁵³.

Главным объектом соперничества Сефевидов и Османов были Закавказье и контроль над традиционными караванными путями европейско-азиатской торговли. Сефевиды пытались использовать в своих внешнеполитических целях распространенность шиизма и антиосманские настроения в недавно подчиненной османами Анатолии, что ужесточало социальные конфликты, происходившие в это время в анатолийском обществе. Военные действия начались при султানে Селиме I (1512—1520); 25 августа 1514 г. войско Сефевидов было разгромлено в битве на Чалдыранской равнине (к востоку от озера Урмия). И здесь превосходство османской армии в техническом отношении сыграло свою роль. Османская империя присоединила к своим владениям юго-восточную Анатолию и Курдистан. Надежды шиитского шаха на расширение границ государства Сефевидов в сторону Малой Азии окончательно рухнули. Попытка шаха Исмаила создать антиосманскую коалицию европейских и азиатских держав (с этой целью велась оживленная дипломатическая переписка) также провалилась. Сношения Исмаила с мамлюкскими правителями Египта и Сирии были использованы Селимом I для начала военных действий против мамлюков. Подлинной же причиной войны была необходимость контроля над районом Красного моря для обеспечения бесперебойной поставки пряностей и других индийских товаров. Мамлюки были разбиты в районе Алеппо в 1516 г. Османам подчинилась Сирия (Ливан и Палестина считались тогда ее частью), Хиджаз со священными городами мусульман Меккой и Мединой. В 1517 г. был подчинен Египет.

Продолжая восточную политику Селима I, Сулейман I (1520—1566) овладел Арабским Ираком, западными областями Грузии и Армении (по мирному договору с Ираном в 1555 г.), Аденом (1538), Йеменом (1546). В Африке под властью османских султанов оказались Алжир (1520), Триполи (1551), Тунис (1574).

Вторая половина XVI в. ознаменована новыми явлениями и в развитии отношений Османской империи с Русским государством. Помимо торговых и дипломатических связей, в отношениях этих стран возникли два новых аспекта — религиозный и военный. В XVI в. Московское правительство выступает уже в качестве защитника поработанных народов православного Востока⁵⁴, причем эта доктрина распространялась как на балканские, так и на ближневосточные народы, исповедующие православие.

Попытки достигнуть дипломатическим путем договоренности по разным аспектам осmano-русских отношений не исключали, однако, и возможностей военного конфликта этих двух государств, территории которых к этому времени пришли в соприкосновение⁵⁵.

В 20-е годы XVI в. главные и наиболее упорные наступательные действия Османской империи были направлены против Венгрии. После взятия Белграда (1521) начался новый этап османской экспансии в Европе. Если раньше королевство Венгрии

испытывало эпизодические вторжения отрядов акынджи и пограничных беев, то теперь Сулейман I приступил к территориальным захватам, надеясь завоевать новые земли для пополнения тимарного фонда империи. Кроме того, захват Венгрии дал бы османам кратчайший и удобный путь в Центральную Европу, что также было желательно для развития азиатско-европейской сухопутной транзитной торговли, доходы от которой, как уже отмечалось, традиционно считались основой финансового могущества империи.

В период борьбы за Венгрию Османская империя была вовлечена в сложные международные отношения на европейском континенте * (* См. подробно об этом в соответствующих главах настоящего труда.).

В условиях войны с австрийским императором французский король рассчитывал найти в османах возможного союзника и предпринял дипломатические шаги к установлению договорных отношений с Портой. В 1534 г. в Стамбул впервые прибыл французский посол. С 1535 г. между двумя странами было достигнуто соглашение о совместных военных действиях против Габсбургов. Несколько позднее, в 1553 г., султан обязался предоставить французскому королю свой флот, за что король должен был уплатить 300 тыс. золотых ливров. С 1535 г. начались переговоры о торговых привилегиях французских купцов в Османской империи. Соответствующий договор, предоставивший французам льготные условия для торговли (низкие ввозные пошлины, право экстерриториальности, освобождение от налогов), был подписан в 1569 г.⁵⁶ Впоследствии аналогичные соглашения, получившие название капитуляций (главы, статьи), были заключены и с другими европейскими странами.

Подобные уступки иностранным торговцам были односторонними: более важным османские власти считали военное сотрудничество с Францией в антигабсбургской войне. Впоследствии капитуляции сыграли серьезную отрицательную роль в судьбах Османской империи, создав благоприятные условия для установления экономической зависимости империи от европейского капитала. На первых же порах подобные соглашения еще не содержали, казалось, элементов неравноправия. Они давались как милость султана и были действительны лишь на период его правления. У каждого следующего султана европейские послы должны были снова добиваться согласия на подтверждение капитуляций.

Османская империя XVI в., сознавая свою военную мощь, в отношениях с европейскими державами не желала следовать общепринятым среди них нормам и правилам дипломатии. Она исходила из мусульманских представлений о христианских странах, как о «мире войны», в котором «неверные» лишь покорностью и уплатой хараджа (подати) могут купить мир с мусульманами. Поэтому соглашения о военной помощи и сотрудничестве, подобные тем, что были установлены с французскими королями Франциском I и Генрихом II, воспринимались османскими деятелями как изъявление покорности, подобной вассальной зависимости, а получаемые от союзников денежные суммы — как дань вассалов. Торговые же привилегии иностранным купцам в этом плане представлялись как льготы (imtiyazat) покорным вассалам. Это тем более понятно, что по мусульманским канонам правители должны были заботиться об обеспечении регулярного поступления товаров на рынок, а следовательно, поощрять прежде всего ввоз товаров. Необходимость в каких-либо протекционистских мерах по отношению к собственному производству в экономических представлениях империи того времени не осознавалась.

Во внешнеполитических отношениях Османской империи преобладали военные методы разрешения конфликтных ситуаций. Порта продолжала свою завоевательную политику, основные направления которой наметились в предшествующий период. Это почти непрерывные войны с Ираном за контроль над торговыми путями, Закавказьем и Ираком; продолжающаяся борьба за Венгрию с австрийскими Габсбургами и попытки продвинуться в сторону Вены; борьба с Венецией за морское преобладание в Средиземном море, за острова Эгейского и Ионического морей и восточное побережье

Адриатики. На стороне Венеции уже в войне 1570—1573 гг. выступали Испания, Мальта, Генуя, Савойя и другие итальянские государства, а также папа римский. В 1571 г. этой коалиции удалось нанести первое сокрушительное поражение Османской империи в морском сражении при Лепанто, где был полностью разгромлен турецкий флот. Хотя это поражение было лишь эпизодом войны, в целом закончившейся в пользу османов, оно явилось первым проявлением начинавшегося упадка военного могущества империи.

¹ Э. Вернер отмечает даже определенный дуализм (Анатолия — Румелия), который, по мнению немецкого ученого, был не только религиозным, культурным и этническим, но прежде всего социальным (Werner E. Die Geburt einer Grofmacht — Die Osmanen. Leipzig, 1966, S. 39)

² Мутафчиева В. П. Аграрные отношения в Османската империя през 15 — 16 в. София, 1962; Werner E. Die Geburt...

³ Barkan O. L. Edirne askeri kassamma ait tereke defterleri (1545—1659).— Belgeler, с. III, N 5—6, Ankara, 1968, s. 39—46.

⁴ Gokbilgin T. Un apercu general sur l'histoire des institutions de l'Empire Ottoman.— Turcica (Strasbourg), 1969, t. 1, p. 251.

⁵ Копии этих фетв см.: Хюсейн Хазарфен. Тельхис ал-бейан фи каваныни ал-и Осман. Рук. ЛОИВ, шифр Д-217, л. 406 — 41а.

⁶ Inalcik H. Suleiman the Lawgiver and Ottoman Law. — Archivum ottomani-cum. The Hague, 1969, p. 121—123.

⁷ Inalcik H. The Problem of the Relationship between Byzantine and Ottoman Taxation. — In: Akten des XI Internationalen Byzantinisten Kongres, Mun-chen, 1958. Munchen, 1960, p. 237—242.

⁸ Kopriliu M. F. Bizans miesseselerinin Osmanli miesseselerine tesiri hakkmda bazi miilahazalar.— Tiirk hukuk ve iktisat tarihi mecmuasi, 1937, с. 1, s. 217.

⁹ См.: Тверитинова А. С. Восстание Кара Языджи-Дели Хасана в Турции. М.; Л., 1946, с. 31—33.

¹⁰ Mutaftchieva V. P. De l'exploitation feodale dans les population bulgar sous la domination turque en XV et XVI s. — Etudes Hi'storiques (Sofia), 1960, N 2, p. 145—168.

¹¹ Мейер М. С. Влияние «революции цен» в Европе на Османскую империю.— НАА, 1971, № 1, с. 105-107.

¹² Mutaftchieva V. P. De l'exploitation..., p. 160.

¹³ См.: Inalcik H. The Nature of Traditional Society. — Political Modernization in Japan and Turkey, Princeton, 1964, p. 41—63.

¹⁴ Об этом писал, например, турецкий ученый XVII в. Кятиб Челеби (см.: Тверитинова А. С. Социальные идеи в турецких дидактических трактатах XVI—XVII вв. М., 1960, с. 6).

¹⁵ Karpat K. An inquiry into the Social Foundations of Nationalism in the Ottoman State. From Social Estates to Classes. From Millets to Nations. Prince-ton, 1973, p. 2.

¹⁶ См.: Книга законов султана Мехмеда II Фатиха.— В кн.: Аграрный строй Османской империи XV—XVII вв.: Документы и материалы / Сост., пер. и комм. А. С. Тверитиновой. М., 1965, с. 17, 18; Книга законов султана Селима I М., 1968, с. 42—50, 58, 60; Книга законов султана Сулеймана Кануни.— В кн.: Аграрный строй..., с. 27, 30—32.

¹⁷ Аграрный строй..., с. 26—36.

¹⁸ См. Мутафчиева В. К вопросу о феодальной иерархии в османской военно-ленной системе XV—XVI вв.— Проблемы востоковедения, 1959 № 3, с. 92-95.

¹⁹ Подсчеты доходов этой категории пожалований см.: Gokbilgin M. T. XV—XVI asirlar'da Edirne Pasa livasi vakiflar mukataatlar. Istanbul, 1952, s. 75—76.

²⁰ См. подробнее: Орешкова С. Ф. Османский феодализм: типологические наблюдения.— В кн.: Типы общественных отношений на Востоке в средние века. М., 1982, с. 123.

²¹ Inalcik H. The Ottoman Empire. The Classical Age 1300—1600. London; New York, 1973, p. 104—106.

²² См.: Аграрный строй..., с. 92—93.

²³ Filipovif N. Odzakluk timari u Bosni i Hercegovini.—Prilozi, t. 5, Sarajevo, 1958; Сванидзе М. Х. О юрдлуках и оджаклыках как одной из форм землевладения в Османской империи (на примере Чилдырского эялета). М., 1966.

²⁴ Inalcik H. Ottoman Methods of Conquest. — Studia Islamica, 1954, N 2, p. 107, 122—124; Barkan O. L. Osmanli imparatorlugunda bir iskan ve koloni-zasyon metodu olarak siirginlar. — iktisat Fakiiltesi Mecmuasi, 1949—1950, t. 9, s. 524-529.

²⁵ Gokbilgin T. Rumeli'de Yiirikler, Tatarlar ve Evlad-i Fatuvat. Istanbul, 1964.

²⁶ Тодоров Н. Балканский город XV—XIX вв. М., 1976, с. 61.

²⁷ Еремеев Д. Е. Этногенез турок (происхождение и основные этапы этнической истории). М., 1978, с. 138; Он же. Происхождение юрюков и туркмен Турции и основные этапы их истории. — В кн.: Этнические процессы и состав населения в странах Передней Азии. М., 1963.

- ²⁸ *Gokbilgin T.* Rumelinde iskanin'de ve Tiirklesmesinde Yiiirikler.— In: III Tiirk tarih kongresi. Ankara, 1948, s. 651.
- ²⁹ *Ibid.*, s. 653.
- ³⁰ *Тодоров Н.* Балканский город..., с. 43.
- ³¹ Там же, с. 50—57.
- ³² Там же, с. 51 — 52; *Orhonlu C.* Osmanli Imparatorlugunda Derbend Teskilati. Istanbul, 1967; *Маринов В.* Расселение пастухов-влахов на Балканском полуострове и за его пределами. — В кн.: Исторические аспекты славяно-волошских связей. Кишинев, 1973.
- ³³ *Inalcik H.* Ot Stefana Dusana do Osmanskog carstva. — Prilozi..., 1952—1953, t. 3—4, s. 40.
- ³⁴ *Suceska A.* Reichsstellungs des Bevolkeung in den Stadten Bosniens und der Herzegowini unter den Osmanen (1463—1878). — Suidost Europa Jahrbuch (Munchen), 1960, Bd. 8.
- ³⁵ *Тодоров Н.* Балканский город..., с. 65.
- ³⁶ *Karpat K.* An inquire..., p. 55.
- ³⁷ *Тодоров Н.* Балканский город..., с. 150.
- ³⁸ *Тверитинова А. С.* К вопросу о крестьянстве и крестьянском землепользовании.— Уч. зап. ИВАН, 1952, т. 17, с. 30.
- ³⁹ *Mutafciева V. P.* De l'exploitation..., p. 145—168.
- ⁴⁰ *Тверитинова А. С.* К вопросу о крестьянстве..., с. 34.
- ⁴¹ См. об этом: *Орешкова С. Ф.* Османский феодализм, с. 111 — 132.
- ⁴² Подробнее см.: *М. А. Гасратян, С. Ф. Орешкова, Ю. А.* истории Турции. М., 1982, гл. IV.
- ⁴³ См.: *Turan S.* Fatih Mehrned-Uzun Hasan miicadelesi ve Venedik.— Tarih arastirmalar dergisi (Ankara), 1966, N 3, s. 63—136.
- ⁴⁴ *Семенов Л. С.* Путешествие Афанасия Никитина. М., 1980.
- ⁴⁵ *Абидова М. А.* К истории внешней политики Ак-Коюнлу (война с Турцией 1472—1473).— Тр. САГУ, новая серия, 1959, вып. 151, с. 47—53.
- ⁴⁶ *Орешкова С. Ф.* Из истории посреднической торговли в Османской империи в конце XV — начале XVI в. — В кн.: Товарно-денежные отношения на Ближнем Востоке в эпоху средневековья. М., 1978, с. 187—195.
- ⁴⁷ Описание этого пути: *La Voyage d'Outremer de Bertrandon de la Broquiere premier escuyer tranchant et conseiller de Philippe Le Bon, Due de Bourgogne.* Paris, 1892. Об авторе этого описания см.: *S. Eyice.* Bertranden de la Broquiere ve Seyahatnamesi. — Islam tetkikleri enstitiisii dergisi (Istanbul), 1975, v. 6, part 1-2, s. 85—126.
- ⁴⁸ *Inalcik H.* The Ottoman Empire..., p. 126.
- ⁴⁹ *Maghul Y.* Portekis Tehlikesi karsismda osmanh-musulman hind miinasebet-leri (1517—1538). — Islam tetkikleri enstitiisii dergisi, 1975, v. 6, part 1-2, s. 37-46.
- ⁵⁰ *Inalcik H.* The Ottoman Empire..., p. 126.
- ⁵¹ *Эфендиев О. А.* Образование азербайджанского государства Сефевидов в начале XVI в. Баку, 1961.
- ⁵² См.: *Петрушевский И. П.* Ислам в Иране..., с. 373—374.
- ⁵³ Там же, с. 372.
- ⁵⁴ *Тихомиров М. Н.* Исторические связи России со славянскими странами и Византией. М., 1969, с. 59.
- ⁵⁵ *Inalcik H.* Osmanh-Rus rekabetinin mensei ve Don-Volga kanal tesebbiisu (1569).—Belleten (Ankara), 1948, N 46, s. 349—402; *Kurat A.N.* Tiirkiye ve Idil boyu (1569 — Astarhan seferi, Ten-Idil kanah ve XVI—XVII yuzuil osmanh-rus miinasebetleri). Ankara, 1966, s. 93—156. См. также ниже, гл. 9.
- ⁵⁶ *Inalcik H.* The Turkish Impact on the Development of Modern Europe. — In: Ottoman State and its Place in Worlds History. Leiden, 1974, p. 56.

Глава 3

НАРОДЫ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ И ОСМАНСКАЯ ИМПЕРИЯ В XIV — XV вв.

§ 1. Особенности международной обстановки на Балканах во второй половине XIV — первой половине XV в.

В двух предшествующих главах было показано, каким образом небольшой эмират на северо-западе Малой Азии (эта по существу еще племенная в момент своего возникновения политическая организация османов, опутанная множеством пережитков строя военной демократии) в ходе полутора столетий превратился в могущественное государство, ставшее важнейшим фактором международной жизни того времени как в

Европе, так и в Передней Азии. В этих же главах отражены основные этапы османских завоеваний на Балканах, начиная от захвата полуострова Галлиполи (1354) вплоть до ликвидации венецианских владений в Северной Албании (1479), и охарактеризовано в общих чертах место пародов Юго-Восточной Европы, подчиненных Портой, в социально-политической структуре Османской империи.

Прежде чем перейти к более детальному освещению положения балканских народов под османской властью и к характеристике основных направлений дальнейшей экспансии Порты в Европе, необходимо вкратце остановиться на некоторых особенностях международной и внутренней обстановки на Балканах в конце XIV — первой половине XV в., без чего нельзя понять ни расстановки политических сил в Центральной и Юго-Восточной Европе во второй половине XV в., ни основных стратегических замыслов Порты¹.

Характерной чертой политической обстановки на Балканах в эпоху османской агрессии была крайняя феодальная децентрализация и обострение междоусобной борьбы феодальных группировок в странах изучаемого региона. Это явление было присуще почти в равной мере и Византийской империи, и южнославянским государствам (Болгарии, Сербии, Боснии), и Албании, и малым латинским княжествам Южной Греции и бассейнов Эгейского и Ионического морей. Ожесточенная борьба феодальных кланов за престол в Византии фактически не прекращалась с 40-х годов до конца XIV в.² Острая вражда из-за власти вспыхивала неоднократно и в первой половине XV в., даже во время непосредственной османской угрозы самой столице империи — Константинополю.

Безусловно, османскому наступлению содействовали политическая раздробленность и географическая разобщенность владений некогда обширной могущественной Византийской империи. Уже в середине XIV в. единый комплекс византийских земель от Дирра-хия на западе до Константинополя на востоке распался на ряд изолированных княжеств (деспотатов) и городов, связи между которыми были крайне затруднены. Наиболее крупные и устойчивые из этих осколков империи (Морейский деспотат, г. Фессалоника с округой, княжество во Фракии с центром в Адрианополе) стали самостоятельными уделами различных представителей правящей в Константинополе династии.

Примерно в то же время Болгария также перестала быть единым государством: на северо-востоке возникло независимое княжество Добротицы (деспотат Добруджа), а затем и остальные болгарские земли разделились на два царства: одно — со столицей в Тырнове, другое — с центром в Видине.

Что касается самого обширного на Балканах в середине XIV в. Сербо-Греческого царства Стефана Душана, которое включало и южнославянские, и греческие, и албанские земли, то оно уже вскоре после смерти Душана (1355) распалось, по выражению византийского политического деятеля и писателя Иоанна Кантакузина, «на тысячу кусков»³.

Другой специфической особенностью ситуации на Балканах во второй половине XIV в. было почти не прекращающееся соперничество друг с другом мелких и крупных государств, неоднократно перераставшее в напряженные войны, которые подтачивали силы враждующих сторон. Стремясь расширить свои владения за счет соседей, правители балканских стран оказались разобщенными перед могущественным общим врагом. Мало того, различные государи этих стран неоднократно старались использовать в борьбе со своими соперниками поддержку османов, усиливая тем самым их позиции на Балканах⁴.

Углубление процесса децентрализации, усиление феодальной раздробленности и междоусобной борьбы обусловили крайнюю недолговечность попыток как объединения мелких княжеств в единое государство, так и создания перед лицом османской угрозы прочных коалиций балканских стран. Так, закончилась неудачей попытка объединения части южнославянских земель под эгидой боснийской династии Котроманичей. Подобно Болгарии, Босния во второй половине XIV — первой половине XV в. была разделена на

ряд фактически независимых владений. Провозглашенное боснийским баном Твртко I в 1377 г. единое «королевство Сербии и Боснии» расширилось к 1390 г. за счет некоторых районов и городов Далмации и Хорватии, но это объединение вскоре распалось. И впоследствии, буквально накануне захвата османами сербской столицы Смедерево (1459), своекорыстие боснийских феодалов помешало упрочению Боснийского королевства, правители которого стремились к возобновлению плана объединения Боснии и Сербии.

Несколько иначе сложилась ситуация в сербских землях, где упрочилось и расширилось одно из наиболее крупных и устойчивых государств — княжество Лазаря и его преемников (Стефана Лазаревича и Бранковичей). Оно получило в исторической литературе название «Сербской деспотовины» (от титула его правителей — «деспотов»). В 1421 г. оно включило в свой состав Зетское княжество Балшичей. Однако уже через четверть века после этого (в 1459 г.) последние остатки владений сербских деспотов были захвачены Мехмедом II.

Сходные процессы политического развития в рассматриваемое время были характерны также и для албанских земель. После распада царства Стефана Душана на территории Албании возникло несколько независимых княжеств, враждовавших друг с другом и с соседними правителями. На короткий период почти все албанские земли попали под власть Балшичей, но созданное ими обширное княжество после гибели Балши II в 1385 г. распалось. Новый этап политической консолидации албанских земель связан с длительной и упорной борьбой албанцев против османских завоевателей в XV в. под предводительством Георгия Кастриоти — Скандербега. В 1443 г. он возглавил восстание против власти Порты и создал Лежскую лигу албанских князей, которая сумела организовать отпор османам вплоть до смерти Скандербега в 1468 г.⁵

Одной из важных особенностей международной обстановки на Балканах в эту эпоху было также значительное усиление экспансии держав Западной и Центральной Европы, стремившихся, нередко с прямого благословения папства, установить здесь свое господство. В целом это был один из негативных факторов в судьбах балканских народов. Так, к исходу второй трети XV в. все те земли южнославянских и других балканских государств, которые не вошли в состав Османской империи, оказались под властью Венецианской республики (вся Далмация, Котор и часть Зеты, некоторые приморские города Албании и Греции) и королевства Венгрии (север Боснии, северная Сербия с Белградом). Венеция в это время соперничала за торговые преимущества, предоставляемые византийскими рынками и морскими портами (эмпориями), со своим главным конкурентом в Средиземноморье и на Черном море — с Генуей; на адриатическом побережье основным конкурентом Венеции являлось королевство Венгрии, старавшееся расширить здесь свои позиции⁶.

Генуя и Венеция вели настоящие войны друг с другом в гаванях и прибрежных водах Византийской империи и Адриатики. Они вовлекали Византию в свою междоусобную борьбу, вмешивались в династические раздоры в империи, получали от византийских императоров все более широкие льготы, наносившие непоправимый ущерб местному ремеслу и торговле. Войны венецианцев и генуэзцев на византийских землях (в том числе в самом Константинополе), контрибуции, которые они нередко взыскивали с императоров за понесенный ими ущерб или за лояльную позицию к империи, прямые убытки от враждебных действий флота итальянских республик в гаванях Византии — все это ослабляло не только силы самой империи, но в конечном счете подрывало военную мощь и финансовые возможности самих морских республик. Венецианцы и генуэзцы не отказывались от военных предприятий друг против друга даже тогда, когда волею обстоятельств часть их воинских контингентов должна была совместно участвовать в обороне византийской столицы от нападения турок⁷.

Иной характер на Балканах носила политика феодального королевства Венгрии. Не имея, подобно Венеции и Генуе, крупного собственного флота и не стремясь к господству

на путях левантийской торговли, венгерские правители старались упрочить свои позиции на полуострове либо путем непосредственного присоединения к своим владениям балканских земель, либо посредством превращения правителей балканских стран в своих вассалов⁸.

Так, в частности, во второй половине XIV в. и в первой половине XV в. одной из неизменных политических тенденций королевства Венгрии было подчинение и удержание под своим сюзеренитетом Валашского и Молдавского княжеств. Уже в 1344 г. валашский воевода Николае-Александр был вынужден признать вассальную зависимость от венгерского короля Лайоша I. Попытки господарей (Николае в 1357 г. и Влайку в 1365 и 1368 гг.) выйти из-под венгерского сюзеренитета были пресечены Лайошем I, которому удалось (видимо, в 1372 г.) добиться признания вассальной зависимости и от правителя Молдавского княжества Лацку. Стремясь укрепить здесь свое влияние, Лайош I содействовал основанию в Молдове (в г. Сирет) особого католического епископства⁹.

Усилению феодальной Венгрии также способствовала венгеро-польская династическая уния (1370—1382 гг.), когда венгерский король был реальным обладателем и польской короны¹⁰.

Другим направлением устремлений королевства Венгрии было южное и юго-западное, где короли Анжуйской и Люксембургской династий старались расширить владения венгерской короны и поставить в вассальную зависимость южнославянских правителей. Так, баны (а с 1377 г. — короли) Боснии должны были и неоднократно признавать сюзеренитет венгерской короны, хотя в период усиления власти государей Боснии эта зависимость оказывалась формальной. Такими были, например, отношения королевства Венгрии и Боснии при Твртко I. Принеся присягу Лайошу I, Твртко затем отказался от вассальной зависимости и даже расширил свои владения за счет областей и городов Хорватии и Далмации, входивших в пределы королевства Венгрии. В 1394 г. король Жигмонд добился при преемнике Твртко I боснийском короле Стефане Дабише возобновления вассальной присяги¹⁰.

Сходным был курс королевства Венгрии и в отношении Болгарии. Пользуясь разделением страны на два царства, Лайош I присоединил Видинскую Болгарию (1365). Однако сопротивление местного населения политике окатоличивания и протест валашского воеводы обусловили уже в 1369 г. возвращение престола прежнему правителю царства Ивану Страцимиру, признавшему, однако, вассальную зависимость от венгерской короны¹¹.

В конце XIV — первой половине XV в. вассальную зависимость от королевства Венгрии были вынуждены признавать и некоторые сербские правители (в частности, князь Лазарь, а затем его преемники Стефан Лазаревич и Бранковичи).

Решающей причиной такого положения дел был, разумеется, недостаток воинских сил и материальных ресурсов у правителей балканских государств в силу названных выше факторов внутреннего развития и особенностей внешнеполитического положения. Королевство Венгрии оказалось в конкретных условиях той эпохи значительно сильнее каждого из отдельно взятых балканских государств. В сложных условиях соперничества Венгрии и Османской империи друг с другом правители балканских стран были вынуждены следовать политике лавирования, переходить с одной стороны на другую, то отвергая, то вновь признавая вассальную зависимость от королевства Венгрии, а иногда оказывались вассалами одновременно и султана, и венгерского короля (а применительно к Молдавскому княжеству — и польской короны). Однако, если венгерский сюзеренитет не означал — по крайней мере на большей части контролируемых королевством территорий — ликвидации попавших в вассальную зависимость государств на Балканах * (* **Подробнее о политике Венгрии на Балканах см.: История Венгрии. Т. 1. М., 1971, с. 191; глава 6 данного труда.**), то османская экспансия, как это стало совершенно очевидным в первой половине XV в., вела к безраздельному господству османов на захваченных балканских землях.

Венгерские короли вели антиосманскую борьбу (походы 1442, 1443, 1444 гг.) под флагом освобождения балканских народов от ига «неверных», получая иногда содействие местного населения (например, в 1442—1443 гг.)¹². Однако целью экспансии венгерских феодалов на Балканах было обеспечение собственных материальных и политических интересов правящего класса Венгрии, что зачастую мешало сплочению антиосманских сил на севере Балкан для организации совместного отпора Порте. Антиосманское движение в подчиненных султану районах в этот период не обрело широких масштабов: восстания были эпизодическими и носили локальный характер (например, в Болгарии в начале XV в., в Албании в 30-х годах того же столетия)¹³. Вмешательство королевства Венгрии и Венеции вело к ослаблению самостоятельных балканских государств, обостряло порой распри между ними, а иногда приводило к разорению целых областей. Следствием были: усиление в отдельные периоды туркофильских настроений среди части балканского населения, выступления против проектов унии церквей с «латинянами», против преследования патаренов (богомилы) в Боснии. Все это, несомненно, делало чрезвычайно мало вероятным создание какой-либо действительно боеспособной коалиции христианских государств с участием балканских стран для борьбы с османской агрессией, той самой коалиции, о необходимости которой говорили наиболее дальновидные политические и культурные деятели того времени¹⁴.

Идея антиосманского союза становилась весьма популярной уже во второй половине XIV в. По всей вероятности, более влиятельным в балканском обществе того времени было то направление политики, которое ориентировалось на укрепление государственных и церковных связей православных государств полуострова как на главное условие успешного противодействия туркам.

Однако, осложненная церковно-вероисповедными и политическими противоречиями, идея балканского антиосманского союза с момента ее возникновения сразу стала в странах полуострова предметом ожесточенной идейно-политической борьбы. В 60-х годах XIV в. наметилось сближение Сербского царства, Видинской Болгарии и Валахии. Несомненно, на помощь Византии был рассчитан план братьев Мрнявчевичей (Вукашина и Углеши), правивших в центральных районах бывшего царства Стефана Душана и выступивших на «священную войну» против османов. Попытка эта, однако, завершилась сокрушительным поражением при Черномене и гибелью братьев (1371), так и не получивших поддержки Византии.

С конца XIV в. возникают новые планы создания антиосманской коалиции, предусматривавшие привлечение к союзу стран Центральной и Восточной Европы. В 80-х годах Сербия и Босния предприняли совместную попытку отпора османам, но их войска были разбиты в битве на Косовом поле в 1389 г. Обсуждались проекты соглашения между королевством Венгрии, Болгарией и Валахией, однако этот план встретил противодействие в разных кругах балканских стран как недопустимое единение с «латинянами». В конце XIV в. возник проект союза Польши, Великого княжества Литовского, Молдавского княжества и Валахии (из балканских стран в коалицию должны были войти Болгария и Византия). Но и этот план рухнул по причине слабости упомянутых балканских государств, династических распрей в империи и, возможно, из-за неблагоприятной позиции Польши, королевства Венгрии и Валахского княжества¹⁵.

В начале XV в., в годы ожесточенных междоусобных войн внутри Османской империи, вызванных борьбой за трон сыновей султана Баязида I, Византия и Сербия поддерживали одних претендентов на султанский престол против других. Эта политика в известной мере замедлила развертывание османской экспансии, хотя и временно, лишь до 20-х годов XV в.¹⁶

К началу 60-х годов XV в. османы ликвидировали последние византийские владения на полуострове. В 1453 г. пал Константинополь. Установилось безраздельное господство Османской империи на Балканах. Создались предпосылки для нового этапа развития международных отношений в этом регионе Европы¹⁷.

§ 2. Положение южнославянских и других балканских народов в период османского завоевания (конец XIV — XV в.)

История османских завоеваний в Европе и взаимоотношений Порты с балканскими странами и западноевропейскими державами имеет обширную литературу¹⁸. Изучение этой проблематики выявило наличие многих спорных вопросов и показало расхождения в оценках важнейших процессов и событий той поры.

В современной марксистской литературе дан всесторонний анализ социально-экономических и политических перемен в странах балканского региона после османского завоевания. В буржуазной (западноевропейской, американской и турецкой) литературе зачастую преобладает тенденциозная трактовка истории Османской империи, роли османских завоеваний в Европе в истории подвластных Порте народов. Нередко имеет место несомненная идеализация османского строя и условий жизни подчиненных османами народов. Подобная трактовка встречается порой и в работах ученых зарубежных славянских стран¹⁹.

В связи с этим представляется необходимым остановиться на основных, наиболее значительных тенденциях политического и социально-экономического развития южнославянских и других балканских народов в XIV—XV вв.

После османских завоеваний произошла кардинальная перестройка политической карты Юго-Восточной Европы, связанная с возникновением османской «Румелии», т. е. балканских провинций Порты на территории прежних владений Византийской империи, а также с созданием на Балканах уже в первые десятилетия османского продвижения сложной системы зависимых от Османской империи вассальных государств. Вторым этапом перестройки политической карты региона была полная ликвидация самостоятельной феодальной государственности южных славян и других балканских народов, в том числе и бывших вассальных государств (за исключением Дубровницкой республики, Валашского и Молдавского княжеств)²⁰.

Накануне османского завоевания балканское общество продолжало развиваться по пути дальнейшей феодализации²¹.

Тенденция к резкому увеличению отработочной ренты (введение недельной барщины) в славянских областях Сербо-Греческого царства Стефана Душана оказалась недолговечной. Вскоре после распада державы Душана наблюдалось сокращение отработки и, напротив, установление более высоких норм натуральных податей. Вероятно, с этими переменами в системе феодального хозяйства было связано и распространение в этих землях аренды господской земли крестьянами за денежный чинш или определенную долю урожая (десятину и т. д.).

Не менее примечательна и другая закономерность, которая постепенно приобретала все большее значение в Сербии, Болгарии и других районах Юго-Восточной Европы. Тяжелая борьба с натиском османов, признание даннической зависимости от Порты побуждали феодальных правителей разных балканских стран к введению новых налогов и повинностей, к ограничению или полной отмене тех широких иммунитетных привилегий, которые получали прежде (в XIII и первой половине XIV в.) церковные и некоторые светские землевладельцы²². В целом в данный период в ряде южнославянских государств, подвергнувшихся османскому нашествию, объем общегосударственных податей и повинностей крестьянства возрос за счет сокращения той феодальной ренты, которую ранее взимали крупные землевладельцы, церковь и монастыри.

Эти важные перемены в системе налогообложения были закономерно связаны с сильными секуляризационными тенденциями, характерными для развития феодальной земельной собственности во многих южнославянских государствах того времени²³. Как известно, в последний период существования доосманской феодальной государственности на Балканах многочисленные земельные владения православной церкви, некоторых

православных и католических монастырей были отобраны славянскими правителями или властями Венецианской республики и частично переданы в руки светской феодальной знати. Таким образом, структура господствующего класса претерпевала перемены, сократились и налоговые привилегии и земельные владения церкви (в частности, в Сербии, Зете, Болгарии), заметно возросла роль мелкого дворянства, добивавшегося сословного равенства с феодальной аристократией. О последнем, в частности, можно судить по материалам, наглядно свидетельствующим о крушении попыток введения особых сословных терминов (например, термина «властеличи» в Сербии и Боснии) для обозначения низших прослоек феодального класса с целью создания и упрочения иерархических перегородок.

В это время в южнославянских странах продолжалась и постепенно приобретала все большее значение нивелировка прежних категорий крестьянства. В Сербии об этом можно говорить уже на основании документов второй трети XIV в. Здесь в эпоху османской экспансии термины, обозначающие отдельные категории зависимого сельского населения, уже весьма редки. Обычным наименованием крестьян служили общие и неопределенные названия («люди», «кметы», «вилланы») ²⁴. Исключение составляли скотоводы-влахи, сохранявшие особое положение в системе феодального хозяйства и среди категорий феодально зависимого крестьянства ²⁵.

Перемены в системе феодального хозяйства и государственных повинностей были сопряжены с нуждами обороны страны от иноземных завоевателей, с привлечением к воинской повинности некоторых прослоек зависимого и свободного крестьянства. В некоторых горных районах Сербии, Зеты, Герцеговины и других земель Балканского полуострова появились специфические патриархальные объединения местного крестьянства — «братства» и «племена», приобретавшие со временем полную независимость от крупных феодалов ²⁶.

В тех районах Балканского полуострова (Хорватия и Далмация), которые еще не были захвачены османами, конкретные проявления аграрной динамики, сложное переплетение и многообразие форм крестьянской ренты находились отчасти также в зависимости от хода османской экспансии на Балканах. Так, например, в Хорватии, входившей тогда в состав Венгерского королевства, наблюдалась тенденция к замене отработочной ренты денежной и натуральной, хотя появилась высокая (недельная) барщина, поэтому отработочная рента занимала большое место в массе податей и повинностей хорватского крестьянства той эпохи. Как показано в советской литературе, хорватские феодалы в конце XV — начале XVI в. были вынуждены порой идти на снижение денежного чинша или отработочных повинностей для тех крестьян, хозяйства которых были истощены непосильной барщиной или пострадали от опустошительных набегов османских завоевателей ²⁷.

Подобные меры, без сомнения, были обусловлены нарастанием недовольства народных масс тяжелыми налогами и повинностями, ухудшением их положения в результате разгула феодальной анархии и вторжений иностранных войск. Эти уступки свидетельствовали также об определенном ослаблении феодальной государственной власти в землях, испытавших особенно сильный натиск османских полчищ или войск католических государств. В этот период, как известно, имели место локальные выступления крестьян и горожан, вызванные возмущением политикой местных правителей и феодалов ⁸⁸.

Все сказанное позволяет утверждать, что накануне османского наступления продолжалось поступательное развитие средневекового южнославянского общества, насильственно прерванное вторжением Османской империи. Установление на Балканах господства феодальной османской верхушки означало подчинение и неполноправное положение южнославянских и других балканских народов, исповедовавших христианство.

Нельзя не остановиться на сопоставлении политической и социально-экономической системы, существовавшей в балканских странах в период самостоятельной

государственности, со структурой, складывавшейся здесь в эпоху османского завоевания и установления господства Османской империи. Эта проблема, все еще недостаточно разработанная и дискуссионная, требует всестороннего анализа разных политических и социальных институтов. Весьма важна подчеркнуть, что некоторые особенности социально-экономического развития, которые расценивались иногда в литературе как характерный признак именно раннеосманской феодальной системы румелийских областей (например, роль мелкого дворянства, большое значение военно-ленных институтов в системе феодальной земельной собственности и т. п.), отчетливо прослеживаются в отдельных балканских государствах накануне османского завоевания, т. е. не могут рассматриваться как результат замены местных феодальных институтов османскими. Вполне понятно, что с этим связана и проблема «преемственности», «континуитета» и определенной связи османского феодального строя (в частности, применительно к Румелии) с феодальной системой покоренных народов Юго-Восточной Европы. Решение этой проблемы во многом зависит от ответа на кардинальный вопрос о той роли, которую сыграло в судьбах южнославянских и других балканских стран османское завоевание²⁹.

Как уже отмечалось, этот вопрос давно вызывает острые дискуссии в исторической литературе. Показательно, что в буржуазной историографии вплоть до настоящего времени распространена концепция, явно идеализирующая владычество Османской империи на Балканах. Утверждается, что османское нашествие было «благодетельным» для местного населения, потому что был уничтожен прежний феодальный класс, угнетавший народные массы, прекратились ожесточенные феодальные междоусобицы, был установлен режим «веротерпимости» и «законности», обеспечено «процветание» крестьянства и развитие городов и т. п.³⁰ Влияние данной концепции заметно иногда и в современной историографии зарубежных славянских стран, где порой встречаются тезисы о неких «позитивных» результатах османского завоевания, об «улучшении» положения южнославянских народов после гибели их самостоятельных государств³¹.

Результаты исследований советских ученых и зарубежных историков-марксистов, основанные на тщательном анализе сохранившихся исторических памятников, свидетельствуют о тенденциозности и исторической несостоятельности этих и подобных теорий. Известно, что ликвидация османами балканских государств сопровождалась уничтожением соответствующих феодальных систем, устранением большей части местных феодалов. Одни из них были вынуждены эмигрировать, другие пали в ожесточенной борьбе с завоевателями, третьи лишились своих земельных владений (в данной связи следует учесть, что многие церкви и монастыри были разрушены либо лишены своих имений при османской власти).

При этом принципиально важное значение имеет тот факт, что после крушения балканской феодальной государственности в европейских провинциях Османской империи утвердилась османская феодальная военно-ленная (спахийская) система, типологически тождественная по своей классовой сущности феодальному строю балканских стран и многое усвоившая из прежних, местных феодальных институтов³². Здесь достаточно сказать, например, о заметной близости византийской и южнославянской прении и османского тимара как одной из главных категорий феодальной земельной собственности, связанной с несением военной или иной службы. Определенная часть светских и церковных феодалов на Балканах включилась в состав османского господствующего класса в качестве довольно многочисленной прослойки т. н. «христиан-спахийев», которые зафиксированы в османских земельных реестрах середины и второй половины XV в. (в частности, в Болгарии, Македонии, Сербии, Боонии)³³. На первых порах наличие такой прослойки феодального класса содействовало определенной преемственности между османскими и прежними балканскими феодальными порядками. Ввиду исламизации части этих феодалов их число постепенно сокращалось. Для понимания реальной обстановки и соотношения сил внутри османского феодального класса важен тот бесспорный факт, что ключевые позиции в государстве, в военно-ленной

системе принадлежали османам, тогда как христиане-спахии обычно получали лишь мелкие тимары, их число сильно уступало числу спахиейв-турок, положение христиан-спахиейв было неполноправным, для сохранения своих тимаров они нередко были вынуждены переходить в ислам (например, в Боснии и других южнославянских областях)³⁴.

Источники не подтверждают тезиса об уменьшении податей и повинностей вследствие того обстоятельства, что в первые столетия османского ига (XV—XVI вв.) спахии якобы «сами не занимались» эксплуатацией своих земельных владений. Документы свидетельствуют о существовании барщины, которую крестьяне должны были выполнять для своего помещика-спахия; нормы этой отработочной ренты были зафиксированы, например, в канун-наме (своде законов) султана Мехмеда II (1451—1481)³⁵. Не менее тяжелы и обременительны были для крестьян-христиан (т. н. «реайи») и денежные и натуральные поборы, детальнейшим образом перечисленные в обширных податных реестрах османских властей. Некоторые прослойки крестьянства (в частности, скотоводы-влахи, т. н. «реайя со специальными обязанностями», т. е. войнуки, дербенджи, мартолосы и пр.) получали определенные податные льготы и права. Но предоставление таких уступок Портой отдельным прослойкам местного населения имело, несомненно, лишь стратегические или тактические цели, иными словами, преследовало задачи облегчения османского завоевания и укрепления султанской власти³⁶.

Что же касается конкретного сопоставления доосманских и османских налогов и повинностей крестьянства, то эта проблема еще не может быть решена окончательно ввиду скудости сохранившихся данных, однако и в настоящее время сравнение некоторых османских и южнославянских источников показывает, что в ряде случаев денежные налоги и отработочные повинности османской эпохи (XV в.) были равны или превышали соответствующие нормы феодальной ренты, которые известны из славянских памятников времен существования на Балканах самостоятельных феодальных государств³⁷.

Утверждение буржуазных авторов о «веротерпимости» османских властей, о «защите» ими православной церкви и т. п., как показал анализ имеющихся источников, не учитывает того главного факта, что турецкая народность и ислам как ее религия пользовались безусловными преимуществами в Османской империи. Не вызывает сомнений, что введенная османскими султанами система «миллетов» (религиозно-этнических общин) использовалась для укрепления власти Порты над подвластным христианским (южнославянским, греческим, албанским) населением. В Османской державе были официально признаны греко-православная, армяно-грегорианская и еврейская общины. Путем предоставления определенных прав и привилегий руководителям этих общин (в частности, высшему православному духовенству), церковной и отчасти гражданской юрисдикции Порты пыталась использовать их в своих целях (община обладала некоторыми правами при взыскании с населения разных поборов в пользу государства и данной церковной организации³⁸).

В греко-православной общине наибольшими правами обладало высшее греческое духовенство, прежде всего Константинопольская патриархия, которой оказались подчиненными греки, албанцы, южнославянские народы (в большинстве — православного, отчасти — католического вероисповедания).

В середине XIV в., к началу османской экспансии на Балканах, большая часть православного населения южнославянских стран находилась в ведении двух церковных организаций — самостоятельных автокефальных Сербской и Болгарской (Тырновской) патриархий. Часть населения исповедовала католическую веру; в Боснии значительным влиянием располагала местная боснийская (богомильская) церковь. Уже на первом этапе османских завоеваний (во второй половине XIV в.) территория диоцеза византийской церкви была расширена за счет тех южнославянских и других балканских земель, правители которых признали церковное верховенство Константинопольской патриархии. Так, в это время под власть византийской церкви попало население Серрского княжества,

Видинского болгарского царства и Добруджанского деспотата (т. е. северо-восточной Болгарии). Более того, в результате османского нашествия и притязаний византийского духовенства вскоре после падения Тырновского царства (1393) была окончательно ликвидирована самостоятельная болгарская церковь, а территория бывшего Тырновского государства была подчинена (к августу 1394 г.) в церковном отношении константинопольскому патриарху³⁹.

Примерно так же складывалось положение православной церкви в других южнославянских землях. После распада Сербо-Греческого царства приобрела самостоятельность Охридская архиепископия, руководство которой принадлежало греческому духовенству, а по мере завоевания сербских земель в XV в. территория, еще подчиненная юрисдикции сербского (печского) патриарха, все более и более сокращалась вследствие присоединения ее различных областей к диоцезам либо Охридской архиепископии, либо самой Константинопольской патриархии. О снижении роли сербской церкви после окончательного покорения османами Сербского государства, Боснийского королевства и Герцеговины свидетельствует крайняя скудость свидетельств, которые позволили бы судить не только о ее правах, но даже о самом ее существовании в это время.

В историографии долгое время велись споры о времени ликвидации османскими властями сербской церкви (была ли она уничтожена одновременно с феодальным Сербским государством либо еще продолжала существовать вплоть до 30-х годов XVI в., когда все сербские земли были подчинены Охридской архиепископии)⁴⁰. Как нам представляется, сохранившиеся данные позволяют предположить, что самостоятельная сербская патриархия была ликвидирована в конце XV в., когда были полностью уничтожены самостоятельные южнославянские иерархии, а местное православное население было подчинено греческому клиру Константинопольской патриархии, и Охридской архиепископии. Ликвидация самостоятельных церковных организаций, несомненно, содействовала ухудшению положения южнославянских народов. Речь в данной связи идет не только об установлении иноязычной церковной власти, существующей за счет славянской паствы, но и об отсутствии достаточно влиятельной южнославянской церковной организации, которая могла бы более действенно противостоять исламизации и ассимиляции османами покоренных народов, подавлению народных традиций и обычаев⁴¹.

Самый факт проведения османскими властями исламизации покоренного христианского населения Румелии (т. н. «добровольное» обращение в мусульманскую веру) служит убедительным опровержением тенденциозных утверждений о «веротерпимости» османских правителей и «процветании» балканских народов под властью Порты. Неполноправность и зависимость христианских церквей и миллетов в Османской империи нашли достаточное выражение хотя бы в том, что христианские миллеты и их руководители не имели возможностей прекратить или ограничить исламизацию, одним из важнейших методов которой был т. я. «налог кровью» — отбор христианских мальчиков для обращения их в ислам^ воспитания в духе яркой вражды ко всему немусульманскому и зачисления в корпус янычар — одну из самых надежных частей османской армии.

«Добровольное» принятие ислама в действительности было чаще всего вынужденным: ислам принимали те христиане, которые хотели таким образом сохранить свою жизнь, обеспечить за собой свои земельные владения либо улучшить свое тяжелое материальное положение, для крестьян — податный гнет. Возможно, подобными причинами объясняется и переход в ислам части боснийского населения, создавший предпосылки для образования в последующем особой южнославянской народности (т. е. боснийцев, или мусульман Боснии).

Исламизация, проводившаяся Османским государством в балканских провинциях, отнюдь не исчерпывалась перечисленными выше методами. Осуществлялась практика

обращения в ислам, в особенности тех, кто был захвачен в плен и обращен в рабство, равно как и меры по депортации христианского (болгарского, албанского, сербского) населения в уже полностью исламизированные районы Балкан или Малой Азии и переселения на Балканы турецких колонистов, в частности скотоводов-юрюков. Все эти мероприятия османских властей обеспечили появление в разных городах и областях Балканского полуострова (уже в конце XIV и особенно к концу XV в.) достаточно многочисленного тюркоязычного и исламизированного населения, служившего опорой господства Порты в Юго-Восточной Европе и дальнейшей экспансии османов в Центральной и Восточной Европе⁴².

Непосредственным следствием разорительных нашествий османских войск на южнославянские земли в XIV—XV вв. были миграции славянского населения. Уже в период ожесточенной борьбы против натиска османов значительная часть сербского и болгарского населения была вынуждена покинуть родные места, спасаясь на севере и западе в поисках защиты и укрытия от завоевателей. Особенно значительным был отлив сербского населения на север, за Дунай, в южные области Венгерского королевства (в совр. Воеводину), а также на запад — в Боснию, отчасти в Хорватию, Далмацию. Чрезвычайно велики были демографические потери южнославянских народов в результате завоевания османами балканских государств и постоянных набегов их войск на те земли, которые не находились под властью турок (Хорватии, Словении). Лишь за столетие османских набегов на словенские земли (1408—1508) погибло или попало в плен, как полагают, до 200 тысяч словенцев⁴³; потери других южнославянских народов за этот период были гораздо более значительными и не поддаются точным подсчетам⁴⁴.

Итак, османские завоевания на Балканах имели отрицательные последствия для южнославянских народов, причем не только для населения областей, постепенно попавших в XIV—XV вв. под османское господство, но и для жителей тех земель, которые входили в состав католических государств (Венгрии, Австрии, Венеции) и испытывали постоянный натиск экспансии Порты.

Иноземный гнет, неполноправие христиан с мусульманами, исламизация — все это представляло серьезную угрозу для дальнейшего развития и самого существования уже сложившихся сербской и болгарской народностей. Проводившаяся османскими властями политика (в особенности с конца XV в.) привела к сокращению численности тех прослоек и категорий южнославянского населения, которые были включены в османскую феодальную систему и в той или иной мере оказались на службе у османских властей (уменьшение числа христиан-спахиев, постепенное сокращение налоговых льгот отдельным категориям крестьянства — влахам, войнукам и т. п.). Все это создавало предпосылки для нарастания сопротивления южнославянских народов и постепенного перехода к открытой освободительной борьбе за свержение османского ига, к вооруженным народным восстаниям XVI в. против власти османов на Балканах.

Эти социально-экономические процессы находили уже в данный период определенное отражение и в сфере общественно-политической мысли. Весьма показательным, что в XIV—XV вв. в различных произведениях историографии и литературы балканского региона звучит тревога за судьбы покоренных османами народов. В литературных и исторических памятниках беспокойная мысль их авторов постоянно ищет ответа на вопрос о причинах османских побед, о причинах слабости и гибели самостоятельных балканских государств, на вопрос, какую позицию следует занять в эпоху порабощения и какой путь нужно избрать для освобождения от власти Османской Порты. В свою очередь, все это ставило новые задачи и перед османскими феодальными правителями, в той или иной мере отдававшими себе отчет в необходимости упрочить свое владычество на Балканах.

¹ История Византии. Т. 3. М., 1967, с. 161—206; *Ари Г. Л., Сенкевич И. Г., Смирнова Н. Д.* Краткая история Албании. М., 1965, с. 9—33; История Венгрии. Т. 1. М., 1971, с. 189 сл.; *Миллер А. Ф.* Краткая история Турции. М., 1948, с. 10—14; *Димитров С., Манчев К.* История на балканските народи (XV—XIX

век). София, 1971, с. 17—39; *Цветкова Б.* Паметна битка на народите: Европейският юго-изток и османското завоевание — края на XIV и първата половина на XV в. Варна, 1979, с. 58—145; ИИТ, Т. 1-2; *Иналцик Х.* Османско царство. Клаеично доба (1300—1600). Београд, 1974, с. 14-37.

² История Византии, т. 3, с. 123—134.

³ Ioannis Cantacuzeni historiarum libri IV/Ed. J. Schopen. Bonnae, 1835, v. 3, p. 315.

⁴ *Достян И. С.* Борьба южнославянских народов против турецкой агрессии в XIV—XV вв.— ВВр, 1953, т. 5, с. 99—104.

⁵ *Ариш Г. Л., Сенкевич И. Г., Смирнова Н. Д.* Краткая история Албании, с. 22.

⁶ *Соколов Н. П.* Образование Венецианской колониальной империи. Саратов, 1963; *Карпов С. П.* Трапезундская империя и западноевропейские государства в XIII-XV вв. М., 1981.

⁷ *Скржинская Е. Ч.* Генуэзцы в Константинополе в XIV в. — ВВр, 1947, т. 1; *Удальцова З. В.* Центробежные и центростремительные силы в византийском мире.— In: XV Congres International des etudes byzantines. Rapports et co-rapports. Athenes, 1975; *Шутиков М. М.* Венецианское купечество в первой половине XV в. в его торговых сношениях с Византией. — УЗМГПИ, 1965, № 237, История средних веков; *Он же.* Константинополь и венецианская торговля в первой половине XV в. по данным книги счетов Джакомо Бадоера. — ВВр, 1969, т. 30; *Balard G. P.* Gli studi genovesi sulle colonie del Mar Nero.— In: Colloquio romeno-italiano «I genovesi nel Mar Nero durante i secoli XIII e XIV». Bucuresti, 1977; *Balbi M.* La Romanie genoise (XIIe — debut du XVe siecle). v. 1—2. Roma; Geneva, 1978; *Chrysostomides J.* Venetian commercial privileges under the Palaeologi.— Studii Veneziani, 1970, v. 12; *Oikonomides N.* Hommes d'affaires grecs et latins a Constantinople (XIIIe - XVe siecles). Montreal; Paris, 1979.

⁸ *Homan B.* XIII—XIV. szazad.— In: *Homan B., Szekfu Gy.* Magyar tortenet. Bp., 1942, 29, 63, 84. 1.

⁹ SRH, 1, p. 174; *Pataki J.* Anjou kiralya ink es a ke"t roman vajdasag. Kolozsvar, 1944, p. 52; CDH, t. 9, v. 2, p. 399; MTT, II, 186.1.

^{9a} НОР, т. 1, 263-267.

¹⁰ *Динин М.* Босанска феудална држава од XII до XV в.— ИИТ, 1, с. 531 ел.

¹¹ *Thalloszy L.* Magyar-bolgar osszekottetesek. — Sz., 1899; *Idem.* Nag Lajos es a bulgar bansag. — Sz., 1900, 531; *Ovary L.* Magyar-bolgar-olah erintkezés Nagy Lajos alatt. Bp., 1907; *Iorga N.* Lupta pentri stapanirea Vidinului in 1365—1369 si politica M Vladislav Voda fata de Unguri.— CL, 1900, t. 24, p. 962-999.

¹² *Цветкова Б.* Паметна битка..., с. 268—272 и др.

¹³ См., например: Повесть о Скандербеге/Изд. подгот. Н. Н. Розов, Н. А. Чистякова. М.; Л., 1957, с. 75; *Цветкова Б.* Паметна битка..., с. 66—67.

¹⁴ *Медведев И. П.* Мистра. Очерки истории и культуры поздневизантийского города. Л., 1973, с. 103 сл.

¹⁵ *Греков И. Б.* Восточная Европа и упадок Золотой Орды (на рубеже XV—XVI вв.) М., 1975, с. 358 ел.

¹⁶ *Matschke Kl.-P.* Die Schlacht bei Ankara und das Schicksal von Byzanz. Studien zur spatbyzantinischen Geschichte zwischen 1402 und 1422. Weimar, 1981, S. 40 f.

¹⁷ *Ариш Г. Л., Виноградов В. Н., Достян И. С., Наумов Е. П.* Балканы в международной жизни Европы (XV — начало XX в.) — ВИ, 1981, № 4, с. 30-32.

¹⁸ Литература по этому кругу проблем весьма обширна, поэтому мы приводим ссылки лишь на некоторые, наиболее важные работы. См., например: История Болгарии. Т. 1. М., 1954; История Югославии. Т. 1. М., 1963; История южных и западных славян. М., 1957; *Достян И. С.* Борьба южнославянских народов...; *Она же.* Борьба сербского народа против турецкого ига: XV — начало XIX в. М., 1958; *Миллер А. Ф.* Краткая история Турции; *Новичев А. Л.* Турция: Краткая история. М., 1965; История на България. Т. 1. София, 1954; *Димитров С., Манчев К.* История на балканските народи; *Цветкова Б.* Паметна битка...; ИИТ, Т. 1-2; *Иналцик Х.* Османско царство; *Werner E.* Die Geburt einer Grossmacht — Die Osmanen (1300—1481). Berlin, 1978.

¹⁹ Подробнее об этих тенденциях в историографии см., например: *Курбатов Г. Л.* История Византии (историография). Л., 1975, с. 250—251; ср. в нашей рец.: *Наумов Е. Н.* Османское господство в Центральной и Юго-Восточной Европе.— ССЛ, 1980, № 4, с. 114—115.

²⁰ См., например: *Цветкова Б.* Паметна битка..., с. 65, 93, 97, 106, 116, 128, 244, 287 и др.; *Наумов Е. П.* Анонимная болгарская хроника и проблемы балканской общественно-политической мысли (XIV—XV вв.).— В кн.: Балканские исследования. Вып. 3. М., 1978, с. 247—251.

²¹ *Наумов Е. П.* Балканское крестьянство в феодальной системе XIII—XV вв. (К вопросу об эволюции крестьянских категорий и повинностей в южнославянских странах и в северной Албании).— В кн.: Балканские исследования. Вып. 7. М., 1982; *Он же.* Господствующий класс и государственная власть в Сербии XIII—XV вв. М., 1975, с. 48-51.

²² См., например: *Наумов Е. П.* Сербия и Болгария в середине XIV в.— В кн.: Социально-экономическая и политическая история Юго-Восточной Европы (до середины XIX в.). Кишинев, 1980, с. 94—99; *Он же.* Болгарські землі напередодні турецького завоювання в кінці XIV в.— Проблеми слов'янознавства, 1980, вып. 22, с. 91 сл.; *Он же.* Господствующий класс..., с. 163—171.

²³ Ср.: *Наумов Е. П.* Секуляризация в феодальном развитии балканских стран в XIV—XV вв. М., 1966; ср. также: *Горина Л. В.* Об особенностях развития феодальной земельной собственности в Болгарии в XIII—XIV вв.— В кн.: Проблемы развития феодальной собственности на землю. М., 1979, с. 116, 117, 119.

²⁴ См., например: *Наумов Е. П.* В лапте личики.— *Историја*, 1976, № 1-2; Он же. *Bosanski i humski vlastelici*. — *Godisnjak Drustva istoricara Bosne i Hercegovine*, 1977—1979, god. 28—30.

²⁵ См., например: *Наумов Е. П.* Волошская проблема в современной югославской историографии.— В кн.: Славяно-волошские связи. Кишинев, 1978, с. 208—213.

²⁶ Ср.: *Наумов Е. П.* Южнославянский эпос и проблемы сербского средневековья.— В кн.: Славянский и балканский фольклор. М., 1971, с. 20.

²⁷ *Бромлей Ю. В.* Крестьянское восстание 1573 г. в Хорватии. М., 1959, с. 134, 142.

²⁸ См., например: ИНТ, 1, с. 461—464; *Наумов Е. П.* Народное восстание в г. Которе и Которской области (1380 г.) — УЗИС, 1966, т. 30.

²⁹ Ср.: *Наумов Е. П.* Динамика сербского феодализма и проблема типологических сдвигов на Балканах (в эпоху турецкой экспансии).— В кн.: Карпато-Дунайские земли в средние века. Кишинев, 1975, с. 53—54.

³⁰ Подробнее об этих концепциях см., например: *История южных и западных славян*, с. 101; *Цееткова Б. А.* Проблемы от историята на Европейския Юго-изток през периода на османското проникване.— ИП, 1974, № 6, с. 83—85.

³¹ Критику этих построений см., например: *Наумов Е. П.* Османское господство..., с. 114—115; ср.: *Преглед историје југословенских народа*. Београд, 1960, д. 1, с. 120; *Тодоров Н.* Балканский город XV—XIX в. М., 1976, с. 33-34.

³² Ср.: *Мейер М. С., Орешкова С. Ф.* Некоторые типологические черты османского феодализма.— В кн.: *История и филология Турции (тезисы докладов и сообщений)*. М., 1976, с. 27—29; *Новичев А. Д.* Турция..., с. 24.

³³ См., например: *Хвостова К. В.* Особенности аграрно-правовых отношений в поздней Византии (XIV—XV вв.). М., 1968, с. 208; *Наумов Е. П.* К истории византийской и сербской иронии.— ВВр, 1973, т. 34, с. 30—31; *Цееткова Б.* Проблемы..., с. 45 и сл.

³⁴ См., например: ИНТ, 2, с. 51, 72—75, 112 и др.; Прилеп и Прилепско низ историјата. Прилеп, 1971, кн. 1, с. 113; *Osmanska mos ve sredni a jinovychodni Evrope v 16—17. stoletii*. Praha, 1977, sv. 1, с. 61—63, 176; и др.

³⁵ *Тверитинова А. С.* О домениальном землевладении феодалов-ленников^ в Османской державе в XV—XVI вв.— В кн.: О генезисе капитализма в странах Востока. М., 1962, с. 314—315, 317.

³⁶ См., например; *Цееткова Б. А.* Характерни черти на османската обществено-икономическа структура в Европейския Юго-изток през XV—XVI в.— ИП 1980, № 4, с. 45, 63.

³⁷ Ср. например: *Тверитинова А. С.* О домениальном землевладении..., с. 315, 317 *Наумов Е. П.* Господствующий класс..., с. 49—50.

³⁸ См. например: *Новичев А. Д.* Турция..., с. 25.

³⁹ См. например: *Наумов Е. П.* К истории летописного «Списка русских городов дальних и ближних». — В кн.: *Летописи и хроники (сборник статей 1973 г.)*. М., 1974, с. 154—155.

⁴⁰ См., например: *Мирковић М.* Правни положај и карактер српске цркве под турском влашћу. Београд, 1965, с. 55—61.

⁴¹ См., например: *История южных и западных славян*, с. 104; *Маркова З.* Българската екзархия — завоевание на утвърждаващата се нация.— ИП, 1980, № 4, с. 3—5.

⁴² Ср., например: *История южных и западных славян*, с. 104—105; *Тодоров Н.* Балканский город..., с. 57—64; *Гандев Х.* Българската народност през 15-и век. София, 1972, с. 56 сл.; *Osmanska mos...*, sv. 2, с. 394 (в докладе Н. Филиповича).

⁴³ *Osmanska mos...*, sv. 1, с. 148 (в докладе И. Войе).

⁴⁴ *Гандев Х.* Българската народност..., с. 17 сл.

Глава 4 ОСМАНСКАЯ ИМПЕРИЯ И СТРАНЫ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В 50-70-е ГОДЫ XV в.

В то время как Османская империя, овладев в 1453 г. Константинополем, успешно закрепляла свои позиции на Балканском полуострове и пыталась распространить свое влияние на территории Нижнего и Среднего Подунавья, в Юго-Восточной, Центральной и Восточной Европе происходило формирование ряда крупных феодальных государств, в частности, таких, как Германская империя, Венгерское королевство, Чехия, Польско-литовский государственный комплекс, Московская Русь. Между ними разворачивалась

борьба за утверждение нового соотношения сил на континенте, за создание новой политической карты данного региона¹.

Представляя лишь варианты общего закономерного процесса становления и развития обширных феодальных государств, указанные страны вносили в этот процесс элементы того или иного своеобразия, определявшегося разным их географическим положением, отнюдь не схожей «предысторией», неодинаковой их продвинутостью на путях превращения моноэтнических государств в государства многонациональные, несовпадением позиций в идеологической жизни тогдашней Европы, дифференцированным отношением к разного рода «универсалистским» концепциям того времени.

Прослеживая общее и особенное в исторической жизни стран региона, нужно отметить и то обстоятельство, что Польско-литовское государство, Венгерское королевство и Германская империя значительно опережали в рассматриваемое время Московскую Русь и Чехию в создании многонациональных государств, в их приобщенности к «глобальным» концепциям идеологической жизни Европы того периода.

Так, например, Московское государство, считавшее еще на рубеже XV—XVI вв. своей главной задачей восстановление целостности «русской земли», дольше других политических систем региона развивалось в рамках этнически однородных, идеологически автономных государственных образований². По этому же пути шло развитие и «послегуситской» Чехии, стремившейся к тому же отделить себя от доктрин «католического» или «имперского» универсализма³.

Такое «отставание» одних государств региона и «опережение» других обуславливало специфику политического развития каждой страны, определяло в известной мере характер и особенности их внешней политики.

При всем этом в международной жизни данной части Европы, особенно начиная со второй половины XV в., весьма важным фактором становится постоянно усиливавшееся влияние Османской империи, воздействие ее завоевательной политики. Роль и значение этого фактора испытывали на себе в тот период не только Венгерское королевство, но и во всевозрастающих масштабах народы Польско-литовского государственного комплекса.

Развитие Польско-литовского государства во второй половине XV в. было отмечено значительными сдвигами социально-экономического и правового характера, а также существенными переменами во внешнеполитическом курсе. В указанное время происходит интенсивное развитие производительных сил на польских и литовских землях, усиление эксплуатации крестьянства, увеличение реального объема различных форм феодальной ренты⁴. Можно говорить вместе с тем о росте в эту эпоху ремесла и торговли в польско-литовских городах, о расширении обмена между городом и деревней, на что указывал сам факт значительного распространения денежной ренты, наконец, об утверждении правовой самостоятельности городов в форме предоставления им магдебургского права⁵.

Характерным явлением этого времени было и вовлечение многочисленных городов Польско-литовского государства в ритм широкой международной торговли. Через балтийские города, прежде всего через Гданьск, производился в возрастающих масштабах вывоз сельскохозяйственной продукции; в то же время через эти города шли в Польшу и Литву западноевропейские товары⁶. Черноморские города Килия и Аккерман, контролируемые до 1484 г. Молдавским княжеством, стали центрами большой транзитной торговли между генуэзской Кафрой, Судаком, Метрегой (Таманью), Таной, наконец, Трапезундом и самим Стамбулом, с одной стороны, Польшей, Венгрией, итальянскими торговыми республиками и некоторыми странами Центральной Европы — с другой⁷.

Для внутривосточной жизни государства Ягеллонов второй половины XV в. было характерно осуществлявшееся то с большей, то с меньшей интенсивностью наступление феодальных сил католической Польши на литовские и западнорусские земли

и происходившая на этой основе эволюция социально-политической и конституционно-правовой структуры этого многонационального государственного организма.

В реорганизации политической жизни Великого княжества Литовского в указанном направлении значительных результатов добился Казимир Ягеллончик. Став сначала великим князем литовским, а потом польским королем (1447—1492). Казимир старался прежде всего сохранить связь Литвы с польской Коронай, широко применяя при этом как методы заигрывания со средними и мелкими феодалами Литовской Руси, так и приемы прямого подавления могущественных литовско-русских князей, не боявшихся открыто выступать против литовско-польской унии⁸. В связи с этим он не только умело создавал себе репутацию защитника исторически сложившейся автономии Великого княжества Литовского, его социально-правовой структуры и даже его территориальной целостности (демонстративно отвергая претензии малопольских магнатов на передачу короне западнорусских земель), но и одновременно вел энергичную борьбу против тех могущественных князей-династов, которые требовали решительного разрыва с Польшей и утверждения полной самостоятельности Литовско-русского государства.

В результате процесс подчинения и сращивания Польши с Великим княжеством Литовским продолжался на всем протяжении XV в., несмотря на некоторые колебания и даже тактические уступки со стороны Кракова. Этот процесс давал себя знать как на социально-экономическом, так и на государственно-правовом уровнях. Он привел к окончательному утверждению порядка выдвигания одного монарха как для Кракова, так и для Вильно, к проведению общей внешней политики, к совместному финансированию дипломатической деятельности всего государства, к установлению самых тесных политических контактов Рады Коронной с Литовской Радой, к постепенной полонизации литовско-русских феодальных родов, ко все более широкому их приобщению к тем или иным гербам польской шляхты⁹.

Интенсивное хозяйственное развитие Польши и Литвы во второй половине XV в., наметившиеся тогда сдвиги в процессе государственно-правового сращивания двух этих стран сопровождалась заметно усилившейся активностью польско-литовской дипломатии на международной арене.

Этому способствовала и сложившаяся тогда международная обстановка в Европе, и политическая ситуация на востоке и юго-востоке континента. Далеко зашедший процесс распада Ордынской державы на отдельные улусы в Крыму, а также на южной и средней Волге, занятость Османской империи экспансией на Ближнем Востоке и на Балканах, происходившей в условиях затяжного конфликта с Венгерским королевством, наконец, ослабленность тяжелой феодальной войной Московского государства — все это, несомненно, привело к усилению внешнеполитических позиций Польши и Литвы. Важное значение для Польско-литовского государства во второй половине XV в. приобрели отношения с Московской Русью. Одним из существенных внешнеполитических шагов короля Казимира было заключение в 1448—1449 гг. договора с Московским государством, который хотя и рассматривается иногда как «великий акт раздела Руси между Москвой и Вильно»¹⁰, все же на какое-то время стабилизировал отношения двух государственных систем. Если Москве договор облегчил преодоление последствий феодальной войны 30—40-х годов XV в., позволил ей занять менее зависимую от ордынских улусов позицию¹¹, то Казимиру он предоставил возможность более успешно решать вопросы внутривосточной стабилизации Польско-литовского государства, эффективнее осуществлять внешнюю политику в восточноевропейском регионе, в частности поддерживать контакты с отдельными татарскими улусами, еще недавно составлявшими единый политический организм Ордынской державы.

Сформировавшиеся в Крыму, на нижней и средней Волге, между Днепром и Доном татарские «юрты» продолжали играть хотя и менее активную, чем Орда в целом, но все же заметную роль как в международной жизни региона, так и в политических судьбах от-

дельных восточноевропейских государств, в частности в судьбе Польско-литовского государства.

Сильное воздействие на политическую жизнь Польско-литовского государства середины XV в. оказывала сформировавшаяся в 30-е годы между Днестром и Доном Большая орда Сейд-Ахмета. Претендуя на лидерство среди татарских улусов, Орда Сейд-Ахмета вела напряженную борьбу как против Волжской орды Улуг-Мухаммеда, так и против Крыма, куда в 1443 г. при содействии польско-литовской дипломатии был посажен Хаджи-Гирей¹². В создавшейся ситуации Сейд-Ахмед пытался то вытеснить Хаджи-Гирея из Крыма, то ослаблять хана Волжской орды Улуг-Мухаммеда, находясь при этом в союзе с правителем другого волжского улуса — Кучук-Мухаммедом¹³. В конце 40-х — начале 50-х годов Сейд-Ахмет был в зените политического могущества и, опираясь на временное объединение татарских улусов, стал воскрешать политическую практику былого ордынского «великодержавия», стремясь к поочередному ослаблению соседей во имя поддержания традиционного равновесия. Обеспокоенный достигнутым в 1449 г. временным примирением Литвы с Москвой Сейд-Ахмет начал проводить наступательные операции не только против Великого княжества Литовского¹⁴, но и против своего бывшего союзника — московского великого князя Василия II¹⁵. Положение осложнялось тем, что у Сейд-Ахмета были влиятельные союзники в лице видных литовско-русских князей, в частности Михайлушки, сына Сигизмунда Кейстутовича, а также киевских князей Олельковичей¹⁶.

Такое положение весьма беспокоило Казимира, который стремился не только парализовать активность литовско-русских князей, но и ослабить самого Сейд-Ахмета. В какой-то мере Казимиру удалось в 50-е годы и то и другое. Влиятельные литовско-русские князья-династы были, как уже отмечалось, блокированы на рубеже 40—50-х годов, а Сейд-Ахмет потерпел сокрушительное поражение в 1455 г. от войск крымского хана Хаджи-Гирея, тогдашнего союзника Польско-литовского государства¹⁷. После этих событий Сейд-Ахмет тщетно пытался найти убежище у князей Олельковичей (из Киева он вскоре был перевезен в Вильно), а центр его Орды переместился из междуречья Днестра и Дона на берега нижней Волги¹⁸. В нашем распоряжении нет определенных данных о том, как складывались дальнейшие отношения Польско-литовского государства с ослабленной Большой Ордой и окрепшим тогда Крымским ханством Хаджи-Гирея¹⁹. Известно, что развернувшееся на рубеже 50—60-х годов XV в. соперничество привело ханов к новому решительному столкновению, которое произошло в 1465 г., как раз в тот момент, когда правитель Большой орды хан Ахмат собрал большую армию для нанесения удара по Московскому государству²⁰. Столкновение это завершилось полным торжеством крымского хана Хаджи-Гирея и, несомненно, оказало воздействие на расстановку сил в Восточной Европе, на создание в этом регионе новой политической конъюнктуры. Во всяком случае, само время, выбранное Хаджи-Гиреем для схватки с Ахматом, свидетельствовало о том, что крымский хан стремился предотвратить дальнейшее усиление Волжской орды за счет Москвы. В этих акциях Хаджи-Гирея можно видеть попытку выработать новый курс внешней политики Крыма. Не случайно уже в эти годы Хаджи-Гирей добивался сближения с Москвой и ослаблял одновременно контакты с Ягеллонами, предвосхищая тем самым политику Менгли-Гирея 70—90-х годов XV в., носившую во многом промосковский и вместе с тем антиягеллонский характер.

Установление в первой половине 60-х годов королем Казимиром тесных торговых и политических отношений с генуэзской Кафрой²¹ указывало на возникновение противоречий между Хаджи-Гиреем и Ягеллонами. Имеются свидетельства о том, что в конце 60-х годов уже существовали враждебные отношения между королем Казимиром и Крымом, а вместе с тем и союзные отношения между Польско-литовским государством и правителем Волжской орды ханом Ахматом, врагом Крыма и Москвы. Это находило выражение как в прямых дипломатических переговорах Казимира с Ахматом в конце 60-х годов по поводу совместной борьбы против Москвы²², так и в развертывавшихся тогда в

Восточной Европе военных действиях: походе Ахмата против Московского государства в 1468 г. и набегах Крыма на южные окраины Польско-литовского государства, предпринятых в 1469—1471 гг.²³

Однако политический потенциал Польско-литовского государства в эти годы, разумеется, определялся не только состоянием его отношений с восточноевропейскими соседями. Очень многое в позициях державы Ягеллонов обуславливалось развитием ее отношений со странами Западной Европы, сложившейся международной обстановкой в данной части европейского континента, которая, несмотря на все ее сложности, оказалась благоприятной для Польско-литовского государства.

Явное преобладание центробежных тенденций над центростремительными в политической жизни Германской империи при Фридрихе III Габсбурге (1440—1493), дальнейшее обособление отдельных немецких земель-княжеств, происходившее при поддержке Римской курии, далеко не всегда успешная борьба императора Фридриха III с Францией, Венецией, Венгрией²⁴, постепенная деградация Ганзы²⁵ и некоторый спад внешнеполитической активности Швеции²⁶ — все это создавало для Польско-литовского государства довольно выгодный международный фон, значительно облегчало осуществление таких возникавших тогда перед ним задач, как упрочение позиций на Балтике, расширение сферы влияния на среднем и нижнем Дунае, и, как уже отмечалось, на берегах Черного моря.

Одним из показателей возросшей роли Польши в политической жизни тогдашней Европы явилась женитьба в феврале 1454 г. польского короля Казимира на Елизавете Габсбург, дочери императора Альбрехта II (1438—1439), сестре Владислава Габсбурга Погробовца, короля Чехии (1440—1457) и Венгрии (1453—1457)²⁷. Этот брачный союз должен был иметь большое политическое значение: он не только закреплял традиции сотрудничества Польши с Чехией и особенно с Венгрией, возникшие в годы польско-венгерской унии 1370—1382 гг. и 1440—1444 гг.²⁸, но и намечал перспективу его восстановления в недалеком будущем. Соглашение о женитьбе Казимира на Елизавете Габсбург предусматривало возможность передачи Ягеллонам прав на венгерскую и чешскую короны в случае смерти бездетного Владислава Погробовца²⁹.

Соглашение о брачном союзе Казимира с Елизаветой Габсбург было реализацией замыслов не только одной династии Ягеллонов. Поддержанное Коронной Радой³⁰, это соглашение выражало интересы широких кругов польских феодалов, стремившихся таким способом добиться расширения земельного фонда, а вместе с тем и закрепления польско-литовских государственных границ путем их перенесения к черноморским берегам.

Однако пока Владислав Габсбург Погробовец благополучно управлял Венгрией и Чехией, пока Турция еще не соприкасалась непосредственно с рубежами Польши и Литвы, главным направлением внешнеполитической активности Ягеллонов оказывалось не южное, а северное, связанное с борьбой за упрочение позиций Польши на Балтике, с попытками ограничения сферы влияния Ордена крестоносцев, уменьшения его роли в политической жизни Северо-Восточной Европы.

Вполне закономерным в связи с этим следует признать тот факт, что остававшиеся после Грюнвальдской битвы весьма напряженными отношения между Польшей и Орденом в начале 50-х годов XV в. вступили в критическую фазу своего развития³¹.

Получая поддержку Римской курии и императора, правители Ордена рассматривали себя главными проводниками их политики в Северо-Восточной Европе и поэтому все меньше считались как с интересами политического и хозяйственного развития Польши, так и с экономическими и политическими запросами различных групп населения самой подчиненной им Пруссии³²⁻³³. Такая позиция крестоносцев привела к тому, что уже в 30—40-е годы XV в. значительная часть горожан и феодалов Пруссии объединилась в особый союз, который сначала пытался защищать себя сам, а потом встал на путь совместной с Польшей борьбы против Ордена. Уже в феврале 1454 г. Прусский союз обратился к королю Казимиру с просьбой принять Пруссию в состав Польского

государства. Просьба эта вскоре была удовлетворена: в марте был издан акт инкорпорации, а вслед за тем объявлена война крестоносцам. Так начался новый тур борьбы Польши с Немецким орденом, продолжавшийся тринадцать лет.

Война Польши против Ордена не была изолированным эпизодом политической жизни Северо-Восточной Европы; она теснейшим образом переплеталась с развитием международных отношений того времени в целом, в частности с ходом противоборства политических сил в юго-восточной части европейского континента. Дело в том, что поддерживавшие Орден в борьбе с Польшей Римская курия и император стремились одновременно навязать Польско-литовскому государству активное участие в антиосманской коалиции государств Юго-Восточной Европы³⁴. И хотя такое участие в чем-то отвечало тогда интересам Ягеллонов, тем не менее напряженная борьба с Орденом затрудняла одновременное осуществление Польшей активной политики на южных ее рубежах. Однако польская дипломатия все же проявляла в тот период заметную активность и в этом направлении. Более того, она даже пыталась увязать решение балтийской проблемы с обеспечением интересов Польско-литовского государства в Юго-Восточной Европе³⁵.

Еще накануне войны против Ордена Казимир не только заключил, как мы знаем, политически выгодный брачный союз с Елизаветой Габсбург, но и попытался одновременно утвердить свое влияние в Молдавском княжестве, хотя это могло привести его к столкновению с Турцией и Венгрией. Поэтому в борьбе за влияние в Молдавском княжестве польскому королю приходилось учитывать интересы в данном регионе как Порты, так и Венгрии. Казимир добился признания молдавским господарем в 1456 г. сюзеренитета Польши. Господарь Петр Арон, со своей стороны, стал вассалом польского короля в расчете на его помощь в борьбе с султаном, которому Арон обязался выплачивать ежегодную дань³⁶. Установление вассально-ленных отношений с Молдавским княжеством, данником Порты, означало, что Польша не только уклонялась тогда от прямых рекомендаций Рима и Империи войти в состав антиосманской коалиции, но и проявляла скрытую готовность сотрудничать с Османской империей, признавая реальностью нечто вроде польско-турецкого кондоминиума над Молдавским княжеством³⁷. Весьма показательно, что молдавский господарь проявлял тогда желание оказать Казимиру помощь в его борьбе с Орденом³⁸.

Такого рода отношения между Польшей, Молдавским княжеством и Портой, разумеется, не были случайными; они определялись всей международной обстановкой того времени, в том числе и ходом войны Польши против крестоносцев. Дело в том, что протекавшая с переменным успехом борьба на Балтийском побережье сопровождалась интенсивными дипломатическими переговорами как в Риме, так и в различных центрах Империи, переговорами, в которых, разумеется прежде всего защищались интересы Ордена на Балтике и Венгрии на Дунае, но в которых вместе с тем предпринимались попытки возложить едва ли не основное бремя противоборства с османским натиском в Юго-Восточной Европе на Польшу³⁹⁻⁴⁰.

Естественно, что все эти попытки Римской курии и Империи навязать Польше выгодную Ордену и невыгодную ей политику не могли встречать положительной реакции со стороны польской дипломатии. Оставаясь на принципиальных позициях защиты католицизма, в сфере практической политики она не только уклонялась от выполнения рекомендаций Рима и Империи, не только избегала их посредничества в урегулировании польско-орденских споров, но и выдвигала смелые контрпредложения.

Уже весной 1456 г., когда Империя решила осудить выступление короля Казимира и Прусского союза против Ордена, а сама Польша находилась под впечатлением военного поражения, понесенного ею под Хойницами (18 сентября 1454 г.), польская дипломатия все же сочла возможным во время переговоров с имперскими князьями выдвинуть идею переброски Ордена крестоносцев с Балтийского побережья либо на один из островов Эгейского моря, либо в причерноморские степи⁴¹. Совершенно очевидно, что Краков имел

при этом в виду ликвидацию сильного и боеспособного конкурента на Балтике и одновременное приобретение послушного и надежного союзника в Северном Причерноморье для будущей борьбы с Портой, исходил из возможности превращения Ордена из орудия антипольской политики в инструмент «пропольской» политики, направленной против султана.

Однако сколь ни смел и интересен был такой план польской дипломатии, он оказался неприемлемым как для князей Империи, так и для римского папы Каликста III (1455—1458), а в дальнейшем и для папы Пия II (1458—1464)⁴². Этот план был непригодным с их точки зрения по той причине, что он нарушал сложившуюся систему функционирования двух параллельно действовавших инструментов римско-имперской политики на востоке Европы, ломал защищавшуюся Римом концепцию «католического универсализма»⁴³, в рамках которой Орден и Польша должны были выполнять такие задачи, которые, хотя и не всегда совпадали с их собственными интересами, оказывались всегда одинаково важными для курии.

Римская курия и князья Империи стремились сохранить Орден в качестве своего главного политического инструмента на северо-востоке Европы, а Польше предлагали примириться, с одной стороны, с существованием воинственного Ордена на Балтике, а с другой стороны, взять на себя функции активного «защитника» христианства в Юго-Восточной Европе. Не удивительно, что такая позиция Рима и Империи заставляла Польшу продолжать вести напряженную борьбу против крестоносцев, игнорировать настойчивые предложения посредничества в польско-орденских переговорах и в то же время сохранять мирные отношения с Османской империей.

Данная ситуация серьезно не изменилась и тогда, когда в связи со смертью Владислава Габсбурга Погробовца (1457) чешскую и венгерскую короны получили не Ягеллоны⁴⁴, как это предусматривалось соглашением 1454 г., а соответственно Иржи Подебрад (1457—1471) и Матьяш Корвин Хуньяди (1458—1490), когда в 1457 г. молдавский престол занял Штефан III Великий. Новый молдавский господарь в 1459 г. принес присягу верности польскому королю, а весной 1462 г. подтвердил Казимиру признание его вассалитета⁴⁵.

Продолжая считать главной задачей своей политики борьбу за утверждение позиций Польши на Балтике, Казимир в то же время не игнорировал и положения дел на Черном море. Не случайно в год подтверждения молдавским господарем присяги польскому королю произошло сближение Кракова с генуэзской колонией в Крыму Кафрой (весна и лето 1462 г.), которая поддерживала тесные торговые связи с Молдавским княжеством⁴⁶. Установление отношений Каффы с королем Казимиром, в свою очередь, было связано, видимо, с развитием торгово-политических контактов Польши с Молдавским княжеством.

Но как бы ни складывались отношения Польско-литовского государства со своими южными соседями, основное внимание польской дипломатии в 60-е годы было направлено на ослабление Ордена, все еще сохранявшего и свой военно-политический потенциал, и свои широкие международные связи. Польша учитывала тот факт, что Орден постоянно получал поддержку Римской курии, умело прикрывавшей, как известно, практику своего политического сотрудничества с наиболее перспективными, наиболее выгодными партнерами концепциями «католического универсализма», идеями крестового похода против османов, лозунгами борьбы против чешского короля-«диссидента» Иржи Подебрада. Ягеллонам приходилось считаться и с тем, что под прикрытием идей «династического легитимизма» крестоносцы получали помощь от императора Фридриха, от некоторых князей-электоров⁴⁷. Польская дипломатия должна была иметь в виду и то обстоятельство, что на какое-то время союзником Ордена оказался венгерский король Матьяш Корвин, который в 1463 г. сблизился с императором Фридрихом III при явном одобрении Римской курии⁴⁸.

В этих условиях польская дипломатия, естественно, не бездействовала: она стремилась вести в Европе контригру, старалась найти силы, которые были бы оппозиционно настроены к Риму и императору и которые могли бы оказать ей ту или иную политическую поддержку. К этим силам можно было отнести чешского короля Иржи Подебрада, австрийского короля Альбрехта VI и баварского князя Людовика. В июне 1462 г. в Познани был заключен договор между австрийским королем и Казимиром, в котором последний назван «господином Пруссии»⁴⁹, а баварский курфюрст Людовик еще весной 1462 г. открыто поддержал польско-чешские политические контакты⁵⁰.

Польско-чешское сближение было оформлено на съезде в Глогове (май 1462 г.). В ходе этого съезда было заключено, казалось бы, неожиданное соглашение об антиосманском союзе Польши и Чехии, а также одобрен чешский проект создания широкой коалиции ряда европейских государств, направленный против Османской империи. Хотя достигнутые в Глогове соглашения формально носили антиосманский характер, в действительности они были направлены не столько против Порты, сколько против Ордена, императора и Римской курии. Об этом свидетельствовал тот факт, что Чехия устранялась из числа возможных союзников Ордена, а также то, что выдвинутый проект коалиции исключал руководящее участие в ней Империи и Рима. Переговоры в Глогове о создании антиосманской коалиции без ведущей роли Рима и императора были явно противопоставлены тогдашней политической активности последних, нацеленной также на формирование широкого фронта ряда европейских государств для борьбы с Османской империей⁵¹. Показательно, что последний аспект проекта получил одобрение со стороны Франции и Венеции, соперничавших тогда не столько с Портой, сколько с Империей и Римом⁵².

В этих условиях польская дипломатия стала еще более настойчиво добиваться своей главной цели — усиления позиций на Балтике за счет ослабления влияния Ордена, Империи и Рима, а также Венгрии в данном регионе.

В 1462—1463 гг. были достигнуты заметные военные успехи в войне против Ордена. Все более энергичным становилось и противодействие польской дипломатии вмешательству Рима как во внутривнутриполитическую, церковную жизнь Польского государства (споры по поводу назначения тех или иных епископов), так и в сам ход борьбы Польши против крестоносцев⁵³. Твердая и настойчивая позиция польской дипломатии в конце концов заставила Орден и Римскую курию занять более гибкую линию в отношении Польши и Прусского союза. Важную роль здесь сыграли польско-орденские переговоры, происходившие летом 1464 г. в Торуне при посредничестве представителей Ганзы. Хотя крестоносцы снова отвергли выдвигавшийся польской стороной проект переброски Ордена на территорию Подолии, тем не менее они стали допускать какую-то возможность компромисса под влиянием ганзейских дипломатов, поддерживавших Польшу⁵⁴. Однако решающий перелом в отношениях Польского государства, Прусского союза и Ордена наступил лишь в 1466 г., когда новые победы польских войск над крестоносцами, с одной стороны, и важные перемены в международной жизни всей Европы, с другой, создали для этого соответствующие предпосылки⁵⁵.

Именно в это время Римская курия вынуждена была внести существенные коррективы в свой подход к затянувшейся польско-орденской войне. Считаясь, разумеется, с фактом наметившегося военного перевеса Польши над крестоносцами, а также с явлениями далеко зашедшей расщепленности политических сил Западной Европы, новый римский папа Павел II (1464—1471) счел необходимым изменить свое отношение к многолетнему спору Польского королевства и Прусского союза с крестоносцами⁵⁶. Этому способствовало и то обстоятельство, что Павел II после полного провала выдвинутого его предшественником плана крестового похода против Порты, после неудач борьбы с Иржи Подебрадом видел именно в польском короле Казимире вполне реального участника антиосманской коалиции, более удачливого, чем венгерский

король, а также наиболее достойного, перспективного соперника чешскому королю-«диссиденту».

Поняв необходимость перемены своего отношения к конфликту на Балтике, папа снял «проклятие» Римской курии с Прусского союза, провозглашенное еще в 1455 г., выразил готовность поддерживать территориальные претензии Польши и Прусского союза в большей мере, чем территориальную программу крестоносцев.

При таких установках нового папы король Казимир счел возможным, наконец, принять посредничество Рима в намечавшихся переговорах с Орденом⁵⁷.

Итак, длительная и напряженная борьба Польши против крестоносцев, изменившаяся расстановка сил в тогдашней Европе создали к осени 1466 г. условия, при которых заключение мира между конфликтующими сторонами стало неизбежным. В силу подписанного 19 октября 1466 г. мирного договора к Польше отошли Восточное Поморье с Хельминской землей и часть Пруссии с Мальборком и Вармией, под контролем польского короля оказались города Гданьск, Торунь, Эльблонг и Крулевец (Кенигсберг). Сам Орден становился ленником польской короны, хотя сохранял при этом значительную автономию и самые тесные связи как с Римом, так и с Империей⁵⁸. После успешного завершения войны против Ордена в создавшейся благоприятной для Польши международной обстановке перед Ягеллонами открылись перспективы усиления влияния в Юго-Восточной, Восточной и Центральной Европе. Перед польской дипломатией встали две взаимосвязанные задачи: во-первых, «приобретение» для дома Ягеллонов чешского и венгерского престолов, что означало бы оформление польско-чешско-венгерской унии и создание сильного политического объединения в данном регионе под эгидой Кракова; во-вторых, организация на основе унии активного противодействия натиску Османской империи, что должно было бы в конечном счете обеспечить установление границ Польско-литовского государства на черноморских берегах.

Следует признать, однако, что предпринимавшиеся Польшей попытки параллельного осуществления этих задач наталкивались на определенные трудности. Польско-литовское государство (как, впрочем, и другие государства тогдашней Европы, в частности Венгрия и Австрия) вынуждено было считаться с тем фактом, что Римская курия продолжала вести политику так называемого «католического универсализма», подчинявшую интересы государственных образований и требовавшую значительных уступок со стороны этих государств ради достижения «наднациональных» целей Ватикана⁵⁹. Добиваясь от всех государств Юго-Восточной, Центральной и Восточной Европы активного участия в антиосманской коалиции, папство в то же время осуществляло такую политику в отношении этих государств, которая по существу крайне затрудняла создание коалиции. Рассчитывая на включение Польши в борьбу против экспансии Османской империи, Римская курия продолжала не только сама тесно сотрудничать с Орденом, но и поддерживать венгерского короля в его контактах с крестоносцами⁶⁰. Затрудняла создание широкого антиосманского фронта государств региона и политика Римской курии в отношении неугодного ей чешского правителя-«еретика» Иржи Подебрада, которого должны были, по расчетам Ватикана, ослабить или даже отстранить от власти как Венгрия, так и Польша⁶¹.

Несмотря на все эти трудности, польский король Казимир уже со второй половины 60-х годов стал активно добиваться упрочения позиций Польско-литовского государства в Юго-Восточной Европе. Не включаясь открыто в борьбу против Османской империи, польский король повел переговоры с римским папой Павлом II по поводу передачи Ягеллонам чешской короны в случае реализации плана удаления из Чехии короля-«диссидента» Подебрада, а с 1467 г. стал добиваться не только чешского, но и венгерского престола для Ягеллонской династии⁶².

Такая устремленность польского короля, разумеется, не оставалась незамеченной ни венгерским королем Матьяшем, ни императором Фридрихом. С согласия Рима и Фридриха III по просьбе чешских католиков — противников Подебрада Матьяш Корвин 6

апреля 1468 г. объявил себя защитником и опекуном Чехии и начал открытую войну против Подебрада. Через год, заняв силой Моравию, Корвин добился у чешских католиков избрания себя чешским королем (Оломоуц, 3 мая 1469 г.)⁶³.

В этих условиях Подебрад, оказавшись в изоляции, вынужден был зимой 1468/69 г. пойти на временное примирение с Матьяшем Корвиным. Однако теперь дальнейшие политические расчеты Подебрада связывались с Польшей, дипломаты которой энергично протестовали против избрания Матьяша в Оломоуце⁶⁴. Видя в венгерском короле главное орудие римской политики на чешских землях, Подебрад обратился непосредственно к польскому королю Казимиру с предложением наметить кого-либо из его сыновей наследником чешской короны (тогда же чешский сейм одобрил проект передачи Ягеллонам чешского престола в случае смерти Подебрада)⁶⁵. Поскольку Казимир видел в военно-политической активности Корвина угрозу не только Чехии, но и самой Польше, угрозу планам создания под эгидой Ягеллонов большого государственного организма от Балтики до Черного моря⁶⁶, он, разумеется, не мог не приветствовать предложения Иржи Подебрада. Хотя Казимир не принял его некоторых условий, в частности проекта женитьбы Владислава Ягеллона на его дочери Людмиле, тем не менее политическое соглашение между правителем Чехии и королем Польши летом 1469 г. стало свершившимся фактом⁶⁷.

В конце 60-х — начале 70-х годов будущее чешской короны оказалось в фокусе международной жизни всей Центральной Европы. Кроме Ягеллонов и Корвина, появились и другие претенденты, в частности курфюрст саксонский Альбрехт, женатый на дочери Подебрада Здене, курфюрст Баварский Людовик и, наконец, сам Фридрих III⁶⁸.

Напряженная борьба за корону Вацлава вступила в новую фазу, когда умер Подебрад (22 февраля 1471 г.). Противоборство кандидатур усилилось. Однако Казимиру все же удалось путем гибкой дипломатии, демонстрации терпимого отношения к остаткам гусизма добиться избрания на сейме в Кутной Горе (конец мая 1471 г.) своего сына Владислава чешским королем. 22 июля 1471 г. он был коронован в Праге⁶⁹.

Однако это не было завершением борьбы за чешскую корону. Коронация Владислава не устраивала ни Римскую курию, ни венгерского короля, контролировавшего Моравию, Силезию и Лужицы⁷⁰. Польская дипломатия, предлагая компромиссное соглашение, до сути дела выдвигала план временного разделения чешских земель между Владиславом Ягеллоном и Матьяшем Корвиным. Но римский папа и венгерский король требовали большего и готовили войну против Польши. В ответ Ягеллоны объявили о своих претензиях и даже «исторических правах» не только на Чехию, но и на Венгрию⁷¹. Ягеллоны поддерживали отдельные группы феодалов из Трансильвании, самой Венгрии, а также молдавский господарь Штефан, который ранее установил контакты с противником Корвина — Иржи Подебрадом и объявил войну валашскому господарю Раду Красивому (1462—1471), которого венгерский король хотел использовать для утверждения контроля над устьем Дуная и крепостью-портом Килией⁷².

В результате война стала фактом. Проходившие с переменным успехом в 1471—1474 гг. военные действия между польскими и венгерскими войсками завершились сначала перемирием (27 февраля 1474 г.), а потом заключением во Вроцлаве компромиссного соглашения (8 декабря 1474 г.), в силу которого Владислав Ягеллон был признан королем Чехии, а его соперник Матьяш Корвин стал обладателем Моравии, Силезии, Лужиц⁷³.

Но папство и на этот раз осталось недовольным достигнутой договоренностью. Дело в том, что в середине 70-х годов XV в. Римская курия изменила свое отношение к польскому правящему дому Ягеллонов. Если в предшествующем десятилетии римская дипломатия видела в Казимире надежного противника чешского короля-«диссидента» и усматривала в польском короле одного из возможных участников антиосманской коалиции, то после смерти Подебрада и избрания Владислава Ягеллона на чешский престол, обнаружив его терпимость к остаткам гусизма в Чехии и нейтральную позицию

по отношению к Османской империи, Ватикан изменил свой подход к оценке роли Ягеллонов. В политических расчетах римского папы Сикста IV (1471—1484) главная ставка делалась теперь не на короля Польши Казимира, а на венгерского короля Матьяша Корвина, которому оказывалась большая денежная помощь⁷⁴.

В этих условиях глава Польско-литовского государства, а вместе с ним и новый чешский король Владислав рассматривались в Риме в качестве таких политических деятелей, которые только ослабляли военно-политический потенциал Корвина, мешали осуществлению возложенных на него функций. Римская дипломатия выдвинула задачу создания максимально благоприятной политической конъюнктуры для деятельности венгерского короля, а в связи с этим и задачу расшатывания позиции Ягеллонов в данной части европейского континента. Не удивительно, что именно тогда был поставлен под вопрос польско-венгерский договор во Вроцлаве (декабрь 1474 г.), а также весь комплекс отношений Польши с Орденом, созданный: Торуньским миром 1466 г. Вопреки воле короля Казимира в Вармию был назначен епископом Тунген, в дальнейшем римская дипломатия предложила Тунгену, а также магистру Ордена Трухцессу перейти под покровительство венгерского короля Матьяша (это произошло позднее, в феврале-марте 1477 г.)⁷³.

Действуя в тесном контакте с Римской курией, Корвин выдвинул идею «проклятия» Казимира и план ослабления польского влияния в Молдавском княжестве с целью утверждения здесь своего влияния⁷⁶. Кроме того, через императора Фридриха III Корвин пытался лишить династию Ягеллонов инвеституры на Чехию с тем, чтобы потом передать «законные» права на чешскую корону венгерскому правящему дому⁷⁷.

Антипольская позиция папства в середине 70-х годов привела к тому, что миссия посла Польши Каллимаха в Риме (начало 1477 г.) кончилась безрезультатно (Каллимах настаивал тогда в Риме на разрыве Матьяша с крестоносцами, на окончательном признании курией Владислава Ягеллона чешским королем)⁷⁸, а прибывший в Краков папский нунций Бальтазар объявил в середине января 1478 г. о «проклятии» папой Казимира и Владислава, об освобождении крестоносцев от обязательств, связанных с условиями Торуньского мира. В этих обстоятельствах новый магистр Ордена Трухцесс готовился к открытой войне против Польши, надеясь на помощь венгерского короля и некоторых немецких князей⁷⁹.

Такой оборот дел вынуждал польского короля вести энергичную контригру как в чисто военной сфере, так и в сфере дипломатической. Осуществлявшиеся в эти годы в Польше приготовления к вооруженному конфликту с Орденом, а также военные действия между чешским королем Владиславом Ягеллоном и Матьяшем Корвиным в какой-то мере сдерживали воинственность Ордена⁸⁰. Сколь бы действия Ордена и короля Венгрии активизация черноморской политики Казимира, его стремление укрепить влияние в Молдавском княжестве⁸¹. Однако акции польского короля наталкивались на растущее противодействие не только Римской курии, Корвина и Фридриха III, но также и Османской империи.

Дело в том, что в начале 70-х годов Мехмед II решил повернуть острие своей внешней политики в сторону Юго-Восточной Европы. Этому способствовала одержанная султанским войском решительная победа (11 августа 1473 г.) над Узун-Хасаном, главой государства Ак-Коюнлу⁸². Именно в эти годы Мехмед все более отчетливо стал понимать неоправданность, а может быть, даже рискованность дальнейших попыток продвижения вверх по среднему Дунаю при полной необеспеченности своих флангов в Северном Причерноморье, а также в той части Балканского полуострова, которая примыкала к Адриатическому морю, при отсутствии надежного контроля со стороны Порты над Ордынскими улусами в Крыму, на нижней Волге, над Молдавским княжеством, а также над Албанией, Герцеговиной, отчасти Боснией. Адриатическое побережье Балканского полуострова заметно интересовало феодальные силы Западной Европы, прежде всего Венецию, с которой Порты уже вела войну с 1463 г.⁸³, а Северное Причерноморье

привлекало все большее внимание Польско-литовского государства, а также в известной мере и Генуи. Султан не мог не знать о том, что Венеция и Польша еще недавно искали союза с Узун-Хасаном. Мехмед прекрасно был осведомлен и о том, что Ягеллоны открыто претендовали на закрепление за собой территорий Северного Причерноморья, Нижнего Подунавья, нижней Волги как путем установления союзных или вассальных отношений со странами этого региона, так и путем создания польско-литовских опорных пунктов на Черноморском побережье⁸⁴.

Особые опасения внушало Мехмеду то, что молдавский господарь, владевший Килией и Аккерманом, поддерживал самые тесные торговые и политические отношения с генуэзской Кафрой и всей системой итальянских колоний в Северном Причерноморье⁸⁵. Победа, одержанная Штефаном над османским войском у Вислуя в январе

1475 г., и признание в сентябре 1475 г. вассалитета польского короля усиливали опасения султана. Видимо, не случайно именно в эти годы Мехмед значительно сократил размах наступательных операций против самой Венгрии, масштабы боевых действий на подступах к среднему Дунаю, хотя борьба здесь еще продолжалась в 1475 и 1476 гг.

Одновременно с военными действиями, терявшими свой быллой размах, происходили интенсивные дипломатические переговоры по поводу возможного примирения между Портой и Венгрией. Мехмед просил даже предоставить османским войскам свободный проход через территории королевства Венгрии якобы для борьбы с Империей⁸⁶. Хотя Корвин и отверг просьбу султана, переговоры по поводу заключения сепаратного мира между Венгрией и Портой все же продолжались. В 1477—1479 гг. венгерский король был близок к формальному соглашению с Мехмедом, тем более что родственник и союзник Корвина король неаполитанский Фердинанд уже тесно сотрудничал с султаном⁸⁷.

Стремясь к свертыванию борьбы с собственно Венгрией, султан в то же время старался обезвредить ее скрытых и явных политических партнеров в Северном Причерноморье, на Балканах и в самой Италии. Он старался ослабить влияние Польско-литовского государства на нижнем Дунае и в Северном Причерноморье и ликвидировать присутствие Венеции на территориях Восточной Адриатики. Не случайно Мехмед считал тогда Венецию и Польско-литовское государство серьезными противниками⁸⁸. И это было, очевидно, одним из главных направлений военно-политической активности султана во второй половине 70-х годов XV в.

Мехмед свел на нет все достижения короля Матьяша в Валахии, подчинив своей власти нового господаря Басараба Лайота. С целью ослабления Венеции на Адриатике султан с такой же настойчивостью вел борьбу за утверждение своих позиций в Греции, Албании, в тех областях Боснии, которые после 1463 г. еще оставались под венгерским контролем⁸⁹. Установление в 1477—1478 гг. союзных отношений с неаполитанским королем Фердинандом должно было привести к дальнейшему ослаблению республики св. Марка. В условиях наметившегося сближения Фердинанда Неаполитанского и Корвина с Османской империей и растущего нажима со стороны султанских сил на Адриатике Венеция зимой 1478/79 г. встала на путь мирных переговоров с Портой, а 5 мая 1479 г. заключила с ней соответствующий мирный договор⁹⁰.

Добившись выхода Венеции из войны, начавшейся еще в 1463 г., Мехмед уже через неделю бросил заранее собранные войска на Албанию, на ее главную приморскую крепость Скутари. В результате этих операций к концу 70-х — началу 80-х годов почти все восточное побережье Адриатического моря было в руках султана⁹¹.

Не меньшее значение в международной жизни того времени имели успехи султана Мехмеда в Северном Причерноморье, в частности установление им контроля над Крымским полуостровом в 1475—1478 гг. В разработке плана кампании против Крыма участвовал не только сам султан, но и его визирь Гедик-Ахмед-паша, назначенный тогда главнокомандующим османских сил. Первой политической акцией этого плана было отстранение от власти Менгли-Гирея незадолго до начала боевых операций по овладению

Каффой. Неуверенный в готовности Менгли-Гирея активно участвовать в кампании на стороне султана, поскольку были известны его тесные контакты с этой генуэзской колонией (еще в 1469 г. он защищал ее от посягательств самого султана, а в 1474 г. — от нападков ширинских мурз, возглавляемых Эминеком), османский главнокомандующий предпочел иметь дело не с представителем династии Гиреев, а с главой рода ширинов Эминеком⁹².

В результате Менгли-Гирей в начале 1475 г. был заточен в Манкупскую крепость, а Эминек возвращен в старый Крым. И когда османский флот в составе 300—350 судов появился весной 1475 г. на Каффинском рейде, Гедик-Ахмед-паша мог рассчитывать на выступление против Каффы крымских татар под командой Эминека. Задуманная таким образом операция по овладению генуэзской крепостью длилась всего три-четыре дня. Вслед за тем была фактически упразднена и вся система итальянских колоний в Северном Причерноморье, находившаяся до сих пор под той или иной опекой генуэзской Каффы. Под власть Порты попали Матрега (Тамань), Воспро (Керчь), Тана (Азов), Мапа (Анапа), Копа на Кубани и другие поселения такого типа в регионе. Их судьбу вскоре разделили Чембало (Балаклава) и Солдайя (Судак), который был взят голодной блокадой⁹³.

Овладев основными стратегическими пунктами прибрежной полосы Крыма, а также Таманского полуострова, Гедик-Ахмед-паша приступил к политическому оформлению одержанной победы. Если для взятия Каффы турецкому командующему было достаточно поддержки ширинских мурз во главе с Эминеком, то для длительного закрепления власти Порты над всем Крымским ханством снова понадобилась влиятельная фигура представителя династии Гиреев, в частности хана Менгли-Гирея. В июле 1475 г. он был освобожден из Манкупского заточения и тогда же заключил с Гедик-Ахмед-пашой договор большой исторической важности. В посланном в июле 1475 г. письме к султану Мехмеду Менгли-Гирея сообщал: «...мы заключили с Ахмед-пашой договор и условия: быть падишаха другу — другом, а его врагу — врагом», а также выражал благодарность за то, что крымцы «вошли в милость падишаха, в состав государства его». В этой ситуации султану уже не нужно было и автономное Манкупское княжество, в декабре 1475 г. это карликовое государство также оказалось под полным контролем Турции и Крыма, а князь Исаак — один из потомков Трапезундских Комнинов — был ликвидирован⁹⁴.

Добившись таким образом в течение 1475 г. осуществления своих планов в отношении Крымского полуострова, Мехмед отнюдь не считал свою программу выполненной. Стремясь расширить и укрепить свое влияние в Восточной Европе, он не довольствовался подчинением Крыма. Теперь перед ним стояла задача установить контроль и над другими улусами бывшей Ордынской державы, в частности над одним из главных улусов на нижней Волге — Большой ордой. Чтобы превратить этот улус в своего вассала, султан в 1476 г. санкционировал политическое сращивание Волжского юрта с Крымским. Это было осуществлено путем отстранения от власти Менгли-Гирея (к которому султан, видимо, все еще не питал полного доверия) и одновременной передачи Крымского «юрта» одному из Ахматовичей — Джанибеку. Причастность к этой политической акции османских властей подчеркивала одна из русских летописей⁹⁵.

Однако уже через год-два султан, видимо, стал понимать невыгодность и даже опасность сохранения тесных политических контактов Крыма с Большой ордой. Дело в том, что хан Ахмат только декларировал свою привязанность к падишаху и Порте. Его реальная политика состояла в том, чтобы, опираясь на достигнутое сращивание Крыма с Ордой, воскресить «великодержавные» претензии Чингизидов на всю Восточную Европу и тем самым противопоставить как бы восстанавливаемую Золотую Орду Османской империи⁹⁶. Так, в письме Ахмата к Мехмеду (июнь 1477 г.), кроме декларации «верности» Порте, содержались напоминания о том, что свое происхождение ордынский правитель вел от Чингисхана⁹⁷. Об этом же говорили и прямые попытки Ахмат-хана

восстановить политическую и финансовую власть Орды над Северо-Восточной Русью, предпринятые в 1476 г.⁹⁸

Разумеется, развитие событий в этом направлении, дальнейшее усиление политической власти Ахмата, а следовательно, и Джанибека, все больше беспокоили султана, а вместе с ним и влиятельные круги крымских феодалов, ширинских мурз. В результате отношения между Ахматом и Джанибеком, с одной стороны, Мехмедом II и крымскими ширинскими — с другой, быстро ухудшались. В 1478 г. они достигли кризисной стадии: Османская империя изгнала из Крыма Джанибека, освободила из заточения Менгли-Гирея и в третий раз посадила его на крымский престол⁹⁹. Тогда же был подтвержден договор 1475 г., который фиксировал вассальную зависимость Крымского ханства от Порты. Условия этой зависимости были довольно четко определены. Османская империя настояла на том, чтобы в Стамбуле постоянно находились ближайшие родственники хана, которые в качестве представителей династии Гиреев могли заменить его на крымском престоле в любой удобный для Порты момент. Кроме того, султан потребовал предоставления ему прибрежной полосы горного Крыма (от Балаклавы до Керчи) с центром в Каффе¹⁰⁰. Здесь был расположен большой турецкий гарнизон, а также находилась резиденция постоянного представителя Стамбула¹⁰¹.

Обеспечив таким образом реальный контроль над деятельностью крымских правителей, Порта пошла им на некоторые уступки, имея при этом в виду возможность более гибкого использования Крыма в качестве инструмента своей политики. Она обещала назначать ханов на крымский трон только из дома Гиреев, предоставив ханству внутривассальную автономию и право сношений с иностранными державами. Так были заложены основы крымско-турецких отношений, которые в дальнейшем видоизменялись в деталях, но оставались стабильными в главном: Крым являлся вассалом Османской империи, послушным проводником ее планов в Восточной и Юго-Восточной Европе. Установление такого рода зависимости Крыма от Порты стало одним из ключевых моментов не только в истории их взаимоотношений, но и в политике османско-крымской дипломатии в данном регионе на протяжении двух-трех столетий.

Преобразование Крыма в послушного вассала Порты, османские завоевания 70-х годов в западной части Балканского полуострова создавали благоприятные условия для вмешательства султанской дипломатии в политическую жизнь Восточной, Юго-Восточной и Центральной Европы, для использования ею в своих интересах политического соперничества между Ягеллонами, Рюриковичами, Хуньяди и Габсбургами, вооруженных конфликтов между ними¹⁰².

Одновременно с операциями на Крымском полуострове Мехмед действовал и в нижнем Дунае, стремясь подчинить себе Молдавское княжество. Проиграв битву у Васлуя в 1475 г., султан при поддержке Менгли-Гирея и валашского господаря Басараба II Лайоты добился летом 1476 г. победы над молдавскими войсками, однако не смог закрепить свое влияние в Молдавском княжестве. Молдавский господарь Штефан продолжал сотрудничать со многими своими соседями, враждебными Порте. Несмотря на вынужденные уступки султану, господарь продолжал поддерживать контакты как с Венгрией, так и с Польшей (12 июля 1475 г. он стал вассалом венгерского короля Матвея, 8 сентября 1475 г. объявил себя вассалом короля Казимира).

Специфика такой ситуации обуславливалась, видимо, рядом причин. С одной стороны, каждый из претендентов на подчинение Молдавского княжества имел недостаточный военно-политический потенциал; с другой стороны, господарь сознательно следовал тактике лавирования между Портой, Венгрией и Польшей, обеспечивая таким образом необходимые политические предпосылки для сохранения самостоятельности своего княжества. Османская империя чаще и успешнее других соседей княжества (в силу явного преобладания своего военно-политического потенциала) использовала политику ее господаря Штефана на международной арене, в частности извлекала для себя выгоду из его лавирования между Польшей и Венгрией, которое

содействовало нужному Порте обострению польско-венгерских отношений, а иногда и провоцировала возникновение конфликтов между ними.

Таким образом, Османская империя к концу 70-х годов XV в. добилась существенных сдвигов в создании выгодной для себя ситуации в Юго-Восточной Европе. Временно отказавшись от планов продвижения вверх по среднему Дунаю, Порта закрепила свои позиции на флангах, на адриатическом побережье Балканского полуострова и в Северном Причерноморье, попыталась утвердить свое влияние на нижнем Дунае. Османская империя получила, таким образом, возможность более активно вмешиваться в международную жизнь европейского континента, эффективнее, чем раньше, использовать в своих интересах противоречия между Московским государством и Польшей, Польшей и Венгрией, Венгрией и Империей, наконец, Империей и некоторыми итальянскими государствами, а в дальнейшем — между Империей и Францией. Разумеется, речь шла не о простом сталкивании их друг с другом, а об умелом использовании сложных отношений между государствами Юго-Восточной, Восточной и Центральной Европы, которое содействовало бы в конечном счете созданию выгодной для Порты расстановки политических сил в регионе, не допуская слишком большого перевеса одной державы над другими и исключая возможность формирования широкой антиосманской коалиции европейских государств.

Заняв выгодные стратегические позиции в указанном регионе, Порта стала еще более энергично добиваться предотвращения политической консолидации северных соседей, постоянно поощряя соперничество между ними. Так, дав венгерскому королю возможность свернуть вооруженную борьбу против османских войск в 1478—1479 гг., султан объективно создал благоприятные условия для захвата Корвиним некоторых австрийских территорий, вызвав тем самым обострение венгеро-имперских противоречий и вооруженный конфликт между Матьяшем и Фридрихом III¹⁰³. В создавшейся таким образом ситуации Османская империя главное свое внимание стала сосредоточивать на противодействии политике Польско-литовского государства с его программой польско-чешско-венгерской унии, с планами расширения территориальных владений в Восточной Европе, Северном Причерноморье и нижнем Дунае, с практикой тесного сотрудничества с Волжской Ордой, тогдашним антагонистом Крыма.

Новая международная ситуация в регионе не оставалась, разумеется, незамеченной крупными политическими силами Западной и Центральной Европы. Весной 1478 г. в отношениях Римской курии и венгерского короля к Польше произошли важные сдвиги. В марте-апреле было достигнуто перемирие между чешским королем Владиславом и венгерским королем Матьяшем, тогда же папа Сикст IV принял в Риме польского посла Гослупского, которому было объявлено о якобы возникших серьезных разногласиях между Римской курией и папским нунцием Бальтазаром (случай крайне редкий в дипломатической практике Ватикана), о допущении им явного превышения своих полномочий в отношении Ягеллонов, Польши и Ордена (см. выше). Вскоре после этого вынужденного дезавуирования Римом своего легата были достигнуты реальные политические соглашения между Польшей, Венгрией и Орденом. В первой половине 1479 г. были заключены договоры о сохранении титула «чешского короля» за домами Ягеллонов и Хуньяди, а вслед за тем король Матьяш Корвин должен был отказаться от поддержки своих недавних союзников — магистра Ордена Трухцесса и епископа Вармии Тунгена¹⁰⁴.

Итак, ход военных действий между польскими и орденскими войсками середины 70-х годов и важные сдвиги в международной жизни того времени привели к тому, что Польско-литовское государство добилось восстановления своих позиций на Балтике, а также урегулирования отношений с Венгрией. Вместе с тем оно выдвинуло смелый план утверждения своего влияния в Чехии, Венгрии, Молдавском княжестве и в Северном Причерноморье, который к середине 70-х годов уже частично был реализован. Королем Чехии уже был Владислав Ягеллон, молдавский господарь Штефан продолжал выступать

в роли вассала Польши, а все еще сильная Волжская орда оказалась активным военно-политическим партнером Казимира.

Отношения с Московским государством на протяжении 70-х годов оставались формально мирными, хотя в скрытом соперничестве за влияние на Волхове Ягеллоны должны были уступить Ивану III¹⁰⁵.

Достигнутые Польско-литовским государством политические результаты, несмотря на их относительность, производили сильное впечатление на соседние державы не только сами по себе, но и перспективой их «наращивания» в недалеком будущем.

¹ *Historia Polski*. Т. 1. W., 1957, cz. 2; *История Венгрии*. Т. 1. М., 1971; *История Югославии*. Т. 1. М., 1963; *Fraknoi V. M. Corvinus Konig von Ungarn 1458—1490*. Freiburg, 1891; *Nehring K. Matthias Corvinus, Kaiser Friedrich III und das Reich. Zum hungarisch-habsburgischen Gegensatz im Donauraum*. Munchen, 1975; *Kraus W., Kaser K. Deutsche Geschichte im Ausgange des Mittelalters*. Stuttgart; Berlin, 1905—1912, Bd. 1—2; *Wiesflecker H. Kaiser Maximilian I. Das Reich, Osterreich und Europa an der Wende zur Neuzeit*. Wien, 1971—1975, Bd. 1—2.

² *Черепнин Л. В. Образование русского централизованного государства*. М., 1961; *Базилевич К. В. Внешняя политика русского централизованного государства. Вторая половина XV в.* М., 1952.

³ *История Чехословакии*. Т. 1. М., 1956; *Prehled dejin Ceskoslovenska*. Praha, 1980, t. 1.

⁴ *Historia Polski*, t. 1, cz. 2, s. 78 — 106; *Разумовская Л. В. Очерки по истории польских крестьян в XV—XVI вв.* М., 1968.

⁵ *Historia Polski*, t. 1, cz. 2, s. 44, 107—145.

⁶ *Historia Polski*, t. 1, cz. 2, s. 126—130.

⁷ *Heyd W. Historie du commerce du Levant au moyen age*. Leipzig, 1886, Bd. 1—2; *Charewiczowa L. Handel Lwowa z Moldawij i Multanami w wiekach srednich*.— КН, 1924, г. 38; *Мохов Н. А. Молдавский торговый путь в XIV—XV вв.*— В кн.: *Польша и Русь*. М., 1974, с. 298—307; *Подградская Е. М. Торговые связи Молдавии со Львовом в XIV—XV вв.* Киев, 1968; *Malowist M. Kaffa — kolonia genuenska na Krymie i problem wschodni w latach 1453—1475*. W., 1947, s. 48—94, 151—158, 173—179.

⁹ *Papee F. Polska i Litwa na przelomie wiekow srednich*. Krakow, 1904, t. 1, s. 21, 47; *Kolankowski L. Dzieje Wielkiego Ksiestwa Litewskiego za Jagiellonow*. W., 1930, t. 1, s. 238, 249—251, 2557—260, 266, 280, 291.

⁹ *Papee F. Polska i Litwa...*, s. 29—32; *Halecki O. Dzieje unii Jagiellonskiej*. Krakow, 1919, t. 1, s. 452; *Kolankowski L. Dzieje...*, s. 344; *Любавский М. К. Очерк истории Литовско-Русского государства*. М., 1910, с. 78 — 82; *Он же. Литовско-русский сейм*. М., 1901, с. 93—150; *НОР*, t. 1, s. 533 nast.

¹⁰ *Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв.* М.; Л., 1950, № 53, с. 160; *Kolankowski L. Polska Jagiellonow*. W., 1936, s. 126.

¹¹ *Базилевич К. В. Внешняя политика...*, с. 44—46; *Сафаргалиев М. Г. Распад Золотой Орды*. Саранск, 1960, с. 264—266; *Kolankowski L. Dzieje...*, s. 256—257, 260.

¹² *Strykowski M. Kronika Polska, Litewska, Zmudzka i wszyskiej Rusi*. Wilno, 1846, t. 2, s. 212-213.

¹³ *ПСРЛ*, т. 17, с. 543; *Kolankowski L. Dzieje...*, s. 257, 258, 260, 316, 318; *Ca-(fiarapaijuee M. F. Pasnafl...*, с. 260—264.

¹⁴ *Dlugosz J.*, t. 5, s. 56—57.

¹⁵ *ПСРЛ*, т. 18, с. 204; *Базилевич К. В. Внешняя политика...*, с. 52.

¹⁶ *Dlugosz J.*, t. 5, s. 110—111; *Kolankowski L. Polska Jagiellonow...*, s. 1—104; *idem. Dzieje...*, s. 272, 280—281.

¹⁷ *Dlugosz J.*, t. 5, s. 184, 201; *Смирнов В. Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII в.* СПб., 1887, с. 227—250; *Kolankowski L. Dzieje...*, s. 281.

¹⁸ *Dlugosz J.*, t. 5, s. 201; *Сб. РИО*, т. 41, с. 522; *Kolankowski L. Dzieje...*, s. 281.

¹⁹ *HDP*, t. 1, s. 497; *Kolankowski L. Dzieje...*, s. 319. Авторы «Истории польской дипломатии» считают, что Хаджи-Гирей до конца дней своих был верным союзником короля Казимира. Между тем Л. Коланковский видит в победе Хаджи-Гирея над Большой ордой в 1465 г. первую важную услугу Крыма Москве. Правда, этому тезису противоречит утверждение того же Коланковского о том, что Большая орда, а не Крым совершила набег на окраины Польско-Литовского государства в 1469 г. (*Kolankowski L. Dzieje...*, s. 324). Это утверждение основано, как нам представляется, на недостаточно критическом отношении Коланковского к сбивчивой информации Длугоша по данному поводу (*Dlugosz J.*, t. 5, s. 499—500), в частности к информации о том, что Менгли-Гирей и Мамак являлись ханами Великой орды, что Мамак вопреки воле Менгли-Гирея предпринял набег на Киевщину, Подолию в 1469 г., а потом в 1471 г. сын Мамака совершил поход на Молдавию, во время которого трагически погиб. Сам факт похода татар на Поднепровье в 1469 г. подтверждается материалами Петровского сейма, однако в источниках нет дополнительных данных ни о том, что этот поход был совершен татарами Большой орды, ни о том, что сын Мамака предпринял поход на Молдавию, во время которого он якобы по приказу Стефана Молдавского и погиб (*Rozbior krytuczny Annalium Poloniae Jana Dlugosza z lat 1445—1480*. Wroclaw; W.; Krakow, 1965, t. 2, s. 258). Очевидная ошибка в признании Менгли-Гирея «ханом надволжанским», отсутствие дополнительных

данных по всей остальной информации Длугоша позволяют ставить вопрос о том, что набег 1469 г. был совершен все же не Махмудом Золотой Орды, соправителем Ахмата, а крымскими татарами под эгидой предводителя рода Ширинов Эминека, для которого походы на Поднепровье были обычным делом и который конфликтовал с Менгли-Гиреем в 1469 г. Последнее обстоятельство объясняет тот сообщаемый Длугошем факт, что Менгли-Гирей информировал Краков о подготовке вторжения Эминека на окраины Польско-Литовского государства. При таком подходе к делу информация русских летописей об установлении политического сотрудничества Большой орды с Ягеллонами уже в 1469—1471 гг. выглядит вполне достоверной (ПСРЛ, т. 18, с. 241; т. 22, с. 474).

²⁰ ПСРЛ, т. 8, с. 151; *Dlugosz J.*, t. 5, s. 398; *Смирнов В. Д.* Крымское ханство..., с. 241; *Kolankowski L. Dzieje...*, s. 319.

²¹ *Malowist M. Kaffa — kolonia...*, s. 43, 65, 275.

²² Сб. РИО, т. 41, с. 10—11; *Бабилевич К. В.* Внешняя политика..., с. 103.

²³ *Малиновский А. Ф.* Историческое и дипломатическое собрание дел, происходивших между российскими великими князьями и бывшими в Крыму татарскими царями с 1462 по 1533 г.— Зап. Одес. об-ва истории и древностей, 1863, т. 5, с. 183—185; *Malowist M. Kaffa — kolonia...*, s. 283—285; *Kolankowski L. Dzieje...*, s. 313—314, 319—330.

²⁴ *Kraus W. Deutsche Geschichte zur Zeit Albrecht II und Friedrich III (1438—1486).* Berlin, 1905, Bd. 1, S. 330—346; 531—544; 600—654; *Wiesflecker H. Kaiser Maximilian I.* Bd. 1, S. 11—18, 389—402.

²⁵ *Schildhauer J. Veränderung in der Stellung der Hanse im Ost- und Nordseeraum von Stralsunder Frieden bis zum Frieden von Utrecht.*— *Acta Visbyensia*, 1973, 4.

²⁶ История Швеции. М., 1974, с. 128—131.

²⁷ *Dlugosz J.*, t. 5, s. 136-137, 142-145; HDP, t. 1, s. 441-442.

²⁸ *Historia Polski. W.*, 1957, t. 1, cz. 1, s. 554—561, 598—600; HDP, t. 1, s. 263—267, 414—419; *Kolankowski L. Polska Jagiellonow...*, s. 83, 88.

²⁹ *Dlugosz J.*, t. 5, s. 142—145; *Fraknoi V. M. Corvinus...*, S. 37.

³⁰ HDP, t. 1, s. 441.

³¹ *Historia Polski*, t. 1, cz. 2, s. 174.

³²⁻³³ *Ibid.*, s. 177-181.

³⁴ HDP, t. 1, s. 445—446; *Dlugosz J.*, t. 5, c. 86.

³⁵ HDP, t. 1, s. 473.

³⁶ *Babinger F. Mehmed der Eroberer und seine Zeit.* Munchen, 1953, S. 144; *Mehmed M. Pplitique Ottomane envers la Moldavie et le Khanat de Krimee.*— *Revue Roumaine d'histoire*, 1974, N 3, p. 514; *Papacostea S. La Moldavie etat tributaire de l'Empire Ottoman au XV siecle.*— *Ibid.*; *Jablownki A. Sprawy woloskie za Jagiellpn6w.*— In: *Zrodla Dziejowe. W.*, 1878, t. 10, s. 47, 48, 49; *Stachon B. Polityka Polski wobec Turcji i akcyi antyturckiej w wieku XV do utraty Kilii i Bialogrodu (1484).* Lwow, 1930; *Уляницкий В. А.* Материалы для истории взаимных отношений России, Польши, Молдавии, Валахии и Турции в XIV—XVI вв. М., 1887, № 79, 80.

³⁷ *Iorga N. Geschichte des Osmanischen Reiches.* Gotha, 1909, Bd. 2, S. 63; HDP, t. 1, s. 459, 473.

³⁸ *Stachon B. Polityka Polski...*, s. 170—171.

³⁹⁻⁴⁰ HDP, t. 1, 473. *Dlugosz J.*, t. 5, s. 207.

⁴¹ HDP, t. 1, s. 455.

⁴² *Ibid.*, s. 463, 471, 477. На рубеже 50—60-х годов польское правительство не раз возвращалось к этому проекту, оно предлагало его в 1459, 1464 гг., однако реакция на него неизменно оказывалась негативной как в Риме, так и в Империи.

⁴³ *Pastor L. Geschichte der Papste seit dem Ausgang des Mittelalters.* Freiburg, 1928, Bd. 2, S. 146 f.

⁴⁴ Хотя, как сообщает Длугош, Краков уже в 1457 г. открыто требовал предоставления Ягеллонам чешского и венгерского престолов (*Dlugosz J.*, t. 5, s. 142, 244, 289).

⁴⁵ *Iorga N. Geschichte des Rumanischen Volkes.* Gotha, 1905, Bd. 1, S. 339; *Stachon B. Polityka Polski...*, s. 170—171.

⁴⁶ *Dlugosz J.*, t. 5, s. 68; *Мохов Н.А.* Молдавский торговый путь...

⁴⁷ *Kraus W. Deutsche Geschichte...*, Bd. 1, S. 424—444.

⁴⁸ *Nehring K. Matthias Corvinus...*, S. 20—23, 202—215; HDP, t. 1, s. 480.

⁴⁹ *Dogiel M. Codex diplomaticus Regni Poloniae et Magni Ducatus Lithuaniae.* Wilno, 1758, t. 1, s. 161—162.

⁵⁰ *Pfehled dejin Ceskoslovenska*, t. 1, s. 492—493.

⁵¹ *Dlugosz J.*, t. 5, s. 289; *Studia z dziejow polskich i czechoslowackich. W.*, 1960, t. 1, s. 168 nast.; *Pastor L. Geschichte des Papste...*, Bd. 2, S. 400; *Pfehled dejin Ceskoslovenska...*, t. 1, s. 494—496.

⁵² *Kraus W. Deutsche Geschichte...*, Bd. 1, S. 424—444.

⁵³ *Dlugosz J.*, t. 5, s. 393—394; HDP, t. 1, s. 463.

⁵⁴ *Schildhauer J. Veränderung in der Stellung...*, S. 27.

⁵⁵ HDP, t. 1, s.

⁵⁶ *Dlugosz J.*, t. 5, s. 407—409; *Pastor L. Geschichte der Papste...*, Bd. 2, S. 400.

- ⁵⁷ *Bachmann A.* Urkunden und Actenstücke zur oesterreichische Geschichte im Zeitalter Kaiser Friedrich III. Wien, 1879, Bd. 2; HDP, 460—461.
- ⁵⁸ Die Staatsverträge des Deutschen Ordens in Preussen im 15. Jahrhundert, Marburg, 1955, Bd. 2, N 403; *Dlugosz J.*, t. 5, s. 445—446.
- ⁵⁹ *Pastor L.* Geschichte der Papste..., Bd. 2, S. 400; HDP, t. 1, s. 437, 455; *Kolankowski L.* Polska Jagiellonow..., s. 123.
- ⁶⁰ Возможно, что неудачный поход Матгьяша Корвина на территорию Молдавского княжества в 1467 г. был осуществлен с санкции Рима. Об этом можно судить по отношениям господаря Штефана с противником Римской курии чешским королем Иржи Подебрадом, последовавшим после похода. Нежелание молдавского господаря вернуть Венгрии важный причерноморский порт в устье Дуная — Килию (до 1465 г. он был под венгерским контролем) указывало на возможное совпадение интересов Молдавского княжества, Турции и Польши в данном вопросе. *Iorga N.* Geschichte des Rumanischen Volkes..., Bd. 1, S. 341, 348.
- ⁶¹ *Pfehled dejin Ceskoslovenska*, N 1, s. 494—498; *Dlugosz J.*, t. 5, s. 398.
- ⁶² *Dlugosz J.*, t. 5, s. 453, 455—458; *Stachon B.* Polityka Polski..., s. 163; HDP, t. 1, s. 481, 486.
- ⁶³ *Dlugosz J.*, t. 5, s. 489—492; *Pfehled dejin Ceskoslovenska*, № 1, s. 496—497.
- ⁶⁴ *Nehring K.* Matthias Corvinus..., S. 33—35, 36—38.
- ⁶⁵ *Dlugosz J.*, t. 5, s. 494—496; *Palacky F.* Dejiny narodu Ceskeho v Cechach a v Morave. Praha, 1878, D. 4; *Prochaska A.* Krolewic Kazimierz Jagielloiiczky i Jerzy Czeski.— *Przeglad Historyczny*, 1913, z. 1, r. 17.
- ⁶⁶ *Kolankowski L.* Polska Jagiellonow..., s. 123; *Nehring K.* Matthias Corvinus..., S. 38.
- ⁶⁷ *Dlugosz J.*, t. 5, s. 494—496.
- ⁶⁸ HDP, t. 1, s. 485.
- ⁶⁹ *Dlugosz J.*, t. 5, s. 518—521; *Heck R.* Elekcja Kutnohorska.— *Sobotka*, 1971, z. 2, r. 32, s. 193—235; *Pfehled dejin Ceskoslovenska*, JYs 1, s. 521.
- ⁷⁰ В 1471 г., еще до коронации Владислава в Праге, Корвин попытался передать вопрос о чешской короне на арбитраж Рима и Империи ((*Nehring K.* Matthias Corvinus..., S. 52; *Scriptores rerum Silesicarum*. Bd. 13. Breslau, 1893, N 72, s. 43—44).
- ⁷¹ HDP, t. 1, s. 486, 488, 489; *Nehring K.* Matthias Corvinus..., S. 47.
- ⁷² *Iorga N.* Geschichte des Rumanischen Volkes..., Bd. 1, S. 346—348.
- ⁷³ *Dlugosz J.*, t. 5, s. 524—528, 543—544, 565; *Prochaska A.* Wyprawa sw. Kazimierza na Wegry.— *Ateneum Wilenskie*, 1923, N 1; *Nehring K.* Matthias Corvinus..., S. 72.
- ⁷⁴ *Dlugosz J.*, t. 5, s. 627, 641; *Nehring K.* Matthias Corvinus ..., S. 51, *Stachon B.* Polityka Polski..., s. 173, 176.
- ⁷⁵ HDP, t. 1, s. 491; *Kolankowski L.* Polska Jagiellonow..., s. 120—122; *Stachon B.* Polityka Polski..., s. 183.
- ⁷⁶ *Iorga N.* Geschichte des Rumanischen Volkes, Bd. 1, S. 348.
- ⁷⁷ *Nehring K.* Matthias Corvinus..., S. 91—93, 95—96; HDP, t. 1, s. 491.
- ⁷⁸ *Garbacik J.* Kallimach jako dyplomata i polityk. Krakow, 1948, s. 41; *Stachon B.* Polityka Polski..., s. 183.
- ⁷⁹ *Dlugosz J.*, t. 5, s. 636, 637, 638; HDP, t. 1, s. 491.
- ⁸⁰ Длугош подчеркивал, что Трухцесс не решался на войну против Польши без поддержки венгерского короля (*Dlugosz J.*, t. 5, s. 630—632, 637—638).
- ⁸¹ *Iorga N.* Geschichte des Rumanischen Volkes, Bd. 1, S. 348 ff.
- ⁸² *Babinger F.* Mehmed der Eroberer..., S. 152, 325—334; *Iorga N.* Geschichte des Osmanischen Reiches, Bd. 1, S. 162—167. Этому поражению предшествовали важные переговоры Узун Хасана с польским королем Казимиром, в ходе которых речь шла не только о заключении антитурецкого союза между ними, но и о поддержке Узун Хасаном всей тогдашней внешнеполитической программы Ягеллонов (в частности, планов польско-чешско-венгерской унии, а также проекта передачи Польше всего Причерноморья, всей Греции и Константинополя в случае совместной их победы над султаном Мехмедом). *Dlugosz J.*, t. 5, s. 567.
- ⁸³ *Iorga N.* Geschichte des Osmanischen Reiches, Bd. 2, S. 184; *Babinger F.* Mehmed der Eroberer..., S. 391-392; *Dlugosz J.*, t. 5, s. 543.
- ⁸⁴ В польской историографии высказывались даже предположения о том, что попытки Казимира укрепиться на Крымском полуострове, в частности в Каффе, могли ускорить активизацию политики Порты в отношении Северного Причерноморья (*Garbacik J.* Kallimach..., s. 41).
- ⁸⁵ *Mehmed M.* La politique Ottomane a l'egard de la Moldavie et du khanat de Krimee la fin du regne du Sultan Mehmed II «le lonquerant».
- ⁸⁶ *Dlugosz J.*, t. 5, s. 611—612; *Babinger F.* Mehmed der Eroberer..., S. 379.
- ⁸⁷ Ф. Бабингер отмечал, что Корвин готов был установить с Мехмедом такую же дружбу, в какой находился с последним в 1477—1478 гг. король неаполитанский Фердинанд. Н. Иорга даже говорил о вполне конкретных шагах Корвина в этом направлении, а К. Неринг фиксирует тогдашнюю «двойную игру» Корвина в турецком вопросе, считая, что венгерский король тем самым создавал благоприятные условия для начавшейся его борьбы с Фридрихом III за сферы влияния в регионе. *Babinger F.* Mehmed der Eroberer..., S.

- 393—394; *Iorga N. Geschichte des Osmanischen Reiches*, Bd. 2, S. 181; *Nehring K, Matthias Gorvinus...*, S. 107, 117, 118 f.
- ⁸⁸ *Babinger F. Mehmed der Eroberer...*, S. 379, 391, 394; *Stachon B. Polityka Polski...*, s. 182; *Mehmed M. La politique Ottomane...*, p. 518.
- ⁸⁹ *Babinger F. Mehmed der Eroberer...*, S. 392, 395; История Югославии, т. 1, с. 135, 136.
- ⁹⁰ *Babinger F. Mehmed der Eroberer...*, S. 393—396.
- ⁹¹ *Iorga N. Geschichte des Osmanischen Reiches*, Bd. 2, S. 185—189.
- ⁹² *Базилевич К. В. Внешняя политика...*, с. 108—111; *Malowist M. Kaffa — kolonia...*, s. 312—316; *Babinger F. Mehmed der Eroberer...*, S. 374 f.
- ⁹³ *Зевакин Е. С., Пенчко Н. А. Очерки по истории генуэзских колоний на Западном Кавказе в XIII—XIV вв.* — ИЗ, 1938, № 3, с. 114, 121, 124, 128; *Malowist M. Kaffa — kolonia...*, s. 329—331 nast.; *Mehmed M. La politique Ottomane...*, p. 522; *Iorga N. Geschichte des Osmanischen Reiches*, Bd. 2, S. 174; *Babinger F. Mehmed der Eroberer...*, S. 374—376.
- ⁹⁴ *Базилевич К. В. Внешняя политика...*, с. 109—111; *Смирнов В. Д. Крымское ханство...*, с. 281—293; *Iorga N. Geschichte des Osmanischen Reiches*, Bd. 2, S. 173—174; *Kurat Akdes Nimet. Topkapı Sarayı Miizesi Arsivindeki Alton Ordu, Krim ve Turkistan Haularina ait yarlık ve bitikler. Istanbul, 1940; Babinger F. Mehmed der Eroberer...*, S. 376.
- ⁹⁵ ИСРЛ, т. 8, с. 181; *Сафаргалиев М. Г. Распад Золотой Орды...*, с. 260 сл.; *Kolankowski L. Dzieje...*, s. 330, 340.
- ⁹⁶ *Базилевич К. В. Внешняя политика...*, с. 114—115; *Греков И. Б. Очерки истории международных отношений Восточной Европы XIV—XVI вв. М., 1963*, с. 185 и сл.
- ⁹⁷ *Kurat Akdes Nimet. Topkapı...*, s. 38; *Mehmed M. La politique Ottomane...*, p. 530; *Базилевич К. В. Внешняя политика...*, с. 112, 123.
- ⁹⁸ В определении времени выдачи ханского ярлыка Ивану III в историографии существуют разногласия: М. Г. Сафаргалиев датирует ярлык 1476 г., К. В. Базилевич — 1480 г. (как нам представляется, без достаточных оснований).
- ⁹⁹ *Базилевич К. В. Внешняя политика...*, с. 115; *Mehmed M. La politique Ottomane...*, p. 531; *Inalcik H. Yeni vesikalara gore kirim hanliginin Osmanli tabiligine girme si ve ahitname meselesi (Проблема подчинения Крымского ханства Оттоманской империи и вопрос об АБИпате в свете новых турецких документов).* — *Bulleten (Ankara)*, 1944, v. 8, s. 217.
- ¹⁰⁰ *Смирнов В. Д. Крымское ханство...*, с. 273—274 и сл.; *Mehmed M. La politique Ottomane...*, p. 525 и а.
- ¹⁰¹ Как известно, в качестве таких представителей в Каффе довольно долго находились сыновья султанов, часто становившиеся потом преемниками престола, например Селим II или сам Сулейман, что, разумеется, указывало на большое стратегическое значение Каффы и всего Крыма в общих политических расчетах и планах Османской империи того времени. *Смирнов В. Д. Крымское ханство...*, с. 362; Сб. РИО, т. 41, с. 245—246; *Базилевич К. В. Внешняя политика...*, с. 419—421, 465; *Iorga N. Geschichte des Osmanischen Reiches*, Bd. 2, S. 310, 342, 345.
- ¹⁰² *Греков И. Б. Очерки...*, с. 185 и ел.; *Он же. К вопросу о характере политического сотрудничества Османской империи и Крымского ханства в Восточной Европе в XVI—XVII вв. (по данным Челеби).* — В кн.: *Россия, Польша и Причерноморье в XV—XVIII вв. М., 1979*, с. 299-314.
- ¹⁰³ *Nehring K. Matthias Corvinus...*, S. 117, 118, 119.
- ¹⁰⁴ *Dlugosz J., t. 5, s. 636, 640—642, 662; Kolankowski L. Dzieje...*, z. 304—314; *Idem. Polska Jagiellonow...*, e. 122.
- ¹⁰⁵ *Базилевич К. В. Внешняя политика...*, с. 88—98; *Вернадский В. Н. Новгород и Новгородская земля в XV в. Л., 1961*, с. 291; *Греков И. Б. Очерки...*, с. 174—181 и сл.

Глава 5

ОСМАНСКАЯ ИМПЕРИЯ, КРЫМ И СТРАНЫ ВОСТОЧНОЙ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЫ В КОНЦЕ XV в.

Отношения между Османской империей и Польско-литовским государством на рубеже XV — XVI вв. складывались в условиях новой расстановки политических сил, когда Польша могла быть более спокойна за поведение Ордена, Чехии, а Османская империя имела основание рассчитывать на полное послушание и энергичную поддержку своего нового вассала — крымского хана.

Но сложность отношений между ними в этот период определялась не только их явным усилением, но также возросшей способностью Кракова и Стамбула воздействовать на ход международной жизни всего региона в нужном для них направлении. Если

Ягеллоны для утверждения в Центральной Европе, для реализации черноморских планов стремились упрочить свои позиции на Балтике, в Чехии и в Венгрии, старались углубить сотрудничество с Большой ордой и с Молдавским княжеством, то Порты, имея в виду перспективу своего фронтального продвижения на север, добивалась ослабления соседей в данном регионе как прямыми вооруженными вторжениями на их территорию, так и практикой сталкивания государств Юго-Восточной и Центральной Европы друг с другом. Последнее достигалось чаще всего методами «параллельного» поощрения их гегемонистских устремлений в данном регионе.

Особая сложность взаимоотношений Польско-литовского государства с новым для него противником — Османской империей и Крымом — состояла в том, что, осуществляя на деле единую, хорошо скоординированную политику, подчиненную общим, далеко идущим стратегическим целям, Порты и Крым формально представляли ее на международной арене (разумеется, по определенным тактическим соображениям) как политику разобщенную, лишенную будто бы внутренней согласованности и единства. Разумеется, такая особенность османо-крымской политики в данной части европейского континента делала свое дело: она дезориентировала правящие круги всех государств региона, вводила в заблуждение и Ягеллонов, заставляя их считать мирные переговоры Польско-литовского государства с Портой основополагающими, доминирующими факторами тогдашней международной жизни, а реальные, порой крупномасштабные войны Крыма против этого государства рассматривать в качестве мимолетных, случайных эпизодов, обусловленных будто бы только своеволием крымских ханов. Гибко и умело используя эту двойственность положения, Порты в одних случаях бросала в бой воинственный Крым, предлагая ему военным путем выравнять силы восточно-европейских государств, в других случаях прибегала к средствам мирной дипломатии.

По отношению к Османской империи польский король вел себя сдержанно. Так, например, решение, принятое на Петровском сейме в апреле 1477 г. о возможности проведения военных операций против Порты, не имело никаких практических последствий¹.

Польско-литовское государство, стремившееся на рубеже 70 — 80-х годов развить достигнутые ранее успехи, столкнулось с двумя аспектами крымско-османской дипломатии: оно оказалось перед необходимостью вести в эти годы дипломатические переговоры с Портой об установлении «мирных», «добрососедских» отношений и в то же время вынуждено было считаться с фактами учащавшихся набегов крымских татар на юго-восточные его территории.

Поведение польского короля Казимира по отношению к Османской империи объяснялось, возможно, двумя особыми обстоятельствами, возникшими в конечном счете в результате того же «эффекта раздвоенности» османо-крымской политики в Восточной Европе. Одним из таких обстоятельств был довольно широко распространенный среди дипломатов ряда стран тогдашней Европы план использования Крымского ханства, а может быть Волжской орды, в вооруженной борьбе против Османской империи. План этот выдвигался Венецией, в частности ее послом в Польше Контарини (1474), послом в Польше и в Волжской орде Я. Б. Тревизаном (1476), а также в ходе переговоров правителей Венецианской республики с представителем польского двора Каллимахом (начало 1477 г.)². Дело дошло до того, что в Венецию были приглашены татарские послы, которые «выразили готовность» выставить против Порты 200 тыс. войска. В ходе этих переговоров речь шла не только о самой идее использовать ордынских татар против Османской империи, но и о возможности их прохождения через территорию Польско-литовского государства якобы для последующего выступления против Порты. Разумеется, проект этот не мог быть реализован, а участие в его обсуждении татарских послов, их обещание выставить большую армию против османов указывало лишь на то, что они сознательно и умело вводили в заблуждение дипломатию ряда европейских стран. Тем не

менее сам факт широкого обсуждения этого проекта осложнял подготовку Польши к активной борьбе против Османской империи.

Другим обстоятельством, остановившим на какое-то время наступательный порыв Казимира, было неожиданное предложение самого султана Мехмеда, во-первых, заключить польско-османский союз, направленный против Венгрии, а во-вторых, принять поддержку Порты в передаче венгерской короны одному из сыновей польского короля³. Эти предложения учитывали значительную напряженность тогдашних отношений Польши с Венгрией, Орденом и Римом и, возможно, были нацелены на то, чтобы спровоцировать вооруженный конфликт между Польшей и Венгрией. Как это ни парадоксально, идея османо-польского союза нашла своих энергичных сторонников в лице Каллимаха и одного из видных руководителей тогдашней польской дипломатии — 36. Олесницкого (младшего). Ими был составлен для короля специальный документ по данному поводу⁴. Однако все эти рекомендации, несмотря на авторитет Каллимаха и 36. Олесницкого, не были приняты ни сеймом, ни королем Казимиром. Тем не менее само появление такого проекта, его рассмотрение при польском дворе не могло не оказать влияния на ход подготовки Польши к войне против Османской империи.

Поставленный перед необходимостью выбора одного из двух вариантов внешней политики Польши — антиосманского и проосманского, отказываясь фактически от форсирования как одного, так и другого, Казимир вольно или невольно содействовал достижению желательных для него результатов. Ему удалось добиться «расположения» Рима, Венгрии и Ордена, которых беспокоили перспективы польско-османского сближения.

В то же время Османская империя, видимо, выжидая решения Кракова, сократила размах военно-политической активности против Польши.

В соответствии с политическим курсом Порты в Юго-Восточной Европе султан стремился добиться формального примирения как с Польшей, так и с Венгрией, что, по его расчетам, должно было создать этим странам возможность заниматься не столько Османской империей, сколько друг другом и своими соседями. Эти расчеты султанской дипломатии себя оправдали. Заключив в 1479 г. компромиссное соглашение, Корвин и Казимир встали на путь активизации своей политики в иных направлениях. Корвин усилил свою борьбу с Империей Фридриха III за лидерство в Центральной Европе, а Казимир сосредоточил главное внимание на соперничестве с Московской Русью с целью укрепления своих позиций в Восточной Европе. Если между венгерским королем и Фридрихом открытая война началась в 1482 г., то между Польско-литовским государством и Москвой вооруженный конфликт мог возникнуть еще раньше. Этому способствовали многие обстоятельства.

Наступившая передышка на юго-западных и юго-восточных рубежах Польско-литовского государства предоставила Казимиру возможность уделить больше внимания положению дел в Восточной Европе, позволила обратиться к планам сотрудничества с Волжской ордой, направленным прежде всего против Москвы. В конце 70-х годов проходили интенсивные переговоры между Казимиром и правителем Волжской орды ханом Ахматом по поводу организации совместного вооруженного выступления против Русского государства, заметно окрепшего после присоединения Великого Новгорода и ставшего меньше считаться с политическим престижем Большой орды в Восточной Европе. Намечавшееся совместное ордыно-польское выступление против Русского государства было задумано как операция большого военно-стратегического и политического масштаба. В случае его положительного исхода Волжская орда рассчитывала на восстановление своей власти над Северо-Восточной Русью, а вместе с тем и былого ордынского «великодержавия». Большие надежды, разумеется, возлагал на успех задуманной операции и Казимир, который надеялся добиться изменения соотношения сил в Восточной Европе в свою пользу, ослабления влияния Москвы на

берегах Волхова и в так называемых «верховских» княжествах, а также ослабления Крымского ханства, все чаще выступавшего послушным орудием политики Стамбула.

В реализации этих замыслов польско-литовская дипломатия большие надежды возлагала во второй половине 1479 — первой половине 1480 г. на возможность пересмотра сложившихся ранее отношений между Великим Новгородом и Московским государством. С этой целью предполагалось форсировать нацеленное против Москвы сотрудничество Ливонского ордена, Польско-литовского государства с пролитовскими элементами на Волхове и запланированную поддержку антигосударственного заговора в Северо-Восточной Руси, возглавляемого двумя братьями Ивана III — Борисом и Андреем Большим. Антимосковская направленность действий сторонников Казимира стала проявляться открыто в начале 1480 г. одновременно с выступлением Ливонского ордена против Пскова.

Однако эти антимосковские акции не были фактически поддержаны тогдашним главой Польско-литовского государства. Можно предположить, что в начале 1480 г. он был занят подготовкой к совместным с ханом Ахматом боевым действиям против Русского государства на р. Оке.

Хан Ахмат летом 1480 г., выполняя свой союзнический долг перед Казимиром, с большим ордынским войском выступил к южным рубежам Русского государства. Ордынские войска заняли позиции на южных берегах р. Оки против Коломны, Серпухова, Тарусы; противостоявшие им русские армии расположились вдоль северного берега р. Оки. Между тем хан Ахмат не начинал решительного сражения, он ждал прихода армии польского короля Казимира. Но Казимир не послал войска к Оке, проявив, как считают многие историки, загадочную медлительность, трудно объяснимое нежелание выполнять взятые на себя союзнические обязательства.

Возможно, в данном случае большую роль сыграла одна особенность политики Османской империи в Юго-Восточной Европе. Дело в том, что, предложив Казимиру по тактическим соображениям мир и союз, османо-крымская дипломатия отнюдь не хотела содействовать реальному усилению Польско-литовского государства. Стремясь не допустить укрепления позиций Польши в Северном Причерноморье, Порты использовала не столько свои силы, сколько силы соседей Польши. Большое значение для реализации целей султана имел выбор благоприятного с военно-стратегической точки зрения момента, когда Польше, занятой на других театрах военных действий, можно было бы нанести удар в спину. Может быть, понимание этой специфики тогдашнего политического курса Порты и заставило польского короля встать на путь отказа от активного участия в антимосковской кампании хана Ахмата.

Один из довоенных польских историков фиксировал три обстоятельства, оказавших, по его мнению, решающее влияние на политику польского короля: во-первых, поступившая еще весной 1480 г. информация от молдавского господаря о возможности вторжения османов на южные территории Польско-литовского государства⁵; во-вторых, усилившиеся диверсии крымских войск хана Менгли-Гирея на земли Подолии, Волыни и Киевщины; в-третьих, анти-ягеллонская деятельность киевских князей-заговорщиков, намеревавшихся передать Москве значительные западнорусские территории⁶. Другие историки считали главной и едва ли не единственной причиной политической пассивности Казимира на востоке в 1480 г. тогдашние усобицы в Великом княжестве Литовском и заговор князей Михаила Олельковича и Ивана Ольшанского. Но, признавая усобицы решающим условием пассивности короля, они в то же время рассматривали их как узколокальное движение, носившее лишь фамильно-династический характер; при этом они как бы игнорировали то обстоятельство, что династическая интрига маленького кружка князей литовско-русского происхождения вряд ли могла бы поломать политику столь большого государства, каким была тогда Польша⁷.

То, что усобицы и заговор не были мелким эпизодом внутривнутриполитической борьбы фамильно-династического характера, а представляли собой достаточно масштабное

общественно-политическое движение, имевшее широкую поддержку как среди населения Поднепровья, так и определенных международных сил региона, подчеркивается отношением ко всем этим событиям Русского государства, а также крымско-турецкой дипломатии.

Позиция Москвы в данном вопросе определялась не только наличием родственных связей Ивана III с Михаилом Олельковичем (они были двоюродными братьями: их матери — сестры)⁸, но и исторически сложившимся отношением как населения Северо-Восточной Руси, так и православного населения Среднего Поднепровья к проблеме восстановления целостности «Русской земли», воссоединения восточнославянских народов в рамках общей государственности. В Москве не могли не знать о широких масштабах всего этого движения его «православной» направленности, выразившей в то время историческую близость всех частей «Русской земли». Это подтверждали не только переговоры московского правительства с киевскими князьями, замаскированные посредничеством этих князей в намечавшейся тогда женитьбе наследника московского престола в. кн. Ивана Ивановича на дочери молдавского господаря Штефана, но и факт бегства в Москву одного из князей-заговорщиков — кн. Ф. Вольского⁹.

Осенью 1480 г. Менгли-Гирей организовал поход на южные окраины Польско-литовского государства, действуя в рамках намеченной Портой программы. А в октябре 1480 г. Менгли-Гирей уже должен был принести «извинения» прибывшему в Крым польско-литовскому послу Ивану Глинскому по поводу «тщетности» его, хана, попыток удержать крымских «лихих людей» от набега на Подольскую землю, набега, кстати сказать, осуществленного почти одновременно и с указанными выше переговорами Москвы, и с операциями хана Ахмата на р. Угре¹⁰.

Но еще более значительным по своему военно-политическому эффекту был осуществленный Менгли-Гиреем в 1482 г. поход на Киевщину. Выполняя стратегическую задачу османско-крымской дипломатии по ослаблению окрепшего тогда Польско-литовского государства¹¹, Менгли-Гирей в то же время стремился придать этому походу характер карательной экспедиции против тех, кто предал и не поддержал должным образом киевских князей. Поэтому Менгли-Гирей не только разорил Киев и ряд других центров Поднепровья, не только увел большой «ясырь», но и взял в плен воеводу Ивана Ходкевича, считавшегося чуть ли не основным виновником «разоблачения» князей. Показательно, что Менгли-Гирей, зная о характере отношений Москвы с Киевом в 1480 г., все же счел нужным после набега на Киев в 1482 г. направить московскому князю дары — «символы» из церковной утвари Софийского собора¹².

Новый султан Баязид II, готовясь к предстоящим столкновениям с Польско-литовским государством, продолжал сотрудничать с правительством Ивана III и улучшать отношения с венгерским королем Матьяшем, которые до сих пор еще не были урегулированы.

Венгрия в начале 80-х годов оказалась предметом особых забот султана, который стремился не только к фактическому, но и формальному примирению с ней. Баязид хорошо видел, что Матьяш Корвин все больше втягивался в борьбу с императором Фридрихом III. В то же время Корвин не мог игнорировать присутствия сильного османского войска на пограничных с Венгрией балканских территориях, хорошо зная способность султанов наносить неожиданные удары своим соседям в моменты их занятости на других театрах военных действий. Поэтому венгерский король, ведя время от времени секретные переговоры со Стамбулом по поводу заключения формального перемирия, должен был создать впечатление своей готовности продолжать борьбу и на Балканском полуострове. Однако ход военных действий между венгерскими и османскими войсками не выходил за рамки локальных столкновений, не менял сложившегося тогда общего соотношения сил между Портой и Венгрией.

Вполне закономерными поэтому оказались проход османских войск через венгерскую территорию на австрийский театр военных действий в 1480 г., а также

заклучение в начале 1483 г. между Баязидом и Корвиным договора о пятилетнем перемирии¹³. Договор явился важным фактором в развитии всей международной жизни того времени. Об этом свидетельствует заключение почти одновременно договора Матьяша Корвина с другим тогдашним политическим партнером Порты — с Московско-венгерского союза завершились зимой 1483/84 г. приездом в Буду московского посла Федора Курицына¹⁴. Международное значение османо-венгерского и венгеро-московского договоров 1482—1483 гг., их определенная политическая направленность подчеркивались тем, что поездка Федора Курицына в Венгрию была совершена с ведома молдавского господаря и крымского хана¹⁵. Показательно также, что во время переговоров о союзе речь шла и о возможном предоставлении Ивану III королевской или даже императорской короны. Лютневая направленность этого предложения была очевидна ведущим государственным деятелям той поры. Фридрих III, например, прямо писал Казимиру, что «союз Венгрии с Москвой угрожает не только королю [Польши] и цесарю, но и всему христианству», намекая тем самым, что этот союз был бы приемлем для Стамбула.

Не исключено, что в связи с этими важными дипломатическими переговорами Венгрии, Молдавского княжества и Москвы находился и такой загадочный эпизод тогдашней идейно-политической жизни региона, как отъезд из Венгрии в Москву вместе с Ф. Курицыным «угрина Мартылко», сыгравшего в дальнейшем видную роль в формировании идеологии московско-новгородской ереси. Следует учитывать, что идеология так называемой московско-новгородской ере си конца XV в. отражала не только социальные противоречия феодальной России, но также строго ориентированные международные контакты ведущих участников этого сложного идейно-политического течения в тогдашнем русском обществе¹⁶. Но как бы ни отражалась во внутривосточной жизни Московского государства тогдашняя ориентация Ивана III на международной арене, положение страны в системе государств Центральной и Юго-Восточной Европы было в тот период довольно определенным. Сталкиваясь с фактом тесного сотрудничества Ягеллонов с Волжской ордой, правительство Ивана III сохраняло свои политические контакты не только с Крымом и Портой, но и с находившимися теперь в мирных отношениях со Стамбулом Венгрией и Молдавским княжеством.

Такая расстановка политических сил в регионе оказывалась весьма благоприятной для Османской империи. Многие сделав для ее создания, Порта спешила ею воспользоваться. Она стремилась к дальнейшему упрочению своих позиций в Восточной, Юго-Восточной и Центральной Европе, к расширению сферы своего влияния в данной части европейского континента. Перед ней стояли задачи ослабления сотрудничества Волжской орды и Польско-литовского государства, предотвращения торжества польского влияния в Молдавском княжестве и захвата Польшей Килии и Аккермана, дальнейшего расширения зоны своего влияния на берегах Адриатики.

По-прежнему ее главным помощником в Восточной Европе выступал крымский хан Менгли-Гирей. Он отражал атаки начавшей возрождаться Волжской орды, возглавляемой сыновьями Ахмата — Муртазой и Сейд-Махметом, продолжал требовать от Польши территориальных уступок в Поднепровье и крупных денежных сумм на сооружение татарской крепости в Очакове¹⁷. Когда эти требования были отклонены польской дипломатией, крымский хан возобновил вооруженные нападения на южные земли Польско-литовского государства. Набеги крымских войск на Поднепровье совпали по времени с крупнейшей операцией султана Баязида в Северном Причерноморье, в частности с овладением османами важнейшими портами-крепостями Килией в устье Дуная и Аккерманом в устье Днестра.

Эти города, расположенные на территории Молдавского княжества, были тесно связаны с торговыми и политическими интересами Польско-литовского государства. И не удивительно поэтому, что Османская империя, планируя данную операцию, имела в виду

не только дальнейшее закрепление своих позиций в Молдавском княжестве, но и пресечение попыток Польско-литовского государства усилить здесь свое влияние.

Уже накануне кампании 1484 г. Казимир попытался, с одной стороны, снова направить острие наступательной политики Волжской орды против Крыма, а с другой — радикально изменить политический курс Менгли-Гирея, предложив ему через своего посла Пашко-вича вооруженное выступление против Москвы, а потом и против... самой Османской империи. Поэтому сравнительно небольшие польско-литовские отряды готовились отражать атаки османов на Молдавское княжество¹⁸. Однако все эти старания как молдавского господаря, так и польского короля не дали результатов.

Противостоявшие друг другу силы оказались неравными. Османская империя и Крым подготовились к кампании 1484 г. лучше своих противников. Уже весной у Адрианополя Баязидом II была собрана большая армия, одновременно был сформирован и значительный флот. Готовился к проведению этой акции и крымский хан Менгли Гирей. В военных действиях должны были участвовать и военные отряды господаря Валахии. Сухопутные и морские силы Молдавского княжества явно уступали потенциалу Порты и ее сателлитов. Польско-литовское государство готовилось к открытому конфликту с султаном, но создать большую армию к лету 1484 г. явно не успевало, ограничившись лишь отправкой небольших отрядов к театру военных действий. В результате 14 июля 1484 г. после недолгой осады в руках Порты оказалась Килия, а 4 августа — Аккерман¹⁹.

Турки укрепили крепости, обеспечив их политически надежным окружением: расположенные вокруг них территории были превращены в реая, которые находились в прямом подчинении Порте²⁰ и где располагались османские войска.

Потеря Килии и Белгорода была настолько ощутимой для Ягеллонов, что Казимир снова стал всерьез думать о вступлении в антиосманскую коалицию, о создании которой опять хлопотали Империя, Венеция, римский папа Иннокентий VIII (1484—1492). В 1485 г. он предпринял даже попытку отвоевать у Порты упомянутые черноморские города. Действуя с согласия сейма, польский король летом этого года направил войска Великого княжества Литовского в сторону Киева, а коронную 20-тысячную армию — в сторону Молдавского княжества. Одновременно он договорился с правителями Волжской орды Муртазой и Махмудом о выступлении против Крыма²¹.

И хотя ход военных действий оказался в целом мало благоприятным для османско-крымской стороны (в Молдавском княжестве султан не достиг успеха, татарские войска потерпели поражение под Копы-стнганом (около Брацлава), а само Крымское ханство вынуждено было обороняться от набега Орды, хотя и не сокрушившего ханства, тем не менее позволившего ордынцам кочевать некоторое время в Нижнем Поднепровье), общая военно-стратегическая обстановка в регионе, возникшая после 1484 г., осталась неизменной: вся полоса черноморского побережья от устья Днестра до устья Дуная находилась под контролем Порты и Крыма, здесь обосновывались многочисленные османские гарнизоны, происходило заселение выходцами из Крыма (так вскоре сформировалась Буджакская Орда)²².

Такая политическая ситуация в регионе ставила перед Казимиром дилемму: либо он должен был продолжать активную борьбу против султана, содействуя созданию широкой коалиции держав, которая могла бы противостоять не только Порте, но и ее тогдашнему партнеру Венгрии (об этом велись откровенные переговоры летом 1486 г. в Венеции)²³, либо должен был искать временного соглашения с Османской империей, мирясь, таким образом, с происшедшими сдвигами в отношениях между двумя государствами. Поскольку попытки создания антиосманской коалиции оказались безрезультатными, а Венеция даже согласилась посредничать в польско-османских переговорах по поводу заключения мира, Казимир пошел по второму пути²⁴.

В сущности обе соперничавшие друг с другом державы склонялись к тому, чтобы зафиксировать сложившееся соотношение сил между ними в форме заключения договора о «перемирии» (1486). Хотя уже в 1487 г. с обеих сторон были предприняты попытки его

пересмотра (крымцы опять совершили набег на Лодолию, а коронные войска выступили в направлении Крыма ²⁵), тем не менее наметившаяся тенденция политической жизни региона взяла верх. Происходивший в 1487—1488 гг. обмен посольствами (в Стамбул были направлены сначала М. Вроцимовский и Каллимах, а потом Н. Фирлей) привел в конце концов к подписанию мирного договора между Османской империей и Польшей (23 марта 1489 г.) ²⁶.

Среди причин, обусловивших заключение договора, было не только понятное стремление Порты закрепить достигнутые результаты в Северном Причерноморье и нижнем Дунае, исключить на время возможность контрнаступления со стороны Польши. Большую роль сыграло и желание самого Казимира добиться передышки в борьбе с султаном, желание, разумеется, вынужденное, поскольку тогда внешнеполитические позиции Польско-литовского государства оказались несколько ослабленными как на западных, так и на восточных его рубежах. План создания антиосманской коалиции не удавался, соперничество с Венгрией усиливалось, несмотря на ее занятость вооруженной борьбой с Австрией. Что касалось положения дел в Восточной Европе, то здесь, во-первых, не прекращались атаки крымских татар (большой набег был совершен на Киев и Люблин уже в 1489 г.), а во-вторых, тогда же (в 1486—1489 гг.) возникли трения с Волжской ордой, которая, возможно, из-за неурожая и голода в Поволжье посылала часть своего населения кочевать не только в Перекопские степи, но и на земли Поднепровья (в районе Ворсклы происходили даже бои между ордынскими и польско-литовскими войсками) ²⁷.

Другими важными событиями, осложнившими международную обстановку в восточноевропейском регионе, были московско-литовская война (1487—1494), а также подчинение Москве Казанского ханства в 1487 г. ²⁸.

Таким образом, в конце 80-х годов было достигнуто формальное примирение между Османской империей и Польско-литовским государством, однако реальные их отношения продолжали оставаться весьма напряженными: на окраины Польши и Литвы совершали набеги войска крымского хана, послушного вассала Порты, продолжалось соперничество на нижнем Дунае Османской империи, Польши и Венгрии, напряженное положение дел оставалось в Молдавском княжестве.

После занятия османами Килии и Аккермана молдавский господарь Штефан счел возможным уже в 1485 г. вновь принести присягу польскому королю. Господарь продолжал поддерживать самые тесные отношения с Крымом и Портой, со своим новым родственником Иваном III, а также с венгерским королем. Уже в 1489 г. он принес присягу и Матьяшу Корвину. Подобная дипломатия молдавского господаря, допускавшая синхронные политические связи с враждовавшими друг с другом державами, должна рассматриваться как «равнодействующая» дипломатических усилий многих государств региона, как органическая составная часть международной жизни того времени. Такой подход к внешнеполитическим акциям Штефаца позволяет объективно выявить место и роль Молдавского княжества в развитии международных событий той эпохи ²⁹.

Добившись в ходе наступательных операций середины 80-х годов значительных успехов в Северном Причерноморье и на нижнем Дунае, заключив с Казимиром мирный договор (1486—1489), Османская империя тем самым остановила продвижение Польско-литовского государства на юг. Порта смогла это сделать не только потому, что ее флот оказался способным овладеть Килией и Аккерманом, но еще и потому, что своей изощренной дипломатией она сумела предотвратить возможность контрнаступления Ягеллонов в этом направлении. В частности, Османская империя вместе с Крымом умело использовала антиягеллонские настроения Ивана III, оказав ему поддержку как в борьбе с Волжской ордой, так и с самим Казимиром. Кроме того, Порта осуществляла хорошо продуманную политику в отношении Венгрии, поощряя гегемонистские замыслы Матьяша Корвина в Центральной Европе, направленные как против Ягеллонов, так и против Габсбургов.

Корвш, опираясь на определенную заинтересованность венгерских феодалов, выдвигал программу создания обширного многонационального государства под эгидой правящего дома Хуньяди. Он подчеркивал исторические «права» Венгерского королевства на хорватские и словацкие земли, имел виды на чешскую корону, не упускал из виду возможности территориальных приобретений за счет Австрии и даже вел против нее войну (1482—1487), а в дальнейшем имел в виду и получение императорской короны³⁰. Стараясь не допустить усиления державы Ягеллонов, Матьяш Корвин поддерживал тесные дипломатические контакты с Московской Русью, предлагал Ивану III программу дальнейшего сотрудничества³¹. Эти широкие политические замыслы Корвина в Центральной Европе были не только хорошо известны Османской империи, но и умело ею использованы. Порта считала нужным поощрять эти замыслы Корвина, чтобы таким путем создавать необходимую для нее политическую напряженность в регионе, выгодную расстановку сил. Османская империя одобряла венгеро-австрийскую войну (даже сама вела боевые операции против Австрии) и поддерживала венгеро-московские политические контакты, направленные прежде всего против Ягеллонов³².

Таким образом, Османская империя, заключив мир с Польским государством, делала все зависящее, чтобы противопоставить ему противников как в Западной, так и в Восточной Европе.

Тем не менее Ягеллоны отнюдь не отказывались от намеченных планов в Юго-Восточной, Центральной и Восточной Европе. Польско-литовское государство, несмотря на возникшие в середине 80-х годов внешнеполитические трудности, продолжало отстаивать свои концепции перестройки международных отношений региона.

Ягеллоны не скрывали стремления создать широкую антиосманскую коалицию в составе Польши, Венеции, Империи при поддержке папы Иннокентия VIII, намерений вернуть утраченные позиции на Черном море, не утаивали и претензий на венгерскую корону. В их планы входило, разумеется, не номинальное обладание венгерским престолом, а осуществление реальной унии Польши и Венгрии, обеспечение Кракову ведущей роли в намечавшемся сотрудничестве двух феодальных государств³³. В правящих кругах Польско-литовского государства в этот период появились политические концепции о возможности осуществления черноморской программы Ягеллонов в тесной связи с реализацией их планов польско-чешско-венгерской унии. В Польско-литовском государстве существовали сторонники появления на венгерском престоле одного из сыновей Казимира (прежде всего Яна Ольбрахта).

Борьба Казимира за венгерскую корону была борьбой за создание под эгидой Кракова сильного многонационального объединения, нацеленного не только на консолидацию Польско-литовского государства с Венгрией и Чехией, но и на выход его к берегам Черного моря, на установление контроля Ягеллонов над обширными территориями Северного Причерноморья, на колонизацию этих земель прежде всего польскими феодалами.

Эта борьба приобрела совершенно конкретные формы после смерти Матьяша Корвина (1490). Не без вмешательства внешних сил, а также не без участия различных феодальных группировок в самой Венгрии борьба за венгерскую корону развернулась между двумя Ягеллонами: Яном Ольбрахтом и Владиславом, являвшимся с 1471 г. чешским королем. В пользу Яна Ольбрахта высказались преимущественно средние и мелкие феодалы Венгрии, заинтересованные в колонизации отвоеванных у Порты земель. Яна Ольбрахта поддержали также трансильванский князь Иштван Батори и видный венгерский военачальник Балаж Мадьяр. На стороне Владислава выступил венгерский магнат Иштван Запольяи, за которым не без поддержки вдовы Матьяша Корвина пошли чуть ли не все остальные венгерские магнаты. Нельзя при этом упускать из виду и того обстоятельства, что Иштван Запольяи выступал противником Габсбургов и вел в Австрии открытую войну против Максимилиана³⁴. В этой сложной политической обстановке произошло «избрание» двух венгерских королей. 7 июня 1490 г., при явной поддержке

Кракова, венгерским королем был провозглашен Ян Ольбрахт, а 15 июля главой королевства Венгрии был объявлен король Чехии Владислав (Уласло II). На ход начавшейся между двумя венгерскими «королями»-братьями борьбы (главным театром которой стал тогда район г. Кошице) вскоре стал оказывать весьма существенное воздействие новый фактор международной жизни региона — Габсбурги стремились решить вопрос о дальнейшей судьбе венгерской короны в свою пользу. На венгерский престол стал открыто претендовать «римский король» Максимилиан Габсбург, наиболее вероятный преемник императора Фридриха III. I

Габсбурги, естественно, видели в правящих домах Польши и Венгрии своих прямых конкурентов, выдвигавших в тот период широкие «геополитические» планы. Но если в середине 80-х годов Габсбургам явно не везло в борьбе с венгерским королём, сумевшим использовать возникший тогда османо-польский спор из-за Килии и Аккермана (как известно, Корвину удалось в ходе войны 1432—1487 гг. даже овладеть Веной), то в начале 90-х годов Максимилиан Габсбург, ставший фактическим правителем Империи при старевшем Фридрихе III, решил взять реванш. Воспользовавшись обстановкой, сложившейся после смерти Корвина, он не только вернул себе Вену (19 августа 1490 г.), но и перешел в контрнаступление против преуспевших на венгерской земле Ягеллонов, а также против сильной группировки венгерских феодалов, оказавшей поддержку Владиславу Ягеллону при его избрании на венгерский престол. Рассчитывая на обладание венгерской короной, Максимилиан продолжал вести военные действия, в ходе которых овладел Будой (17 ноября 1490 г.)³⁵.

В сложившихся условиях Казимир должен был пожертвовать кандидатурой Я. Ольбрахта ради того, чтобы сохранить Венгрию для дома Ягеллонов. Отказ Кракова от участия в борьбе двух братьев довольно скоро привел к заключению мира между ними (Кошицкий мир 20 февраля 1491 г.), в силу которого вся Венгрия доставалась Владиславу Ягеллону, а не Максимилиану Габсбургу³⁶.

Однако на пути реализации планов польского короля скоро стали возникать новые трудности. Уже в ноябре 1491 г. новый венгерский король Владислав (Уласло II) должен был заключить в Пресбурге мирный договор с Габсбургами, по которому отвоеванные ранее королем Матяшем австрийские земли возвращались Империи, Австрия получала контрибуцию в размере 100 тыс. венгерских гульденов, а также устанавливался порядок передачи венгерской короны в случае бездетной смерти Владислава не Ягеллонам, а Габсбургам³⁷. Намеченное договором 1491 г. примирение Габсбургов с Ягеллонами оказалось весьма относительным. Занятый затяжной борьбой с Францией (главным образом из-за сфер влияния на Апеннинском полуострове), Максимилиан в то же время внимательно следил за позицией Ягеллонов в Центральной и Юго-Восточной Европе, тем более что последние уже добились большого успеха в Венгрии и Чехии, а также встали на путь сближения с Францией³⁸. В этих условиях Габсбурги стремились не только изолировать Польшу на международной арене, противодействовать планам польско-венгеро-чешской унии, но и расшатать Польско-литовское государство изнутри путем поощрения сепаратизма Ордена, Мазовии и самого Великого княжества Литовского, навязывания радикального пересмотра Торуньского мира и угрозы прямого подчинения Империи городов королевской Пруссии — Гданьска, Эльблонга.

Продолжая вести борьбу за осуществление планов польско-венгеро-чешской унии, а также за реализацию своей «черноморской» программы, Ягеллоны должны были считаться с тем, что их стратегическим целям в данном регионе по-прежнему противостояли внешнеполитические интересы не только самой Османской империи, но также непосредственных соседей Польско-литовского государства: на западе — Империи Габсбургов, на востоке — Московского государства Ивана III, на юго-востоке — Молдавского княжества.

Взаимоотношения Ягеллонов с Московским государством во многом определялись спором за «древнерусское наследство», прежде всего разногласиями по поводу

дальнейшей исторической судьбы тех или иных древнерусских земель, составлявших большую пограничную зону между двумя государствами. И не случайно борьба за присоединение к Русскому государству Великого Новгорода, Пскова, Твери сопровождалась самым активным вмешательством польско-литовской дипломатии³⁹. Выдвигая в противовес ягеллонской программе унии программу воссоединения древнерусских земель, Иван III, разумеется, готовил ее осуществление не только средствами идеологии, но и широким комплексом дипломатических мероприятий. Он старался расширить круг своих политических партнеров и союзников как в Юго-Восточной Европе (в частности, продолжая тесно сотрудничать с крымским ханом Менгли-Гиреем, молдавским господарем Штефаном и даже устанавливая прямые дипломатические контакты с султаном Баязидом), так и в Западной Европе, вступая чуть ли не в союзные отношения с Габсбургами и сохраняя связи с Римской курией. Не случайно на рубеже 80—90-х годов велись интенсивные переговоры между Москвой и Максимилианом Габсбургом⁴⁰, в которых речь шла о сотрудничестве, направленном против Ягеллонов, о возможности поддержки Иваном III расчетов Максимилиана на венгерскую корону, о готовности Габсбургов одобрить претензии «государя всея Руси» на среднее Приднепровье, на «Киевское княжество»⁴¹.

Еще более перспективной для Ивана III оказалась политическая обстановка в Восточной Европе на рубеже 80—90-х годов. Продолжая тесное сотрудничество на антиягеллонской основе с Крымом, Портой и Молдавским княжеством⁴², «государь всея Руси» не мог не увидеть и такого важного для него явления международной жизни региона, как резкое ухудшение отношений Волжской Орды с Польско-литовским государством, наметившееся в 1486—1489 гг. Дело дошло до вторжения небольших ордынских отрядов на юго-восточные окраины Польско-литовского государства.

Независимо от причин поворот в политике Большой Орды создал благоприятные предпосылки для успешного ведения Иваном III борьбы против Казани в 1487 г. и утверждения на казанском престоле хана московской ориентации Мухаммеда-Эмина, продержавшегося здесь до 1496 г.⁴³

Не исключено, что ухудшение отношений Орды с королем Казимиром в 1486—1489 гг., а также благоприятный для Москвы исход борьбы за Казанское ханство явились теми обстоятельствами, которые (наряду с другими важными причинами) обусловили возможность возобновления вооруженной борьбы Московской Руси против Польско-литовского государства, начавшейся в 1487 г. и завершившейся в 1494 г. В ходе этой войны, сопровождавшейся вторжениями крымцев на территорию Киевщины, скрытой и явной дипломатической поддержкой Порты и Молдавского княжества, Иван III значительно расширил сферу своего влияния на древнерусских землях. Возникшая в ходе мирных переговоров в Москве (январь-февраль 1494 г.) перспектива восстановления условий договора 1449 г. оказалась неприемлемой для Ивана III. Договор был подписан на иной основе — на основе закрепления за Русским государством Великого Новгорода, Твери, Вязьмы, ряда «верховских княжеств», признания за Иваном III титула «государя всея Руси». Важным пунктом этого договора оказалось соглашение о женитьбе великого князя литовского Александра на дочери Ивана III Елене Ивановне. Обе стороны возлагали на этот брак большие политические надежды.

Ян Ольбрахт и Александр рассчитывали, видимо, на то, что с помощью новой родственницы им легче будет управлять православным населением Великого княжества Литовского и бороться с программой воссоединения древнерусских земель, выдвинутой «государем всея Руси». Сам же Иван III, возможно, надеялся на то, что при содействии кн. Елены ему проще будет поддерживать силы литовско-русского сепаратизма, проще будет противодействовать планам расширения государства Ягеллонов⁴⁴. Польско-литовская дипломатия, видимо, рассчитывала таким путем создать благоприятные условия в Восточной Европе для возобновления своей борьбы за выход к Черному морю, за реализацию программы польско-венгерско-чешской унии⁴⁵. Имея в виду возможность

столкновений с Портой и Крымом, польский король должен был учитывать политическую обстановку как на востоке Европы, так и на западе, а здесь его больше всего беспокоила позиция Венгрии.

Дело в том, что после событий 1490—1491 гг. взаимоотношения Яна Ольбрахта с новым венгерским королем продолжали оставаться довольно напряженными. Однако складывавшаяся тогда политическая конъюнктура заставляла их сближаться. Возобновившиеся в 1490—1495 гг. атаки Порты на пограничные территории Венгерского королевства, продолжавшиеся домогательства Габсбургов на венгерскую корону, а также усилившаяся оппозиция венгерских магнатов вынуждали тогдашних правителей Польши и Венгрии сохранять взаимопонимание.

В декабре 1492 г. Ян Ольбрахт заключил в Буде договор с Владиславом о взаимопомощи⁴⁶, после чего они стали готовиться к проведению более представительного съезда, который должен был решить важнейшие проблемы их совместной деятельности на международной арене. Такой съезд состоялся в мае 1494 г. на словацкой земле в Левочи. Братья договорились о взаимной политической поддержке в международных делах, о возможности возобновления борьбы за возвращение Килии и Аккермана при условии, что в этих операциях будет участвовать молдавский господарь Штефан⁴⁷. Летом 1494 г. Штефан обещал прибывшему в княжество польскому послу сотрудничать с войсками Яна Ольбрахта при условии, что эти войска будут находиться у черноморских берегов. Формально Штефан таким образом поддержал планы съезда в Левочи, однако в действительности он был далек от этого. По существу он занял выжидательную позицию. Продолжая лавировать между Портой, Венгрией, Польшей, а в какой-то мере и Москвой⁴⁸, молдавский господарь не мог принять тогда однозначного решения по столь важному вопросу, как выступление против Османской империи и Крымского ханства⁴⁹. Решения, принятые в Левочи, так же как и соглашения с Москвой начала 1494 г., видимо, рассматривались Яном Ольбрахтом как важные предпосылки для возобновления борьбы Польско-литовского государства за выход к берегам Черного моря. Эта борьба находила поддержку со стороны широких кругов польских феодалов, одним из последовательных выразителей этих настроений стал Каллимах⁵⁰. Много сторонников этой политики было и в Великом княжестве Литовском. Литовско-русские феодалы, как и польские, были заинтересованы в приобретении новых территорий в Северном Причерноморье. Переговоры с великим князем литовским Александром по поводу участия литовских войск в предстоящих операциях вел осенью 1495 г. сам Каллимах, теперь ярый противник Порты. В ноябре 1496 г. произошла встреча кн. Александра с Яном Ольбрахтом, во время которой была достигнута договоренность о том, что Польша берет на себя операции по овладению Килией, а Литва должна будет бороться за возвращение Аккермана⁵¹.

Готовясь к войне против Османской империи и Крыма, Ян Ольбрахт добился определенного успеха в переговорах с Орденом: великий магистр Тиффен обещал послать небольшую группу орденских войск в район намечавшихся военных действий (правда, не исключено, что данное решение магистра было своеобразной компенсацией за его отказ поддержать планы переброски всего Ордена из Прибалтики к берегам Черного моря)⁵².

Ян Ольбрахт при содействии Каллимаха пытался в 1496 г. вести переговоры с Венецией по поводу финансирования предстоящей кампании⁵³. Польский король намеревался также продлить срок перемирия с Османской империей, который истекал в 1497 г. Посол Ольбрахта Н. Стрежовский выступил осенью 1497 г. в Стамбуле с довольно смелым предложением: заключить новый мирный договор с Портой на основе добровольной передачи Польше черноморской крепости-порта Аккермана. Однако эти инициативы польского короля не дали результатов⁵⁴. Дипломатическая подготовка Яна Ольбрахта к войне оказалась недостаточной, его стратегические планы не получили должного политического обеспечения. Этому способствовала и активная контригра соседей Польско-литовского государства.

Османская империя в 1495 г. предприняла важную дипломатическую акцию, направленную против Польско-литовского государства. Порта заключила мирный договор с Венгрией, признав ее сюзеренитет над Дунайскими княжествами, а это значило, что султанская дипломатия стала в этот период еще более энергично поддерживать Венгерское королевство как самостоятельную силу, противостоящую и Габсбургам, и Польше. Договор Венгрии с Портой поставил короля Владислава снова в трудное положение, осложнив его отношения с Яном Ольбрахтом. И когда польский король накануне выступления своих войск к театру военных действий обратился в феврале 1497 г. к Владиславу с просьбой выполнить свои обещания, данные в Левочи, последовал весьма уклончивый ответ. Владислав прямо указал польскому послу, что заключенный в 1495 г. венгеро-османский договор исключает саму возможность вступления Венгрии в большую войну против Порты. Венгерский король согласился оказать лишь «неофициальную» помощь польским войскам, да и то в весьма скромных размерах и при условии, что польские и молдавские контингент будут действовать совместно в районе Килии и Аккермана. Направленный летом 1497г. к Яну Ольбрахту венгерский посол Лясончи должен был развить эти положения короля Владислава. Оказывалось, что Владислав по-прежнему исключал свое активное участие в намечавшейся кампании против Порты и Молдавского княжества, осуждал саму ее идею⁵⁵.

Не оправдались и расчеты польской дипломатии на нейтралитет Москвы в сложившейся ситуации. Осенью 1497 г. последовал протест Ивана III в адрес великого князя Литовского Александра по поводу планов участия литовских войск в намечавшихся военных операциях⁵⁶. Не исключено, что этот протест сыграл определенную роль в отказе князя Александра в серьезной помощи Яну Ольбрахту во время молдавской кампании.

В подготовке к войне Польско-литовское государство уделяло должное внимание и проблемам финансирования войска, а также разработке военно-стратегического плана кампании. Важное значение среди этих мероприятий имели решения, принятые на сейме в Петр-кове (март-апрель 1496 г.) по поводу сбора денег на создание армии и соглашения Яна Ольбрахта с князем Александром в Парчеве (ноябрь 1496 г.) относительно намечаемых военных действий. Первоначальной целью кампании являлись операции по овладению Килией и Аккерманом⁵⁷. Польский король серьезно рассчитывал на возможность военного сотрудничества не только с братом Владиславом, чешско-венгерским королем, но и со своим вассалом — молдавским господарем. Ольбрахт делился планами с великим князем Литовским Александром, а также с магистром Ордена. При этом он, видимо, не вводил их в заблуждение, как иногда утверждают⁵⁸.

Польский король вынужден был изменить план кампании только тогда, когда выяснилась тщетность его надежд на сотрудничество с молдавским господарем⁵⁹. Польские войска должны были двигаться на Сучаву. В ходе этой операции Ольбрахта ждала «неожиданность» — осуждение венграми факта вооруженного выступлений Польши против Штефана, которого они считали вассалом одной Венгрии. По существу это был переход венгров на сторону противника.

В этих сложных условиях Ян Ольбрахт должен был отказаться от продолжения осады, заключить перемирие и начать общее отступление. Так безрезультатно для Польши завершилась кампания, к которой Ян Ольбрахт готовился несколько лет и которая ставила своей целью обеспечение Ягеллонам выхода к берегам Черного моря, а вместе с тем и консолидацию польско-чешско-венгерского династического объединения.

Развивая свой успех, вооруженные силы Порты, Крыма и Молдавского княжества продолжали летом и осенью 1498 г. осуществлять наступательные операции на окраинах Польско-литовского государства. Менгли-Гирей не скрывал своих приготовлений к походу на Краков и Вильно. Попытки Яна Ольбрахта организовать оборону не давали результатов: деморализованные поражением в Буковинском лесу осенью 1497 г., шляхетские войска не всегда оказывались боеспособными⁶⁰.

Неудача кампании 1497—1498 гг. во многом предопределила дальнейший ход борьбы Ягеллонов за реализацию черноморской программы и за осуществление планов польско-чешско-венгерской унии.

¹ *Papee F.* Polska i Litwa na przelomie wiekow srednich. Krakow, 1904, t. 1, s. 371; *Stachon B.* Polityka Polski wobec Turcji i akcyi antyturckiej w wieka XV do utraty Kilii i Bialogrodu (1484). Lwow, 1930, s. 180.

² Во время этих переговоров речь могла идти о совместном выступлении Крыма и Волжской орды лишь применительно к 1476—1478 гг., когда крымский престол занимал по воле османских властей родственник хана Ахмата — Джанибек. Не исключено, однако, что попытки Венеции столкнуть Волжскую орду и Крым с Портой оказались одной из причин отказа Мехмеда от поддержки идеи сращивания двух ордынских улусов — Волжского и Крымского, отказа, ставшего фактом в 1478 г. *Garbacik J.* Kallimach jako dyplomata i polityk. Krakow, 1948, s. 49—50, 64—76.

³ HDP, t. 1, s. 498; *Garbacik J.* Kallimach..., s. 58.

⁴ *Garbacik J.* Kallimach..., s. 65—66; Acta Tomiciana, I, app, N 20.

⁵ В мае 1480 г. в Вильно прибыл посол из Молдавии с сообщением о приказе султана строить «стратегические» дороги в направлении Каменец-Подольского. Возможно, эта информация, как считает польский историк Стахонь, была ложной. Тем более что султан Мехмед действительно не думал тогда вести наступление против Польши — для этого достаточно было Крыма; тем не менее, дойдя до короля Казимира, такая информация могла сыграть определенную роль в срыве его инициативы в Восточной Европе, обусловить его отказ от посылки войск на Угру. Во всяком случае присутствовавшие в Вильно послы Ливонского ордена придавали этой информации важное значение *Scriptores rerum Prussicarum.* Leipzig, 1870, t. 4, s. 687 u. a.; *Stachon B.* Polityka Polski..., s. 191; *Iorga N.* Geschichte des Rumanischen Volkes. Gotha, 1905, Bd. 1, S. 355—357.

⁶ *Kolankowski L.* Polska Jagiellonow. Dzieje polityczne. W., 1936, s. 129; *Idem.* Dzieje Wielkiego Ksiestwa Litewskiego za Jagiellonow. W., 1930, s. 337 — 338.

⁷ Однако исходя из этого, излагались события в работах Папе, Галецкого, а также Преснякова и Грушевского. Явно сужая масштабы движения 1480—1481 гг., недооценивая его общественно-политическое направленности и связи с ходом тогдашней политической борьбы на международной арене, названные историки, по сути дела, не раскрывали подлинных причин пассивности польского короля в указанных событиях (*Papee F.* Polska i Litwa..., t. 1, s. 62—65, 66—82; *Halecki O.* From Florence to Brest (1430—1596). 2nd ed., Archon Books, 1968, p. 106 — 109; *Пресняков А. Е.* Лекции по русской истории. М., 1939, т. 2, вып. 1, с. 157; *Базилевич К. В.* Внешняя политика Русского централизованного государства: Вторая половина XV в. М., 1952, с. 148; *Грушевський М. С.* Історія України-Русі. Київ; Львів, 1907, т. 4, с. 324—325, 328, 375, 482). Разумеется, с такой произвольной, далекой от историзма трактовкой данного вопроса согласиться трудно. Скорее, такое поведение было результатом учета польским королем реальной расстановки политических сил в Восточной Европе 1480 г., о чем подробно писал еще Я. Длугош (*Dlugosz J.*, t. 5, s. 657—658).

⁸ *Уляницкий В. А.* Материалы для истории, взаимных отношений России, Польши, Молдавии, Валахии и Турции в XIV—XVI вв. М., 1887, с. 111 — 112.

⁹ ПСРЛ, т. 6, с. 234; Сб. РИО, т. 41, № 2, с. 12; *Kolankowski L.* Dzieje..., s. 339, 345, 348.

¹⁰ *Базилевич К. В.* Внешняя политика..., с. 157—160, 342; *Kolankowski L.* Dzieje..., s. 342; *Papee F.* Polska i Litwa..., s. 62.

¹¹ Трудно согласиться с попыткой польского историка Стахоня отрицать причастность Порты к выработке планов крымской операции против Киева в 1482 г. Этому противоречит не только реальный характер крымско-османских отношений в этот период, но и тот факт, что в походе крымцев на Киев участвовали османские отряды во главе с сыном султана Мехмеда молодым Мехмедом, являвшимся зятем Менгли-Гирея и официальным представителем Стамбула на территории Крымского ханства, в Каффе (*Stachon B.* Polityka Polski..., s. 191 nast).

¹² ПСРЛ, т. 20, с. 34; Сб. РИО, т. 41, № 8, с. 34; *Papee F.* Polska i Litwa..., s. 90—92; *Kolankowski L.* Dzieje..., s. 349, 355.

¹³ История Венгрии. Т. 1, М., 1971, с. 233. MLev; 2, N 169, 285—294.1.

¹⁴ ПСРЛ, т. 25, с. 329; т. 8, с. 214; т. 6, с. 35; Сб. РИО, т. 41, № 11, с. 41—44; ПДС, т. 1, с. 160—162.

¹⁵ Инструкция Ивана III предусматривала возвращение Ф. Курицына вместе с венгерскими и молдавскими послами через Молдавское княжество и Крым, «занеже на литовскую землю пути им нет» (Сб. РИО, т. 41, с. 44; см. также № 11, с. 42; № 19, с. 64).

¹⁶ Обращает на себя внимание тот факт, что ведущие члены кружка еретиков — Елена Штефановна («Волошанка»), Федор Курицын, митрополиты Геронтий и Зосима — были тесно связаны с международной жизнью, точнее, с определенным комплексом государств Юго-Восточной Европы, который в начале 80-х годов оказался под влиянием Стамбула. Достаточно сказать, что Елена-«Волошанка», с зимы 1483/84 г. жена наследника московского престола, была дочерью молдавского господаря Штефана, находившегося в это время в мирных отношениях с султаном и выполнявшего тогда сложную роль политического посредника между Стамбулом и Москвой. Что касается Федора Курицына, то он, являясь руководителем

внешней политики Русского государства, выполнял особую миссию в Венгрии, сближавшуюся в тот момент с Портой, поддерживал тесные контакты с Молдавским княжеством и Крымом. Именно Курицын взял на себя решение вопроса о приглашении в Москву «угрина Мартынка». Связи со Стамбулом скрытых участников ереси митрополитов Терентия и Зосимы представляются еще более очевидными. Между тем проблема внешнеполитической ориентации ведущих деятелей московско-новгородской ереси конца XV в. в историографии часто игнорируется вообще, а иногда раскрывается тенденциозно, без достаточного учета конкретных обстоятельств идейно-политической жизни всего изучаемого нами региона (см. об этом: *Греков И. Б.* Очерки по истории международных отношений Восточной Европы XIV—XVI вв. М., 1963, с. 212—214, 222).

¹⁷ *Kolankowski L.* Dzieje..., s. 357, 372.

¹⁸ ПСРЛ, т. 20, с. 352; Сб. РИО, т. 41, с. 104, 111; *Смирнов В. Д.* Крымское ханство под верховенством Османской Порты до начала XVIII в. СПб., 1887, с. 290—292; *Kolankowski L.* Dzieje..., s. 360, 364, 372; *Idem.* Polska Jagiellonow..., s. 133.

¹⁹ *Stachon B.* Polityka Polski..., s. 193; *Iorga N.* Geschichte des Osmanischen Reiches, Bd. 2, S. 268—269.

²⁰ *Iorga N.* Geschichte des Rumanischen Volkes, Bd. 1, S. 357.

²¹ *Iorga N.* Geschichte des Osmanischen Reiches..., Bd. 2, S. 263; *Kolankowski L.* Dzieje..., s. 365; *Idem.* Polska Jagiellonow..., s. 136; Сб. РИО, т. 41, № 13, с. 43; № 13.

²² *Iorga N.* Geschichte des Osmanischen Reiches, Bd. 2, S. 268—269; *Смирнов В. Д.* Крымское ханство..., с. 338—346.

²³ Materiały do dziejów dyplomacji polskiej z lat 1486—1516 (kodeks Zagrebski). Krakow, 1966, N 1, s. 1—6.

²⁴ *Ibid.*, N 2, s. 7—9; *Garbacik J.* Kallimach..., s. 102, 103.

²⁵ *Papee F.* Polska i Litwa..., s. 221—222; *Kolankowski L.* Polska Jagiellonow..., s. 136—137; *Idem.* Dzieje..., s. 376.

²⁶ HDP, t. 1, s. 488; *Garbacik J.* Kallimach..., s. 103, 106; Katalpg dokumentow tureckich. W., 1959, cz. 1; *Jorga N.* Geschichte des Osmanischen Reiches, Bd. 2, S. 271.

²⁷ Scriptorum rerum Prussicarum, t. 4, s. 376—379; *Iorga N.* Geschichte des Osmanischen Reiches, Bd. 2, S. 271—272.

²⁸ *Kolankowski L.* Dzieje..., s. 389—393, 403—412; *Базилевич К. В.* Внешняя политика..., с. 199—208, 282—337; История Татарской АССР. Казань, 1955, с. 128.

²⁹ Между тем в историографии имеются попытки выхватывать какую-то одну грань политической деятельности молдавского господаря. Трудно, например, согласиться с тезисом, согласно которому «заключение брака (Елены Волошанки и московского князя Ивана Ивановича.— *Прим. ред.*) механически вводило Русь в число тех держав, которые вели борьбу против Османской империи» (*Хорошкевич А. Л.* Русское государство в системе международных отношений конца XV — начала XVI в. М., 1980, с. 92).

³⁰ *Nehring K.* Matthias Corvinus, Kaiser Friedrich III und das Reich. Zum hungarisch-habsburgischen Gegensatz im Donauraum. München, 1975, S. 153, 159, 164, 167, 184.

³¹ ПДС, т. 1, с. 160, 167; *Kolankowski L.* Dzieje..., s. 259, 278.

³² *Iorga N.* Geschichte des Osmanischen Reiches. Bd. 2, S. 262—265 u. a.; Сб. РИО, т. 41, N 19, с. 64.

³³ *Kolankowski L.* Dzieje..., s. 359, 365, 376, 384—385.

³⁴ *Kolankowski L.* Polska Jagiellonow..., s. 143—144; *Nehring K.* Matthias Corvinus..., S. 193.

³⁵ *Nehring K.* Matthias Corvinus..., S. 194—201; Przegląd Historyczny, 1963, z. 4, s. 651—665.

³⁶ *Nehring K.* Matthias Corvinus..., S. 192—193; *Kolankowski L.* Polska Jagiellonow..., s. 142—144.

³⁷ *Papee F.* Jan Olbracht. Krakow, 1936, s. 23—25; *Wiesflicker H.* Das erste Ungarnunternehmen Maximilians I und der Pressburgen Vertrag 1490—1491.— Siidostforschungen (München), 1959, Bd. 18, S. 26—75; HDP, t. 1, S. 499.

³⁸ *Wiesjecker H.* Kaiser Maximilian I. Das Reich, Osterreich und Europa an der Wende zur Neuzeit. Wien, 1971, Bd. 1, S. 303—308; HDP, t. 1, s. 531—532.

³⁹ *Греков И. Б.* Очерки..., с. 174—194, 197—204.

⁴⁰ *Базилевич К. В.* Внешняя политика..., с. 162—220, 239—281; *Ubersberger H.* Osterreich und Russland seit dem Ende des XV. Jahrhundert. Wien; Leipzig, 1906, Bd. 1.

⁴¹ Весьма частыми тогда были визиты имперских послов в Москву (Н. Поп-пель в 1486 и 1489 гг., Г. фон Турн в 1490 г.), а также миссии московских дипломатов в Империю, где Ю. Траханиот побывал в 1489, 1491, 1493 гг. В ходе этих переговоров не только заключались мирные и даже союзные договоры (как, например, в 1491 г.), не только обсуждались важные территориальные проблемы, но рассматривались вопросы предоставления «государю всея Руси» (или великому князю «Белой Руси», как тогда называли в Империи Ивана III) «королевского титула», что должно было, по мысли имперской дипломатии, помимо всего прочего уравнять политико-правовые шансы Ивана III с Ягеллонами в Восточной Европе (не случайно Казимир резко возражал против перспективы превращения Ивана III в «короля» Руси). ПДС, т. 1, с. 30, 38, 79; *Kolankowski L.* Dzieje..., s. 386, 359, 384.

- ⁴² Это были годы тесных дипломатических контактов Москвы с Крымом, Портой и молдавским господарем, годы их согласованных действий против Ягеллонов. *Базилевич К. В.* Внешняя политика..., с. 213—217, 488; *Kolankowski L.* Dzieje..., s. 375—376, 384—386; *Idem.* Polska Jagiellonow..., s. 138, 140.
- ⁴³ *Базилевич К. В.* Внешняя политика..., с. 199—208; История Татарской АССР, с. 128—130.
- ⁴⁴ *Базилевич К. В.* Внешняя политика..., с. 282—227; *Церетели Е.* Елена Иоановна Великая княгиня Литовская, Русская, королева Польская. СПб., 1898, с. 328—337; *Kolankowski L.* Dzieje..., s. 387—394, 403—412; HDP, t. 1, s. 533.
- ⁴⁵ *Papee F.* Jan Olbracht..., s. 57, 69, 122; HDP, t. 1, s. 534, 538—540.
- ⁴⁶ *Ibidem.*
- ⁴⁷ *Finkel L.* Zjazd Jagiellonow w Lewoczy r. 1494.— КН, 1914, г. 28, s. 317—350; HDP, t. 1, s. 538.
- ⁴⁸ *Семенова Л. Е.* Некоторые аспекты международного положения Молдавского княжества во второй половине XV в. — В кн.: Юго-Восточная Европа в средние века. Кишинев, 1972, с. 207—234.
- ⁴⁹ Штефан, узнав о главных решениях съезда в Левочи, сразу сделал их достоянием как султана, так и крымского хана. Эта скрыто антипольская позиция Штефана, возможно, объяснялась тем, что ему стали известны намерения Яна Ольбрахта посадить на молдавский престол своего брата Сигизмунда (*Уляницкий В. А.* Материалы..., с. 99—101; *Iorga N.* Geschichte des Osmanischen Reiches, Bd. 2, S. 272).
- ⁵⁰ *Garbacik J.* Kallimach..., s. 156.
- ⁵¹ *Papee F.* Jan Olbracht..., s. 122.
- ⁵² *Iorga N.* Geschichte des Osmanischen Reiches, Bd. 2, S. 273; HDP, t. 1, s. 538, 541.
- ⁵³ *Garbacik J.* Kallimach..., s. 136; *Iorga N.* Geschichte des Osmanischen Reiches, Bd. 2, S. 272.
- ⁵⁴ *Papee F.* Jan Olbracht..., s. 130—135; HDP, t. 1, s. 540; *Gorka O.* Nieznany Zywt Bajazida II.— КН, 1938, з. 3, s. 401.
- ⁵⁵ *Materialy...*, N 13: *Fessler-Klein.* Geschichte von Ungarns. Leipzig, 1874, Bd. 3, S. 264.
- ⁵⁶ Сб. РИО, т. 35, с. 232, 238.
- ⁵⁷ *Kolankowski L.* Dzieje..., s. 425, 426, 429.
- ⁵⁸ *Papee F.* Jan Olbracht..., s. 133—135; *Iorga N.* Geschichte des Osmanischen Reiches, Bd. 2, S. 273.
- ⁵⁹ *Семенова Л. Е.* Из истории молдавско-польско-турецких отношений конца XV в.— В кн.: Россия, Польша и Причерноморье в XV—XVIII вв. М., 1979, с. 40—43. *Lewicki A.* Krol Jan Olbracht o klesce Bukowinskij r. 1497.— КН, 1893, VII, s. 1-15.
- ⁶⁰ *Iorga N.* Geschichte des Osmanischen Reiches, Bd. 2, S. 274.

Глава 6

КОРОЛЕВСТВО ВЕНГРИЯ И ОСМАНСКАЯ ИМПЕРИЯ (XV — первая четверть XVI в.)

Главная тенденция политики султанов в отношении королевства Венгрии в первой половине XV в. состояла в подчинении вассальных венгерской короне балканских государств, в организации набегов отрядов акынджи на пограничные территории, в осуществлении походов султанского войска против королевства. Набеги имели целью ослабление противника, а заодно и выявление его сил и возможностей. Они предпринимались начальниками пограничных областей (беями), которых не смущало ни ослабление султанской власти во времена поражений и междоусобий, ни перемирие 1419 г., заключенное Мехмедом I с королем Жигмондом (1387—1437) на пять лет ввиду осложнений в Малой Азии. Страдало от набегов прежде всего крестьянство. В сочинениях современников, в частности автора второй половины XV в. Яноша Туроци, нашли отражение картины разорения целых областей королевства в результате нападений, организованных османскими беями пограничных районов¹. Источники говорят об угоне людей и захвате имущества османами².

В 30-е годы XV в. османские набеги на пограничные области королевства Венгрии стали особенно частыми³. На основе имеющихся данных можно предполагать, что борьбу с набегамы вели лишь местные землевладельцы (1396)⁴ или местная (1420)⁵, а не центральная власть. Так, в 1438 г., по сообщениям османских хронистов, отряд османов целый месяц не видел неприятеля на территории королевства Венгрии⁶. О борьбе Яноша Хуньяди, воеводы Трансильвании, с османскими набегамы в 40-е годы упоминает хронист Туроци⁷. С 20-х годов XV в. господствующий класс Венгрии начал организацию походов на занятые османами территории ранее вассальных по отношению к королям Венгрии государств. Походы осуществлялись сравнительно небольшими отрядами и

имели целью главным образом захват добычи, угон населения, сожжение деревень⁸. От этих набегов страдало прежде всего мирное население.

Венгерский король стремился сохранить свой сюзеренитет над рядом государств Юго-Восточной Европы, не учитывая при этом реального соотношения сил, складывавшегося в результате расширения османских завоеваний и союза бывших венгерских вассалов с османами. Так, акции короля Жигмонда (Сигизмунда) по удержанию в вассальной зависимости Боснии оказались безуспешными. Воспользовавшись междоусобной борьбой боснийских правителей, султан в 1415 г. превратил юго-восточную часть Боснии в санджак с центром в Сараево и утвердил одного из правителей, Стефана Ос-тойю, королем Боснии, т. е. сделал собственным вассалом⁹.

В 1419 г. Жигмонд совершил поход на некогда зависимые от Венгрии территории Болгарии. Между Нишем и Никополем он одержал победу. Султан, занятый в это время в Малой Азии подавлением восстания шейха Бедреддина, предложил заключить мир на пять лет. Жигмонд принял это предложение, используя мир для подавления движения чешских гуситов. В 1424 г. мир был продлен на два года. Но его условия не распространялись на Валахию, где вследствие начавшейся после смерти Мирчи Старого борьбы за господство между претендентами Даном II и Раду II Празнаглавом усилилось османское влияние. Стремясь сохранить Валахию в вассальной зависимости, Жигмонд в конце 1426 — начале 1427 г. вмешался в эту борьбу, изгнав османского ставленника Раду и утвердив власть Дана¹⁰.

В соперничестве с Польшей из-за сюзеренитета над Молдавским княжеством Жигмонду пришлось уступить Владиславу II Ягайло (1386—1434). По договору 1412 г. между двумя королями молдавский господарь остался вассалом Польши, но в случае османского нападения был обязан помогать Жигмонду¹¹.

Жигмонд не упустил возможности для расширения территории королевства Венгрии за счет владений сербского деспота Стефана Лазаревича¹². Наследник Стефана, его племянник Джурдже Бранкович (1427—1456), признавший сюзеренитет венгерского короля и принятый в число баронов Венгрии, передал Жигмонду 17 крепостей Сербии¹³. В их число входил Белград, Голубац, Мачва. Но начальник крепости Голубац сдал ее османам, прежде чем ее занял венгерский гарнизон. Попытка Жигмонда взять Голубац окончилась поражением (апрель 1428 г.)¹⁴. Включенные в территорию королевства Венгрии 16 крепостей были частично присоединены к банату Мачва, а частично вошли в новый Белградский банат. Они составили основу системы крепостей, ставшей важным элементом военной организации Венгрии.

Еще в 1427 г. османы захватили у Стефана Лазаревича Ниш и Крушевац. Бранкович, сделавший своей столицей Смедерево, весной 1428 г., оставаясь вассалом короля Венгрии, признал вассальную зависимость от султана, обязался выплачивать ему ежегодную дань и выставлять 2 тыс. конных воинов в султанское войско¹⁵. Одну из своих дочерей с большим приданым он отправил в гарем султана¹⁶. В 1428 г. подчинился султану и валахский воевода Дан II. Вмешательство Жигмонда в борьбу претендентов за трон Валахии (Влада Дракула, свергнувшего Дана II, и Раду) не помогло удержать Валахию в вассальной зависимости¹⁷.

В 1437 г. королевское войско разбило султанскую армию, пытавшуюся взять Смедерево. По долине Моравы оно дошло до Крушеваца, разбив несколько отрядов османов, сожгло их суда и вернулось с добычей¹⁸. Но этот успех оказался временным. Султан Мурад II (1421 — 1451) после овладения крепостью Смедерево занял в 1439 г. Сербию. Осуществляя свой стратегический замысел, султан двинулся затем не на Венгрию, а на Боснию и вынудил ее короля Твртко II признать его сюзеренитет и согласиться на уплату ежегодной дани. В результате этих действий султана граница между Османской империей и королевством Венгрии отодвинулась на запад¹⁹.

В апреле 1440 г. войско султана подошло к Белграду. Сильный гарнизон крепости во главе с Яношем Таллоци, происходившим из Дубровника, в течение многих месяцев

отражал все приступы османов. Султан был вынужден отойти и предложил условия мира, согласно которому к нему переходила крепость Белград и он получал право на обладание Сербией. Эти условия, а также описание нападения султана свидетельствуют о том, что в планах султана захват Белграда фигурировал в качестве завершения покорения Сербии, а не первого шага в завоевании королевства Венгрии²⁰. Оборона Белграда имела значение акции, целью которой было удержать в вассальной зависимости Сербию.

Походы правителей Венгрии против османов в 40—60-е годы XV в, преследовали ту же цель — сохранить за собой власть в вассальных государствах. Главную роль в организации этих акций играл магнат, воевода Трансильвании и правитель Венгрии (с 5 июня 1446 г. по ноябрь 1452 г.) Янош Хуньяди (ум. 11 августа 1456 г.)²¹. В 1442 г. Янош Хуньяди предпринял поход в Валахию против армии бея Румелии Шехабедин, подвергнувшего княжество опустошению и создавшего угрозу вторжения в Трансильванию²². Янош Хуньяди одержал победу над Шехабедином 6 сентября (или 2 сентября) 1442 г.²³ Ставший вторично господарем Влад Дракул признал себя вассалом короля Венгрии.

Попыткой вернуть потерянные зависимые владения являлся так называемый «долгий» поход (июль — декабрь 1443 г.— январь 1444 г.)²⁴ войск королевства Венгрии при участии отрядов из Польши, Дунайских княжеств, Сербии. Походу предшествовала серия набегов в течение пяти месяцев (декабрь 1442 — начало 1443 г.) отряда Яноша Хуньяди на занятые османами территории Сербии и Болгарии до перевала Златица и обратно²⁵. Целью похода было вытеснение османов и восстановление сюзеренитета Венгрии на территории Болгарии и Сербии, а также Боснии. Об этом можно судить по требованиям короля Уласло I (король Польши Владислав III), которые были приняты султаном (кроме требования о восстановлении государственности Болгарии) и стали условиями Сегедского мира (26 июля 1444г.)²⁶. В результате в северной Сербии было восстановлено владение деспота Джурдже Бранковича, который в августе 1444 г. вошел в Смедерево, а в сентябре заключил договор с султаном²⁷.

В нарушение Сегедского мира Уласло I (Владислав III) и Хуньяди, вдохновляемые сопровождавшим их папским легатом кардиналом Джулиано Чезарини, совершили поход к Варне (сентябрь — ноябрь 1444 г.), завершившийся поражением войска, состоявшего главным образом из венгерских и польских рыцарей, гибелью короля и кардинала²⁸.

Этим воспользовались правители зависевших от Венгрии стран. Не принявший участия в походе деспот Сербии Джурдже Бранкович не пропустил через свои владения вспомогательное войско Скандербега (Георгия Кастриота), который 4 августа 1444 г. в ответ на письмо Уласло I от 5 июля 1444 г. обещал прислать 30 тыс. воинов²⁹. В походе приняли участие 4 тыс. воинов из Валашского и Молдавского княжеств³⁰. Но господарь Валахии Влад II Дракул, посетивший короля Уласло I в Никополе, предложил прекратить поход ввиду малочисленности войска³¹. Когда же Янош Хуньяди, возвращаясь из-под Варны, достиг Валахии, Дракул захватил его в плен и освободил лишь под угрозой вторжения войска Венгрии в Валахию³².

Продолжением прежней политики королей Венгрии на Балканах явились действия, приведшие к признанию королем Боснии Стефаном Томашем (1443—1461) в июне 1444 г. сюзеренитета Уласло I с обязательством выплачивать ежегодно дань в 3 тыс. золотых³³.

В конце весны 1445 г. Янош Хуньяди разбил отряд османов у Жарно (Шарно), юго-западнее Савы. Осенью того же года Хуньяди в союзе с бургундским флотом и воеводой Валахии предпринял поход на нижний Дунай. Повторная попытка утвердиться в Болгарии окончилась безрезультатно³⁴. Стремясь привлечь Дунайские княжества к антиосманской борьбе, Хуньяди вмешался в борьбу боярских группировок в Валахии. Он поддерживал претендента на валашский престол Владислава II против сторонника союза с султаном Влада II Дракула. С целью оказания помощи Владиславу II Хуньяди совершил в 1447 г. поход в княжество³⁵.

Молдавские господа, признававшие в 40-е годы XV в. сюзеренитет короля Польши и Великого княжества Литовского, в интересах упрочения своей власти пытались

использовать венгерско-польское соперничество. Так, господари Штефан и Петр (август 1435 — июль 1447 г.) после победы Хуньяди над Шехабеждином сблизилась в 1443 г. с Венгрией. По свидетельству современника, Янош Хуньяди в 1447 г. «заключил с Молдавским княжеством крепкий мир»³⁶.

В 1448 г. Хуньяди совершил поход в Сербию. Целью похода Янош Хуньяди провозгласил изгнание османов из Европы. Конкретные его действия сводились к отвоеванию территорий, занятых османами и находившихся под властью вассала султана — деспота Джурдже Бранковича, который, признавая сюзеренитет короны Венгрии, не только отказался от участия в походе, но и снабжал султана информацией о продвижении войска Яноша Хуньяди. В битве на Косовом поле (18—19 октября 1448 г.) с войском султана Мурада II Хуньяди потерпел поражение. Спасшегося Яноша Хуньяди пленил Бранкович, отпустивший его на определенных условиях³⁷. После этого поражения правителю Венгрии пришлось приложить много сил для восстановления своих позиций в королевство³⁸. Направлявший основные силы на сокрушение Византии султан Мехмед II добивался заключения трехлетних перемирий с Венгрией (20 ноября 1451 г.³⁹ и в апреле 1452 г.)⁴⁰.

Взятие османами Константинополя⁴¹ положило начало новому этапу их наступления на Балканах. В августе-сентябре 1454 г. султанское войско напало на Сербию. Султан оставил осаду Смедерева при известии о выступлении против него войска Яноша Хуньяди, который неожиданным нападением разбил у Крушеваца (2 октября) отряд османов Фируз-оглу (Фирузбеговича), опустошавший Сербию. Очистив владения Бранковича от османов и сорвав замысел султана превратить их в часть своей империи, Янош Хуньяди двинулся вслед за отходившим к Софии османским войском и столкнулся с ним у Пирота⁴². Решив вернуться ввиду явного недостатка сил для продолжения борьбы, Янош Хуньяди ограничился тем, что «приказал сжечь город Видин, главный город всей Болгарии»⁴³.

К середине XV в. Валахия все бол ее оказывается в сфере османской политики. Осенью 1455г. османы прошли через Валахию и совершили набег на воеводство Трансильванию. Молдавский господарь Петр Арон (май 1455 г.— апрель 1457 г.) начал платить султану ежегодную дань вместо обычных «даров»⁴⁴. В том же году султану удалось занять в Сербии Ново Брдо и Крушевац, Бранкович заключил с султаном мир⁴⁵. Готовясь к походу на Белград, султан весной 1456 г. потребовал от короля Боснии и владетеля Герцеговины поставок продовольствия и посылки военных отрядов. Ему удалось получить только дань, но правители этих стран не оказали и сопротивления⁴⁶. Бывший вассал короля Венгрии валашский господарь Влад, признавший зависимость от султана, в апреле 1456 г. совершил нападение на южный район воеводства Трансильвании⁴⁷.

После падения Византии папа Николай V призвал ко всеобщему походу против османов. В декабре 1455 г. прибывший в королевство Венгрию для «обращения» еретиков итальянский францисканец Джованни да Капистрано (1386—1456) получил предписание папы Каликста III провозгласить крестовый поход. Папский легат кардинал Карвайял 15 февраля 1456 г. в Буде объявил о начале сбора крестоносцев, возложив его осуществление на Капистрано. 7 апреля в Буде стало известно о выступлении султана в поход на Белград, и это ускорило сбор крестоносцев. В военных действиях приняли участие крестоносцы, собравшиеся из южных районов королевства (20—30 тыс. крестьян, ремесленников). Именно их натиск определил разгром армией Яноша Хуньяди султанского войска, осаждавшего Белград (22 июля 1456 г.)⁴⁸.

Инициаторы крестового похода замыслили его как грандиозную наступательную операцию по изгнанию османов из Европы⁴⁹. Это означало бы для феодалов Венгрии восстановление и даже расширение системы зависимых от них государств, а также территорий, включенных непосредственно в состав королевства Венгрии (банатов). Этого

добиться не удалось, но победа Яноша Хуньяди при Белграде приостановила экспансию османов в Среднее Подунавье.

Королю Матьяшу Хуньяди (Корвину) (1458—1490) не удалось удержать за собой Сербию. Сербский правитель Лазар в начале 1457 г. по примеру отца Джурдже Бранковича заключил мир с османами. После смерти Лазара (начало 1458 г.) обострилась борьба среди феодалов Сербии — между сторонниками османов и короля Венгрии. Король Матьяш поставил деспотом сына короля Боснии Стефана Томашевича (апрель 1459 г.). Но к этому времени османы успели овладеть почти всей территорией деспотата. 6 июня 1459 г. жители Смедерева сдали город османам. Деспотат прекратил существование, территория Сербии стала административной единицей Османской империи. В составе королевства Венгрии оставалась лишь часть этнической территории сербов — Белградский банат.

После того как султан в мае 1463 г. захватил Боснию и казнил Стефана Томашевича, король Матьяш Корвин в сентябре 1463 г. предпринял поход против османов. После длительной осады он овладел крепостью Яйце (венг. Яйца). В послании папе Пию II от 27 января 1464 г. Матьяш сообщал, что прекратил поход против османов ввиду необходимости отбить нападения чехов на северные области королевства. 14 февраля в Боснию был назначен правителем (губернатором) венгерский магнат. Однако уже 12 июля 1464 г. вторгшийся в Боснию Мехмед II приступил к осаде крепости Яйце. В августе Матьяш, собрав значительное войско, направил часть его в Боснию, а сам с основными силами двинулся к крепости Смедерево. Приближение венгерского войска заставило султана снять осаду с крепости Яйце. В середине октября войско Венгрии овладело в Боснии крепостью Сребрник. При приближении к крепости Зворник армии великого визиря Махмудпаши войско во главе с Матьяшем было вынуждено прекратить осаду и уйти (ноябрь). К началу 80-х годов на оставшейся под властью короля Венгрии территории Боснии был конституирован банат Яйце. У королевства не оказалось сил для изгнания османов из Боснии⁵⁰.

Поход Матьяша в Боснию был совершен в качестве одной из операций антиосманского крестового похода. Вдохновителем похода был папа Пий II (1458—1464), провозгласивший на съезде послов государей в Маптуе (1459) поход против султана. Для этой цели Пий II обещал в 1460 г. предоставить венгерскому королю 40 тыс. золотых флоринов и содействовал заключению мира между Матьяшем и императором Фридрихом III (19 июля 1463 г.). Для организации похода в начале июля 1463 г. папа создал конгресс в Риме. К этому времени Венеция уже находилась в состоянии войны с османами. Для согласования антиосманских действий Матьяш заключил 12 сентября 1463 г. договор с дожем Кристофоро Моро об одновременном наступлении на Пелопоннесе и в Боснии⁵¹. Весной 1464 г. Матьяш договорился с папой об участии в крестовом походе, который Пий II решил возглавить лично. 15 июня папа прибыл в Анкону, куда собрались участники похода из простонародья. Но не прибыл ни один государь. Дождь Венеции со своим флотом явился в Анкону после смерти Пия II (последовавшей 14 августа), опоздал и флот Бургундии. Крестовый поход не состоялся, и действия Матьяша в Боснии оказались изолированной операцией.

Провал плана крестового похода показал невозможность объединения европейских государей для борьбы с экспансией султана. Соперничество европейских держав мешало объединению антиосманских сил. С самого начала этому противодействовали Флоренция (торговый соперник Венеции) и король Франции Людовик XI. Весной 1464 г. посол французского короля даже пытался, хотя и безуспешно, вовлечь Матьяша в антипапский союз.

Поход в Боснию завершил эпоху борьбы феодалов Венгрии с экспансией султанов на Балканах. Эта борьба велась феодалами королевства во имя их интересов, за сохранение их владений и средствами, характерными для эпохи феодализма. Но результаты этой борьбы имели объективно положительное воздействие, замедляя ход

экспансии Османской империи на Балканах. Этим в конечном счете определялось значение борьбы королевства Венгрии с османским нашествием в первой половине XV в.

В правление Матьяша королевство Венгрия обладало значительными военными силами, основу которых составляли наемники. Но Матьяш в 1468—1487 гг. обратил эти силы для захвата чешских, си-лезских, австрийских земель, развитых в экономическом отношении и дававших (в отличие от прежних владений королевства на Балканах) надежду на получение значительных денежных доходов. К декабрю 1474 г. Матьяш уже завоевал эти земли⁵². Внимание венгерского короля было, таким образом, отвлечено на запад.

В 60—80-х годах XV в. на заседаниях рейхстагов «Священной Римской империи», распоряжавшихся имперскими финансами, неоднократно обсуждался вопрос о борьбе с османами. Однако деньги на организацию борьбы не выделялись. Для набора войск от пап Павла II (1464—1471) и Сикста IV (1471—1484) Матьяш получал денежные суммы, которые не могли покрыть расходов на содержание сильного войска. Матьяш брал суммы, испрашивал новые и «расплачивался» явно невыполнимыми обещаниями⁵³.

Учитывая позицию папства, король Венгрии в 1460 по 1478 г. уклонялся от переговоров с Портой о перемирии, в которых был заинтересован султан⁵⁴. Заключение перемирия на пять лет в 1483 г. свидетельствовало об уменьшении влияния папства на политику Матьяша по отношению к османам. Главным же фактором, обусловившим заключение перемирия, было стремление Матьяша обеспечить свой юго-восточный тыл в войне с Фридрихом III в 1482—1487 гг.⁵⁵

Для ослабления западного противника в июле 1480 г. Матьяш разрешил отряду османов пройти через территорию королевства в австрийские владения⁵⁶.

К принятию предложения султана о перемирии Матьяш склонялся также потому, что был обеспокоен ослаблением своих позиций в Валашском и Молдавском княжествах, которые все больше попадали в зависимость от Порты. Требовались силы и для отражения постоянных набегов османских отрядов на окраины королевства. В 1474 г. большой отряд османов проник далеко в глубь королевства. В 1479 г. произошло кровопролитное сражение на Хлебном поле (в воеводстве Трансильвании), куда прошел османский отряд (30 тыс. османов, 15 тыс. валашских воинов). Победившие венгры потеряли 8 тыс. воинов. В начале 1480 г. подвергся разграблению юг королевства. Заключение перемирия давало надежду на прекращение хотя бы наиболее крупных набегов.

Использование приблизительно равного количества войск против султана и против Фридриха III в наступательных действиях Матьяша приводило к далеко не равноценным результатам. Так, в результате похода 1476 г. Матьяш смог взять лишь одну, хотя и стратегически важную, крепость Шабац⁵⁷. А в июне-августе 1477 г.⁵⁸ Матьяш занял ряд крепостей в нижней Австрии и добился от Фридриха III по Гмунденско-Корнейбургскому договору (1 декабря 1477 г.)⁵⁹ обязательства уплатить 100 тыс. золотых флоринов контрибуции⁶⁰.

Кроме того, значительных сил требовало насильственное переселение сербов с занятых османами территорий⁶¹.

Таким образом, преследуя собственные интересы, король Венгрии использовал свою армию для завоевания богатых соседних стран, сознавая недостаток сил королевства для изгнания османов с Балканского полуострова. Поэтому нужное султану перемирие 1483 г. оказалось выгодным и Матьяшу (оно было заключено в разгар третьей войны с Фридрихом III). В сентябре 1488 г. перемирие было продлено еще на два года⁶². Матьяш отказался, таким образом, от владений на Балканах ради денежных доходов, которые сулили ему богатые австрийские владения. О замысле короля Венгрии свидетельствует его согласие отдать завоеванные им территории сыну Фридриха III — Максимилиану за 5,4 млн. золотых флоринов (сентябрь 1489 г.).

К заключению мира с султаном Матьяша побуждала, несомненно, и постоянная конфронтация с королем Польши Казимиром IV Ягеллончиком (1447—1492).

Оботсутствии мира между ними имеется известие в папском документе от 13 мая 1458 г. Судя по грамоте Матьяша от 24 мая 1461 г., на территорию королевства из Польши происходили вторжения (видимо, отряды местных владетелей)⁶³. Обострению отношений способствовал поход Матьяша на вассала Польши Штефана III (1467). Казимир отвергал попытки Матьяша установить матримониальную связь (отказ Матьяшу в руке дочери 9 апреля 1468 г. и в конце мая 1469 г.). 13 июля 1470 г. Казимир IV вступил в переговоры с Фридрихом III о создании союза против Матьяша с целью заполучить корону Венгрии для своего сына Владислава (Уласло), на что Фридрих III не дал согласия. Избрание сначала Матьяша (3 мая 1469 г. панами-католиками), а затем утравкистами — Владислава (27 мая 1471 г., коронация — 22 августа) королями Чехии привело к дальнейшему обострению отношений Матьяша с Казимиром IV. В сентябре 1471 г. в Венгрии вспыхнул мятеж магнатов и прелатов против Матьяша. Казимир-младший был приглашен мятежниками в качестве короля. Казимир объявил войну Матьяшу (20 сентября 1471 г.) и 2 октября выступил с войском против Венгрии, захватив в ноябре несколько крепостей в северных комитатах королевства. Матьяш подавил мятеж, и 26 декабря Казимир ушел из королевства.

В своих действиях против Польши Матьяш имел поддержку папства⁶⁴. 1 марта 1472 г. папа уполномочил своего легата отлучить от церкви Владислава и Казимира IV, если они будут проявлять враждебность к Матьяшу, который по призыву папы боролся с «еретиками» — чешскими утравкистами. 8 мая 1472 г. Матьяш и Казимир IV заключили перемирие, 31 мая отдельное перемирие заключили Матьяш и Владислав. Относительно власти над Чехией Матьяш вел переговоры с Владиславом и Казимиром IV как с союзниками (20 октября 1472 г., 15 августа 1473 г.), а по вопросам, связанным с освобождением от войск Казимира IV крепостей в северных комитатах, — только с Казимиром (8 февраля 1474 г). Послы Матьяша и Казимира IV заключили мир 21 февраля 1474 г.⁶⁵

Это мирное урегулирование оказалось кратковременным: 13 марта 1474 г. Казимир IV примкнул к антивенгерскому союзу Чехии (Владислав) и империи (Фридрих III)⁶⁶. Эта ситуация исключала объединение сил Матьяша и Казимира с силами главы государства Ак-Коюнлу Узун-Хасана в борьбе против османов⁶⁷. В августе стало известно о намерении Владислава и Казимира IV отобрать у Матьяша Силезию (конгломерат герцогств, подвластных королю Чехии). Война Матьяша с чешско-польскими войсками, осаждавшими центр Силезии Вроцлав, закончилась победой Матьяша и перемирием с Владиславом, распространенным и на Казимира⁶⁸. В июле — августе 1475 г. проявлением конфронтации Матьяша с Казимиром IV явилось возвращение вассала Казимира IV Штефана III под сюзеренитет короля Венгрии.

Во время войн с Фридрихом III за австрийские земли Матьяшу удалось нейтрализовать Казимира IV. 12 марта 1477 г. Матьяш заключил против Казимира IV союз с Тевтонским орденом. При этом король Венгрии пользовался поддержкой папы, легат которого 24 мая запретил Владиславу и Казимиру IV нападать на Матьяша под страхом отлучения от церкви. 2 апреля 1479 г. был подписан мир между Матьяшем и Казимиром IV, по которому, в частности, Матьяш отказался от поддержки Тевтонского ордена. Мир с Владиславом был окончательно утвержден 21 июля 1479 г. Целям нейтрализации Казимира IV служило и установление дипломатических отношений с его противником — великим князем московским Иваном III (1482 г.)⁶⁹.

После заключения мира 1483 г. с Портой Матьяш, овладевший к этому времени австрийскими землями, стал игнорировать призывы папы к новой войне с османами. Это, несомненно, было связано не только с увеличением самостоятельности короля Венгрии в результате упрочения его власти над завоеванными территориями, но и с тем, что в системе международных отношений Матьяш начинает выступать на стороне противников папы. Так, Матьяш выступал на стороне короля Неаполя Фердинанда VIII — союзника герцога Феррары, враждовавшего с папой Сикстом IV и с Венецией. 1 июня 1482 г.

Матьяш предложил герцогу Феррары отряд из 500 всадников для борьбы с Венецией и с папой. Именно по наущению Венеции Мехмед II отнял у Фердинанда в 1480 г. город Отранто. В конце марта 1486 г. в помощь Фердинанду Матьяш отправил 1700 воинов для войны с папой Иннокентием VIII (1484—1492). 12 августа папа заключил мир с Фердинандом. Но это не остановило Матьяша от установления временного (весна 1487 г.— май 1489 г.) протектората над портом Папской области Анконой. В марте 1488 г. Матьяш снова направил Фердинанду VIII отряд из 500 воинов — в помощь против Венеции и папы. Естественно, что, несмотря на антиосманские призывы папы, Матьяш был намерен продлить еще на пять лет перемирие с султаном, срок действия которого истекал в сентябре 1490 г.

Открытым противником папы Иннокентия VIII Матьяш выступал и в вопросе о претенденте на султанский престол — брате Баязида II (1481—1512) Джеме⁷⁰. Потерпев поражение, Джем бежал к иоаннитам на остров Родос. Иоанниты, содержавшие Джема в одном из замков южной Франции, получали от султана ежегодно 45 тыс. золотых. Попытка Матьяша заполучить Джема, с помощью короля Франции Карла VIII (1483—1498) в сентябре-октябре 1487 г. не удалась. Иоанниты выдали Джема папе в начале 1489 г., и Матьяшу не удалось использовать сына султана в своих целях.

После заключения перемирий с султаном Матьяш перестал получать денежную помощь от папы, а рейхстаги прекратили обсуждать вопрос об османской опасности. После завоевания австрийских владений за их возвращение король Венгрии в виде компенсации называл колоссальные суммы: в сентябре 1489 г.— 5,4 млн. золотых флоринов, а 21 ноября — 3 млн. за одну только Нижнюю Австрию. Однако сосредоточение сил для завоевания стран запада не могло не привести к утрате позиций на востоке. Летом 1484 г. султан отобрал у вассала Матьяша Штефана III Килию и Аккерман. Матьяш мог лишь протестовать против этого нарушения перемирия (осень 1485 г.) и должен был примириться с переходом Штефана III в вассальную зависимость от Казимира IV (15 сентября 1485 г.)⁷¹.

В своем стремлении нейтрализовать позиции господствующих классов Чехии и Польши Матьяш добился успеха. И сентября 1486 г. он заключил союз с Владиславом, что принесло пользу при завершении войны с Фридрихом III за австрийские земли. Определенную угрозу Матьяшу содержал союз Владислава и Казимира IV, заключенный 23 апреля 1489 г. Весной этого же года представитель Матьяша предложил Казимиру IV заключить союз против османов и разорвать союз с Владиславом. С целью противодействия Казимиру IV Матьяш развивает контакты с представителями Ивана III, начатые в 1482 г. В ответ на запрос Ивана III (от 29 июля 1488 г.) о том, может ли он рассчитывать на помощь короля Венгрии против Казимира IV, Матьяш направил к Ивану III посла для ведения переговоров о заключении союза (16 декабря 1488 г.). После смерти Матьяша (6 апреля 1490 г.) феодалы Венгрии на выгодных для себя условиях поставили королем Владислава Ягеллона — Уласло II (15 июля 1490 г.— 13 марта 1516 г.), оставшегося также королем Чехии⁷².

Во время действия перемирий с султаном набеги местных отрядов акынджи на южные области королевства Венгрии продолжались, хотя их масштабы уменьшились (сентябрь 1484 г. — на Темешкёз; лето 1490 г.— до Надьварада; март и лето 1492 г. — осады Белграда, Шабаца, Яйце, Северина). От ответных набегов венгры воздерживались.

В сентябре 1492 г. Уласло II отказался от содержания постоянного войска наемников. Судьба королевства Венгрии стала зависеть в основном от ее положения в системе международных отношений. Важное значение имело в этот период то обстоятельство, что до 1521 г. султаны Баязид II и Селим I (1512—1520) были заняты подавлением восстаний и завоеванием земель вне Дунайского театра военных действий⁷³. Поэтому им было выгодно продлевать состояние мира с королевством Венгрией, что и происходило семь раз с апреля 1495 по 1519 г. В 1521—1526 гг. дипломатических отношений с Портой у королевства Венгрии уже не было. Посредничество представителей

Польши в 1525 г., просивших Порту о заключении мира и с Венгрией, оказалось безуспешным⁷⁴.

Состояние отношений между государствами Западной и Центральной Европы создавало для султанов благоприятные условия для борьбы с наиболее слабыми из них, к которым после ликвидации постоянного наемного войска стала принадлежать и Венгрия. Государства Запада, обладавшие значительными ресурсами, были втянуты в длительный конфликт друг с другом. Франция с 1494 г. вела войны за богатые территории Италии. Эти войны переросли в борьбу между Францией и Габсбургами за гегемонию в Европе. Результатом этого соперничества было поражение короля Франции Франциска в битве у Павии 24 февраля 1525 г. Из плена в Мадриде он тайно обратился к Сулейману I с просьбой о выступлении против Габсбургов и получил весной 1526 г. положительный ответ⁷⁵. Так было положено начало франко-османскому сотрудничеству, укрепившемуся в течение XVI в.

С избранием на трон «Священной Римской империи» в 1519 г. испанского и неаполитанского (с 1516 г.) короля Карла I (император Карл V — 1519—1556 гг.) возник конгломерат владений Габсбургов («империя Габсбургов»), в распоряжении которых, кроме власти (весьма ограниченной) над княжествами Германии, находились Бургундия, Нидерланды, эрцгерцогство Австрия, Тироль, Испания с ее колониями в Новом Свете, Неаполитанское королевство и Сицилия. Власть императора на востоке его владений представлял его младший брат — эрцгерцог Нижней и Верхней Австрии, Штирии, Каринтии и Крайны (с 1521—1522 гг.) Фердинанд. Карл V был сильным противником султана, но главной своей задачей с 1521 г. он считал сокрушение Франции, затем — приостановку османской экспансии в Средиземноморье (оборону Испании и южной Италии), а третьеочередной — защиту восточных владений от османов⁷⁶. При этом в выполнении последней задачи самым важным для Габсбургов было овладение коронами Венгрии и Чехии. Но феодалы Венгрии могли надеяться на получение помощи от Габсбургов, размеры же этой помощи зависели от рейхстагов Германии, противопоставлявших себя власти императора⁷⁷.

Государства Италии в борьбе друг с другом стали прибегать к помощи султана, посольство которого в 1490 г. впервые появилось у папы. В 1494 г. помощь султана против Франции пытался получить король Неаполя, в 1498 г. — Милан и Феррара против Венеции⁷⁸. Наибольший вклад в борьбу с османами вносила Венеция⁷⁹, которая, однако, после войны с Баязидом II в 1499—1502 гг. стала склоняться к соглашениям, компромиссам с Портой, контролировавшей, в особенности после захвата Египта (1517), источники зерна, получаемого Венецией. Во время этой войны Венгрия, вступившая 14 июля 1500 г. в антиосманский союз Венеции, короля Франции и папы Александра VI (созданный 15 апреля 1499 г. в противовес союзу султана, императора Максимилиана I и Милана), получила от Венеции и папы 355 тыс. золотых флоринов⁸⁰. Поэтому Венгрия, несмотря на призывы участников, фактически осталась вне Камбрейской лиги, созданной против Венеции Людовиком XII, Максимилианом и неаполитанским королем Фердинандом III 10 декабря 1508 г. (папа вступил в лигу 23 марта 1509 г.)⁸¹. Естественным также было решение правителей Венгрии вступить в «Священную лигу», созданную против Франции в ходе Итальянских войн Венецией, папой и королем Испании 4 октября 1511 г. (декабрь 1511 г.)⁸².

История этих союзов показывает, что папы превратились в князей Италии, боровшихся на стороне то одной, то другой сильной державы. Поддерживая временами отношения с султанами, папы продолжали предпринимать попытки возродить крестовые походы против османов, а Лев X (1513—1521) выступал с проектом общеевропейского похода. Папы предоставляли Венгрии денежные суммы для борьбы с османами⁸³⁻⁸⁴.

Военные действия развертывались на территориях, прикрывавших от османских набегов страны Центральной и Восточной Европы. Между тем сами эти страны — Чехия,

Польша, австрийские земли — в международной ситуации того времени не были в состоянии оказать помощь Венгрии.

Польша была занята военными действиями на севере (Тевтонский орден) и на востоке (Московское великое княжество). Поэтому она пошла на заключение мира с Сулейманом I (15 ноября 1525 г.)⁸⁵. Тяжелое внутри- и внешнеполитическое положение Польши обусловило усиление влияния Габсбургов, подготовившее установление их власти в последующем в Венгрии. По соглашению между Уласло II, Максимилианом I и Сигизмундом I от 19 июля 1515 г. в Вене Максимилиан ценой отказа от поддержки Москвы и Ордена получил согласие на браки детей Уласло II и представителей династии Габсбургов⁸⁶.

Такой ход событий создавал предпосылки для сохранения части этнической территории венгров вне Османской империи в форме королевства Венгрии во главе с королями из династии Габсбургов.

К 1521 г. в результате развития процессов натурализации экономики, закрепощения крестьянства, усиления могущества крупных феодалов, обострения борьбы между ними и ослабления королевской власти произошло значительное снижение военного потенциала королевства Венгрии. Лишившаяся постоянного войска и не имеющая помощи извне Венгрия была завоевана Сулейманом I в результате военных действий 1521—1526 гг.⁸⁷ При этом султан имел поддержку участников Коньякской лиги — Франции, папы, Венеции (с мая 1526 г.). 29 августа 1526 г. при Мохаче армия королевства Венгрии была разгромлена (она включала добровольцев и наемников из соседних стран⁸⁸). Утверждение султана в Среднем Подунавье открыло новую эпоху в истории Центральной Европы.

¹ SRH, I, p. 232, 237, 248—250.

² SzO, I, 18.1.; DR, 15/1, p. 11-12; TTI, I, 55, 128.1.

³ DR, 15/1, p. 20-21; НКМ, 10, 350.1.; SRH, I, p. 251.

⁴ SRH, I, p. 232—233.

⁵ SzO, 8, 48—50.1.

⁶ TTI, I, 51—54, 128.L

⁷ SRH, I, p. 248.

⁸ TT, 1884; *Wenzel G. Ozorai Pipe*. Pest, 1864; DR, 1/2, p. 664—665; MSzO, 140.1; Szekely, 3—1.

⁹ Сведения об основных моментах отношений короля Венгрии и правителей Боснии см.: SRH, I, p. 224—226, 230; CDH, 10/6, p. 802—803, 862—863; ks. 10-11; MSerb, p. 300, Klaic, 232, 254-255, 260—261, 269-271, 275.1; Roman, 260—261, 354, 367, 370—372, 388.1; Elekes, 45—6, 48.1; Dime, s. 597, 600.

¹⁰ *Cronici turcesti*, I, p. 39—40; TTI, I, 50—51, 122—123.1; ZO, 8,310.1; Wind., S. 204; CI, 1936, an. 10—12, N 1, p. 351—352; Elekes, 47.1.

¹¹ CDH, 10/5, p. 285; DR, 1/2, p. 493—494; AFr, 3, p. 79.

¹² Стефан Лазаревич принес вассальную присягу Жигмонду в 1408 г., воспользовавшись ослаблением османов, вассалом которых он был с 1389 г. Став одним из магнатов королевства Венгрии, Стефан получил огромные имения Дебрецен и Бече (Bozic, s. 456; Wind., cap. 13; Klaic, 256.1.; Neman, 371.1.).

¹³ CDH, 10/6, p. 809-813; Bozic, s. 470.

¹⁴ SRH, I, p. 227-228; CDH, 10/7, p. 628; TTI, I, 17. 52—53, 123—125.1.

¹⁵ TTI, I, 51—52, 123-124.1.; Bozic, s. 470.

¹⁶ TTI, I,51.1.; Bozic, s. 471.

¹⁷ Elekes, 63.1.

¹⁸ НК, 1910, 16—21. 1.; TTI, I, 17.1.; *Cronici turcesti*, I, p. 87—88.

¹⁹ SRH, I, p. 239; TTI, I,17, 55-56, 123-132.1.; Klaic, 298. 1.; Bozic, s. 472; Dime, s. 606.

²⁰ SRH, I, p. 246; MSzO, 156.1.

²¹ Elekes.

²² SRH, I, p. 250-251.

²³ Miskolczy, 552—555.1.; Szekely, 18—28.1.; Elekes, 159—166.1.J

²⁴ SRH, I, p. 253—254; *Cronici turcesti*, I, p. 89—90; TTI, I, 18—20, 136—137.1.

²⁵ НКМ, 10, 351.1.; Miskolczy, 555—560.1.; Szekely, 28—64.1.; Elekes, 171—215.1.

²⁶ НКМ, 10, 351.1.; SRH, I, p. 253; Elekes, 172—175.1.

²⁷ Elekes, 232.1.; SRH, I, p. 487—488. Bozic, s. 473.

- ²⁸ SRH, 1, p. 256, 511; Dlugosz. 4, s. 708; Cronici turcesti, 1, p. 40, 90; Miskolczy, 561—571.1.; Elekes, 236—255.1.
- ²⁹ Elekes, 228—229.1.
- ³⁰ НК, 1888, 139.1.; Elekes, 242.1.
- ³¹ Dlugosz, 4, s. 716-717; Elekes, 241-242.1
- ³² SRH, 1, p. 258.
- ³³ APJ, 2, s. 38—39; Klaic, 306.1.; Elekes, 230-231.1.; Dime, s. 607.
- ³⁴ Elekes, 278—282.1.
- ³⁵ SRH, 1, p. 258; 2, p. 40; Elekes, 314-315.1.
- ³⁶ SRH, 2, p. 40; Elekes, 168.1.
- ³⁷ SRH, 1, p. 259-262; 2, p. 57; Elekes, 361-385.1.; Grit., p. 348; MTT, 1877, 23, 37—92.1.; TTI, 1, 23—26, 62—64, 147—150.1.; Cronici turcesti, 1, p. 27—28, 40, 91; *Kiss L. A rigomezai hadjarat.* — НК, 1895, 1—42, 157—181, 329—349, 454—486.1.; Miskolczy, 571—578.1.
- ³⁸ Об усилиях Яноша Хуньяди по сохранению вассальной зависимости Валахии, Молдавского княжества, Боснии и Сербии см.: DR, 15/1, p. 39; DocM, 2, p. 395, 749—752, 759-762; НКМ, 10, 245-246.1.; Klaic, 216.1.; Elekes, 388, 391. 396—398, 403, 405, 407.1.
- ³⁹ НКМ, 10, 243-244.1.; Elekes, 392.1.
- ⁴⁰ AFr, 3, 23—27.
- ⁴¹ Об отношениях между Венгрией и Византией в 1452—1453 гг. см.: Ducas, p. 291; Sphr., p. 102, 474; *Moravcsik Gy. Studia Byzantina.* Вр., 1967, p. 371 — 331; Elekes, 419.1.
- ⁴² Grit., p. 182—187; Ducas, p. 395—398; TTI, 1, 26, 152—152.1.; Bozic, s. 475.
- ⁴³ SRH, 1, p. 266.
- ⁴⁴ DR, 15/1, p. 41—43; DocM, 2, p. 801; *Babinger F. Gel dintai bir inainte de Stel'an eel Mare.*— In: *Fratilor Alexandru si Ion Lapedatu.* Buc., 1936, p. 29 — 37.
- ⁴⁵ Bozic, s. 475.
- ⁴⁶ TT, 1901, 193—194.1.
- ⁴⁷ DR, 15/1, p. 42-43.
- ⁴⁸ *Barta G., Fekete Nagy A. Paraszthaboru 1514—ben.* Вр., 1973, 13.1.; Teleki, 1852, 399.1.; *Szucs J. Nemzet es tortenelem.* Вр., 1974, 127.1.; SRH, 1, p. 272; Elekes, 433—479.1.; *Katona St. Historia critica...* Pest, 1790, t. 13, p. 1072—1073.
- ⁴⁹ Elekes, 434.1. Одним из моментов подготовки этой операции было утверждение Яношем Хуньяди вассала венгерской короны Влада Цепеша на престоле Валахии в апреле-мае 1456 г. (НКМ, 10, 525-528.1.; SRH, 1, p. 268).
- ⁵⁰ *Kun G. Matyas keletipolitikaja.* — МаЕкв, 1902, 82—91.1.; *Thailoczy L. Matyas kiraly elso ket torokhadjarata 1463—1464.*— НК, 1915, 369—396.1.; *Idem. Eloszo,*— JT; SRH, I, p. 287; Klaic, 359-370. 1.; TTI, I, 27, 68, 88, 164. 1.
- ⁵¹ Teleki, 1853, 345.1.
- ⁵² Bonf., 4, p. 19—33, 50-52.
- ⁵³ Свидетельства об отношениях Матьяша с папами: MLev, 1, 114.1.; МЕР, p. 68; НК, 1894, 256-258.1.
- ⁵⁴ MLev, 1, 381—383.1.
- ⁵⁵ Bonf., 4, p. 117—154.
- ⁵⁶ *Babinger F. Mehmed der Eroberer und seine Zeit.* Miinchen, 1959, S. 404; Ku-pelwieser, S. 169; MLev, 2, 388.1.
- ⁵⁷ *Csanki D. Szabacs megvetele.* — НК, 1888, 355—388.1.; Kupelwieser, S. 162—164; *Bdnlaky J. A magyar nemzet hadtorteneleme,* XI, r. Вр., 1937, 173—184.1.; Rizso, 1975, 340—341.1.; *Gyalokay J. Matyas kiraly, a hadszervezo es hadvezer.*— МЕкв, I, 260—267.1.; *Horvdth J. Szabacs Viadala.*— МNу, 1955, N 4, 422—433. L; *Imre S. A Szabacs Viadala.* Вр., 1958.
- ⁵⁸ SRH, 1, p. 291.
- ⁵⁹ Bonf., 4, p. 78—92.
- ⁶⁰ Teke, 301.1.
- ⁶¹ Bonf., 4, p. 101—103; MLev, 2, 65—69, 76—80, 156—158, 190-191, 235—237.1.; Razso, 1975, 341-342.1.
- ⁶² Kosary, 79.1.; Teke, 310, 315.1.
- ⁶³ Teke, 278.1.
- ⁶⁴ SRH, 1, p. 289; Teleki, 1854, 259, 265, 272, 278.1.
- ⁶⁵ Teleki, 1854, 342.1.
- ⁶⁶ Ibid., 351.1.
- ⁶⁷ Teke, 294-295.1. SRH, 1, p. 290; Bonf., 4, p. 52—53; Dlugosz, 5, s. 398; Esch., 2, p. 30. *G'eresi K. Matyas b'szskotetesei III. Ivan carral.* — Sz, 1879, 239—249.1.; *Marki S. Orosz-magyar erintkezesek Matyas es Jagellok koraban.*— EM, 10, 545 — 566.1.; *Idem. Matyas kiraly es az oroszok.* — МаЕкв, 100—105.1.; *Базилевич К. В. Внешняя политика Русского централизованного государства: Вторая половина XV в. М., 1952, с. 249*

— 253; *Хорошкевич А. Л.* Русское государство в системе международных отношений конца XV — начала XVI в. М., 1980, с. 90—93.

⁷⁰ *Thusane L.* Djem-Sultan. Paris, 1892.

⁷¹ *DocSt*, 2, p. 371—377.

⁷² *Kulcsdr P.* A Jagello-kor. Bp., 1981; Szakaly, 1981, 319.1.

⁷³ Kosary, 22, 54—55, 102, 107.1.

⁷⁴ *Ibid.*, 156.1.

⁷⁵ Torok, 179—184.1.; *Ursu I.* La politique orientale de Francois. Paris, 1908, t. I.

⁷⁶ *Korr.*, S. 419; Kosary, 17, 70, 169.1.

⁷⁷ *Fraknbi V.* II. Ulaszlo kirallya valasztasa. — Sz. 1885; *Szabb D.* A pozsonyi beke. — Sz, 1914; *Idem.* Kiizdelmeink a nemzeti kiralysagert, 1505—1526. Bp., 1917; *Idem.* Magyar orszaggyalesek, 1505—1518. — Sz, 1908; *Hermann Zs.* Az 1515. evi Habsburg—Jagello szerzodes. Bp., 1961; *Berzeviczy E.* Magyarország az 1521 — iki wormsi birodalmi gyiilesen. — Sz, 1905, 452 — 456.1.; *Kosa J. I.* Miksa csaszar magyarorszagi golitikaja. Kolozsvar, 1906; *Juhdsz J.* Szekesfehervar ostroma 1490—ben. Szekesfehervar, 1958.

⁷⁸ Kosary, 13.1.

⁷⁹ *Kretschmayr H.* Geschichte von Venedig. Gotha, 1920, Bd. 2; *Mircse J.* Venedig und Ungarn. Wien, 1878; Razso 1973, 662—665.1; Szakaly, 1975, 96—98.1.; *Borsa G.* A torokok ellen Magyarorszagon hirdetett 1500. evi bucsu es az azzal kapcsolatos nyomtatványok. — OSzK, 9. k., 1961, 241—279.1.

⁸⁰ Kosary, 83—92.1.; Szakaly, 1975, 66, 134.1.; Teke, 326.1.

⁸¹ *Fraknoi V.* Magyarország es a Cambrayi liga, 1509—1511. — Sz, 1882.

⁸² Teke, 332.1.; Kosary, 100.1.

⁸³⁻⁸⁴ Kosary, 21, 25.1.

⁸⁵ *Pajewski J.* Stosunki polsko-wengierskie i niebezpieczenstwo tureckie w latach 1516—1526. W., 1930; Kosary, 156.1.; Szakaly, 1975, 110.1.; 1981, 348.1.; *Historia Polski.* W., 1960, t. I, cz. 2. s. 207.

⁸⁶ Kosary, 37, 39, 42.1.

⁸⁷ *Kaldy-Nagy Gy.* Szulejman. Bp., 1974; *Pettko B.* Belgrad es Sabac feladasa tortenetehez. — TT, 1887; *Kiss L.* Nandorfehervar bukasa, 1521. — HK, 1889, 389-440, 546-612.1.; Szakaly, 1975, 13-22.1.; Razso, 1973; Kosary, 126-170.1.

⁸⁸ *Boda M., Huber K.* Mohacs. Bibliografia. Pecs, 1976; Szakaly, 1975; 1981, 349—350.1.; *Perjes G.* Mohacs. Bp., 1979; *Kubinyi A.* Amohacsi csata es elozmenyei. — Sz, 1981, N 1, 66—107.1. (*Прим. Г. П. Мельникова:* об участии чехов в битве — источник: *Ze starych letopisu ceskych.* Praha, 1981, s. 449—450; мнение историков: *Palacky F.* Dejiny narody ceskebo v Cechach a Morave. Praha, 1910, kn. 18, cl. 5; *Tamek W.* W. Dejepis mesta Prahy. Praha, d. 10, s. 603—608).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ РАБОТ, ЧАСТО ЦИТИРУЕМЫХ В ГЛАВЕ

Bozic — *Bozic J.* Srpske feudalne drzave i Makedonija od sredine XII st do propasti. — HNJ, 1953, N 1.

Elekes — *Elekes L.* Hunyadi. Bp., 1952.

Homan — *Roman B.* Magyar tortenet. Bp., 1942, 2. k.

Klaic — *Klaic V.* Bosznica tb'rtenete. Nagy Bec&kerek, 1890.

Kosary — *Kosary D.* Magyar kiilpolitika Mohacs elott, Bp., 1978.

Kupelwieser — *Kupehvieser L.* Die Kampfe Ungarns mit den Osmanen bis zur Schlacht bei Mohacs. Wien, 1899.

Miskolczy — *Miskolczy Gy.* Hunyadp Janos tb'rok hadjaratai, 1436—1456. — HK, 1913.

Razso, 1973 — *Rdzso Gy.* Buda, Bees es Velence: az europai — torok viszony katonai es politikai problemai. — HK, 1973, N 4, 661—682. 1.

Razso, 1975 — *Rdzso Gy.* Hunyadi Matyas torok politikaja. — HK, 1975, N 2, oUo—348. 1.

Szakaly, 1975 — *Szakaly F.* A mohacsi csata. Bp., 1975.

Szakaly, 1981 — *Szakaly F.* A kozepkori magyar allam viragzasa es bukasa (1490—1526). Kron, 1, 318-350. 1.

Szekely — *Szkely O.* Hunyadi Janos elso torok hadjaratai, 1441—1444. — HK, 1919-1921.

Teke — *Teke Zs.* A kozepkori magyar allam viragzasa es bukasa (1458—1490). — Kron., 1, 273—320. 1.

Teleki 1852, 1853—1854 — *Teleki J.* Hunyadiak kora Magyarorszagon. Pest, 2k. — 1852; 3k.— 1853; 4.k. — 1854.

Torok — *Torok P.* A mohacsi vesz diplomaciai elozmenyei. — In: Mohacsi Emlekkonyv. Bp., 1926, 141—192. 1.

Глава 7

ОТНОШЕНИЯ ДУНАЙСКИХ КНЯЖЕСТВ С ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИЕЙ В КОНЦЕ XV —НАЧАЛЕ XVI В.

В результате османских завоеваний второй половины XV в. под властью султана оказался почти весь Балканский полуостров. После безуспешных антиосманских походов XV в. правители ряда европейских государств, будучи заняты возрастающим соперничеством друг с другом, предприняли поиски соглашения с Портой¹. Первой европейской страной, установившей в 1479 г. мирные отношения с султаном, была Венеция. В 1496 г. ее примеру последовал миланский герцог, а вслед за ним Максимилиан направил своего посла к султану². Такая позиция некоторых государей Европы отвечала на данном этапе и интересам Порты, которая стремилась использовать противоречия среди европейских стран для реализации своих планов.

Однако наметившееся в Европе к концу XV в. некоторое равновесие политических сил не снимало с повестки дня задачи предотвращения османской угрозы. Определенное значение придавалось при этом позиции Дунайских княжеств, их отношениям с Портой. Особую заинтересованность в привлечении княжеств к антиосманской борьбе проявляли соседние с ними страны — Венгрия и Польша, постоянно соперничавшие за влияние в княжествах. При этом учитывалось стратегическое положение, экономические и материальные ресурсы, которые султан постоянно имел в виду при осуществлении своей политики в отношении Валашского и Молдавского княжеств. Господари, в свою очередь, искали поддержки Венгрии и Польши для отражения османских нападений. Отношения княжеств с этими странами зачастую оказывали непосредственное влияние на взаимоотношения государей с Портой. Чтобы сохранить свою самостоятельность в сложившихся внешнеполитических условиях второй половины XV в., княжества нередко были вынуждены лавировать, учитывая противоречия между европейскими странами и их конфронтацию с Османской империей.

Несмотря на отдельные успехи в борьбе с османами, которую вели в конце XIV — первой половине XV в. господари Мирча Старый (1386—1418) и Влад Цепеш (1456—1462), в обстановке султанских завоеваний на Балканах во второй половине XV в. и сложившегося соотношения политических сил в Европе Валашское княжество, все более вовлекаясь в сферу османской политики, становится к концу XV в. вассальным султану. Этому способствовала политика крупного боярства, ставшего на путь соглашательства с Портой с целью защиты своих классовых привилегий в условиях начавшегося процесса централизации государства и укрепления господарской власти. Первым проявлением такой политики крупного боярства было восстание 1462 г. против господаря Влада Цепеша во время похода Мехмеда II в Валахию³. В последующем союз с османами становится классовой программой крупного валашского боярства⁴. Основы этой программы коренились в укреплении экономических связей боярства с Османской империей. Имеются свидетельства об экспорте валашскими боярами на османские рынки продукции своих имений, в том числе зерна, о все более частом появлении турецких торговцев на территории княжеств и о случаях приобретения османами недвижимого имущества в Валахии⁵.

Ориентация валашских бояр на помощь султана для защиты своих классовых позиций создавала благоприятные условия для вмешательства турок, для усиления их влияния в княжестве.

Получивший в 1462 г. валашский престол с помощью османов брат Цепеша Раду Красивый был послушным орудием Порты, которая обещала ему в случае необходимости военную поддержку⁶. Господарь должен был согласиться на уплату султану ежегодной дани в размере 12 тыс. золотых⁷. Раду воевал с молдавским господарем Штефаном III Великим, который в антиосманских целях предпринимал неоднократные попытки вывести Валахию из фарватера турецкой политики и ослабить тем самым влияние Османской империи на севере Дуная⁸. В 1470—1473 гг. Штефан трижды совершал нападения на Валахию, чтобы сместить Раду и передать власть своему ставленнику Басарабу Лайоте. Но, оказавшись в 1473 г. на валашском престоле при содействии молдавского господаря, Лайота не оправдал надежд Штефана. В подчинении Порте

Лайота видел единственное средство обеспечения мира в княжестве⁹. Его правление было этапом в установлении вассальной зависимости Валахии от Османской империи. Летописцы того времени единодушно утверждают, что Лайота «подчинил страну туркам»¹⁰. По свидетельству венецианской хроники, в 1474 г. Лайота лично доставил дань султану и принял участие в османской военной экспедиции против Узун-Хасана¹¹.

В 1476 г. валашские войска были в составе армии Мехмеда II во время его похода на Молдавское княжество.

Новый ставленник Штефана на валашском престоле Басараб Цепелюш последовал примеру своего предшественника и перешел на сторону османов. Не достиг своей цели Штефан, поддержав в качестве претендента на господарство в Валахии и Влада Кэлугэра, сына Влада Дракула. Став в 1482 г. после двух лет борьбы с Цепелюшем господарем, Влад Кэлугэр полностью подчинил свою политику интересам Порты. В его правление султан узаконил свое право утверждения господаря в Валахии. Стало правилом участие господаря в военных походах османских войск. В частности, Влад должен был участвовать со своими отрядами в нападениях османов на Молдавское княжество.

В противоположность валашским господарям, ставшим к концу XV в. послушным орудием в руках крупного боярства и Порты, господарь Молдавского княжества Штефан III Великий (1457—1504) главную задачу своей внешней политики видел в борьбе за сохранение независимости княжества. Укрепление центральной власти в период правления Штефана, организация им сильной армии создали надежную социальную базу для осуществления его успешной внешней политики. В сложной обстановке, когда в княжестве отсутствовали условия для создания многочисленного сословия военно-служилых людей и их достаточного материального обеспечения, Штефан укрепил военные силы благодаря созыву большого войска «крестьянского типа» из числа главным образом зависимых крестьян, в составе которых выделялись особо отличившиеся воины-витязи, не включавшиеся, однако, в своей массе из-за отсутствия земельного фонда в военно-служилое сословие¹².

В антиосманской борьбе Штефан стремился на отдельных этапах опираться на те слои бояр, которые своими классовыми интересами были связаны с польскими и венгерскими феодалами. Поэтому, учитывая конкретное внешнеполитическое положение княжества, молдавский господарь признавал то польский, то венгерский сюзеренитет, используя в то же время в своих интересах соперничество Польши и Венгрии за влияние на Молдавское княжество¹³.

В 1459 г. Штефан принес присягу польскому королю Казимиру. Это отвечало интересам укрепления господарской власти в княжестве и открывало выгодные внешнеполитические перспективы, поскольку в это время польский король был отвлечен конфликтом с Тевтонским орденом. Попытка венгерского короля Матьяша Корвина, используя соперника Штефана Петра Арона, заставить молдавского господаря признать сюзеренитет Венгрии, не имела успеха, так как для Штефана были совершенно очевидны планы королевства Венгрии относительно Карпато-Дунайской области¹⁴. В 1462 г. молдавский господарь, светские и духовные феодалы княжества подтвердили присягу на верность польскому королю¹⁵. Отношения с Венгрией обострились, когда Штефан в 1465 г. овладел дунайской крепостью Килией, являвшейся наряду с Белгородом важным торговым и стратегическим пунктом Юго-Восточной Европы. Поддержка Штефаном в 1467 г. восстания трансильванских феодалов против короля вызвала открытую враждебность Матьяша Корвина и послужила предлогом для похода венгерской армии на Молдавское княжество в том же году¹⁶. Вполне возможно, что Матьяш рассчитывал на поддержку части молдавских бояр, сторонников венгерского короля и претендента на молдавский престол Бериндея. С действиями этой группировки бояр, надо полагать, был связан конфликт Штефана с боярством, возникший после вступления в ноябре 1467 г. венгерских войск на территорию княжества¹⁷.

Поход Корвина на Молдавское княжество не принес ему успеха. В результате смелых действий, предпринятых Штефаном в сражении при Байа 15 декабря 1467 г., венгерский король был тяжело ранен и с большими потерями отступил с территории княжества¹⁸.

Чтобы нейтрализовать планы Венгрии в отношении Молдавского княжества, Штефан стремился использовать действия ее противников. Намерениям молдавского господаря благоприятствовало то обстоятельство, что его сюзерен польский король в свою очередь планировал вовлечь Штефана в борьбу с Корвином за чешскую корону. Имеются свидетельства об отношениях Штефана с королем Чехии Иржи Подебрадом, который был заинтересован в союзе с молдавским господарем перед лицом готовящегося совместного похода Корвина и императора Фридриха III против чехов¹⁹.

Обеспечив свои позиции со стороны Польши и Венгрии, а также окончательно укрепившись на господарском престоле после расправы в 1469 г. со своим соперником Петром Ароном, Штефан мог приступить к осуществлению антиосманских планов. Одной из первоочередных задач молдавского господаря было исключить Валахию из сферы политики Порты и сделать ее своей союзницей. С этой целью он в течение нескольких лет вел борьбу за утверждение на валашском престоле своего ставленника.

Походы молдавского господаря в Валахию, и особенно захват им Килии, завоевание которой наряду с Белгородом входило в планы укрепления Османской империи на Черном море²⁰, вызвали беспокойство Порты, тем более что с 1473 г. Штефан прекратил уплату дани. Султан решил любыми средствами подчинить господаря. По сообщениям турецких хронистов, Порта через своего посла потребовала, чтобы Штефан лично явился к султану с данью. Но молдавский господарь отверг это требование. Тогда Порта направила в Молдавское княжество многочисленное войско во главе с румелийским бейлербеем Хаджи Сулейман-пашой²¹. Превосходящим силам противника Штефан противопоставил тактику «выжженной земли», приказав жителям княжества уничтожать все на пути следования врага. В османском войске начался голод. Для решающего удара господарь выбрал селение Васлуй, у слияния рек Раковы и Бырлада, где болотистая местность и лес мешали туркам использовать свое численное преимущество. Битва у Васлуя 10 января 1475 г. завершилась победой молдавских войск²², разрушившей надежды султана на быстрое подчинение княжества. В то же время Штефану было ясно, что это поражение не остановит завоевателя Константинополя. В конце января господарь, извещая европейские страны о сражении с османами при Васлуе, просил о помощи и предлагал объединить усилия для борьбы с Османской империей²³. Но европейские правители были заняты соперничеством между собой. Султан со своей стороны принял меры к тому, чтобы помешать объединению европейских государств. Заняв в 1475 г. Каффу и подчинив Крым, он через крымского хана оказал давление на польского короля. Весной 1476 г. Казимир заключил соглашение с Портой²⁴.

Будучи информирован о польско-турецких переговорах, перед лицом новой опасности османского нападения Штефан принял в 1475 г. венгерский сюзеренитет²⁵.

Границы завоеванных османами земель придвигались все ближе к рубежам Молдавского княжества. Вслед за Каффой в декабре 1475 г. турки захватили Мангупскую крепость. Весной 1476 г. Мехмед II со 150-тысячной армией двинулся на Молдавское княжество. В Валахии к нему должно было присоединиться войско Лайоты²⁶, а с востока планировалось нападение татар с целью отвлечь часть молдавских сил и облегчить переход султана через Дунай²⁷. По приказу султана татарские войска, предводительствуемые Эминеком Мирзой, атаковали восточные границы Молдавского княжества. Но предпринятое в это время нападение Золотой Орды на Крым вынудило Эминека Мирзу повернуть назад²⁸. В середине июня 1476 г. османские войска перешли Дунай, достигли границ княжества и начали продвижение по долине Сирета. Несмотря на поражение, нанесенное Штефану и его войскам около крепости Нямц, султану не удалось добиться решающих успехов. Османские войска не смогли овладеть важными

укрепленными крепостями княжества — Сучавой, Хотинном, Нямцем, служившими опорными пунктами сопротивления молдавской армии. Давала результаты вновь предпринятая Штефаном тактика «выжженной земли». В османской армии начался голод, вспыхнула чума. Тяжелое положение войск, а также весть о приближении к границам княжества венгерской помощи заставила султана отступить.

К концу XV в. международное положение Молдавского княжества осложнилось. Европейские правители, заключив мир с Портой, погрязли в междоусобных распрях. Многолетние попытки молдавского господаря привлечь Валахию к борьбе с султаном оказались безуспешными. В этих условиях Штефан был вынужден пойти на заключение мира с султаном и согласиться на уплату дани ²⁹. Изменение политики молдавского господаря в отношении Османской империи было вызвано, однако, прежде всего внутривосточными причинами. Оппозиционно настроенное молдавское боярство, опасавшееся систематического призыва в войска и вооружения зависимых крестьян ³⁰, открыто выступало за мир с султаном. Во время похода Мехмеда II на Молдавское княжество в 1476 г. крупное боярство воспользовалось неудачами Штефана и отказалось поддержать его антиосманские акции. Заслуживают внимания показания источников об обещании султана этим боярам полного права на землю и крестьян под властью империи ³¹.

В сложившейся к концу XV в. международной ситуации Штефан придавал важное значение установлению отношений с Русским государством. Об этом свидетельствует бракосочетание в 1483 г. дочери Штефана Елены с сыном Ивана III ³². Основой политического сближения Русского государства с Молдавским княжеством были общие задачи противодействия планам Ягеллонов ³³. Молдавско-русские связи после 1483 г. заметно оживились, имел место постоянный обмен посольствами ³⁴.

Заключение Венгрией в 1483 г. договора с Портой ³⁵ поставило Молдавское княжество в трудные условия. Новый султан Баязид II (1481—1512) возобновил политику экспансии. Летом 1484 г. османские войска захватили крепости Килию и Белгород, что ухудшило и внутреннее и внешнее положение страны. С появлением турецких гарнизонов в этих крепостях стала постоянной османская военная угроза. Кроме того, потеря двух крупных центров черноморской торговли наносила значительный материальный урон экономике княжества. Естественно поэтому, что Штефан предпринял попытки отвоевать крепости. Когда осенью 1485 г. османские войска вместе с претендентом на сучавский престол Петром Хронотом вторглись на территорию Молдавского княжества, Штефан, преследуя их, подошел к Килии и около Кэтлэбуга 16 ноября нанес им поражение, но крепости взять не смог ³⁶. В следующем, 1486 г. султан снова направил против княжества отряды во главе с Али-беем и Петром Хронотом. Но молдавский господарь, опередив османские войска, встретил их на р. Сирет и разгромил. Хронот был схвачен и казнен ³⁷.

Несмотря на отдельные временные успехи в борьбе с султаном, Штефан пришел к выводу, что собственными военными силами он не сможет вернуть Килию и Белгород. Потребность в союзниках была тем более настоятельной, что Порта рассматривала захват этих крепостей лишь как начало подчинения Молдавского княжества, которое открыло бы османам пути дальнейшего продвижения в Европу ³⁸. На помощь Венгрии Штефан не мог более рассчитывать, так как в 1485 г. Матьяш Корвин возобновил мир с султаном ³⁹. В этой обстановке господарь решил в 1485 г. признать польский сюзеренитет, заручившись обещанием Казимира защищать Молдавское княжество ⁴⁰. Но польский король не предпринял никаких антиосманских действий и уже в 1486 г. просил Венецию о посредничестве в переговорах с Портой, которые завершились заключением в 1489 г. мирного договора ⁴¹.

Признание Штефаном польского сюзеренитета встретило оппозицию со стороны молдавских бояр, не желавших продолжения борьбы с Османской империей. По свидетельству турецкого хрониста, во время нападения османских отрядов на Молдавское княжество в 1485 г. «множество бояр вышло навстречу и подчинилось» ⁴².

Внешнеполитические условия и внутренняя обстановка в княжестве заставили Штефана пойти на мир с султаном ⁴³, а в 1489 г. принять венгерский сюзеренитет ⁴⁴.

Смерть Матьяша Корвина (1490) и начавшаяся борьба за венгерскую корону привели к обострению противоречий и возникновению новых осложнений в отношениях между странами Центральной, Юго-Восточной и Восточной Европы, что не могло не сказаться на внешнеполитическом положении Молдавского княжества. Тем более что в соперничестве за престол в Буде претенденты Владислав Ягеллон, король чешский, Ян Ольбрахт, королевич польский и Максимилиан Габсбург предпринимали попытки привлечь каждый на свою сторону молдавского господаря. Особое внимание Штефан уделял в этот период укреплению связей с Россией ⁴⁵, рассчитывая получить помощь русского правительства для нейтрализации крымских татар. В результате обмена послами при посредничестве России в 1492 г. был заключен договор между Молдавским княжеством и Крымским ханством ⁴⁶.

Другой целью молдавско-русских политических связей в конце XV в. была выработка совместных действий против Ягеллонов. В борьбе за венгерскую корону Штефан выступал сторонником России и поддерживал кандидатуру Максимилиана Габсбурга. Предпринятая летом 1490 г. попытка Яна Ольбрахта склонить молдавского господаря к поддержке своей кандидатуры не имела успеха ⁴⁷. Военная экспедиция Штефана в Покутье в 1490 г. была рассчитана на то, чтобы помешать Яну Ольбрахту захватить венгерский трон. В конце сентября престол Венгрии занял Владислав II Ягеллон, оставшийся королем Чехии. После смерти Казимира (1492) его сын Александр стал великим князем литовским, польская корона досталась Яну Ольбрахту. Четвертому Ягеллону Сигизмунду предназначалось Молдавское княжество, как это было решено на семейном съезде в Левоче в 1494 г.

Заключив в 1494 г. договор с Великим княжеством Литовским, русское правительство проявило заинтересованность в установлении союзнических отношений между Штефаном и Александром, отвечавших интересам Молдавского княжества, так как этот союз мог ослабить династическую коалицию Ягеллонов. При содействии русского правительства переговоры завершились в 1496 г. утверждением мира между Молдавским княжеством и Литвой ⁴⁸.

Антиягеллонская направленность акций Штефана ускорила реализацию плана Яна Ольбрахта, который хотел, устранив Штефана и посадив на молдавский престол Сигизмунда, вернуть княжества в вассальную зависимость от польской короны. В 1497 г. под предлогом антиосманских действий польский король предпринял поход на Молдавское княжество, но потерпел неудачу ⁴⁹. Сказались не только продовольственные затруднения польской армии во время похода. Важную роль сыграли принятые Штефаном дипломатические меры — заключение договоров с крымским ханом и великим князем литовским. По свидетельствам османских хронистов, молдавский господарь обратился за помощью и к султану ⁵⁰. Имеются данные также о подобных просьбах Штефана к венгерскому королю, валашскому господарю и крымскому хану ⁵¹.

В неудаче Яна Ольбрахта выявилось действие фактора польско-венгерского соперничества из-за Молдавского княжества. В момент осады Сучавы к Яну Ольбрахту прибыло посольство от венгерского-короля Владислава с требованием прекратить военные действия против молдавского господаря ⁵². Учитывая это соперничество, а также значение, которое Ягеллоны придавали возможному сближению княжества с султаном, Штефан организовал в 1498 г. через крымского хана османско-татарские нападения на польскую территорию ⁵³. Эти акции были использованы им для того, чтобы затянуть начавшиеся по инициативе Владислава мирные переговоры и добиться отказа Польши от притязаний на Молдавское княжество. Когда же 12 июля 1498 г. Венгрия и Польша заключили между собой антиосманский союз, Штефан при посредничестве Владислава изменил тактику и предупредил польского короля о готовящемся осенью 1498 г. османском нападении. Турецкая анонимная хроника XVI в. рассказывает о поражении,

которое молдавский господарь нанес османским отрядам, возвращавшимся через территорию княжества после нападения на Польшу⁵⁴. Этими действиями Штефан как бы демонстрировал свою готовность присоединиться к польско-венгерскому союзу. В 1499 г. он отказался от уплаты дани султану и заключил мирный договор с Яном Ольбрахтом, присоединившись таким образом к антиосманской коалиции Венгрии и Польши⁵⁵.

Но изменившаяся международная обстановка заставила Штефана в 1501 г. вновь примириться с султаном.

С начала XVI в. центральное место в военных планах Османской империи стал занимать Ближний Восток. Крупные военные предприятия султана в этом регионе несколько ослабили остроту османской угрозы для Европы. Одновременно в политической жизни континента наряду с османской все более острой становилась вторая проблема — усиление Габсбургов. Обе проблемы были взаимосвязаны, поскольку их решение сводилось к конфронтации между двумя империями — Габсбургской и Османской. В условиях обострения противоречий между этими крупнейшими державами основным принципом международных отношений в Европе с начала XVI в. стало сохранение равновесия сил, в осуществлении которого главным инструментом были союзы, различные политические комбинации и коалиции. Исходя из этого принципа, европейские страны и пытались разрешить важнейшие вопросы жизни континента.

Война с Ираном, изменения в расстановке сил в Восточной Европе в результате ликвидации Большой орды в 1502 г. и усиления Русского государства оказали серьезное влияние на политику Османской империи в Европе⁵⁶. Порта, учитывая главные тенденции европейской политики, использовала в своих целях любые осложнения в отношениях между европейскими странами. Соглашения с рядом государств Центральной и Восточной Европы стали важным средством внешней политики османов. Таким образом, принцип сохранения равновесия в отношениях между государствами временно был приемлем и для Европы, и для Османской империи. Показательно, что Порта выступала в начале XVI в. как постоянный фактор в соперничестве европейских политических сил. С целью укрепления своего внешнеполитического положения Венеция в 1503 г. договорилась с Портой о перемирии на десять лет. В том же году мир с султаном Баязидом II заключил венгерский король Владислав⁵⁷. В следующем году переговоры с Портой вел и польский король Александр⁵⁸. Антивенцианский союз, заключенный в 1508 г. в Камбрэ между Максимилианом и французским королем Людовиком XII и одобренный папой Юлием II, привел к дальнейшему укреплению отношений Венеции с Османской империей. Венеции удалось в 1509 г. договориться также о союзе с папой Юлием II⁵⁹. Чтобы противодействовать венецианской дипломатии, Максимилиан через своего посла в 1510—1511 гг. вступил в переговоры с Портой⁶⁰.

Очередным сигналом возобновления османской угрозы, выведшим европейских правителей из состояния успокоенности, была победа султана Селима I в 1514 г. в Чалдыранской долине над войсками иранского шаха Исмаила и захват его столицы Тебриза⁶¹. В Европе предпринимались попытки к созданию антиосманской коалиции. В 1515 г. император Максимилиан заключил договор с Владиславом II Ягеллоном, королем Венгрии и Чехии, и его братом польским королем Сигизмундом I⁶². Но объединение сил для борьбы с османской опасностью было лишь как бы вывеской этого альянса. Спекулируя на идее борьбы с Османской империей, Габсбурги по существу стремились к реализации своих притязаний на земли их восточных соседей. Не случайно в договоре предусматривались брак сына Владислава и внучки Максимилиана Марии, а также женитьба самого императора на дочери венгерского короля. Эти браки позволили бы Габсбургам заявить о своих правах на короны Венгрии и Чехии.

Инициатива в организации антиосманских коалиций принадлежала в начале XVI в. папству. Объяснялось это не только близостью к Италии владений султана и непосредственной османской угрозой для стран Средиземноморья. Было ясно, что дальнейшее распространение мусульманства приведет к сокращению сферы влияния

католичества, а следовательно, и к уменьшению источников доходов папства. Кроме того, папство стремилось использовать идею антиосманской борьбы в своих политических целях. В противостоянии натиску османов в Европе папа видел средство отвлечь внимание европейских правителей от войны за Италию. Особой дипломатической активностью в этом плане отличился папа Леон X. Он обратился в 1513—1515 гг. к Максимилиану, к королю Англии Генриху VIII, к датскому королю Кристиану II, к королям Венгрии и Польши Владиславу II и Сигизмунду I с призывом объединиться для борьбы с Османской империей. Особые усилия прилагал Леон X для привлечения к антиосманскому союзу Франции. Этой своей акции папа придавал важное значение, так как победа, одержанная французским королем Франциском I при Мариньяно (1515) и обусловившая распад итальянской лиги, ставила под угрозу позиции папства в Италии. Для реализации своих планов Леон X использовал франко-габсбургские противоречия и стремление Франциска заполучить имперскую корону. Папа пожаловал Франциска титулом «христианнейшего короля», обязывавшим к участию в борьбе с султаном, а также утвердил привилегии французской церкви. Король со своей стороны, обязался вывести войска из Италии и участвовать в антиосманской коалиции. Была возрождена идея крестового похода, который папа провозгласил на Латеранском соборе (1517). Чтобы примирить Франциска с Максимилианом, он объявил обоих соперников организаторами антиосманского похода⁶³.

Как инициаторы антиосманского движения, так и Порты при сложившемся соотношении сил в полной мере оценивали значение восточноевропейских стран, в первую очередь России. Не случайны поэтому попытки папства в начале XVI в. привлечь к антиосманской коалиции Русское государство, которое папа мечтал обратить в католичество. Однако все эти планы были утопичными, поскольку сохранение мира в начале XVI в. отвечало интересам и русского правительства и Порты. В 1514 г. в Москву прибыл османский посол, а в следующем году возобновились отношения русского двора с константинопольской патриархией⁶⁴.

После победы в 1514 г. над войсками иранского шаха Османская империя осуществила крупные военные завоевания на Ближнем Востоке. Становилось очевидным, что теперь Османская империя приступит к реализации своих планов дальнейшего продвижения в Европу.

Дипломатическая активность европейских стран возросла. В 1517 г. папа Леон X, Франциск I и Максимилиан I обратились ко всем государствам Европы с призывом к антиосманской борьбе⁶⁵. Особое рвение проявлял Максимилиан, поскольку опасность со стороны Порты угрожала прежде всего региону, являвшемуся основной сферой соперничества Габсбургов с Османской империей.

В проектах организации антиосманской борьбы важное место продолжали занимать восточноевропейские страны. В 1517—1519 гг. снова предпринимались активные, но безуспешные попытки привлечения к ней России⁶⁶. Особое значение придавалось установлению союза с Венгрией и Польшей, с помощью которых предполагалось использовать в борьбе с султаном Дунайские княжества. С помощью династического брака Сигизмунда I с миланской принцессой Боной Сфорца в 1518 г.⁶⁷ Максимилиану удалось сделать Польшу своей союзницей.

Таким образом, сложившаяся в первые два десятилетия XVI в. расстановка политических сил в Европе в условиях возросшей угрозы со стороны османов определяла значение Молдавского и Валашского княжеств в международных отношениях этого периода. Существенным компонентом их стали взаимоотношения княжеств с Венгрией, Польшей и Османской империей.

С начала XVI в. политика валашских господарей была почти полностью подчинена интересам Порты. Важную политическую роль в княжестве в это время играли крупные бояре Крайовы. Имея родственные связи в Османской империи, они пользовались большим доверием Порты, считались верными подданными султана. Экономическая сила

бояр Крайовы и их связи с османскими сановниками заставляли господарей искать союза с ними. Характер отношений с боярами Крайовы стал важным политическим фактором, определявшим условия правления господарей. В конфликтах с господарем бояре Крайовы прибегали к помощи Порты, которая использовала подобные случаи для вмешательства во внутренние дела Валахии. Политика крупного валашского боярства обусловила внутреннюю политическую неустойчивость в княжестве и вела в конечном итоге к подчинению страны Османской империи.

Влияние бояр Крайовы укрепилось в правление Раду Великого (1495—1508), когда им удалось добиться административной самостоятельности путем создания великой бэнии во главе с баном в г. Крайове⁶⁸. Союз с боярами Крайовы позволил Раду в какой-то мере обеспечить в княжестве относительную внутреннюю устойчивость и экономическую стабильность⁶⁹. Во внешнеполитическом плане Раду пытался, сохраняя вассальные отношения с Портой, заручиться в то же время поддержкой Венгрии и Польши⁷⁰. Польский и венгерский короли проявляли заинтересованность в привлечении Валахии наряду с Молдавским княжеством к антиосманской борьбе и были готовы оказать ей помощь в случае османского нападения⁷¹. Чтобы нейтрализовать влияние Венгрии и Польши, Порта усилила давление на валашского господаря, потребовав ежегодного прибытия на поклон к султану⁷². В 1505 г., когда Раду в очередной раз прибыл в Стамбул, султан повысил дань с Валахии с 8 до 12 тыс. золотых⁷³. Османские купцы стали закрепляться в торговых центрах по Дунаю, Порта под разными предлогами вводила в княжестве новые поборы⁷⁴.

Начавшаяся после смерти Раду борьба за власть была использована султаном для нового усиления давления на Валахию. Попытка Венгрии возвести на валашский престол Данчу, сына Басараба Цепелюша, не имела успеха. В мае 1508 г. войска паши Никополя Мехмед-бея перешли границу Валахии и утвердили на престоле сына Влада Цепеша — Михню, прозванного боярами за принятые против них меры «Жестоким»⁷⁵. Вначале Михня осуществлял власть в союзе с боярами Крайовы, занявшими в этот период все высшие должности в княжестве⁷⁶. Укрепившись на престоле, Михня пытался порвать с османами, признав сюзеренитет венгерского короля в июле 1509 г.⁷⁷

Но внешнеполитическая переориентация повлекла за собой конфликт Михни с боярами Крайовы. Господарь решил использовать администрацию великой бэнии в интересах консолидации власти, но без бояр Крайовы, поручив руководство Олтенией сыну Мирче, Своих противников Михня подвергал смертной казни и гонениям. Однако бежавшие от преследований господаря за Дунай бояре Крайовы вернулись в 1510 г. в княжество вместе с войсками Мехмед-бея и заставили Михню отступить в Сибиу, где он был убит⁷⁸. Правление Михни показало, что господарская власть в Валахии не может пренебречь интересами бояр Крайовы с их про-османским политическим курсом.

Подтвердилось это и в правление Влада Молодого (1510—1512), брата Раду Великого. Заняв престол с помощью османов, Влад принес присягу верности боярам Крайовы в присутствии Мехмед-бея. Но вскоре Влад также попытался порвать с османами и править княжеством без участия бояр Крайовы. В 1511 г. он присягнул венгерскому королю Владиславу, который надеялся использовать Валахию в антиосманской борьбе⁷⁹. Результатом такой политики Влада были исключение бояр Крайовы из состава господарского совета и эмиграция их за Дунай. С помощью военных сил Мехмед-бея бояре Крайовы вновь предприняли поход в княжество и под Бухарестом разгромили войско господаря. Влад был схвачен и обезглавлен за нарушение клятвы. Престол в Валахии занял ставленник бояр Крайовы Нягое (1512—1521), который для оправдания своих претензий на власть принял имя Басараба Молодого. Проводя политику лавирования в отношениях с соседними государствами, Нягое сумел удержаться на валашском престоле до конца жизни, что позволило ему стабилизировать внутреннее положение в княжестве и укрепить господарскую власть. Он установил связи с Польшей, Венецией и папой, а в 1517 г. заключил договор с венгерским королем Лайошем II с целью получить убежище в Трансильвании на случай потери престола⁸⁰. Правление

Нягое было отмечено наивысшим усилением экономического и политического влияния бояр Крайовы, проявлявшегося в росте административной самостоятельности великой бэнии в Олтении. К этому времени относится оформление двора великого бана, его административного аппарата и собственного войска⁸¹. Результатом политического курса господаря был рост обязанностей княжества перед султаном. Явное включение Валахии в начале XVI в. в сферу интересов политики Порты ставило перед европейскими правителями настоятельную задачу привлечения к антиосманскому союзу Молдавского княжества. Показательно, что в договоре 1507 г. между Польшей и Венгрией подчеркивалась необходимость любыми средствами отвлечь молдавского господаря от союза с султаном⁸². Порта со своей стороны придавала важное значение установлению контроля над Молдавским княжеством в планах реализации своей европейской политики. В письме к крымскому хану 12 мая 1502 г. Баязид II писал: «Если ты сдержишь Молдову, у нас будет свободный путь во все части света»⁸³.

Переплетение противоречивых интересов соседних держав делало внешнеполитическое положение Молдавского княжества в начале XVI в. особенно сложным. Ситуация усугублялась усилившимся при преемниках Штефана Великого, его сыне Богдане III (1504—1517) и Штефэнице (1517—1527), влиянием крупного боярства на внешнюю политику княжества. Связанное классовыми узами с польскими и венгерскими феодалами молдавское боярство стремилось направить политику господаря в русло интересов Венгрии и Польши.

В 1509 г. молдавский господарь возобновил соглашение с венгерским королем Владиславом о военной помощи⁸⁴. При его посредничестве в 1510 г. был заключен мир с Польшей, одним из условий которого являлось обещание Богдана не выступать на стороне султана⁸⁵.

В начале XVI в., когда Порта была отвлечена ближневосточными делами, главным орудием османской экспансии в Европе все чаще становились татарские набеги. Подстрекаемые Селимом, выступившим против своего отца Баязида II, крымские татары активизировались весной 1510 г. в районе северо-восточных границ Молдавского княжества. После опустошительных походов в Литву и Польшу татарские отряды в августе-сентябре 1510 г. вторглись на территорию княжества, подвергли его жестокому разорению и пленили большое число жителей⁸⁶. Богдан обратился за помощью к польскому и венгерскому королям. Направил он также посла и к русскому правительству в надежде склонить его к борьбе с татарами⁸⁷. Помощь Польши и Венгрии была незначительной, а отправленный в Россию посол был задержан польским королем. Сигизмунд в переговорах с Богданом выражал готовность к совместной борьбе с татарами, к оказанию военной помощи господарю и даже предупреждал его о новом готовящемся татарском нападении на княжество. Одновременно король вел переговоры с ханом, пытаясь заключить с ним соглашение⁸⁸.

Планы Селима использовать Молдавское княжество в интересах борьбы за султанский престол не могли быть безразличны для польского и венгерского королей. Поэтому, когда в мае 1511 г. Селим вместе с Менгли Гиреем перешел Днестр и захватил Белгород, Сигизмунд и Владислав по просьбе Богдана готовы были оказать ему военную помощь. В августе-сентябре 1511 г. последовало новое вторжение татар на территорию княжества, которое отражали и немногочисленные отряды из Венгрии и Польши⁸⁹.

Политические события 1510—1512 гг., связанные с борьбой Селима против Баязида II за престол, осложнили положение Молдавского княжества. В Килии и Белгороде находился Селим, на востоке от Днестра располагались татары. Позиция Польши была по существу пассивной. Венгрия в 1510 г. пошла на перемирие с султаном. В этих условиях Богдан в сентябре 1511 г. обратился тайно к султану Баязиду II, рассчитывая, очевидно, на поддержку против татар и Селима. В письме султану молдавский господарь сообщал о положении в соседних странах, о военных приготовлениях татар, высказывал недоверие в отношении политики польского короля⁹⁰.

Вступление на престол Валахии Нягое Басараба ухудшило позиции Селима ⁹¹, побудив его еще настойчивее искать союза с молдавским господарем. Не будучи султаном, грамотой от 25 января 1512 г. он утверждал Богдану права рыболовства на реках и озерах в северной части Нижнего Подунавья и права на ряд доходов с этих земель ⁹². Селим выступал также в качестве посредника в установлении в начале 1512 г. мирных отношений Молдавского княжества с татарами ⁹³. Внешнеполитические затруднения княжества, вызванные пассивной позицией Венгрии и Польши, а также децентрализаторские тенденции крупного боярства внутри страны заставляли Богдана идти на сближение с Селимом ⁹⁴.

Такая политика молдавского господаря привела к ухудшению его отношений с Польшей. Татары в 1513 г. снова напали на княжество, дошли до Ясс и, предав город огню, ушли ⁹⁵. В борьбе с татарской опасностью Богдан попытался получить поддержку русского правительства. В 1513 г. он дважды направлял с этой целью своих послов в Москву, но они были задержаны в Польше под предлогом русско-польских военных столкновений за обладание Смоленском ⁹⁶.

Возросшая с воцарением на султанском престоле Селима I османская опасность привела к смягчению отношений Польши с Молдавским княжеством. Сигизмунд понимал, что стремление Селима подчинить с помощью татар княжество таит для Польши угрозу непосредственной османской опасности. В 1514 г. он извещал Петрковский сейм о намерении султана низложить Богдана и подчеркивал, что в случае осуществления этого плана владения Порты будут соприкасаться с границами Польши. В переговорах с Богданом польский король предлагал ему военную помощь, решение о предоставлении которой молдавскому господарю в случае необходимости было вынесено на Петрковском сейме ⁹⁷.

Между тем Венгрия возобновила в 1513 г. мир с Османской империей. Вслед за ней и польский король начал переговоры с султаном. Сигизмунд направил в Стамбул посла Георгия Крупского. По просьбе короля, Богдан содействовал проезду посла через Молдавское княжество ⁹⁸. Временное улучшение молдавско-польских отношений сменилось в конце 1514 г. новой напряженностью, возникшей из-за пограничных недоразумений.

Обращение папы Леона X в 1517 г. к европейским странам с призывом покончить с разногласиями и соединить усилия для борьбы с османской опасностью поставило Польшу перед необходимостью преодолеть противоречия в отношениях с Молдавским княжеством и привлечь его к антиосманской коалиции. Внутриполитическая обстановка в княжестве, сложившаяся после смерти Богдана (1517), благоприятствовала планам Польши. При несовершеннолетнем господаре Штефэнице бразды правления в княжестве взяло в свои руки крупное боярство, связанное классовыми интересами с польскими феодалами. В 1518 г. между Молдавским княжеством и Польшей был заключен договор. Польский король обязался защищать княжество против султана, а также гарантировал Штефэнице и его брату Петру убежище в Польше на случай потери престола. Молдавский господарь со своей стороны брал обязательство не оказывать помощи противникам короля, и в частности султану. Что же касалось участия княжества в предполагаемых общеевропейских действиях против Османской империи, то реализация этого пункта договора предусматривалась тогда, когда польский король перейдет со своими войсками Дунай ⁹⁹. Последнее условие договора отразило в какой-то мере недоверие молдавского боярства к политике польских Ягеллонов и неуверенность в силе антиосманской коалиции. Эти опасения оправдались в самое ближайшее время. Причастность княжества к союзу против султана не могла не стать известной Порте. В августе 1518 г. отряды татар вторглись на молдавскую территорию, подвергнув ее разорению, хотя и были затем разгромлены войсками Штефэницы в сражении на р. Прут ¹⁰⁰. О помощи княжеству со стороны Польши не было и речи ¹⁰¹.

После смерти Максимилиана Габсбурга (1519) все европейские государства оказались втянутыми в борьбу французского короля Франциска I с Карлом Испанским за имперский престол, которая закончилась избранием Карла V. Чтобы противостоять Габсбургам, французский король стал ориентироваться на союз с Османской империей. Такая перегруппировка политических сил существенно меняла ситуацию в Европе в весьма ответственный для нее в целом период, когда Порта непосредственно приступала к реализации своих планов наступления на страны Центральной Европы.

¹ HDP, S. 496—498, 531—535.

² Babinger F. Aufsätze und Abhandlungen zur Geschichte Siidosteuropas und der Levante. München, 1962, S. 256—274.

³ Campina B. Complotul boierilor i rascoala din Jara Romaneascfi din iulie-noiembrie 1462.— Studii si referate privind istoria Rominiei. Buc., 1954, 1, p. 599-624.

⁴ Mice D. Raporturile romino-turcesti in sec. XIV—XVIII. — St. 1962, nr. 6, p. 1494—1495.

⁵ DIR, p. 14; Bogdan I. Documente privitoare la relatiile ffirii Romanesti cu Brasovul si cu Tara UngureascS in sec. XV si XVI. Buc., 1905, vol. 1, 1413—1508, p. 124; DRH, B, v. 1, p. 268.

⁶ Laonic Chalcocondil. Expuneri istorice / Ed. Grecu V. Buc., 1958, p. 291.

⁷ Decei A. Istoria Imperiului otoman pina la 1656. Buc., 1978, p. 118.

⁸ См. также с. 121—122 и др. настоящей главы.

⁹ См. письмо Лайоты жителям г. Брашова от июня 1474 г.— Bogdan I. Documente privitoare..., p. 116.

¹⁰ ITR, p. 4; Radu Popescu. Istoriile domnilor Tarii Romanesti / Ed. de Grecescu C. Buc., 1963 (nane — Popescu), p. 23.

¹¹ Donado Da Lezze. Historia turchesca (1300—1514)/Publ. de Ursu I. Buc., 1909, p. 46.

¹² Подробно о социальной политике Штефана Великого и ее влиянии на его внешнеполитические акции см.: Советов П. В. Исследования по истории феодализма в Молдавии. Кишинев, 1972, т. 1, с. 257—290.

¹³ См.: Семенова Л. Е. Некоторые аспекты международного положения Молдавского княжества во второй половине XV в.— В кн.: Юго-Восточная Европа в средние века. Кишинев, 1972, с. 207—234.

¹⁴ Parvan V. Relatiile lui Stefan cel Mare cu Ungaria. Buc., 1905, p. 16; Papacostea S. De la Colomeea la Codrul Cosminului.— Romanoslavica, 1970, XVII, p. 525.

¹⁵ Тексты грамот см.: Материалы по истории взаимных отношений России, Польши, Молдавии, Валахии и Турции в XIV—XVI вв. Собр. В. А. Улиницким. М., 1887, с. 99—101, 103—104 (далее — Материалы).

¹⁶ Sclau I. Relajiile politice dintre Moldova si Transilvania in timpul lui Stefan cel Mare.— In: Studii cu privire la Stefan cel Mare. Buc., 1956, p. 226—228.

¹⁷ Campina B. Cercetari cu privire la baza socialS a puterii lui Stefan cel Mare.— In: Studii cu privire la Stefan cel Mare, p. 39—40.

¹⁸ Cronicele, p. 7.

¹⁹ Panaitescu P. Contributii la istoria lui Stefan eel Mare.— AAR, secj. ist., ser. III, 1934, t. XV, mem. 2, p. 7.

²⁰ Beldiceanu N. Kilia et Cetatca Alba a travers les dcurrents ottomans.— Revue des etudes islemiques Paris, 1968, XXXVI, p. 217; Werner E. Die Geburt einer Grossmacht — die Csmanen. (1300—1481). Berlin, 1978, S. 290.

²¹ Mehmet M. Din reperturile Moldovei cu Imperiul Otcnran in a doua jumatate a veacului al XV-lea.— St, 1960, nr. 5, p. 169.

²² Cronicele, p. 9, 46, 48.

²³ DocSt, 2, P. 319-321.

²⁴ Gemil T. Doua docunrente tataresti referitoare la campania din 1476 asul-tfnului Mehmed al II-lea in Moldova.— АПАИ, 1968, V, p. 187—189.

²⁵ DocSt, 2, p. 330—333.

²⁶ Ureche, p. 1C4.

²⁷ Gemil T. Doua documente tataresti..., p. 189.

²⁸ См. письмо Эминека Мирзы к Мехмеду II от 19 октября 1476 г.— Gemil T. Doua documente tataresti..., Anexa, p. 193; см. также: Mehmet M. Din raporturile Moldovei..., p. 171—172.

²⁹ О молдавско-турецких переговорах 1479—1481 гг. см.: Mehmet M. Din raporturile Moldovei..., p. 173—177. Сумма дани княжества султану в это время, по данным М. Берзы, составляла 6 тыс. золотых (Beiza M. Naraciul Moldovei si Tarii Romanesti in sec. XV—XVIII.— SMIM, 1957, II, p. 9.)

³⁰ Советов П. В. Исследования..., с. 270—273.

³¹ Советов П. В. Исследования..., с. 270, примеч. 157.

- ³² ПСРЛ, т. 20, ч. 1, с. 349; см. также: *Базилевич К. В.* Внешняя политика русского централизованного государства. Вторая половина XV в. М., 1952, с. 248—251; *Costachel V.* Relatiile dintre Moldova si Rusia in timpul lui Stefan cel Mare. — In: Studii cu privire la Stefan cel Mare, p. 188—191.
- ³³ См.: *Базилевич К. В.* Внешняя политика..., с. 249—251; *Греков И. Б.* Очерки истории международных отношений Восточной Европы XIV—XVI вв. М., 1963, с. 188—191; *Хорошкевич А. Л.* Русское государство в системе международных отношений конца XV — начала XVI в. М., 1980, с. 90—92.
- ³⁴ Сб. ГКО, т. 35, с. 18, 52; т. 41, с. 41, 156; ПСРЛ, т. 8, с. 219, 221, 224—225; Исторические связи, 1, с. 62—63, 69—70, 294—295, примеч. 32, с. 297, примеч. 45, 47.
- ³⁵ История Венгрии. М., 1971, т. 1, с. 233.
- ³⁶ Cronicele p. 46.
- ³⁷ Ibid., p. 11.
- ³⁸ *Antalffy A.* Doua documente din biblioteca egipteană de la Cairo.— RI, 1934, XX, p. 41.
- ³⁹ *Salau I.* Reletile politice dintre Moldova si Transilvania..., p. 234.
- ⁴⁰ Материалы, с. 113; DocSt, 2, p. 370-377.
- ⁴¹ *Materialy do dziejcw dyplomacji polskiej z lat 1486—1516 (Kodeks zagrzebski)/* Wroclaw: W.; Krakow, 1966 (Rajce — Materiaty), s. 1—9.
- ⁴² Cronici turcesti, 1, p. 101.
- ⁴³ О времени заключения Штефаном мира с султаном и о характере договора в исторической литературе существуют разные мнения. К. Джуреску считал, что договор имел место в 1489 г. и предусматривал увеличение дани Порте до 4 тыс. золотых (*Giurescu C.* Capitlatiile Moldovei cu Poarta otomana. Buc., 1908, p. 63—6). По мнению Г. Загорина, молдавский господарь призвал себя подданным султана в 1497 г. (*Zagoritz Gh.* Stabiliroa suzeranitatii turcesti in Moldova.— Convorbiri literare, 1914, nr. 7—8, p. 713—716). Н. Белдичаву относит заключение договора к периоду между 1487 и 1489 г. (*Beldiceanu N.* Problema tratatelor cu Poarta in lumina croniceii I. Pecevi.— Balkania, 1942, V, nr. 1, p. 394—397). А. Дечей датировал договор 1479 г. (*Decei A.* Tratatul de pace-sulhname-dintre sultan Mehmed II si Stefan cel Mare la 1479. — Revista istoricfi romana, 1945, XV, nr. 4, p. 465—494). Н. Григораш полагал, что Штефан мог установить мирные отношения с султаном только после 1486 г. (*Grigoras N.* A existat un tractat de pace intre Mehmed si Stefan cel Mare. Iasi, 1948. Привлечение новых материалов, в особенности турецких, позволило современным румынским историкам внести ряд уточнений в освещение этой проблемы. По мнению Б. Кымпины, в 1481 г. Штефан заключил с султаном договор на условиях уплаты дани, который был возобновлен в 1487 г. (*Cimpina B.* Cercetari cu privire la baza sociala..., p. 84—88). Такой же точки зрения придерживается и М. Берза, который установил, что в 1487 г. господарю удалось фиксировать дань в 4 тыс. золотых (*Berza M.* Haraciul..., p. 9). М. Мехмет высказал точку зрения о том, что заключение Штефаном договора с султаном Мехмедом II следует отнести к 1479—1481 гг. Условия его, как и возобновленного в 1487 г. договора, не означали подчинения княжества Османской империи, которое происходит позднее (*Mehmet M.* Din raporturile..., p. 173—177).
- ⁴⁴ *Parvan V.* Relatiile..., p. 104—105.
- ⁴⁵ См.: *Семенова Л. Е.* Некоторые аспекты..., с. 224—228.
- ⁴⁶ Исторические связи, 1, с. 68, 296, примеч. 36, 39.
- ⁴⁷ *Materialy*, s. 12—14.
- ⁴⁸ Исторические связи, 1, с. 73—74; DocSt, 2, p. 386—387, 397—398, 400—403, 407.
- ⁴⁹ См.: *Семенова Л. Е.* Из истории молдавско-польско-турецких отношений конца XV в.— В кн.: Россия, Польша и Причерноморье в XV—XVIII вв. М., 1979, с. 40—52.
- ⁵⁰ Cronici turcesti, 1, p. 138; *Семенова Л. Е.* Из истории..., Прил., с. 48—49.
- ⁵¹ *Papacostea S.* De la Colomeea..., p. 543—544.
- ⁵² Текст послания Владислава Яну Ольбрахту см.: *Papacostea S.* De la Colomeea..., Анеха, p. 549—551.
- ⁵³ См.: *Семенова Л. Е.* Из истории..., с. 46—47.
- ⁵⁴ Там же. Прил., с. 50.
- ⁵⁵ DocSt, 2, p. 417—441; DR, 2/2, p. 427, 432.
- ⁵⁶ *Греков И. Б.* К вопросу о роли турецко-крымской дипломатии в политической жизни Восточной Европы конца XV—XVI вв.— В кн.: Юго-Восточная Европа в эпоху феодализма. Кишинев, 1973. с. 150—156.
- ⁵⁷ DR, 2/1, p. 20—23.
- ⁵⁸ Ibid., p. 119-120; *Materialy*, s. 123—127.
- ⁵⁹ *Kretschmayr H.* Geschichte von Venedig. Gotha, 1920, Bd. II, S. 428.
- ⁶⁰ *Babinger F.* Kaiser Maximilians «geheime Praktiken» mit den Osmanen (1510—1511). — Sudost-Forschungen, 1956, XV, S. 201—236.
- ⁶¹ *Palombini B.* von. Bundiswerben abendlandischen Mächte um Persien. 1453—1600. Wiesbaden, 1968, Bd. 1, S. 51.
- ⁶² История Венгрии, т. 1, с. 227—228; *Uhlirz M.* Handbuch der Geschichte Osterreich—Ungarns. Wien, 1963, Bd. 1.
- ⁶³ *Ursul.* La politique orientale de Francois I (1515—1547). Paris, 1908, p.8—12.

- ⁶⁴ См.: *Хорошкевич А. Л.* Русское государство..., с. 197—201.
- ⁶⁵ *Zlnkeisen J.* Drei Denkschriften iiber die orientalische Frage von Papst Leo X. Konig Franz I. von Frankreich und Kaiser Maximilian I aus dem Jahre 1517. Gotha, 1854.
- ⁶⁶ *Хорошкевич А. Л.* Русское государство..., с. 205—208.
- ⁶⁷ *Pociecha W.* Krolowa Boria (1494—1557). Poznani, 1949, Т. 2.
- ⁶⁸ *Stefanescu St.* Bfinia in Tara Romaneasca. Buc., 1965, p. 99—102.
- ⁶⁹ *Stefanescu St.* Tara Romaneasca de la Basarab I «Intemeietorul» pinф la Mihai Vitcazul. Buc., 1970, p. 79—83.
- ⁷⁰ DR, 2/1, p. 20—23; Materialy, s. 127—128.
- ⁷¹ См. договоры 1499 и 1507 г. между королями Венгрии и Польши.— ВК, 2/2, p. 427-432, 560.
- ⁷² IR, 2, p. 619.
- ⁷³ DR, 15/1, p. 169—170; об эволюции суммы дани Валахии Порте в конце XV — начале XVI в. см.: *Berza M.* Haraciul..., p. 27—29.
- ⁷⁴ *Bogdan I.* Documente privitoare..., p. 350—351.
- ⁷⁵ DR, p. 15.
- ⁷⁶ DI, p. 44—50.
- ⁷⁷ IR, 2, p. 620.
- ⁷⁸ Popescu. p. 26-27.
- ⁷⁹ DR, 15/1, p. 213.
- ⁸⁰ Acta et epistolae, p. 126—128.
- ⁸¹ *Stefanescu St.* Bfinia..., p. 137—173.
- ⁸² DR, 2/2, p. 560.
- ⁸³ Цит. по: *Ursu I.* Istoria lui Ștefan eel Mare. Buc., 1925, p. 263.
- ⁸⁴ Acta et epistolae, p. 97.
- ⁸⁵ DR, 2/2, p. 613-617; Supl. 2, v. 1, p. 1.
- ⁸⁶ Cronicele, p. 78; Ureche, p. 141.
- ⁸⁷ DR, 2/2, p. 642; Исторические связи, 1, с. 90, 305—306, примеч. 94. DR, 2/2, p. 638-647; 2/3, p. 11-12, 15, 22.
- ⁸⁸ DR, 2/3, p. 27, 34-36, 38.
- ⁹⁰ *Gemil T.* Din relatiile moldo-otomane in primul sfert al secolului al XVI-lea. — АПАИ, 1972, IX, p. 134-136.
- ⁹¹ *Mehmet M.* Doua documents turcesti despre Neagoe Basarab. — St, 1968, nr. 5, p. 922.
- ⁹² *Ciucu M.* Din relatiile Moldovei cu Imperiul otoman in timpul domniei lui Bog-dan al III-lea.— RI, 1978, nr. 7, p. 1253-1262.
- ⁹³ DR, 2/3, p. 53.
- ⁹⁴ В румынской исторической литературе существует мнение, что Богдан заключил с Селимом в 1512 г. договор, оформлявший вассальные отношения княжества с Османской империей. См.: *Longinescu S.* Istoria dreptului romanesc din vremile eel mai vechi si pina in zilele noastre. Buc., 1908; *Marinescu I.* Bogdan eel Orb. 1504—1517. Buc., 1910; *Neagoe M.* Contributii la problema aservirii Moldovei fata de Imperiul otoman.— St, 1964, nr. 2, p. 311—323.
- Советский историк Г. В. Гонца высказал некоторые соображения о возможном установлении в 1512 г. молдавско-турецких вассальных отношений. (*Гонца Г. В.* К истории молдавско-турецких отношений начала XVI в.— В кн.: Россия, Польша и Причерноморье, 53—61).
- На наш взгляд, современное состояние источников не дает основания для серьезного научного пересмотра выводов румынского историка К. Джуреску, который путем тщательного источниковедческого анализа доказал недостоверность данных о договоре Богдана с Селимом, равно как и договоров Мирчи Старого и Влада Цепеша с султанами Баязидом I и Мехмедом II, оформлявших, по утверждению румынской историографии второй половины XIX в., международно-правовой статус автономии княжеств в отношениях с Портой (*Giurescu C.* Capitulationiile Moldovei cu Poarta otomana. Buc., 1908).
- ⁹⁵ DR, 2/3, p. 94.
- ⁹⁶ Ibid., p. 72, 75, 76; Исторические связи, 1, с. 96, 306, примеч. 95.
- ⁹⁷ DR, 2/3, p. 139-140, 148-151.
- ⁹⁸ Ibid., p. 145—147, 155; Исторические связи, 1, с. 96—97, 306, примеч. 100, 101.
- ⁹⁹ DR, 2/3, p. 260-264, 287—291.
- ¹⁰⁰ Cronicele, p. 78—79.
- ¹⁰¹ Acta Tomiciana, Т. 4, p. 207.

Глава 8

ОСМАНСКАЯ ИМПЕРИЯ, КРЫМ И СТРАНЫ ВОСТОЧНОЙ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЫ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVI в.

Трудности международного положения польско-литовского государства в конце XV — начале XVI в. определялись не только неудачным исходом его конфликта с Турцией, Крымом и Молдавией в 1497 г., но и важными переменами в тогдашней политической жизни Европы в целом.

Дело в том, что на рубеже XV — XVI вв. рядом с обширными децентрализованными государственными образованиями «универсалистского» типа, освященными средневековыми традициями и санкциями Римской курии, стали набирать силу государства централизовавшие, формировавшиеся либо на «национальной», либо на «многонациональной» основе (в последнем случае часто с сохранением ведущего «национального ядра»). Если политическое развитие Франции, Испании, Англии, Московской Руси происходило в рамках формирования «национальных» государств с той или иной их централизацией, то историческая жизнь Германской империи, а также династического объединения Ягеллонов в этих новых условиях, хотя и была ознаменована отказом от ряда изживавших себя средневековых традиций, от слепого послушания Римской курии, все же во многом еще сохраняла элементы децентрализации, «полицентризма», острых противоречий между автономными политическими организмами, входившими в состав этих государственных образований¹.

Весьма характерно, что присущие этим двум государственным системам стремления к приобретению новых территорий, в частности параллельные планы императора Максимилиана и Ягеллонов закрепить за собой короны Чехии и Венгрии, на рубеже XV—XVI вв. привели к резкому обострению их отношений друг с другом².

В этих условиях идея польско-чешско-венгерской унии под эгидой Ягеллонов, естественно, находила поддержку среди тех венгерских и чешских феодалов, которые по тем или иным причинам не хотели сближения с империей Габсбургов. Польско-литовское государство в их глазах становилось надежной опорой в деятельности Владислава Ягеллона, короля Венгрии и Чехии³. Вместе с тем в Венгрии была значительная группировка феодалов, считавшая, что в намечавшейся венгеро-польско-чешской унии именно Буда должна стать ведущей политической силой, главным застрельщиком в борьбе против императора Максимилиана и султана Баязида⁴.

Об этом свидетельствовали, например, такие факты, как предпринятая летом 1501 г. в связи со смертью Яна Ольбрахта попытка венгерско-чешского короля Владислава стать обладателем польского престола, а также сделанное в 1504 г. венгерской стороной предложение королю Александру выделить для Сигизмунда Ягеллона особый «королевский удел» либо в Литве, либо в Мазовии, либо, наконец, в самой королевской Пруссии⁵. Оба эти проекта были нацелены, если не на прямое перемещение центра будущего межгосударственного объединения из Кракова в Буду, то хотя бы на создание для этого благоприятных политических предпосылок. Эти предпосылки должны были появиться в результате усиления реальной власти венгерского короля в Центральной и Восточной Европе, а также в результате ослабления позиций польского короля в самом Польско-литовском государстве.

Не удивительно, что верхи феодального класса Польши отвергли оба эти проекта. Имея свой «пропольский» вариант унии, они сделали ставку не на Владислава, который мог превратить Польшу в придаток феодальной Венгрии и ослабить их связи с Литвой, где оставался бы в этом случае свой влиятельный правитель, а на литовского князя Александра, способного надежно обеспечить им доминирующее положение в Польско-литовском государстве, а вместе с тем дать шанс на превращение Венгерского королевства из «ведущей» в «ведомую» составную часть будущего межгосударственного объединения⁶. Понятно, почему в дальнейшем были отвергнуты все попытки венгерской стороны сузить сферу влияния нового польского короля Александра за счет обособления Литвы, Мазовки или Королевской Пруссии.

Но обороняясь от ухищрений венгерской дипломатии, правящие круги Польши не отказывались и сами от предоставлявшихся им возможностей ослабить «удельный вес»

короля Владислава, а вместе с тем и усилить свое влияние в Центральной Европе. Так, весьма показательной в этом смысле представляется предпринятая в 1505 г. попытка короля Александра передать власть над Чехией из рук короля Владислава в руки «губернатора» чешских земель, реального ее правителя, которым должен был стать тот же Сигизмунд Ягеллон⁷. Но учитывая факт скрытого соперничества между Будой и Краковом за лидерство в будущем объединении, мы все же должны признать реальность самой тенденции формирования такого объединения, реальность ряда совместных политических акций Польши и Венгрии на международной арене в течение ряда лет после Буковинской кампании.

Напуганные тесным сотрудничеством Порты, Крыма и Молдавского княжества, а также обеспокоенные растущими претензиями Габсбургов на Венгрию и Чехию, братья Ягеллоны снова стали действовать согласованно в своих отношениях с европейскими державами.

Внешняя политика Ягеллонов в эти годы характеризовалась не только соперничеством с Габсбургами и напряженными отношениями с Москвой, но и закономерным сближением с Францией, которая вела тогда борьбу против империи за сферы влияния в Центральной Европе и на Апеннинском полуострове⁸.

Видимо, не случайно летом 1500 г. в Буде был заключен политический союз Ягеллонов с Людовиком XII Валуа (1498—1515), подкрепленный соглашениями о женитьбе венгерского короля Владислава и польского короля Яна Ольбрахта на племянницах французской королевы, а также о выдаче замуж Елизаветы Ягеллон за одного из принцев французского правящего дома⁹.

Однако наметившееся сближение с Францией еще не означало, что Ягеллоны встали тогда на путь разрыва с императором и курфюрстами. Учитывая вновь ставшую актуальной проблему антиосманской коалиции, а также имея в виду наметившееся сближение империи с Москвой, Ягеллоны действовали объединенными усилиями в переговорах со многими европейскими династиями, в частности и с Габсбургами¹⁰, подчеркивая тем самым живучесть планов польско-венгерско-чешской унии. Исходя из того, что, по расчетам Максимилиана I и римского папы Александра VI, Польша и Венгрия должны были играть важную роль в создавшейся тогда антиосманской коалиции, Ягеллоны направили общее посольство на имперский съезд во Фрайбург (1498), снабдив венгерских и польских дипломатов едиными инструкциями, в которых предусматривалось обращение к участникам съезда с просьбой оказать помощь Венгрии и Польше в намечавшемся их совместном выступлении против Османской империи¹¹.

Но если Ягеллоны и поддерживали тогда дипломатические отношения с империей, если они и были готовы слушать советы Габсбургов по поводу участия Польши и Венгрии в антиосманской коалиции, то реальный ход политической жизни региона все же определялся отнюдь не этими дипломатическими контактами Польши с Габсбургами.

Считая Ягеллонов своими главными конкурентами в борьбе за гегемонию в Центральной Европе, Габсбурги видели свою задачу прежде всего в том, чтобы ослабить межгосударственное объединение, возглавленное Ягеллонской династией.

Хорошо зная о напряженных отношениях Польши и Венгрии с Османской империей, Крымом, а также с Московским государством, имперские дипломаты не только стремились форсировать вступление Ягеллонов в вооруженную борьбу с ними, но и старались подорвать позиции Польши в системе государств, объединенных Ягеллонским правящим домом, в частности путем поощрения «сепаратистских» настроений правителей Ордена, Литвы, Мазовии, наконец, Венгрии и Чехии. Так, Максимилиан I, а вместе с ним и зависимые от империи римские папы Александр VI (1492—1503) и Юлий II (1503—1513) стали открыто поддерживать неповиновение польскому королю нового магистра Ордена Фридриха Саксонского (1498—1510), одобрять его политические и территориальные претензии к Польше, санкционировать планы пересмотра Орденом Туруньского мира 1466 г.¹²

Предпринятые польской дипломатией в 1502—1505 гг. попытки исправить положение соответствующими демаршами в Риме не давали сколько-нибудь заметных результатов. Эти демарши оказывались мало эффектными даже в тех случаях, когда польским дипломатам все же удавалось исхлопотать у Римской курии моральное осуждение позиции Ордена (например, бреве папы Юлия II 1505 г. с рекомендацией магистру Фридриху уважать Торуньский мир было отменено тем же папой в 1509 г.)¹³ Антипольская, «проорденская» позиция Апостольского престола была весьма устойчивой на протяжении всей первой четверти XVI в. и обуславливалась, разумеется, не личными антипатиями римских пап к Польше и к польскому правящему дому, как иногда утверждается в историографии¹⁴, а тем обстоятельством, что политика Римской курии в этот период находилась под прямым и непосредственным воздействием Габсбургов, стремившихся ослабить Польшу, для того чтобы легче разорвать ее связи с Венгрией и Чехией.

Вполне понятно поэтому было стабильно негативное отношение Рима в указанный период к попыткам правящих верхов Польши вернуть Орден к статусу Торуньского мирного договора; отсюда и поддержка Римом тогдашней «независимой» политики магистра Фридриха Саксонского (1498—1510), а потом и Альбрехта Бранденбургского (1510—1525), не желавших присягать польскому королю, а тем более принимать его предложения о переброске Ордена из Пруссии в Северное Причерноморье. Таким образом, развитие польско-орденских отношений доставляло много хлопот как королю Александру, так и королю Сигизмунду I (в первые годы его правления)¹⁵.

Но влияние габсбургской дипломатии сказывалось в начале XVI в. не только на внешнеполитическом курсе Ордена: оно все в большей мере обнаруживало себя в поведении венгерско-чешского короля Владислава и стоявших за его спиной определенных группировок венгерского правящего класса, видевших теперь в набиравших силу Габсбургах более надежного политического партнера, чем в слабеющих Ягеллонах. Тот факт, что Ягеллоны не смогли обеспечить Венгрии ведущую роль в венгеро-польско-чешском межгосударственном объединении и оказать ей финансовую и военную помощь, видимо, также сокращал ряды приверженцев польско-венгерской унии, а вместе с тем увеличивал число сторонников империи среди венгерских феодалов, все чаще заставлял венгерского короля Владислава Ягеллона вести политику, независимую от Польско-литовского государства. Весьма показательным в этом смысле был договор 1507 г., заключенный королем Владиславом с императором Максимилианом по поводу будущих браков их детей и внуков. Так, дочь короля Владислава и его супруги-француженки — княжна Анна должна была в дальнейшем вступить в брачный союз с внуком Максимилиана (Фердинандом или Карлом), а сын венгерского короля Людовик должен был жениться на одной из внучек Максимилиана. Достигнутое соглашение, таким образом, намечало перспективу усиления позиций Габсбургов в политической жизни феодальной Венгрии. Слабый здоровьем Людовик Ягеллон должен был, по расчетам Вены, в конце концов уступить венгерскую корону будущему мужу Анны — Фердинанду или Карлу Габсбургу¹⁶.

Еще более важное значение в соперничестве Габсбургов с правителями Польско-литовского государства за влияние на феодальную элиту Венгерского королевства имел съезд представителей имперского польского и венгерского дворов, прошедший в конце 1510 г. в Познани. Хотя поводом для съезда стал вопрос внутривнутриполитической жизни Польско-литовского государства — об отношениях короля Сигизмунда с его вассалом магистром Ордена, сам факт его обсуждения на таком высоком межгосударственном уровне превращал его в проблему международного масштаба¹⁷. Габсбурги, выступавшие в роли «арбитров» в споре между Сигизмундом и Орденом, естественно, встали на защиту антипольской политики нового магистра — Альбрехта Бранденбургского и тем самым содействовали ослаблению позиции Ягеллонов как в Европе вообще, так и в Венгрии в частности.

В этих условиях усилившегося наступления империи, Рима и Ордена на государства Ягеллонов стали все большую роль играть внутренние силы феодальной Венгрии, особенно активизировался глава магнатского рода Запольяи, не скрывавшего уже тогда своих претензий на венгерскую корону (они должны были реализоваться в случае смерти бездетного наследника Владислава — Людовика).

Не случайно Янош Запольяи выдвигал в то время планы своей женитьбы на сестре Людовика Анне, не случайно и сам Сигизмунд женился в 1512 г. на сестре Яноша Запольяи — Барбаре, обнаруживая тем самым свою готовность противодействовать расчетам Габсбургов на венгерский престол¹⁸.

Попытки Ягеллонов использовать внутренние силы феодальной Венгрии для отпора претензиям Габсбургов на корону св. Стефана привели к тому, что Максимилиан стал усиливать свою поддержку магистра Ордена Альбрехта Бранденбургского, а также добиваться более тесного сотрудничества с тогдашними противниками Польско-литовского государства на международной арене, в частности с Москвой, Данией, Ливонским орденом.

Однако рост влияния Яноша Запольяи в самой Венгрии, а также за ее пределами, особенно устанавливавшиеся его связи с королем Сигизмундом и с самим турецким султаном, заставили Габсбургов применять более энергичные меры по обеспечению своих интересов в Центральной Европе, заставили их согласиться на новый съезд трех монархов, который собрался весной 1515 г. в Братиславе, а летом того же года завершился в Вене подписанием ряда документов, закрепивших выгодную для империи расстановку сил в данной части европейского континента. Речь шла о прекращении тесного сотрудничества империи с Московским государством, а вместе с тем и о сближении Габсбургов с Ягеллонами, что проявилось не только в отказе от поддержки антипольской политики Ордена, но и в «усыновлении» Максимилианом наследника венгерского престола Людовика, сына Владислава и племянника Сигизмунда, в назначении Людовика «генеральным викарием Священной Римской империи» и даже в объявлении его преемником самого «римского короля» Максимилиана. Речь, кроме того, шла о выдаче замуж сестры Людовика — Анны за представителя дома Габсбургов, наконец, просто о заключении договора о мире и дружбе между императором и польским королем¹⁹.

Таким образом, планам польско-венгерско-чешской унии был нанесен еще один удар: фактически Сигизмунд санкционировал утверждение сильного влияния Габсбургов в Венгерском королевстве, содействуя вместе с тем и ослаблению внутривосточных и международных позиций венгерского магната Яноша Запольяи²⁰.

Но сколь ни авторитетны были рекомендации Венского съезда трех монархов 1515 г., радикальным образом изменить уже наметившиеся ранее тенденции международной жизни региона они все же не могли.

Когда 13 марта 1516 г. умер Владислав Ягеллон, Максимилиан и Сигизмунд попытались установить свою опеку над новым королем — юным и болезненным Людовиком. Этому намерению воспротивилась сильная группировка венгерских феодалов Яноша Запольяи; она выдвинула идею подчинения юного короля Людовика регентскому совету, который должен был действовать под опекой венгерского сейма²¹.

Таким образом, перед феодальной Венгрией вырисовывались две перспективы: либо торжество группировки Яна Запольяи, и тогда заметное усиление Венгерского королевства как такового, либо утверждение Габсбургов на венгерских землях и тогда создание мощного политического объединения в составе империи с ее курфюрстами, Венгрии и Чехии.

Ни тот, ни другой вариант развития событий, видимо, не устраивал Османскую империю. В середине второго десятилетия в Стамбуле уже хорошо знали о том, что Ягеллоны значительно ослабили свои позиции в Венгрии и что Польско-литовское государство потеряло в 1514 г. Смоленск — важный стратегический центр на восточных его рубежах. Все это, с одной стороны, содействовало дальнейшему сближению султана

Селима с королем Сигизмундом, а с другой — предопределяло подготовку Порты к вооруженной борьбе как против усилившихся Габсбургов и Венгрии, так и против окрепшего Московского государства.

Получив от Сигизмунда обещание нейтралитета и даже сотрудничества (в 1516 и в 1520 г. были заключены союзы с Крымом, в 1519 г. — договор о мире и дружбе с Портой), Османская империя стала вести вместе с крымским ханом Мухаммед-Гиреем прямые атаки на русские территории, а потом приступила к операциям по овладению Венгрией.

В этих условиях снова возник план создания широкой антитурецкой коалиции, в которой должны были участвовать прежде всего Габсбурги и Ягеллоны, предусматривавший и оборону Венгрии, и отвоевание Килии, Белгорода, а потом захват Адрианополя и Стамбула. Успеху задуманных операций должна была содействовать и сформированная Максимилианом наемная армия²².

Однако плану складывания антиосманской коалиции и на этот раз не суждено было осуществиться. Хотя папа Леон X многое делал для того, чтобы толкнуть Польшу и Венгрию на борьбу с Портой (в марте 1517 г. королю Сигизмунду было направлено особое послание по этому поводу, а весной 1518 г. в этом направлении энергично действовал в Буде римский эмиссар Николай Шенберг)²³, тем не менее реальной помощи эти государства не получили ни от римского престола, ни от других государств Европы, в том числе и Габсбургов. Более того, несмотря на решения Венского съезда 1515 г., наметившие тесное сотрудничество Габсбургов с Ягеллонами в венгерском и турецком вопросах, отношения между империей и Польско-литовским государством становились все более напряженными. Максимилиан продолжал игнорировать жизненные интересы Польши и Литвы на международной арене, не прекращал сотрудничество с Орденом и с Москвой, содействовал их сближению^{23а}.

В результате венгерский король Людовик, последовав совету своего дяди — польского короля, заключил в марте 1519 г. трехлетнее перемирие с Османской империей. Тем не менее данный договор все же не изменил радикальным образом наметившихся тенденций международной жизни региона, не избавил Венгрию от дальнейших попыток Порты изолировать ее от Польско-литовского государства и распространить на нее турецкое влияние, тем более не избавил он и польский правящий дом от соперничества с Габсбургами за обладание венгерской короной.

Тогдашняя активность Габсбургов на международной арене была связана еще и с тем обстоятельством, что в тот период значительно усилился их западный противник — французский король Франциск I (1515—1547), с которым приходилось соперничать не только на Рейне, но и в Италии. Одержав важную победу в 1515 г., Франциск I обеспечил себе контроль над Северной Италией, в частности над Миланским княжеством²⁴. Однако уже в 1516 г. Габсбурги взяли реванш в Испании, где королем стал Карл, один из внуков Максимилиана. Но главный спор между империей и Францией был впереди — спор за то, кто станет преемником стареющего Максимилиана. Франциск I объявил себя претендентом на «римскую» корону, Габсбурги стали выдвигать своих кандидатов (им был прежде всего испанский король Карл). Смерть самого Максимилиана (12.1 1519 г.) придавала борьбе за императорский престол еще большую остроту. Поскольку на Аугсбургском сейме обе враждующие группировки имели равное число сторонников, особое значение приобрел голос чешского короля Людовика Ягеллона²⁶.

Франциск I сделал все, чтобы перетянуть на свою сторону и Людовика и Сигизмунда, пытаясь использовать как польско-имперские трения, так и договор, заключенный еще в 1500 г. между Францией, Польшей и Венгрией. Несомненно, в данном случае играли роль и политические связи, установившиеся тогда между Францией и Османской империей, уже сотрудничавшей, как мы знаем, в этот период с Польшей²⁶.

Но одновременно с французским королем усиленно добивались расположения у короля Сигизмунда и Габсбурги, а также перешедший на их сторону папа Леон X (1513—

1521). Им удалось добиться взаимопонимания с чешскими феодалами и с чешско-венгерским королем Людовиком Ягеллоном, который обещал поддерживать их кандидатуру при избрании императора.

Что касалось Венгрии, то часть ее феодалов старалась в этом споре занимать все более самостоятельную позицию, пытаясь даже выдвинуть кандидатом на имперский престол все того же Людовика²⁷.

Наконец, 25 июня 1519 г., несмотря на выжидательную позицию польской дипломатии, преемником Максимилиана все же стал его внук — испанский король Карл. Было очевидным резкое усиление Габсбургов на международной арене; разумеется, оно ощущалось и в Польско-литовском государстве, поскольку их союзниками оставались Орден, Московская Русь, а также влиятельные группировки феодальной Венгрии²⁸.

Сложность внешнеполитического положения Польши и Литвы состояла еще и в том, что, несмотря на мир с Османской империей, им приходилось время от времени иметь дело с набегами Крыма, напоминая прежде всего о необходимости регулярной выплаты дани (15 тыс. золотых ежегодно). Но в данном случае Мухаммед-Гирей, заинтересованный в сохранении «благоприятных» политических условий для продолжения крымских атак на Москву, а следовательно, и в затягивании московско-литовской войны, заботился о том, чтобы польско-литовские войска в борьбе с Москвой не добивались значительного перевеса, чтобы их чрезмерные достижения не склонили Василия III к поискам мира с Сигизмундом. Не удивительно поэтому, что после военных успехов польско-литовского оружия в 1518 г. Мухаммед-Гирей организовал летом 1519 г. большой набег на киевские, волынские и даже люблинские земли²⁹, несколько ослабив таким путем Польско-литовское государство и поддержав вместе с тем веру московского правительства в возможность успешного продолжения войны.

Между тем атака Крыма на Польшу в 1519 г. не ломала тогдашней стратегической линии Османской империи в Восточной Европе. Она создавала лишь благоприятные условия для последующего развертывания военно-политической активности Порты и Крыма в главных направлениях — в направлении Московского государства и Венгрии. И, видимо, не случайно уже в 1520 г. хан просил у Сигизмунда прощения за «необдуманный» набег крымцев, в то же время напоминая о необходимости своевременной выплаты «упоминок», а также выдвигал идею заключения нового союза с Польским государством, которая вскоре была реализована посольством Остафия Горноста в Бахчисарае³⁰.

В результате восстановленного крымско-польского сотрудничества были достигнуты значительные военно-политические успехи Крыма и Порты уже в 1521 г.: в Казани утвердился Сахиб-Гирей, а войска Мухаммед-Гирея вместе с польско-литовскими отрядами Дашкевича в этом же году нанесли серьезное поражение московским силам. На 1522 г. намечалось новое совместное выступление крымских и польско-литовских войск против Русского государства.

Все эти события открыли путь к мирным переговорам между Василием III и Сигизмундом, предопределили и само заключение мирного договора в конце 1522 г., по которому Московской Руси удалось закрепить за собой не только рубежи 1508 г., но и Смоленскую землю.

Заключение этого договора означало возникновение новой ситуации в международной жизни региона и нового этапа во внешней политике как Москвы, так и Кракова.

Василий III оказался перед необходимостью сосредоточить все свои усилия на противодействии натиску Крыма, Казани и Османской империи. А Сигизмунд, хотя и находился в мирных отношениях с Портой, тем не менее также вынужден был думать об угрозе интересам Польши и всей его династии со стороны Габсбургов, не скрывавших теперь своих претензий на приобретение венгерского и чешского престолов, своих

намерений сохранять постоянную политическую напряженность между Орденом и Польшей.

Видимо, не случайно еще в 1521 г. под нажимом Габсбургов польский король вынужден был заключить с Орденом особый договор (так называемый Торунский компромисс), по которому все спорные проблемы взаимоотношений Польши с крестоносцами, в частности вопрос об окончательном признании Торунского мира в 1466 г., должны были рассматриваться не польским королем, а международным «арбитражем», в котором решающий голос должен был принадлежать Габсбургам³¹.

При этом следует иметь в виду, что происходившая тогда борьба между Габсбургами и Ягеллонами за влияние на политику Ордена, Венгрии и Чехии оказалась весьма удобным обстоятельством для развертывания дипломатического и военного наступления Порты в Юго-Восточной и Центральной Европе, для реализации давно готовившихся завоевательных планов Османской империи в Среднем Подунавье, для осуществления давно назревшего ее намерения ликвидировать польско-венгерско-чешское династическое объединение.

Утверждению такой политики Порты способствовал и тот факт, что еще в 1520 г. в Стамбуле к власти пришел весьма энергичный правитель — султан Сулейман, ряд лет проведенный в Каффе в качестве представителя султана и поэтому хорошо знакомый с расстановкой сил в регионе, со всеми аспектами международной жизни Юго-Восточной и Центральной Европы³².

Так, уже в 1521 г., собрав хорошо подготовленное войско, Сулейман бросил его на захват важного в стратегическом отношении города Белграда, в 1522 г. он направил османские силы на о-в Родос, занятый тогда рыцарями-иоаннитами и представлявший в связи с этим угрозу для плавания турецкого флота в восточном Средиземноморье, летом 1523 г. он предпринял еще одну наступательную операцию у берегов р. Савы³³. И хотя эта последняя операция обернулась для Порты поражением, тем не менее само направление осуществлявшейся тогда османской экспансии не могло не встревожить правителей европейских государств.

Не случайно именно в этот период снова стали возрождаться планы крестового похода против Османской империи, снова римская курия стала призывать почти все европейские страны к участию в антиосманской коалиции. И это несмотря на то, что тогда же, в 1521 г., началась война между Францией и империей, между Франциском I (1515—1547) и Карлом V (1519—1556), война, которая быстро превратилась из локального спора за сферы влияния на Апеннинском полуострове в большой конфликт за гегемонию на всем европейском континенте (борьба между двумя группировками государств протекала с переменным успехом)³⁴.

Тем не менее этот конфликт не позволял Габсбургам направлять значительные силы на борьбу с османским натиском, исключал возможность их активного участия в антитурецкой коалиции. Возможно, именно поэтому римско-габсбургская дипломатия делала все, чтобы переложить задачу сдерживания османской экспансии на Венгрию и Польшу, чтобы создать боеспособный антитурецкий союз в составе этих государств. Под прямым впечатлением военно-политической активности Порты в Среднем Подунавье был созван уже в марте 1522 г. имперский съезд в Нюрнберге, который должен был обсудить проблему противодействия османскому натиску, наметить основной круг участников создаваемого антиосманского фронта. На этом съезде венгерские дипломаты не скрывали того, что Венгрия ждет с нетерпением помощи от Европы, и прежде всего от Габсбургов; и польского короля Сигизмунда. Однако испрашиваемой помощи Нюрнбергский съезд не обеспечил Венгерскому королевству. Рассмотрение данной проблемы было перенесено на следующую встречу дипломатов ведущих стран региона, которая должна была состояться летом 1522 г. в Вене. Однако и здесь не было принято нужных решений.

В марте 1523 г. Рим опять обратился к ряду европейских стран: с предложением сформировать боеспособную антиосманскую лигу ради того, чтобы предотвратить

появление турецких войск на собственно венгерских землях, а также, чтобы не допустить их высадки на юге Италии — на Апулийском полуострове. Большие надежды тогда возлагались и на съезд правителей ряда государств Европы, который должен был состояться осенью 1523 г. в Винер-Нейштадте³⁵.

Однако ни воззвания папы Адриана VI, ни сам упомянутый съезд не изменили политическую конъюнктуру в Среднем Подунавье, становившуюся все более грозной для Венгрии. Дело в том, что на съезде обнаружилось серьезные разногласия между различными его участниками. Если представители Рима и Габсбургов предлагали свою военную и финансовую помощь Людовику в весьма скромных размерах (да и то в случае затухания борьбы с Францией) и в то же время настаивали на широкомасштабном выступлении венгерских и польских войск против османских сил, то польские дипломаты не только сами отказались от открытой вооруженной борьбы против Порты (ссылаясь, в частности, на возможность крымских набегов на южные земли Польско-литовского государства), но и выдвинули идею параллельного примирения с Сулейманом как Польши, так и Венгрии³⁶.

Однако такой поворот событий не устраивал, видимо, ни римско-габсбургскую дипломатию, ни самого султана Сулеймана. Если Рим и Габсбурги в совместном польско-венгерском предложении мира Османской империи видели прямую угрозу не только планам создания широкой антиосманской коалиции, но и надеждам на возможность «перехвата» у Ягеллонов венгерской короны, то султан Сулейман в этом совместном выступлении Польши и Венгрии на международной арене усматривал еще одно препятствие на пути реализации намеченных им завоевательных планов в Среднем Подунавье, еще один вариант консолидации антиосманских сил, способный не только помешать реализации этих планов, но и продлить существование крайне нежелательного Порте польско-венгерского династического союза.

Весьма показательным, что Османская империя осудила идею такого сотрудничества на дипломатическом уровне (предложив Сигизмунду перезаключить мирный договор с Портой без участия Людовика), вместе с тем она прибегла к военным мерам, имея в виду сделать практически нереальным политическое партнерство Польши и Венгрии. Так, именно летом 1524 г. Порта санкционировала большой поход крымских и турецких войск на окраины Польско-литовского государства (в кампании участвовало 13 тыс. турок и 40 тыс. татар)³⁷. Тем самым Стамбул не только исключил даже теоретическую возможность оказания военной помощи венгерскому королю со стороны Польши, но и указал Сигизмунду на два условия сохранения турецко-польского мира: первым условием было перезаключение мирного договора только с Польшей (без участия Венгрии); вторым — своевременное внесение в турецко-крымскую казну польско-литовских «упоминок».

Так, умело пользуясь польско-габсбургскими спорами за влияние в Центральной Европе, стараясь всемерно противодействовать как австро-венгерскому, так и польско-венгерскому сотрудничеству, Османская империя обеспечивала таким путем внешнеполитическую изоляцию Венгерского королевства, а вместе с тем и благоприятные условия для давно запланированного появления своих войск на территории Среднего Подунавья.

Разумеется, все эти акции Порты не оставались тогда незамеченными в Европе. Активно действовала против планов Османской империи в Юго-Восточной части европейского континента римская дипломатия. Кардиналы Дж. Бургио и Лоренцо Кампеджио стремились сблизить империю, Венгрию и Польшу и создать на этой основе боеспособную антитурецкую коалицию (при этом они указывали на якобы возникшую тогда перспективу примирения Франциска I с Карлом V)³⁸.

Выполняя их рекомендации, польский король направил в Буду своего посла Кжицкого, надеясь на возможность восстановить сотрудничество с прогабсбургскими, проримскими элементами венгерской правящей элиты (с примасом Салкаи, а также с

женой короля Людовика — Марией Габсбург). Однако итоги миссии Кжицкого оказались весьма скромными³⁹.

В результате Сигизмунд, желая «спасти» Венгрию от надвигавшегося вторжения османов, а вместе с тем «спасти» и польско-венгерскую династическую унию, предпринял две важные дипломатические акции, основанные на старой идее параллельного примирения Польши и Венгрии с Османской империей.

В мае-июне 1525 г. в Буду был направлен польский посол Карнковский, который должен был склонить правящие круги Венгрии к примирению с Портой (главной его надеждой в этом плане был Ян Запольяи). Однако миссия Карнковского кончилась неудачей — примас Шалкай дал ему отрицательный ответ⁴⁰.

Другим важным шагом короля Сигизмунда в этой области было посольство Одровонжа, направленное в августе 1525 г. к турецкому султану в Адрианополь. Здесь были рады продлить перемирие с Польско-литовским государством, но совершенно исключали при этом возможность присоединения к данному договору Венгерского королевства. В результате в ноябре 1525 г. был подписан договор о трехлетнем перемирии Турции с Польско-литовским государством. Попытка Одровонжа оказать Венгрии дипломатическую поддержку в форме подключения ее к достигнутому тогда соглашению завершилась полной неудачей⁴¹. Другим важным обстоятельством, содействовавшим внешнеполитической изоляции Венгерского королевства, было создание антигабсбургской коалиции в Западной Европе в составе Франции, Венеции и даже римского папы Климента VII. Тогда сформировалась так называемая «Коньякская лига» (22.V 1526 г.), которая, несомненно, осложнила положение Габсбургов в Европе, лишила их возможности оказать Венгрии даже ту символическую поддержку, которую они ей обещали⁴².

Так выглядела политическая обстановка в Центральной Европе, когда летом 1526 г. 100-тысячная турецкая армия под командованием визиря Ибрагима двинулась в направлении Венгрии, оборонявшейся всего лишь четырехтысячным отрядом короля Людовика. 29 августа 1526 г. при Мохаче Венгерское войско было сокрушено. Эта победа надолго определила судьбу страны⁴³.

Теперь стала в полной мере очевидной близорукость политики Габсбургов и Ягеллонов в Центральной и Юго-Восточной Европе. Ведя напряженную борьбу за короны Венгрии и Чехии, перекладывая задачу сдерживания османского натиска друг на друга, Габсбурги и Ягеллоны, в сущности, содействовали утверждению позиций Османской империи на Среднем Дунае.

* * *

Если на протяжении первой четверти XVI в. правители Польши, несмотря на многие сложности, все же продолжали так или иначе сотрудничать с чешско-венгерским королем Владиславом, а потом и с его преемником Людовиком, то совсем иначе складывались в этот период отношения Польско-литовского государства с Московской Русью, ставшие на рубеже XV—XVI вв. крайне напряженными.

Здесь играли роль многие обстоятельства: растущие взаимные претензии территориального характера, активизация попыток наступления польско-католических сил и Римской курии на православное население Великого княжества Литовского, а также стремление Москвы и самого православного населения Литвы противодействовать этим попыткам, по-разному ориентированные позиции Московской Руси и Польско-литовского государства на международной арене.

Происходившие в 1499—1500 гг. сложные дипломатические переговоры между Москвой и Вильно не давали сколько-нибудь заметных результатов⁴⁴. Показателем крайней напряженности взаимоотношений были переходы на сторону Ивана III ряда западнорусских феодалов, что, видимо, ускорило решение московского правительства начать вооруженную борьбу с Польско-литовским государством. Дело было, разумеется, не в защите «вотчин» князей-перебежчиков, а в изменении общего соотношения сил

между Русским государством и Великим княжеством Литовским, в реализации программы собирания русских земель вокруг Москвы.

Успехи московских войск в 1500 г., поражение литовской армии К. Острожского у р. Ведроша произвели, видимо, мало благоприятное впечатление на крымского хана. Несмотря на то что Иван III отказался зимой 1500—1501 гг. от похода на Смоленск, Менгли-Гирей все же прекратил вооруженную поддержку московского войска, а кроме того, стал форсировать дипломатические переговоры с Краковом и Вильно⁴⁵. Весьма показательными были попытки литовского посла — киевского воеводы кн. Дм. Путятича напугать Менгли-Гирея военными успехами Москвы, перспективой приближения границ Московской державы к самому Крыму и в то же время попытки предложить хану антимосковский союз, регулярную выплату дани и т. д. Эти демарша, видимо, были рассчитаны на полную переориентацию политики Крыма; однако они не оказывали еще большого воздействия на Менгли-Гирея: он хорошо знал им реальную цену.

Дело в том, что одновременно с переговорами польских дипломатов в Крыму происходили переговоры польско-литовских послов с правителем Большой орды, главной целью которых было спровоцировать выступление Ших-Ахмата, как против Московской Руси, так и против Крымского ханства⁴⁶. Если добавить к этому существование тесных контактов литовского князя Александра с Ногайскими ордами, кочевавшими между Южной Волгой и Днепром⁴⁷, то нужно будет признать, что реальная расстановка политических сил в Восточной Европе оставалась пока прежней.

Позиция Литвы в конфликте с Москвой была усилена не только заключением в 1499 г. «вечного союза» с Польшей, еще раз давшей обязательство оказывать всемерную поддержку Великому княжеству Литовскому на международной арене, но также установлением союзных отношений с Ливонским орденом (3.Ш 1501 г.)⁴⁸

Имел значение и тот факт, что польско-литовская дипломатия действовала тогда совместно с венгерской. В январе 1501 г. венгерские, польские и литовские послы находились в Москве с одной целью — заставить Ивана III прекратить борьбу против Александра, вернуть московские войска на старые границы⁴⁹. На лето 1501 г. намечались новые вооруженные столкновения между Московским государством, с одной стороны, Литвой, Ливонией и Большой ордой — с другой. Однако важные события внутривосточной жизни Польско-литовского государства (смерть Яна Ольбрахта, последовавшая 17[^]11 1501 г., избрание Александра Казимировича общим главой Польши и Литвы в октябре 1501 г.), а также напряженные отношения между Большой ордой и Крымским ханством внесли существенные коррективы в планы военной кампании 1501 г.⁵⁰

Были еще обстоятельства, которые, возможно, также оказывали влияние (правда, косвенное) на весь ход тогдашней международной жизни Восточной Европы, в частности и на развитие отношений между Польско-литовским государством и Московской Русью. Этими обстоятельствами были тогдашние польско-турецкие мирные переговоры (посольства в Стамбул 1501—1502 гг. Лянцкоронского и Фирлея), а также сам факт заключения 9.Х 1502 г. мирного договора между султаном Баязидом и польским королем Александром сроком на пять лет. Хотя этот договор не касался реальных крымско-польских отяси́пэнин в данный период, не запрещал крымским татарам совершать набеги на окраины Польши и Литвы, тем не менее он создавал видимость нейтрально-доброжелательного отношения Стамбула в Польско-литовскому государству и тем самым облегчал военно-дипломатическую деятельность Александра в юго-восточной части европейского континента.

В условиях наступавшего польско-турецкого сближения сотрудничество короля Александра с правителем Большой орды Ших-Ахматом продолжалось, однако в отношениях Польши с Крымом стали возникать новые моменты. Менгли-Гирей теперь более охотно, чем раньше, принимал польских дипломатов, в то же время он проявлял некоторую «медлительность» в организации набегов на юго-восточные территории

Польско-литовского государства. Так, весной 1501 г. Менгли-Гирей как будто был готов выступить против Литвы (об этом доносили Ивану III московские послы), тем не менее данную операцию он все же не осуществил. Почему это произошло, объяснить трудно. Возможно, Менгли-Гирею помешала совершить набег на Литву перспектива появления у Перекона большого войска из Заволжской орды. Движимые не то неурожаем и голодом, не то какими-то особыми политическими устремлениями, ордынцы действительно выступили весной 1501 г. против Крымского ханства. Об этом доносила крымская разведка, сообщал и сам султан Баязид, к которому обратился правитель Большой орды Ших-Ахмат с просьбой разрешить ему переселить значительную часть ордынцев в Южное Поднепровье, в тот район Северного Причерноморья, который примыкал к Белгороду. Если иметь в виду тогдашнее политическое сотрудничество Большой орды с Польско-литовским государством, если учитывать присутствие польских и литовских дипломатов в войске Ших-Ахмата, то появление ордынцев в районе Белгорода, разумеется, могло иметь большие политические последствия, крайне нежелательные прежде всего для самой Османской империи. Поэтому отклонение Баязидом просьбы Ордынского правителя было шагом правомерным.

Зная о позиции Порты, Менгли-Гирей тем решительнее повернул крымские войска против своего недруга Ших-Ахмата. Ордынцы собирались, видимо, действовать летом 1501 г. в двух направлениях; одни намеревались идти к Перекопу, а другие — на Дон, в район московско-литовского пограничья с целью перерезать речной путь по Дону, удобный для сношений Москвы с Крымом, разорить «отчины» князей-перебежчиков на сторону Ивана III, создать угрозу для московских войск, действовавших тогда против сил Великого княжества Литовского.

Движение Ших-Ахмата к Дону, в район московско-литовского пограничья должно было предотвратить военное сотрудничество Крыма с Русским государством на «литовском» театре военных действий и создать благоприятные условия для последующей реализации другой задачи ордынской политики — выхода Орды к Северному Причерноморью⁶¹.

Но весь этот план в 1501 г. реализован не был, видимо, по каким-то важным причинам. Возможно, здесь сыграли роль внутренние трудности Большой орды (неурожай, голод), не исключено, однако, что Ших-Ахмат просто испугался столкновения с основными силами Менгли-Гирея, а также с московским войском.

Но его отказ от операций против Крыма и Москвы был вызван не отсутствием у правителя Орды программы выхода к берегам Северного Причерноморья и тем более не каким-то тайным его соглашением с Менгли-Гиреем.

Если бы Менгли-Гирей достиг какого-то устойчивого антимосковского соглашения с Ших-Ахматом уже в августе 1501 г., вряд ли была бы возможна предпринятая ханом в декабре 1501 г. разработка плана военной кампании 1502 г., которой намечалось проведение совместных с Московским государством боевых действий против Большой орды при сохранении с ним антилитовского союза. Предположению о скрытом соглашении Ших-Ахмата с Менгли-Гиреем в августе 1501 г. противоречат и общие опасения крымского хана и молдавского господаря по поводу возможности перехода весной 1502 г. ордынцев Ших-Ахмата через Днепр для смычки с польско-литовскими силами, а возможно, и для последующего выхода к устью Днепра и Днестра, т. е. к берегам Северного Причерноморья.

Обеспокоенный такой перспективой Менгли-Гирей уже весной 1502 г. приступил к активным действиям. Он вывел свои довольно многочисленные войска в распоряжение ордынских сил Ших-Ахмата и в начале июня 1502 г. где-то в районе р. Сулы нанес им сокрушительное поражение. После этой битвы Большая орда фактически перестала существовать⁵².

Падение Волжской орды было важным фактом всей международной жизни региона, что стало очевидным не сразу. На первых порах политическая жизнь региона

развивалась как бы по инерции. Получив известие о поражении ордынцев Ших-Ахмата, Иван III продолжал осуществлять ранее намеченный план смоленской кампании (с июля по октябрь 1502 г.).

Крымский хан Менгли-Гирей, оправившись от решающего столкновения с силами Большой орды, предпринял разорительные походы на окраины Польско-литовского государства, на территорию Волыни и Галичины, в результате которых сильно пострадали окрестности Луцка, Львова, Браславля, Киева, Белза, Турова, а также Люблина и Кракова. Энергичным союзником Менгли-Гирея и на этот раз оказался молдавский господарь Штефан: осенью 1502 г. он захватил ряд городов на Днестре (Коломыю, Галич, Покутье, Снятии и др.).

Происходившее, таким образом, очевидное ослабление Польско-литовского государства, а вместе с тем и польско-чешско-венгерского объединения заставляло римских пап — Александра VI Борджиа и Юлия II, находившихся под угрозой османских ударов в Пелопоннесе и на Адриатике, принимать срочные меры для создания анти-османской коалиции, для прекращения московско-литовской войны. После неудачного совместного выступления венгерских, польских и литовских дипломатов в Москве в 1501 г. было признано целесообразным послать туда в конце 1502 г. только одного венгерского дипломата Сигизмунда Сантая в качестве нейтрального арбитра. С. Сантай от имени венгеро-чешского короля Владислава и папы Александра VI предложил Ивану III не только войти в состав антиосманской коалиции, но и предварить это вступление заключением мира с Польско-литовским государством (на условиях восстановления довоенных границ)⁵³.

Демарш венгерской дипломатии первоначально успеха не имел. Он приобрел реальное значение лишь тогда, когда Иван III убедился в нежелании Менгли-Гирея продолжать активное сотрудничество с Московским государством на международной арене, когда были получены сведения о настойчивых попытках польской дипломатии заключить с Крымом мир и союз. Этот момент наступил весной 1503 г., когда в Москву приехали польские, литовские и ливонские послы. В ходе длительных переговоров (4 марта — 7 апреля), в которых участвовал и венгерский посредник С. Сантай, было достигнуто соглашение. По его условиям, за Русским государством были закреплены те территории, которые «отошли» к Москве еще до 1494 г. (В. Новгород, Тверь, Рязань, Пронск), а также новые земли (Чернигово-Стародубское, Новгород-Северское и Бельское княжества)⁵⁴. Новая граница создавала весьма выгодные позиции для будущей политики Русского государства — для наступления на Смоленск, а также для обороны юга страны от возможных вторжений со стороны татар.

Результаты договора были настолько выгодны для Москвы, что Иван III боялся резко негативной реакции на него со стороны крымского хана. Видимо, не случайно к Менгли-Гирею посольство Още-рина с этим известием было направлено лишь в конце августа 1503 г., да и то, вероятно, потому, что король Александр задержал летом 1503 г. в Вильно московских послов, приехавших для ратификации договора главой Польско-литовского государства⁵⁵.

Осуществленный королем Александром арест московского посольства мог быть обусловлен какими-то чрезвычайными обстоятельствами, а не просто нежеланием короля признавать территориальные статьи договора 1503 г. Здесь могли сыграть роль расчеты на пересмотр договора с помощью «третьих сил». При этом речь могла идти о политическом «воскрешении» Ших-Ахмата, об активизации Ногайских орд и, наконец, об установлении сотрудничества с самой крымской дипломатией. Хотя у короля Александра были основания возлагать надежды на возможность использования данных обстоятельств, тем не менее тогда они ему реально ничего не дали.

На протяжении 1503 — первой половины 1504 г. Ших-Ахмат пытался возродить Волжскую орду на базе Астрахани, а также на основе сотрудничества с ногайцами, однако к осени 1504 г. бесперспективность всех его усилий стала очевидной: он вынужден был

искать убежища сначала в турецких городах Северного Причерноморья, а потом у властей Великого княжества Литовского. Не оправдали себя и надежды на использование Ногайских орд, которые в 1503 — первой половине 1504 г. не проявляли склонности к сотрудничеству с Литвой. Преждевременными оказались и расчеты короля на возможность сближения с крымской дипломатией. С одной стороны, Менгли-Гирей уже встал на путь переговоров с польско-литовским правительством, принимал польских послов в 1502—1504 гг., предлагавших ему и антимосковский союз, и выплату ежегодной дани, тогда же организовывал походы в район Чернигова, находившегося уже под контролем Русского государства, проявлял определенный интерес к смене ханов на казанском престоле, с другой стороны, он боялся политического «воскрешения» Ших-Ахмата, его связей с ногайцами, боялся и восстановления ордышо-польского военного союза⁵⁶. Поэтому позиция Менгли-Гирея была весьма осторожной. Он, например, намеренно затягивал в 1503—1504 гг. московско-крымские переговоры, заставляя русского посла Ощерина почти целый год ждать в Путивле «пропуска» на въезд в Крым. Вместе с тем он старался замедлить и ход переговоров Ивана III с итальянскими государствами, сознательно задерживая в Крыму послов Д. Ралева и М. Карачарова, возвращавшихся из Италии в Москву. Он хорошо знал о замене на казанском престоле его пасынка Абдул-Латифа Мухаммед-Эмином, ханом промосковской ориентации, но относился к этому сначала весьма спокойно⁵⁷.

Но уже с зимы 1504—1505 гг. позиция крымской дипломатии в отношении Москвы становилась все более жесткой. Менгли-Гирей не только решительно требовал возвращения в Крым бывшего казанского правителя — его пасынка Абдул-Латифа, но и, видимо, одобрял, а может быть, и готовил с помощью ногайской жены Мухаммед-Эмина антимосковский «мятеж», вспыхнувший летом 1505 г. в Казанском ханстве⁵⁸.

Действуя в контакте с Менгли-Гиреем, казанский хан Мухаммед-Эмин сначала выступал лишь против «злоупотреблений» московских воевод, потом попытался сам организовать наступление на Нижний Новгород и Муром, а после прихода к власти Василия III открыто провозгласил разрыв отношений с Московским государством⁵⁹. При этом он выдвинул такую мотивировку этого шага, которая свидетельствовала о том, что данный факт был не столько эпизодом в развитии московско-казанских отношений, сколько важным звеном в цепи событий широкого международного значения.

Он дал понять новому правителю Москвы, что до сих пор мирился с зависимостью от Русского государства лишь по причине совпадения его политических устремлений с той политической программой Москвы, которую олицетворял предшествующий наследник престола великий князь Дмитрий Иванович, связанный своим происхождением и своей политической ориентацией со Стамбулом, а также с его тогдашними союзниками, в частности с молдавским господарем Штефаном (как известно, Дмитрий был внуком Штефана).

Устранение Дмитрия из политической жизни, приход к власти Василия III, сына Софьи Палеолог (представлявшей интересы Рима при московском дворе), казанского хана решительно не устраивали.

В течение весны и лета 1506 г. проходила трудная военная кампания, в ходе которой московские войска потерпели ряд неудач. Однако они не оказались все же столь значительными, чтобы создать условия для продолжения вооруженной борьбы Казани против Москвы. К тому же общее соотношение сил в Среднем Поволжье не сулило Мухаммед-Эмину больших успехов. Московское государство стало быстро наращивать здесь свой военный потенциал, строить новые крепости, подновлять старые, увеличивать воинские контингенты. В результате Мухаммед-Эмин счел нужным восстановить дипломатические отношения с Москвой, но при этом он добился все же сохранения определенной автономии Казанского ханства⁶⁰.

Более сложной оказалась восточно-европейская политика крымского хана Менгли-Гирея и стоявшего за его спиной султана Баязида. На протяжении 1505—1510 гг.

крымско-османская дипломатия постепенно меняла свой внешнеполитический курс, свертывая практику набегов на окраины Польско-литовского государства и приступая к осуществлению все более регулярных атак на южные окраины Московской Руси.

Наступившие в эти годы важные перемены внешней политики Крыма и Порты не раз привлекали внимание исследователей. Пытаясь выявить причины этих перемен, историки часто сводили все дело к проблеме приближения после 1503 г. государственных территорий Московской Руси к границам Крымского ханства, к вопросу якобы возросшей воинственности самой Москвы в отношении Крыма⁶¹. Такая трактовка тогдашней международной жизни региона не может быть целиком принята. На наш взгляд, двусторонние крымско-московские отношения должны быть вписаны в систему международных отношений региона в целом.

У крымско-османской дипломатии были широкие экспансионистские планы в отношении Юго-Восточной, Восточной и Центральной Европы, достаточно четко оформленные уже во второй половине XV в. и продолжавшие свое существование в тех или иных вариантах на протяжении двух последующих столетий. Смена направлений военно-политической активности Крыма и Порты в данном регионе, в частности ослабление этой активности в отношении одного их северного соседа и усиление ее против другого, отнюдь не свидетельствовали об отказе крымско-османской дипломатии от ее масштабной завоевательской программы в этом районе вообще, а только говорили о применении ею новых тактических приемов, нацеленных в конечном счете на создание здесь таких политических условий, которые оказались бы более благоприятными для реализации той же самой программы.

В рассматриваемый период крымско-османская дипломатия и вела борьбу за обеспечение этих условий, учитывая меняющуюся политическую конъюнктуру в регионе.

Пока Крым и Порта видели главную для себя опасность в существовании польско-ордынского союза, подкрепляемого также планами польско-венгерско-чешской унии, они охотно сотрудничали с Московской Русью, справедливо считая, что именно она способна противостоять дальнейшему усилению Ягеллонов и Большой орды. Но как только польско-ордынский союз распался, перед Крымом и Портой возникла необходимость прекратить атаки на Польско-литовское государство и форсировать наступательные операции против Московской Руси (независимо от того, что польско-литовские «украины» все еще были ближе и доступнее Крыму, чем «украины» московские).

Эта политика стала фактом во втором десятилетии XVI в., а на протяжении 1505—1510 гг. происходило лишь медленное «сползание» к такому внешнеполитическому курсу, поскольку крымско-османская дипломатия была вынуждена считаться с некоторыми сложностями конкретно-исторической жизни региона, в частности с перспективой политического «воскрешения» как хана Ших-Ахмата, так и самой Большой орды, а кроме того, и с перспективой усиления Польши на Западе (в связи с симптомами нового сближения Ягеллонов, обусловленного попытками Сигизмунда и Владислава продолжать борьбу против Габсбургов при поддержке Франции)⁶².

В результате Порта старалась тогда не только разрушить польско-венгерский союз, но и разжечь польско-московское соперничество. Так, не случайно, видимо, Османская империя и Крым, продолжая поддерживать дипломатические контакты как с Москвой, так и с Краковом, использовали все средства для ослабления двух своих восточноевропейских соседей — державы Василия III и государственного комплекса Ягеллонов, Владислава и Сигизмунда (последний в январе 1507 г. заменил на польском престоле умершего еще 20 августа 1506 г. короля Александра). Такими средствами были набеги крымских татар на «украины», поощрение выступления Казани против Москвы (1505—1506), Молдавского княжества против Польши (1506—1509) и даже прямое столкновение Московской Руси с Польско-литовским государством. Последнее достигалось одновременной поддержкой их устремлений к гегемонии в Восточной Европе, предоставлением параллельных

«гарантий» военной помощи как Польше, так и Москве в случае возникновения вооруженного конфликта между ними.

Эта тактика была широко использована Османской империей и Крымом в годы подготовки литовско-московского конфликта 1507—1508 гг., во время самой войны и развертывания движения Михаила Глинского.

Одним из средств подстрекнуть Польшу к выступлению против Москвы было заключение в 1507 г. мира и союза между королем Сигизмундом и крымским ханом, как бы дополнявшего османско-польский договор 1502 г., а также выдача Менгли-Гиреем польскому королю (на сей раз «великому князю литовскому и русскому») ярлыка на русские земли⁶³.

Одновременно Крым позаботился о том, чтобы встревоженное этим союзом правительство Василия III не встало на путь отказа от внешнеполитической активности. Крымский хан дал понять Москве, что он не только не собирался предоставлять Польше значительную военную помощь, но даже не отказывался от организации татарских набегов на польско-литовское Поднепровье⁶⁴. Более того, уже давно поддерживавший контакты с главой «русской» партии Великого княжества Литовского Михаилом Глинским крымский хан, по существу, предложил Василию III оказать этому влиятельному политическому деятелю совместную помощь.

В результате такой «параллельной» поддержки двух конкурирующих сторон московский и краковский дворы не только не думали уступать друг другу, но готовы были решать все спорные вопросы (прежде всего территориальные) на поле брани.

Так была предreshена литовско-московская война 1507—1508 гг., протекавшая с переменным успехом. Весьма характерно, что ход этой войны и одновременное развертывание движения Глинского были тесно связаны с теми или иными акциями крымско-османской дипломатии. Поощряя обе стороны к продолжению борьбы, Порты и Крым оказывали поддержку движению Глинского как фактору, явно содействовавшему обострению этой борьбы. Они сначала поддерживали Глинского против короля Сигизмунда, надеясь таким путем создать в Поднепровье вассальное русское княжество * (* Менгли-Гирей принял участие в деле М. Глинского, предлагал последнему подчиниться Крыму и обещал посадить его «на княжение» в Киеве⁶⁵). Потом, когда выяснилась нереальность этих расчетов и наметилось тесное сотрудничество Глинского с Москвой, они изменили свой политический курс. Летом 1508 г. Крым отказался от поддержки Глинского и в своем стремлении ослабить Москву стал ориентироваться главным образом на польского короля. Менгли-Гирей выдал Сигизмунду военные планы Глинского, нацеленные на взятие Киева, снова обещал королю помощь татарскими войсками. И действительно, летом 1508 г. крымцы совершили набег в район Новгород-Северского⁶⁶. Все эти акции Крыма привели к активизации вооруженной борьбы между Москвой и державами Ягеллонов, однако не надолго. Ослабленные военными действиями, а также внутривосточными трудностями Московское государство и Литва заключили в октябре 1508 г. «вечный мир»⁶⁷ на условиях закрепления за Москвой Северщины. Реакцией Крыма на этот договор явился новый татарский набег на польско-литовские окраины, совершенный глубокой осенью того же года⁶⁸.

Во втором десятилетии XVI в. Крымское ханство продолжало содействовать развертыванию вооруженной борьбы между Московской Русью с Польско-литовским государством (1512—1522). Однако политический курс Крыма в этот период определялся уже не столько мерами параллельного ослабления восточноевропейских государств, как это было в первом десятилетии XVI в., сколько такими акциями, которые свидетельствовали, с одной стороны, о начавшемся сближении и даже сотрудничестве Бахчисарая с Польшей, а с другой — о резком усилении враждебности Крыма к Московскому государству.

Весьма характерно, однако, что перемены восточноевропейской политики Крыма, осуществлявшиеся практически под руководством Порты, формально выглядели

переменами, совершавшимися независимо от Османской империи. Как бы игнорируя реальное развитие отношений Крыма со своими северными соседями, Порта на протяжении длительного времени, в частности в годы правления Баязида (1481—1512) и Селима (1512—1520), устойчиво сохраняла видимость «доброжелательного» нейтралитета по отношению к Польше⁶⁹ и к Москве⁷⁰.

Становится, таким образом, очевидным, что реальное отношение Крымского ханства и Османской империи к восточноевропейским государствам определялось наличием у Порты и Бахчисарая особой тактики, постоянно используемой для осуществления их стратегических задач в данном регионе. Эта тактика предполагала и «рациональное» разделение труда между «миролюбивой» Османской империей и воинственным Крымом, и продуманную смену направлений их военно-политической активности в данной части европейского континента, основанную на стремлении сохранить равновесие между восточноевропейскими государствами, не допустить преобладания одного северного соседа над другим⁷¹.

Умелое применение указанной тактики позволяло крымско-османской дипломатии добиваться значительных успехов на международной арене. Правители Порты и Крыма не оставались в стороне от конфликта 1512—1522 гг. между Москвой и Польско-литовским государством. Султан продолжал декларировать свое миролюбие по отношению к Польше⁷² и к Москве⁷³, а Крым усиливал атаки на окраины Московской Руси и вместе с тем расширял сферу сотрудничества с Польшей (3 сентября 1513 г. Менгли-Гирей заключил договор с польским королем)⁷⁴. Более того, опасаясь выхода Московской Руси из конфликта с Польско-литовским государством, Крым вставал на путь скрытого «заигрывания» с правительством Василия III. Так, явно стараясь поощрить московского великого князя на активизацию борьбы с Литвой, «второй правитель» Крыма — Мухаммед-Гирей, действуя как бы за спиной Менгли-Гирея, не только отказался в 1514 г. совершить набег на «русские окраины», но и предложил Василию III заключить союз, направленный непосредственно... против короля Сигизмунда⁷⁵. Не удивительно, что в этих условиях обе стороны — и Московская Русь, и Польша — готовились к «решающим» столкновениям друг с другом. В результате Василию III удалось летом 1514 г. овладеть важнейшим стратегическим центром Московско-литовского пограничья — Смоленском, а польско-литовские войска сумели нанести серьезное поражение московским армиям у Орши (8.IX 1514 г.)⁷⁶.

Переход под московский контроль Смоленска имел крупное международное значение. Это, видимо, было неожиданностью как для Крыма, так и для Стамбула, и поэтому крымско-османская дипломатия сразу встала на путь еще более тесного сближения с Польско-литовским государством, а также непосредственных контактов с татарскими государствами Поволжья, прежде всего с Казанским ханством.

Весьма показательными в этом смысле были события того времени в последнем. Если в период правления хана Мухаммед-Эмина (1502—1518) Казань формально находилась в сфере влияния Московского государства⁷⁷, то, по существу, здесь все более усиливалась антимосковская феодальная группировка. Когда умер Мухаммед-Эмин, эта группировка предприняла попытку посадить на ханский престол одного из Гиреев. В 1518 г. с этой целью из Казани в Крым было направлено специальное посольство. И хотя немедленное вмешательство московского двора отодвинуло реализацию этого плана на четыре года (с 1518 по 1521 г. на казанском престоле сидел ставленник Василия III — касимовский царевич Шах-Али), тем не менее в дальнейшем Казань все же оказалась под контролем османско-крымской дипломатии. В 1521 г. Шах-Али был свергнут братом крымского хана Мухаммед-Гирея — Сахиб-Гиреем, который овладел казанским престолом, опираясь на вооруженную помощь отрядов крымских войск, а также на политическую поддержку Порты. Появление в Поволжье в начале 1521 г. Сахиб-Гирея и его военная активность против Нижнего Новгорода, Владимира и Рязани находились в определенной связи с походом самого Мухаммед-Гирея на Москву в июле-августе 1521 г.⁷⁸

Характерно, что в широкую антимосковскую «коалицию» входили тогда не только Крым, Казань, замаскированно Порты, но также и Ягеллоны. В 1521 г. Мухаммед-Гирей действовал согласованно с Сигизмундом как по военной (против Москвы был послан отряд литовских войск Остафия Дашкевича)⁷⁹, так и по политической линии (была сделана попытка отделить Рязанское княжество от Московской Руси, а также спровоцировать «мятежи» в отдельных русских городах)⁸⁰.

Осуществленный при поддержке польского короля Сигизмунда казанско-крымский поход против Русского государства 1521 г., несомненно, содействовал упрочению династии Гиреев на казанском престоле, вместе с тем он создал вокруг Московской Руси почти замкнутое кольцо враждебных сил. Московско-литовский мирный договор 1522 г. не ослабил крымско-турецкого натиска. Серьезность ситуации подчеркивалась тем, что в 1523 г. казанский хан Сахиб-Гирей в специальной грамоте султану объявил себя его вассалом⁸¹. Попытка правительства Василия III разорвать это кольцо, организовав в 1523 г. поход на Среднюю Волгу, хотя и дала некоторые результаты (тогда был построен город-крепость Васильсурск)⁸², тем не менее не могла ликвидировать напряженность на восточных границах Русского государства. В том же году Сахиб-Гирей обратился в Крым с просьбой прислать пушки, пищали и янычар для борьбы с наступающим войском Василия III. Саедат-Гирей вынужден был ограничиться дипломатической поддержкой Казани, направив султану грамоту с просьбой о помощи и предложив Москве прекратить атаки на Казанское ханство. Так как правительство Василия III не только отклонило требование Крыма, но и провозгласило свое право «сажать» на казанский престол угодных ему ханов, весной 1524 г. Сахиб-Гирей отправил в Стамбул специальное посольство (вероятно, не без подсказки самой Порты) с поручением заключить с Сулейманом договор о превращении Казанского ханства в «юрт» Османской империи, которая, сбросив маску невмешательства в политическую жизнь стран Восточной Европы, открыто объявила о превращении Казанского ханства в своего прямого вассала⁸³.

Значение этого события трудно переоценить. Оно раскрывало реальную сущность тогдашней политики Порты в данной части Европы, показывало откровенное стремление Османской империи добиться действительного подчинения себе всех бывших ордынских улусов данного региона, а с их помощью установить контроль и над политической жизнью Русского государства, т. е. расширить сферы своего влияния в Восточной Европе.

При этом проявилась еще одна характерная особенность тактики османов в этой части европейского континента. Распространяя свою власть не только на Крым, но и на Поволжье, Порты отнюдь не стремились создавать на территории Восточной Европы такое объединение татарских государств, которое было бы способно противопоставить себя Стамбулу. Поэтому она не допустила в 1523 г. поглощения Крымом Астраханского ханства: когда Мухаммед-Гирей попытался раздавить Астрахань, Порты санкционировала выступление против него ногаев, которое привело к разгрому крымского войска в низовьях Волги и к физической ликвидации самого хана⁸⁴. Новый, назначенный Портой хан Саедат-Гирей (1523—1533) сразу же признал независимость астраханского хана Хуссейна, а затем отказался от дальнейших попыток распространения собственно крымского влияния на Казань.

В сущности, к такой трактовке происшедших сдвигов в восточноевропейской политике Порты позволяют прийти и визиты султанского посла в Москву 1522 и 1524 г., которые в полной мере раскрывали реальные цели Османской империи в отношении Казани, Крыма и Русского государства⁸⁵.

Впервые открыто демонстрируя заинтересованность в восточноевропейских делах, Порты устами своего посла Скиндера настаивала в 1524 г. на признании Казанского ханства «юртом» султана. Несмотря на длительные переговоры с османами по поводу мира и союза в предшествующие годы, правительство Василия III оказалось в полной мере подготовленным к столь воинственным требованиям посла. Об этом свидетельствовали не только военные мероприятия русского правительства, в частности

отправка войск на Волгу, в сторону Казани (на крымском направлении войска находились постоянно), но также и политические акции руководителей Русского государства — резкое и вполне «квалифицированное» осуждение предложений Скиндера о признании Казани «юртом» Порты. Решительно отклонив эти требования, они заявили, что Казань «изначала юрт государя нашего». Подкреплением этой позиции московского двора оказался и вынужденный уход из Казани в Крым хана Сахиб-Гирей⁸⁶.

Стремясь «проучить» великокняжеских политиков за отказ принять требования Скиндера и организацию похода 1524 г. на Казань, Османская империя стала подготавливать новое грандиозное выступление против Руси, в котором должны были принять участие и султанские войска. Однако задуманный поход осуществить в силу ряда обстоятельств не удалось. Ему помешала, в частности, новая вспышка феодальных усобиц в Крымском ханстве. Острая внутривнутриполитическая борьба в ханстве продолжалась в течение нескольких лет (с 1525 по 1532 г.). Во главе одной группировки крымских феодалов стоял Саедат-Гирей, другую возглавлял претендент на престол Ислам-Гирей⁸⁷. Это время характеризовалось определенным ослаблением крымского натиска на Московскую Русь. Устранение обоих соперников и назначение Портой нового хана Сахиб-Гирей, бывшего правителя Казани, знаменовало наступление нового периода в развитии крымско-русских, а вместе с тем и османско-русских отношений. Заняв крымский престол, Сахиб-Гирей стал на путь еще более активной борьбы с Московским государством.

¹ Historia Polski. W., 1957, t. 1, cz. 2; Historia powszechna XVI — XVII, w. W., 1973; Deutsche Geschichte im Ausgang des Mittelalters. Stuttgart, Berlin, 1912, Bd. II; *Wiesflecker H.* Kaiser Maximilian I. Das Reich, Osterreich und Europa an der Wende zu Neuzeit. Wien, 1971 — 1975, Bd. I, II; *Perroy E., Doucet R., Latreille A.* Historia Francji. W., 1969, t. 1.

² Przegląd Historyczny, W., 1963, t. LIV, z. 4, s. 651—665.

³ HDP, 1, s. 532.

⁴ Studia Historyczne, 1969, t. 12, z. 2, s. 223—227; *Papee F.* Aleksandr Jagiellonczyk. Krakow, 1949, s. 46; 47 и след.

⁵ HDP, 1, s. 557, 569.

⁶ Akta Aleksandra, krola Polskiego, wielkiego ksicia Litewskiego (1501 — 1506)/Wyd. Papee F. Krakow, 1927, N 234, 237; *Kolannowski L.* Polska Jagiellonow. W., 1936, s. 174.

⁷ HOP, 1, s. 569.

⁸ *Papee F.* Jan Olbracht. Krakow, 1936, s. 196.

⁹ *Hirschberg A.* Koalicja Francji z Jagiellonami z r. 1500.— Przewodnik naukowy i literacki, 1882, t. 10; Studia Historyczne, 1977, t. 20, z. 2.

¹⁰ *Ubersberger H.* Osterreich und Russland seit dem Ende des XV Jahrhundert. Wien; Leipzig, 1906, Bd. I, S. 58 и caefl. *Pastor L.* Geschichte der Papste seit dem Ausgang des Mittelalters. Freiburg, 1928, Bd. III, S. 461.

¹¹ *Уляницкий В. А.* Материалы для истории взаимных отношений России, Польши, Молдавии, Валахии и Турции в XIV—XVI вв. М., 1887, с. 134, 150, 157, 169; *Materiały do dziejow dyplomacji Polskiej z lat 1486—1516: (Kodeks Zagrebski)/*Krakow, 1966, N 15, 16, 18, 19, 22, 24—28; HDP, 1, s. 546, 548; *Papee F.* Jan Olbracht..., s. 170—171.

¹² Akta Aleksandra..., N 234; *Forstreuter K.* Vom Ordenstaat zum Fiirstentum. Gsistige und politische Wandlungen im Deutschordensstaate Preussen unter den Hochmeistern Friedrich und Albert 1498—1525. Kitzingen am Main, 1950.

¹³ HDP, 1, s. 563, 620.

¹⁴ HDP, 1, s. 547, 607, 639, 646.

¹⁵ Akta Aleksandra..., N 167; *Papee F.* Aleksandr Jagiellonczyk. Krakow, 1949, s. 86-96.

¹⁶ *Wojciechowski M. i Z.* Polska Piastow.— Polska Jagiellonow. 1946, W., s. 376—377.

¹⁷ *Forstreuter K.* Vom Ordenstaat zum Fiirstentum..., S. 41—44; *Балязин В. Н.* Россия и Тевтонский орден в 1461—1525 гг.: Автореф. дне.... канд. ист. наук, М., 1963.

¹⁸ HDP, 1 с. 620—621.

¹⁹ *Dogiel M.* Codex Diplomaticus Regni Poloniae et Magni Ducatus Lithuaniae. Wilno, 1758, t. 1, N 20—23;

²⁰ HDP, 1, 625; *Ubersberger H.* Osterreich und Russland..., S. 96—108 и сjiеfl.; Akta Tomiciana, t. IV, N 118;

²¹ *Pajewski J.* Stosunki polsko-wegierskie i niebezpieczestwo tureckie w latacb 1516—1526. W., 1930, s. 10.

- ²² *Pastor L. Geschichte der Papste*. Freiburg, 1906, Bd. 4, Abt. 1, S. 153—155, Anhang, N 17, 19, 20; *Zinkehen J. Geschichte des Osmanischen Reiches*, 1854, Bd. 2, S. 594; *Хорошкевич А. Л.* Русское государство в системе международных отношений. М., 1980, с. 205.
- ²³ *Pajewski J. Stosunki Polsko-węgierskie...*, s. 19—23; *Ubersberger H. Osterreich und Russland...*, s. 149.
- ^{23a} В 1517 — 1518 гг. в Москве побывали имперские послы С. Герберштейн и Ф. де Колле, уговаривавшие Василия III войти в состав антитурецкой коалиции и примириться в этой связи с Польшей (ПДС, т. 1, с. 198—200). Возможность участия Русского государства в этой борьбе европейских государств против Османской империи рассматривалась в публицистике Московской Руси того времени (см.: *Казакова Н. А.* Западная Европа в русской письменности XV—XVI веков. Л., 1980, с. 146—158).
- ²⁴ *Pastor L. Geschichte...*, Bd. 4, Abt. 1, S. 78—86.
- ²⁵ *Pflehled dejin Ceskoslovenska*. Praha, 1980, 1/1, s. 528—530 и др.
- ²⁶ *Konopczynski Wl. Historia Polski nowozytnej*. W., 1936, t. 1, s. 33—34.
- ²⁷ *HDP*, 1, s. 633-634.
- ²⁸ *Egelhaaf G. Deutsehe Geschichte im 16. Jahrhundert*. Stuttgart, 1889, Bd. 2, S. 3—9; *Ubersberger H. Osterreich und Russland...*, S. 162 и след.
- ²⁹ *Konopczynski Wl. Historia Polski...*, t. 2, s. 22.
- ³⁰ *HDP*, 1, s. 638.
- ³¹ *Ibid.*, s. 637.
- ³² *Смирнов В. Д.* Крымское ханство под верховенством оттоманской Порты до начала XVIII в. СПб., 1887, с. 370—379.
- ³³ *Jorga N. Geschichte des Osmanischen Reiches*. Gotha, 1909, Bd. 2, S. 359, 373—374, 385—392.
- ³⁴ *HDP*, 1, s. 637.
- ³⁵ *Konopczynski Wl. Historia Polski...*, t. 1, s. 33, 34.
- ³⁸ *Pajewski J. Stosunki...*, s. 36—39.
- ³⁷ *HDP* 1 s. 639.
- ³⁸ *Pastor L. Geschichte...*, Bd. 4, Abt. 2, S. 121-123, 437—442.
- ³⁹ *Pajewski J. Stosunki...*, s. 43-44.
- ⁴⁰ *Ibid.*, s. 46.
- ⁴¹ *Ibid.*, s. 41.
- ⁴² *Pastor L. Geschichte...*, Bd. 4, Abt. 2, S. 443—447.
- ⁴³ *История Венгрии*, т. 1, с. 238; *Jorga N. Geschichte...*, S. 395—402.
- ⁴⁴ Сб. РИО, т. 35, с. 294-300; ПСРЛ, т. 8, с. 239.
- ⁴⁵ Сб. РИО, т. 41, с. 301—306, 308—309, 318, 333, 335; *Базилевич К. В.* Внешняя политика русского централизованного государства. Вторая половина XV в. М., 1952, с. 450—456, 459.
- ⁴⁶ АЗР, т. 1, № 103, 184; Сб. РИО, т. 41, с. 367.
- ⁴⁷ Сб. РИО, т. 41, с. 380—381, 452—456, 462, 471, 478.
- ⁴⁸ Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Рига, 1876, т. 1. с. 298; *Гильдебранд Г.* Отчеты о розысканиях, произведенных в Рижском и Ревельском архивах. СПб., 1877, № 433; *Базилевич К. В.* Внешняя политика..., с. 466, 473; *Pociecha W. Geneza holdu pruskiego (1467—1525)*. Gdynia, 1937, s. 200.
- ⁴⁹ Сб. РИО, т. 35, с. 300-325.
- ⁵⁰ *Базилевич К. В.* Внешняя политика..., с. 473—474; *Kolankowski L. Polska Jagellonow...*, s. 173—174.
- ⁵¹ Сб. РИО, т. 41, с. 354—356, 367; *Базилевич К. В.* Внешняя политика..., с. 484-485, 488.
- ⁵² Сб. РИО, т. 41, № 78, с. 376—382; № 82, с. 414; № 83, с. 420; № 97, с. 516.
- ⁵³ Сб. РИО, т. 35, № 73, с. 341—361.
- ⁵⁴ Сб. РИО, т. 35, с. 363—412; т. 41, № 87, с. 488-489; № 90, с. 477—478; *Базилевич К. В.* Внешняя политика..., с. 518—522.
- ⁵⁵ Сб. РИО, т. 35, № 76, с. 412—439.
- ⁵⁶ *Базилевич К. В.* Внешняя политика..., с. 507, 527—529.
- ⁵⁷ Сб. РИО, т. 41, № 90—96, с. 472—514; *Базилевич К. В.* Внешняя политика..., с. 529—530.
- ⁵⁸ АЗР, т. 2, № 15; *Очерки истории СССР: Период феодализма. Конец XV в. — начало XVII в.* М., 1955, с. 155.
- ⁵⁹ ПСРЛ, т. 4, с. 535, т. 28, с. 338; т. 33, с. 134.
- ⁶⁰ *Смирнов И. И.* Восточная политика Василия III.— ИЗ, 1948, т. 27, с. 23; *Зимин А. А.* Россия на пороге нового времени. М., 1972, с. 68—69.
- ⁶¹ *Базилевич К. В.* Внешняя политика..., с. 528.
- ⁶² *HDP*, 1, s. 621—623.
- ⁶³ АЗР, Т. 2, № 6; *Pulaski K. Stosunki Polski z Tatarszczyzna. od polowy XV w.* Krakow, 1881, s. 110, 298.
- ⁶⁴ *Зимин А. А.* Россия на пороге нового времени, с. 92—93.
- ⁶⁵ *Карнов Г. Ф.* История борьбы Московского государства с Польско-литовским. 1462—1508. М., 1867, ч. 1, с. 130—131; *Зимин А. А.* Россия..., с. 87; АЗР, т. 2, № 33.

⁶⁶ Греков И. Б. Очерки по истории международных отношений Восточной Европы XV—XVI вв. М., 1963, с. 239—240.

⁶⁷ Сб. РИО, т. 35, с. 485—486; *Кашипровский Е. И.* Борьба Василия III с Сигизмундом. 1507—1522. Нежин, 1899.

⁶⁸ *Kolankowski L.* Polska Jagiellonow..., s. 195.

⁶⁹ Порты заключала с Польшей мирные договоры на протяжении всего рассматриваемого периода: в 1489, 1494, 1502, 1507, 1514, 1519, 1525 гг. см.: *Katalog dokumentow tureckich. W.*, 1959, cz. 1, N 3, 5, 9, 11, 14, 15, 17, 20).

⁷⁰ На рубеже XV—XVI вв. Порты неоднократно декларировала свое доброжелательное отношение к Москве. См.: Сб. РИО, т. 41, № 93; т. 95, № 33; с. 620 и др.

⁷¹ Высказывающиеся часто в историографии мнения о том, что «зигзаги» политики Крыма и Порты будто бы определялись либо личными симпатиями или антипатиями османско-крымских правителей к тем или иным северным соседям, либо необыкновенными талантами и чрезмерной щедростью польских или московских дипломатов (*Зимин А. А.* Россия..., с. 172, 241—242, 252; НДР, 1, с. 631), не представляются нам в полной мере убедительными. См. также: *Греков Я. Б.* К вопросу о характере политического сотрудничества Османской империи и Крымского ханства в Восточной Европе в XVI—XVII вв. по данным Э. Челеби.— В кн.: Россия, Польша и Причерноморье в XV—XVIII вв. с. 299—314.

⁷² *Katalog ...*, cz. 1, N 15.

⁷³ Сб. РИО, т. 95, с. 96—97; *Зимин А. А.* Россия..., с. 158.

⁷⁴ *Зимин А. А.* Россия..., с. 153; *Малиновский А. К.* Историческое и дипломатическое собрание дел, происходивших между российскими великими князьями и бывшими в Крыму татарскими царями с 1462 по 1523 г.— Зап. Одес. о-ва истории и древностей, 1863, т. V, с. 482—483.

⁷⁵ *Зимин А. А.* Россия..., с. 154; *Кашипровский Е. И.* Борьба Василия III... с. 226—231.

⁷⁶ *Зимин А. А.* Россия..., с. 156—168. *Кузнецов А. Б.* Борьба Русского государства за Смоленск и его освобождение в 1514 г.— Тр. Молд. н.-и. ин-та языка, литературы, истории и экономики. Саранск, 1966, вып. 30, с. 155.

⁷⁷ *Соловьев С. М.* История России. М., т. V, с. 1411—1420, 1581—1582.

⁷⁸ *Смирнов И. И.* Восточная политика..., с. 39, 42; *Каргалов В. В.* На степной границе. М., 1974, с. 60—61; *Lemercier-Quelquejay Ch.* Les Khanats de Kazan et de Crimée face à la Moscovie en 1521. — CMRS, 1971, vol. XII, N 4; данная публикация, по существу, подтверждает факт тесного политического сотрудничества Казани, Крыма и Порты, направленного против Москвы, хотя в своих комментариях публикатор этого не признает, что верно отметил А. М. Некрасов (см.: Некоторые вопросы политических взаимоотношений на восточных и южных рубежах России в XVI в. в зарубежной историографии.— История СССР, 1983, № 1, с. 200).

⁷⁹ *Kolankowski L.* Polska Jagellonow..., s. 218.

⁸⁰ *Смирнов И. И.* Восточная политика..., с. 42—43.

⁸¹ *Кузнецов А. Б.* Россия и политика Крыма в Восточной Европе в первой трети XVI в.— В кн.: Россия, Польша и Причерноморье в XV — XVIII вв., с. 67—69; *Смирнов И. И.* Восточная политика... Важное значение для раскрытия некоторых тенденций в развитии отношений Порты, Крыма и России имеет публикация А. Беннигсеном и Леммерсье-Келькеже новых архивных документов. *Bennigsen A., Lemercier-Quelquejay Ch.* Le Khanat de Crimée au debut du XVI siècle. De la tradition Mongole à la suzeraineté ottomane.— CMRS, 1972, vol. XIII, №3, p. 321—337.

⁸² *Смирнов И. И.* Восточная политика..., с. 43.

⁸³ *Дунаев Б.* Максим Грек и греческая идея на Руси в XVI в. М., 1916, с. 75—80; *Зимин А. А.* Россия..., с. 267 и след.

⁸⁴ *Смирнов В. Д.* Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII в. СПб., 1887, с. 397—404; *Смирнов Н. А.* Россия и Турция в XVI—XVII вв. М., 1945, т. 1, с. 87.

⁸⁵ *Дунаев Б.* Максим Грек..., с. 77.

⁸⁶ *Смирнов И. И.* Восточная политика..., с. 60; *Каргалов В. В.* На степной границе: Оборона крымской «украины» Русского государства в первой половине XVI в. М., 1974, с. 71-72.

⁸⁷ *Смирнов И. И.* Восточная политика..., с. 60; *Смирнов В. Д.* Крымское ханство..., с. 393—399.

Глава 9

ПОРТА, КРЫМ И ПОЛИТИКА СТРАН ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ ВО ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XVI в.

§ 1. Османская империя и Польско-литовское государство в 20—50-е годы XVI в.

Экспансия Османской империи в страны Центральной и Восточной Европы после Мохачской катастрофы осуществлялась с еще большим размахом и целеустремленностью,

с еще более широким использованием противоречий между государствами данного региона. Это объяснялось не только ростом военно-политического потенциала самой Порты, но и созданием весьма благоприятного для нее баланса сил между странами данной части европейского континента, возникновением выгодного для нее статуса их взаимоотношений.

Оценивая международную конъюнктуру после битвы у Мохача, следует иметь в виду не только крах Венгерского королевства, но и значительное ослабление позиций Ягеллонов. Данное обстоятельство фиксировалось полным крушением всех расчетов Сигизмунда на возможность превращения династической унии между Польшей, Венгрией и Чехией в реальную унию, фактическим признанием со стороны Кракова раздела венгерских земель между Портой и Габсбургами; вместе с тем ухудшение внешнеполитического положения Польши подтверждалось и значительными ее территориальными потерями на востоке — переходом в состав Русского государства Смоленска и Северщины. Эти очевидные факты ослабления Ягеллонов свидетельствовали одновременно и об усилении позиций их тогдашних соперников на международной арене — правителей империи и Московской Руси.

Складывание подобной расстановки сил в регионе во многом предопределило и характер внешней политики Порты того времени, в частности дальнейшее подчинение ей венгерских земель, установление сотрудничества с ослабевшими Ягеллонами, а вместе с тем обострение отношений с Габсбургами и Василием III¹.

Но вставая на путь политического сближения с Польшей, явно направленного против Москвы и империи, Стамбул отнюдь не думал восстанавливать позиции Ягеллонов в Венгрии или содействовать чрезмерному территориальному росту Польско-литовского государства в Восточной Европе.

Так, хотя Сигизмунд и обладал юридическим «правом» занять после смерти своего племянника Людовика (Лайоша) венгерский престол², турецкая дипломатия сделала все, чтобы этого не произошло. И следует признать, что в этих своих усилиях Порта пошла далеко: она не только явно в противовес Ягеллонам поддержала претензии трансильванского воеводы Яноша Запольяи на венгерскую корону (10 ноября 1526 г. он стал венгерским королем), но и фактически примирилась с появлением второго венгерского короля, выдвинутого Габсбургами (16 декабря 1526 г. им стал брат императора Карла V австрийский эрцгерцог Фердинанд, тогда уже король Чехии)³. Но и этим Сулейман не ограничился. Стремясь предотвратить военно-политическое вмешательство Сигизмунда в венгерские дела, султан санкционировал проведение зимой 1526—1527 гг. большого крымского набега на окраины Польско-литовского государства. Сорокатысячная орда татар вторглась с юго-востока в земли Короны и Литвы. Удар пришелся преимущественно по Галиции и Подолии. Никакого сопротивления татары не встретили, ибо на границе не было вооруженных сил. На территории Великого княжества Литовского татары доходили до Турова. Удачные действия в январе 1527 г. подоспевших литовских войск под командованием гетмана князя Константина Острожского дали возможность изгнать последние отряды татарского арьергарда. Но эти «военные успехи» не могли ни вернуть пленных, ни оказать защиту населению огромных территорий Украины и Белоруссии⁴. Разумеется, крымские операции такого масштаба исключали какую бы то ни было возможность для Сигизмунда участвовать в борьбе за венгерскую корону. Более того, правители Османской империи, не оказав активного противодействия наступавшему в 1527—1528 гг. на венгерские земли Фердинанду (это могло быть обусловлено просто невозможностью быстро собрать после кампании 1526 г. новую боеспособную турецкую армию или следствием сознательно допущенной пассивности Стамбула), тем самым не только поставили Ягеллонов перед реальной перспективой создания большого и сильного межгосударственного комплекса в составе Австрии, Венгрии и Чехии⁵, но и содействовали резкому ослаблению венгерского короля Яноша

Запольяи (последний потерпел ряд поражений от австрийцев, самое тяжелое под Кошицами в марте 1528 г.)⁶.

В этих условиях и польский король Сигизмунд и Янош Запольяи быстро сблизились друг с другом (Янош Запольяи был вынужден летом 1528 г. искать убежища на территории Польши)⁷ на общей политической основе — установления тесного сотрудничества с Портой. И действительно, напуганный перспективой усиления Габсбургов Сигизмунд мог предложить ослабленному Яношу Запольяи лишь один путь превращения его в вассала турецкого султана, а самому себе — заключение союза с Османской империей. Еще зимой 1527—1528 гг. в Стамбул направился польский посол Иероним Лаский, который от имени Яноша Запольяи заключил договор о вступлении последнего в вассальную зависимость от турецкого султана. Взамен этого Запольяи были обещаны покровительство и поддержка в борьбе с Габсбургами⁸.

Но И. Лаский выступал, разумеется, не только как посол Венгрии. Он зондировал в Стамбуле почву, выясняя также планы султана в отношении Польши. Лаский доносил Сигизмунду I, что султан крайне недоволен борьбой польских отрядов с османами (многие поляки без разрешения правительства участвовали в войне против османов в Венгрии на стороне прогабсбургских группировок). Великий везирь Ибрагим-паша пригрозил новым татарским набегом, откровенно удивляясь при этом, что в Польше еще осталось население после разорения ордой восточных земель Короны и Литвы в 1526—1527 гг.⁹

Вложил свою скромную лепту в «восточную политику» и престарелый примас Польши Ян Лаский. Он подал королю памятную записку, где «горячими словами» «остерегал» и «предупреждал» короля от всяких контактов с «немцами», т. е. с Габсбургами, и настаивал на дружбе с новым венгерским королем. Высший иерарх католической церкви в Польше прямо указывал, что официально правительство должно придерживаться нейтралитета, а неофициально — сотрудничать с Портой. Эту идею поддерживала и королева Бона, на основе подобной «политической платформы» даже произошла консолидация магнатных группировок. Король послушно принял политику этих кругов¹⁰.

Союз с Запольяи был подкреплён щедрой финансовой поддержкой со стороны короля, и особенно примаса. Как указывал папа Климент VII, церковные деньги католической Польши (сборы с прихожан, доходы с земель и другого имущества) фактически шли на поддержку армии венгерских магнатов, помогавших удерживать Венгрию под игом мусульманского повелителя¹¹. Подобные действия показали Риму и Вене, что их расчеты были абсолютно ошибочными. Польша целиком вошла в русло османской политики.

Таким образом, Сигизмунд не только отказался от «прав» на венгерскую корону, не только содействовал превращению Яноша Запольяи в турецкого вассала, но и приветствовал предложение самого султана установить с ним отношения дружбы и сотрудничества. Побывавший в Стамбуле в 1528 г. польский посол Ян Теичинский просто перезаключил прежний договор с Портой (от 1525 г.), что означало продление перемирия еще на пять лет (до 1533 г.)¹². Закрепив таким путем свои политические тылы со стороны Польши и Венгрии, удостоверившись во враждебности Габсбургам Франции и Венеции¹³, Сулейман смело приступил к развертыванию наступательных операций против Фердинанда; на сей раз быстро собрав большую армию, султан бросил ее уже осенью 1529 г. на борьбу с Габсбургами¹⁴.

В сентябре 1529 г. Сулейман Великолепный во главе 120-тысячной армии осадил Вену. Ожесточенное сопротивление австрийцев и имперских войск, эпидемии среди осаждавших, нехватка продовольствия — все это заставило султана снять осаду и отойти на Балканы¹⁵.

Однако эта неудача османов не отразилась на польско-османских связях. Польша продолжала по существу придерживаться в отношении Порты дружеского нейтралитета,

несмотря на возникавшие чисто тактические разногласия между обеими странами¹⁶. Этот политический курс Польши окончательно оформился именно к концу 20-х годов XVI в. В дальнейшем он оставался без изменений в течение многих десятилетий.

В 30—50-х годах XVI в. внешняя политика Польши по отношению к Порте становится, однако, более сложной — в ней нашли отражение некоторые общеевропейские аспекты международной жизни того времени. Безусловно, основная и незыблемая линия польской политики и дипломатии, направленная на перезаключение и юридическое оформление договора о мирных отношениях с Османской империей, осталась прежней. Но существовали и другие стороны в связях обеих стран.

Осада Вены осенью 1529 г., нараставшая угроза османской агрессии дали возможность императору Карлу V, несмотря на недовольство протестантских князей, временно объединить силы империи для противодействия османам в Центральной Европе¹⁷. В 1530—1533 гг. Венгрия становится ареной ожесточенных военных действий. Армии Фердинанда и Сулеймана и отряды Запольяи сражались в Трансильвании и на границе Славонии. В это время Краков формально выступил в качестве посредника между воюющими державами. Наконец, в 1533 г. при активном вмешательстве Сигизмунда I, которому во многом способствовал и сам Карл V, между Фердинандом, Сулейманом и Запольяи было заключено долговременное перемирие¹⁸. В дальнейшем оно, правда, неоднократно нарушалось. Однако противники, видимо, истощили свои материальные и военные резервы (и султан и император вели войну не только на Балканах, но и в Средиземноморье)¹⁹. Снова намечалось примирение между Фердинандом и Запольяи²⁰.

Но в этой внешне спокойной международной обстановке подспудно намечались новые политические веяния, грозившие значительно ее осложнить: в середине 30-х годов снова обострилась борьба между Ягеллопами и Габсбургами, в частности и борьба за дальнейшую судьбу короны св. Стефана. Так, правящий дом Польши, возвращаясь к планам польско-венгерской династической унии, выдвинул сначала проект передачи венгерской короны Сигизмунду Августу (тогда уже реальному наследнику польского престола), а потом — идею заключения брачного союза Яноша Запольяи с Изабеллой Ягеллон²¹.

Параллельно и Габсбурги предпринимали попытки обеспечить себе контроль над всей Венгрией, во всяком случае такими были планы на будущее.

В 1538 г. Фердинанд заключил с Запольяи мирный договор, в котором между прочим речь шла о передаче Габсбургам всех венгерских земель в случае смерти Запольяи²².

Допустив заключение такого договора, Порта формально проявила больше расположения к Фердинанду, чем к венгерскому королю. Не удивительно, что в этих условиях венгерский король стал искать поддержки не столько у Габсбургов и Сулеймана, сколько у Ягеллонов. Видимо, не случайно тогда же Янош Запольяи дал согласие на свой брак с Изабеллой Ягеллон, который и был оформлен 1 февраля 1539 г.²³

Разумеется, этот брачный союз был в какой-то мере вызовом не только Габсбургам, но и самому Сулейману. Тем не менее Порта отнеслась к этому факту более спокойно, чем Габсбурги. Связанная тесными политическими контактами с Краковом, османская дипломатия увидела в таком ходе событий возможность продолжения сотрудничества с домом Запольяи.

Правда, следует признать, что данный этап сотрудничества Порты с венгерским правящим домом сопровождался загадочными обстоятельствами. Через несколько дней после появления у Яноша Запольяи и Изабеллы Ягеллон наследника венгерский король умер. Тем не менее его маленький сын Янош был объявлен королем Венгрии под именем Иоанна II. Его признали и активно поддерживали как Османская империя, так и Польша²⁴. Были восстановлены таким образом условия для продолжения борьбы против Габсбургов. Политический смысл событий прекрасно понимал и Фердинанд, который

сразу начал вести открытую войну против нового венгерского короля. Вскоре ему удалось даже изгнать юного короля с территории Венгрии.

Однако развивая наступление на Буду, Габсбург столкнулся с большой армией Сулеймана. Здесь османы одержали еще одну важную победу над силами империи²⁵. Теперь австро-османская война продолжалась в новых условиях. В этой ситуации польское правительство решилось на повторение акции, которую оно некогда осуществило в отношении отца Иоанна II — Яноша Запольяи, Как и Яношу Запольяи-отцу, Польша предоставила сыну и его матери убежище на своей территории. Через тринадцать лет, в 1554 г., при поддержке поляков и османских войск Иоанн II был вновь провозглашен королем в южной части Трансильвании²⁶.

Конечно, основу внешней политики Польши в этот период определяли не непосредственные связи с Портой. Они осуществлялись в рассматриваемое время в ходе самых разнообразных контактов, но прежде всего посредством традиционных, весьма представительных посольств из Кракова²⁷.

В 1532 г. в Стамбул был отправлен польский посол Петр Опалинский. Его назначение на этот пост не было случайным. Он входил в окружение молодого Сигизмунда Августа и королевы Боны и принадлежал к тем кругам, которые поддерживали Запольяи и его протурецкую политику. Это, видимо, не составляло тайны для Стамбула, так как посол был хорошо принят в столице османов. Опалинскому удалось заключить в начале 1533 г. новый «вечный мир» между Польшей и Османской империей²⁸. Трактат, заключенный на этот раз, являлся результатом договоренности о перманентном мире, а не о перемирии, как это было в 20-е годы. Предполагалось, во всяком случае (на это надеялись в Кракове), что новый «вечный мир» будет иметь большое значение в деле дальнейшего развития отношений между двумя странами.

Активность Опалинского на Босфоре не ограничивалась переговорами о мире. Одновременно с поляками в Стамбуле находилось посольство от Габсбургов; при дворе султана тогда решался также вопрос о новом татарском хане Сахиб-Гирее. Собрав обо всем этом сведения, Опалинский передавал их в Краков, и эта информация побудила польское правительство к действиям, давшим определенные результаты. После многочисленных «упоминок» и подарков новому татарскому хану он перестал угрожать окраинам Польско-литовского государства, уйдя грабить Северскую землю, входившую в состав Русского государства²⁹.

Надо полагать, что султану удалось добиться и другой важной цели — направить воинственные устремления магнатских правительств Польши и Литвы в угодном себе направлении. Этим направлением по традиции оказалась все та же Московская Русь, дальнейшему усилению которой Порты не могла сочувствовать. Так, не без участия Стамбула вскоре после заключения польско-турецкого мира 1533 г. началась по инициативе Сигизмунда третья литовско-московская война³⁰. Уже через год после посольства Опалинского, в 1534 г., польско-литовские войска наносили интенсивные удары по пограничным районам Московии. В дальнейшем им помогали как поволжские татары, совершившие поход к Костроме и Нижнему Новгороду, так и крымские, организовавшие набег не только на Северские земли, но и на земли, лежавшие к югу от Москвы, в районе Рязани. Султан готов был даже оказать вооруженную помощь Сигизмунду в борьбе против Руси³¹.

Заключение мира 1533 г. повлекло оживление дипломатических контактов между Польшей и Портой. Почти каждый год в Стамбул отправлялось из Польши посольство. Так, в 1533, 1535 и 1543 гг. там были послы во главе с Яном Оцоским. В 1533 г. столицу османов посетил один из крупнейших сановников польского государства — Андрей Тенчинский, совершивший паломничество в «Святую землю»³². Османские посольства также посещали Краков. В качестве султанских послов выступали при этом даже выходцы из Польши, перешедшие в мусульманство. Возникла личная переписка между Сулейманом Великолепным и Сигизмундом Августом³³. Но подобная политика магнатского

«сенаторского короля» Сигизмунда I и королевы Боны, дочь которой Изабелла в 1539 г. стала женой Запольяи, не отвечала интересам не только большинства народа, но и отдельных группировок польско-литовских феодалов. Уже в 1537 г., во время волнений шляхты подо Львовом (место сбора шляхетского ополчения), прозвучали резкие выпады в адрес короля и его клеветов, ничего не делавших для отражения татарских набегов, инспирированных из Стамбула. В 40-х годах XVI в. это положение дел стало главной причиной критики в адрес Сигизмунда и определило в целом отношение шляхты к правительству. В начале 1544 г. на Петроковском сейме уже совершенно четко был поставлен вопрос о необходимости войны с турками и сбора ополчения³⁴. Призыв к борьбе с османской агрессией нашел отклик в кругах образованного польского общества. Появились исторические, литературные и публицистические сочинения, пропагандировавшие идею борьбы против османов * (* Подробно об этом см. в гл. 13.).

Несмотря на уступки оппозиции, выразившиеся прежде всего в установлении контактов с Габсбургами (будущий король Сигизмунд Август породнился с австрийским домом, гетман Тарновский представил проект антиосманского союза с эрцгерцогом Фердинандом), Сигизмунд Старый, Бона и придворные круги сумели блокировать принятие всех новых решений «восточного вопроса», отстоять свою позицию в отношении Турции. В 1547 г. между Портой и Польшей снова был заключен «вечный мир»³⁵. Взамен довольно призрачного обещания султана не нарушать восточной границы Польши она отказывалась от самостоятельной политики по отношению к Венгрии и Молдавскому княжеству, а также от участия в военных союзах Габсбургов и в любых иных антиосманских союзах. От такого «вечного мира» выигрывала прежде всего Порта. Нейтралитет Польши, безусловно, давал возможность Османской империи вести активную политику на Балканах, продолжать свою экспансию в Средиземноморье, а также в Центральной и Восточной Европе.

В середине 30-х годов XVI в., после преодоления междоусобиц в Крыму и усиления нового хана Сахиб-Гирея возникла угроза открытого дипломатического разрыва (одной из причин была нерегулярность выплаты Литвой дани). Правда, посылка в Бахчисарай литовских послов во главе с А. Горностаем с «упоминками», а затем во главе с М. Тышкевичем не дала ожидаемых результатов. Тогда в Вильно 22 марта 1538 г. был собран специальный сейм по поводу возможной войны с татарами, ставивший вполне конкретные вопросы организации и финансирования войск, намечаемых к отправке против Крыма³⁶. Но до войны дело не дошло.

В 1540 г. с Крымом был заключен мир, по которому была выплачена ханству дань в размере 15 тыс. злотых, а также предусматривалось совместное выступление против Москвы³⁷. Этот договор в 1542 г. был возобновлен³⁸.

Таким образом, возникшие в середине 30-х годов некоторые трения между Крымом и Литвой главным образом на финансовой почве не изменили существа взаимоотношений турецко-крымской дипломатии с Польско-литовским государством, не парализовали уже сложившегося политического сотрудничества между ними. Данное обстоятельство получило подтверждение в факте нового мирного соглашения между Польшей и Османской империей, достигнутого в 1447 г. В результате этого договора османы получили полную возможность вести борьбу с европейскими государствами (прежде всего с Габсбургами) без всякого опасения противодействия со стороны Польши³⁹.

Османская угроза, татарские набеги, меры по борьбе с ними обсуждались в середине 40-х годов XVI в. не только на польских сеймах. Эти вопросы были основными и на сеймах Великого княжества Литовского. Но дискуссии в высшем законодательном органе государства мало что давали для организации отпора агрессорам, впрочем, как и материальные приношения с целью «умиротворения». Ежегодная дань в 15 тыс. золотых дукатов, которую с конца 20-х годов XVI в. платил Сигизмунд Август в качестве великого князя крымскому хану⁴⁰, также не всегда являлась залогом мира. В 1549 г. Сагиб-Гирей ударил по Волыни. Захватив много полна и добычи, он без потерь вернулся в Крым.

Через два года новый хан Девлет-Гирей, который предварительно обязался за дань не нападать на территорию Великого княжества, захватил г. Браславль, который он сжег, а гарнизон перебил. Следствием этих набегов было то, что уже в 1552 г. Сигизмунд Август вновь платил «упоминки» татарам⁴¹.

Последующие дипломатические акции, направленные на умиротворение агрессора, почти ничего не давали для обеспечения мирного существования южных и юго-восточных территорий Польши и Литвы. Мало что менялось и после подтверждения договоров о «вечном мире» в 1554, 1564 и 1568 гг.⁴² Положение на южных окраинах Польско-литовского государства оставалось напряженным.

Вот почему жители пограничных районов, провинциальная шляхта поддерживали любые акции, рассчитанные на отражение османско-татарской агрессии, даже если эти действия были не согласованы с центральным правительством или шли вразрез с его политикой.

В начале 50-х годов в Кракове узнали о весьма оживленных и многолетних контактах между папой римским, Габсбургами и Москвией, чьи интересы страдали от действий Порты. И хотя отношения с Римом и Веней стали непосредственной темой дискуссии на сейме в 1553 г. в Кракове⁴³, в результате чего наметились точки сближения с позицией папы и Габсбургов, тем не менее политика польского правительства мало изменилась в отношении Стамбула и оставалась в рамках постоянного и дружеского нейтралитета. Подобную позицию Сигизмунда Августа, короля польского и великого князя литовского, не поколебала и политика самой Москвы, которая в 50-е годы XVI в. делала реальные шаги в направлении русско-литовского сближения с целью обороны от общего врага — Крымского ханства⁴⁴.

Итак, прослеживая развитие отношений между Османской империей, Крымом и Польско-литовским государством за период 20—50-х годов XVI в., можно констатировать существование прочных отношений сотрудничества между ними, что определялось расстановкой сил в регионе и между прочим наличием у них тогда общих противников — Габсбургов и Московской Руси. Однако следует признать, что официальные заключения мира между сторонами и сохранение Польшей «дружественного нейтралитета» не исключали случаев крымских вторжений на окраины Польско-литовского государства (случаев редких по сравнению с тогдашней практикой набегов на южные земли Московской Руси), что должно было напоминать Сигизмунду о необходимости, во-первых, регулярно выплачивать «упоминки», а во-вторых, строго следовать намеченному курсу в отношениях с Портой и Крымом.

§ 2. Турция, Крым, Казань и Российское государство в 20—50-е годы XVI в.

Ведя войну против Габсбургов в тесном взаимодействии со своим новым вассалом венгерским королем Яношем Запольяи, а также в сотрудничестве с недавно обретенным союзником — польским королем Сигизмундом, султан Сулейман отнюдь не игнорировал положения дел в Восточной Европе, не игнорировал факта заметного усиления Русского государства в период правления Ивана III и Василия III. Здесь Сулейман осуществлял последовательную антимосковскую политику, и осуществлял ее не только в форме санкционирования крупномасштабных вторжений крымских и казанских сил на русские территории, но и в форме проведения различного рода политических и военно-стратегических диверсий в отношении Московской Руси.

Правда, в конце 20-х — самом начале 30-х годов XVI в. Турция и Крым несколько ослабили свой натиск на Московское государство, что было, видимо, обусловлено обострением внутривосточной борьбы в Крымском ханстве, борьбы между несколькими претендентами на ханский престол.

В результате Казанское ханство в период первого правления Сафа-гирея, а потом и в период правления Джан-Али (Ян-Али) оказалось нейтрализованным⁴⁵, а Крымское

ханство, хотя и пыталось организовать отдельные набеги на московские территории (например, в начале 1531 г. или летом 1533 г.), все же не могло развить их в большое победоносное наступление⁴⁶.

Не имея возможности в эти годы добиться значительных военных успехов в борьбе с Москвой, Османская империя стремилась тем не менее достичь каких-то политических результатов в своих отношениях с татарскими юртами Восточной Европы. Так, в 1531 г. султанская дипломатия сумела превратить ногайского хана Абугая в своего вассала, закрепив такой его статус брачным союзом его дочери с крымским ханом Саедат-Гиреем⁴⁷.

Перелом в антимосковской политике Порты, Крыма и Казани наступил в 1534 г., когда в Москве к власти пришло правительство Е. Глинской и юного Ивана IV, когда в Бахчисарае прекратились распри и у власти оказался хан «сильной руки» Сахиб-Гирей (в прошлом правитель Казани), а в Казанском ханстве престол опять занял представитель крымской династии, племянник Сахиб-Гирея — хан Сафа-Гирей, ставший теперь значительно более воинственным, чем раньше⁴⁸. Именно он уже в 1536 г. возобновил вооруженную борьбу против Русского государства, заняв Балахну, и совершил походы к Костроме и Нижнему Новгороду⁴⁹.

Правда, осуществляя свое наступление на Московскую Русь, Османская империя теперь, как и раньше, рассчитывала прежде всего на боевую активность Крымского ханства. При этом Порта координировала антимосковскую активность крымского хана Сахиб-Гирея с выступлениями против Москвы казанского хана Сафа-Гирея. В результате они не только осуществляли согласованные военные действия против Москвы, но и выдвигали общие требования к Русскому государству, в частности и такое требование, как отказ России от всего Поволжья⁵⁰.

Но поощряя Крым и Казань на выступление против Москвы, Сулейман не забывал о существовании давнего соперника Московской Руси на ее западных границах — Польско-литовского государства, являвшегося тогда политическим партнером Порты. Видимо, не случайно Крым заключил еще в 1532 г. антимосковский союз с Сигизмундом, а в 1533 г. сама Порта подписала мирный договор с польским королем⁵¹. Вполне закономерным в этих условиях было объявление Польшей в 1534 г. войны Русскому государству, продолжавшейся вплоть до 1537 г. Действовавшие совместно польские и литовские войска при поддержке Крыма и Казани в 1535—1536 гг. пытались решить ряд важных стратегических задач: отделить от Москвы Рязань, отвоевать Северщину и т. д. Однако эти задачи решены не были: вынужденные действовать в разных направлениях, русские войска все же отстояли сложившиеся рубежи Московского государства. В результате 17 февраля 1537 г. было подписано пятилетнее перемирие между Москвой и польским королем Сигизмундом⁵².

Внешнеполитическое положение Москвы осложнялось еще и тем обстоятельством, что внутри Русского государства находились тогда скрытые сторонники сотрудничества как с Портой и Крымом, так и с Польско-литовским государством. Об этом свидетельствовала деятельность политического эмигранта кн. С. Ф. Бельского, бежавшего в 1534 г. в Литву, а потом в Крым, участвовавшего как в разработке планов расчленения Русского государства и создания автономного Рязанского княжества, так и в попытках их реализации, в частности в походах крымских и польско-литовских войск против Москвы⁵³.

Можно предполагать, что антимосковская активность С. Ф. Бельского, проявленная им на международной арене, перекликалась с антиправительственной деятельностью других боярских группировок внутри самого Русского государства, в частности — с попытками Андрея Старицкого возродить традиции новгородского сепаратизма, свалить правительство Е. Глинской и малолетнего Ивана IV⁵⁴.

Весьма важным этапом в истории взаимоотношений Порты, Крыма и Русского государства оказался приход к власти противников правительства Е. Глинской — бояр

Шуйских, Бельских и митрополита Иоасафа, совпавший по времени с подготовкой большой военной кампании крымских войск против Московской Руси. Ряд отрывочных данных позволяет предполагать существование взаимодействия между крымско-турецкой дипломатией и правящей в то время элитой Московского государства⁵⁵. Весьма показательными в этом смысле были попытки правительства Иоасафа — И. Бельского амнистировать Семена Бельского, двигавшегося тогда с крымским войском на Москву, не допустить эвакуации из Москвы малолетнего Ивана IV в момент наибольшей опасности для русской столицы и, наконец, сама секретная переписка Ивана Бельского с Семеном Бельским, осуществлявшаяся через крымских агентов⁵⁶. Однако скрытое взаимодействие между управлявшими тогда Москвой боярами и Крымским ханством все же не дало больших результатов. Грандиозный план подчинения Москвы Крыму и Порте реализован не был, хотя, разумеется, военные вторжения татар 30-х — начала 40-х годов XVI в. оказались весьма разорительными для Московской Руси.

Иван Грозный вспоминал впоследствии об этих годах: «От Крыма и от Казани до полуземли пусто бяше»⁵⁷. Это подтверждалось многочисленными свидетельствами других источников — официальных и местных летописей, житийской литературой, разнообразным актовым материалом (в частности, Жалованными грамотами монастырям, выдававшимися после таких нашествий)⁵⁸.

Однако, несмотря на эти разорения и наличие опасных контактов находившейся у власти боярской группировки с Крымским ханством, Москва все же отстояла тогда свои государственные интересы. В Русском государстве нашлись силы, которые в 1541 г. не допустили к Москве татарские войска, в январе 1542 г. смели боярскую группировку Бельских и митрополита Иоасафа. Важную роль в этом сыграло, в частности, московское дворянство, городские элементы Москвы, Новгорода, Владимира, а также определенные круги русской церкви, во главе с новгородским епископом Макарием, ставшим в январе 1542 г. митрополитом всея Руси⁵⁹. Однако неудача задуманного тогда завоевательного плана в отношении Москвы отнюдь не означала, что правители Порты, Крыма и Казани отказались от замыслов такого рода.

В середине 40-х годов XVI в. усиливается роль Казанского ханства в качестве «тарана» антимосковской политики Османской империи, приобретает особое значение пребывание в Казани представителя крымской династии Гиреев — хана Сафа-Гирея вместе с его крымским окружением.

При этом следует иметь в виду, что коренному населению ханства, трудящимся татарским массам была чужда агрессивная политика крымско-казанских феодалов. Усилилось и стремление подвластных казанскому хану народов освободиться от этой зависимости. Народы Среднего Поволжья (чуваша, мордва, мари), давно связанные с русским народом, тяготели к сближению с ним. Князьки и старейшины, ущемленные казанскими князьями и мурзами, постепенно тоже склонялись к союзу с московским государем. И в самой Казани отдельные дальновидные феодалы и торговые люди понимали, что агрессивная политика по отношению к Российскому государству, ослабление торговых связей не только не могут обеспечить сохранение государственной самостоятельности ханства, а, напротив, приближают его гибель. Число сторонников сближения с Москвой возрастало: очевидно, сказывалась деятельность «московской» группировки⁶⁰. В Москву приезжают из Казани феодалы-эмигранты. Возобновляются тайные переговоры с русским правительством о посадении на Казанский юрт снова московского ставленника.

Решительная борьба Российского государства с Казанским ханством началась с 1545 г., когда ослабели последствия возродившейся было в России политической децентрализации. К тому времени московскими идеологами (церковниками и дипломатами) были выработаны и «исторические» обоснования прав московских государей на обладание Казанью⁶¹.

Первоначально планировалось заменить враждебного Москве хана московским ставленником. Им мыслился Шах-Али («Шигалей» русских источников), уже ранее занимавший казанский престол, а в то время — «царь касимовский». Он был из рода наследников ханов Большой орды, к которым Гирей питали наследственную ненависть, и это уже предрешало невозможность союза Казанского и Крымского ханств. Первый поход весной 1545 г. имел, однако, характер лишь военной демонстрации. Но результатом этих действий было усиление «московской» группировки в Казани, где росло возмущение Сафа-Гиреем и «крымцами». В конце 1545 г. вспыхнула восстание, и хана изгнали из города. Хотя внешнеполитические симпатии казанских феодалов были неустойчивы, «насилия крымцев» объединяли обиженных ими, и наиболее вероятным кандидатом на казанский престол казался тогда московский. Но Шах-Али, занявший летом 1546 г. престол, «на Казани сидел» лишь месяц; сопровождавших его воинов и даже московских бояр не пустили в городскую крепость, против него образовалась поддерживавшая Сафа-Гирея коалиция: крымский хан, ногайские мурзы, часть астраханских и казанских феодалов. И Сафа-Гирей снова воцарился в Казани.

Московское правительство было вынуждено продолжать готовиться к решительной борьбе с Казанским ханством, и поход начала 1547 г., когда «Казанские места многие повоевали», не следует рассматривать только как местное оборонное мероприятие. Постепенно утверждалась мысль о том, что «Казанская война» — это общероссийское дело. Конечно, в политике мыслили привычными тогда категориями силы, с помощью которой и старались решать основные проблемы, но учитывались и общественно-политические факторы.

Важным моментом во внешней политике Российского государства явилось венчание Ивана IV на царство в январе 1547 г. Официально провозглашалось единодержавие государя всея Руси на всей территории государства. Это подрывало почву для притязаний крупных феодалов на роль соправителей в государстве и отдельных его областей — на сохранение политической обособленности. Тем самым предопределялась и единая официальная линия внешней политики России. Венчание на царство утверждало международное положение Российского государства и определяло характер и направление внешней политики его в будущем. Этим актом московский государь приравнивался к государям так называемых «великих держав», тем самым подрывалась почва и для притязаний иностранных государей на установление какой бы то ни было зависимости от них российского государя.

Показательно, что митрополит Макарий в молитвенной речи, произнесенной во время венчания на царство, пожелал Ивану IV покорить «вся варварския языки»⁶². «Царями» официально называли в Москве после падения Византийской империи только мусульманских государей. В то же время в литературе так именовали и правителей, известных из Библии, и государей древних монархий Средиземноморья, и южнославянских государей. На Руси в XIV—XV вв. привыкли соединять титул «царя» с титулом золотоордынских ханов⁶³. Позже он был перенесен на ханов Крыма, Казани, Астрахани, Сибири — отсюда и наименования «казанский царь», «Казанское царство». Только восточные мусульманские владетели XVI в. изображались с царским венцом и на миниатюрах официального лицевого летописного свода времени Ивана Грозного⁶⁴. Поэтому венчание Ивана IV на царство являлось показателем стремления прежде всего к активной восточной политике и так и рассматривалось современниками. Иван IV сам уже принимает участие в Казанской войне — в походах зим 1547—1548 гг. и 1549—1550 гг. С приходом к власти правительства так называемой «Избранной рады» или, как его иногда называют, правительства А. Ф. Адашева восточная политика Российского государства еще более активизировалась. Однако неудачная попытка воцарения московского ставленника на Казанском юрте в 1546 г. показала, что не сложилась еще благоприятная обстановка для победоносной войны. К такой войне с Казанским ханством следовало серьезно и последовательно готовиться.

«Избранная рада» образовалась в результате временного сплочения прослоек господствующего класса — боярства, дворянства, церковных феодалов. Главной причиной этой временной консолидации феодалов были массовые восстания в городе и в деревне, прежде всего Московское восстание июня 1547 г.⁶⁵ Другой причиной являлась в середине XVI в. необходимость незамедлительной борьбы с Казанским ханством.

Выбор основного направления внешней политики находился в теснейшей связи с другими правительственными мероприятиями тех лет, направленными прежде всего на удовлетворение интересов верхов общества. Активизация восточной политики Российского государства, серьезные преобразования в организации военной службы должны были способствовать и устранению поводов для народных волнений, столь опасных для господствующего класса. Разорение сел и городов, потеря рабочих рук во время татарских набегов, сопровождавшихся массовым уводом в плен населения, существенно вредили и феодальному хозяйству. Успешная война с Казанским ханством должна была не только ликвидировать угрозу восточным районам страны, но и обеспечить феодалам новые земельные угодья и холопов. Настойчиво призывал к решительной войне с Казанским ханством идеолог дворянства Иван Пересветов, откровенно выражая материальную заинтересованность дворянства в войне, в приобретении земель и пленных. Бояре и церковные феодалы были также заинтересованы в присоединении новых земель. Включение в состав Российского государства территории Поволжья не только должно было создать благоприятные условия для роста феодального землевладения, но и могло в какой-то мере обеспечить сохранность старинных боярских и монастырских вотчин, на которые претендовало дворянство: можно было бы раздавать новоприобретенные земли, не посягая на вотчины крупных феодалов. Церковные феодалы, особенно воинствующие «стяжатели» — иосифляне во главе с митрополитом Макарием, энергично поддерживали идею войны с Казанью и потому, что лозунгом ее была борьба с «басурманством» и крещение покоряемых народов. А это еще более повышало идейный престиж и материальную обеспеченность церкви и способствовало ее вмешательству в правительственную деятельность.

Активная восточная политика соответствовала также интересам значительной части торговых людей Российского государства. Казань в XVI в. была крупным центром международной торговли. От Казани зависела возможность использования Волжского торгового пути. Здесь сходились пути, связывавшие Северо-Восточную Европу с Кавказом и Закавказьем, Средней Азией, Сибирью, даже Ираном⁶⁶. В Казань «ездили гости многих земель» из Астрахани⁶⁷. Волжский торговый путь тем более привлекал в то время русских купеческих людей, что с начала XVI в. заметно уменьшалось значение русско-крымской торговли, способствовавшей в XV в. обогащению гостей-«сурожан»⁶⁸. С укреплением в Казани власти крымских Гиреев русско-казанская торговля захирела, а волжский торговый путь стал малодоступен для русских людей. Передвижение через приволжские степи — «поле» — было нарушено вследствие постоянных грабежей купеческих караванов. Поэтому «торговые» люди также были заинтересованы в устранении препятствия в торговле со странами Востока, в овладении волжским торговым путем, в установлении надзора московского правительства за передвижением купцов в степях Поволжья. Таким образом, в середине XVI в. война с Казанским ханством более всякого другого направления внешней политики отвечала интересам господствующих классов.

Было бы, однако, ошибочно искать причины войны только в этих стяжательских стремлениях. Первоочередность войны России именно с Казанским ханством объяснялась потребностью самообороны от нападений мусульманских юртов Восточной Европы, захватническими действиями которых руководила Османская империя. Потребности феодальной экспансии и народной обороны в данном случае сближались. Этим-то и определялся прогрессивный характер Казанской войны.

Победа над Казанским ханством должна была в первую очередь принести облегчение простому народу, особенно страдавшему от кровопролитий и пленений. «Черные люди», не дожидаясь прихода воевод, повсеместно вели самоотверженную борьбу с отрядами татарских феодалов, мужественно сопротивлялись насильникам. Идея войны с Казанским ханством — «преокаянной дочерью» Золотой орды — была близка и понятна народу. Война против «безбожных казанских сарацин»⁶⁹ понималась как продолжение вековой борьбы русского народа с ордынскими захватчиками. В памяти народа бдои свежи страшные картины татарских набегов, особенно участившихся в годы малолетства царя Ивана.

После смерти Сафа-Гирея (март 1549 г.) в Казани именем его младенца-сына стала править «крымская» группировка во главе с пришедшим из Крыма Кучаком («Кошачком» русских летописей). Была предпринята попытка просить стать ханом Девлет-Гирея⁷⁰, и отношения между Казанью и Российским государством еще более обострились. Неудача похода русских зимой 1549/50 г. против Казани показала, что с большим войском вернее двигаться не зимой, а летом, и убедила московское правительство в необходимости длительной и планомерной военно-дипломатической подготовки к завершению Казанской войны.

Вырабатывается широкая программа постепенного подчинения ханства власти государя всея Руси, предусматривающая проведение серьезных преобразований в организации военной службы и военного дела, рассчитанная на максимальное ослабление ханства изнутри и внешнюю изоляцию его от других юртов.

Для разработки дипломатической части этой программы были привлечены московские правительственные деятели, а также бывший хан Шах-Али и казанские феодалы-эмигранты; велась переписка с ногайскими мурзами. Главную роль в конкретизации мероприятий играли «ближние думцы»: первый советник Ивана IV Алексей Федорович Адашев, боярин Иван Васильевич Шереметев Большой и руководитель Посольского приказа думный дьяк Иван Михайлович Висковатый. Они-то впоследствии и составили комиссию боярской думы, выделенную для ведения переговоров с многочисленными казанскими представителями.

Исходили из следующих предпосылок: наличия противоречий в среде казанских феодалов, непрочности Казанского ханства (так называемая Горная сторона, особенно территория, населенная чувашами, фактически уже отпала от Казани и перешла под власть России), возможность усиления раздоров в самой Казани и укрепление «московской» группировки, обострения конфликта между казанским правительством и зависимыми от Казани народами и переход этих народов под власть московского царя, а также на возможность помешать объединению мусульманских юртов для совместной борьбы с Россией, обостряя противоречия между юртами и внутри них. В выработке этой программы следовали опыту долголетней борьбы Российского государства с Казанским ханством и другими «татарскими» юртами⁷¹, предполагая в большем объеме использовать прежние методы этой борьбы. Первыми этапами программы были посадение на казанский юрт снова Шах-Али и закрепление за Россией Горной стороны.

Выполнение этих планов в значительной мере зависело от позиции верхушки народов Поволжья и от международной ситуации — от того, в какой степени удастся обеспечить внешнеполитическую изоляцию Казанского ханства и устранить опасность одновременной войны России на два (на востоке и юге) или даже на три (и на западе) фронта.

Продумывая программу восточной политики России, учитывали то, что султан вел тогда войну с Ираном и в стратегических планах Порты особое значение приобретали Северный Кавказ и Астрахань⁷². Московское правительство считало возможным вести наступательные военные действия только против одного из противников и потому стремилось к нейтрализации других потенциальных недругов Москвы. С целью обеспечения спокойного тыла на западе поспешили в 1549 г. продлить на пять лет

перемирие с Польшей и Литвой. Послали представителя к германскому императору и папе, приманивая их согласием на участие в антиосманской коалиции (от чего на самом деле московское правительство всегда отстранялось, не желая обострять отношения с Портой) и даже на заключение церковной унии, на получение королевской короны от папы (чему также Москва всегда противостояла). Это заигрывание с руководителями католического мира, видимо, должно было помешать и помешало на деле в те годы военному союзу Польши с Крымом и Портой. В Москве старались сохранить мирные отношения со Швецией и Ливонией и даже с Крымским ханством, не говоря уже об османской империи⁷³.

Находясь в состоянии войны с Ираном, Порта именно в это время настойчиво пыталась сколотить противорусскую коалицию юртов Восточной Европы. На ханский стол в Казани был дан фирман «сверстному» (т. е. взрослому) хану тоже из рода Гиреев: впервые в 1549 г. отправили посла в Ногайскую орду. Между мусульманскими владетелями, с помощью которых султан надеялся установить свою гегемонию в Восточной Европе, не было, однако, согласия. Главный соперник первого из ногайских владетелей Юсуфа Исмаил придерживался московской ориентации. Позиция ногайских мурз, владения которых находились на путях из Крыма и из Астрахани в Казань, имела при сложившихся обстоятельствах первостепенное международное значение. У османского посла в 1551 г. было поручение пытаться примирить ногайских мурз, уговорить их отправить людей на помощь казанцам, а также «пособить» Азову от «русских казаков»⁷⁴. Во время переговоров в Ногайской орде впервые как будто была с такой четкостью сформулирована идея «единства мусульманского юрта» и совместных действий в защиту Казани⁷⁵.

Для облегчения хода Казанской войны и противодействия планам султана (о которых, судя по «Казанской истории», слухи дошли и до Казани)⁷⁶, к ногайским владетелям еще прежде послали даровитого дипломата Петра Тургенева (ранее уже бывавшего там). Используя разногласия между ногайскими владетелями (а также между другими юртами), П. Тургенев старался помешать возможному объединению ногайских орд в войне против России, привлекая на свою сторону Исмаила (обещанием посадить его ставленника на астраханский юрт) и усиливая его враждебность к старшему из мурз — Юсуфу (которого, в свою очередь, привлекали обещаниями выдать его дочь Сююн-Бике, вдову умершего казанского хана, замуж за Шах-Али, сыновьям же его обещали «казанское жалование»), П. Тургенев установил контакт с казанскими эмигрантами, находившимися в Ногайской орде, и получал от них ценную информацию о положении дел в Казани.

Одновременно московское правительство прибегло и к прямым угрозам. Грамоты, посланные в 1551 г. и Юсуфу и Исмаилу, должны были предупредить попытки набегов на русские земли. То, что предупреждения были не только на словах, доказывали военные-распоряжения: строительство засек, крепостей, посылка большого числа войск на границу. Все эти меры явились препятствием для организации совместного крымско-ногайско-астраханского похода против России.

Военную часть большой программы борьбы с Казанским ханством тоже начали осуществлять в 1550—1551 гг. На соборе 1550 г. стоял вопрос о важных военных реформах, на соборе 1551 г. — о Казанской войне. Весной 1551 г. были оккупированы речные пути к Казани и русские отряды вместе с Шах-Али и казанскими эмигрантами приблизились к городу. В конце мая 1551 г. недалеко от Казани, при устье Свяги была заложена крепость Свяжск — военно-продовольственная база и мощный плацдарм для наступления на Казань. Построению крепости благоприятствовало сочувствие со стороны местного населения — подвластных казанским ханам народов Среднего Поволжья. Представители их очень скоро прибыли в Москву с просьбой, чтобы Иван IV «взял их к своему Свяжскому городу». «Бившие челом» «горные люди» получили «жаловальную грамоту», временно облегчившую им повинность в уплате ясака и сохранявшую за ними

земли. Так произошло вхождение населения Чувашии, а частично и других народов в состав Российского государства⁷⁷. А это уже во многом предreshало судьбу Казанского ханства, половину которого составляла Горная сторона.

Начались волнения и в самой Казани. Многие из казанских феодалов, «видев государево великое жалование, а свое изнеможение»⁷⁸, перебежали в Свияжск, ставший средоточием всех склонных к союзу с Россией казанцев и старшин зависимых от Казани народов. Рост недовольства этих народов, все более усиливавшиеся распри заставили крымцев бежать из Казани. Представитель враждебной Москве династии Гиреев был свергнут. Казанцам оставался один выход — начать переговоры со свияжскими воеводами и просить Шах-Али снова стать ханом. Казанцы отправили посла в Москву. В ответ в Свияжск выехал А. Адашев. Отправление именно его непосредственно на место событий показывает, какое большое значение придавали в Москве «казанскому делу»⁷⁹.

Можно полагать, что Адашев должен был добиться, помимо предоставления казанского юрта Шах-Али, выдачи ханши Сююн-Бике с младенцем-сыном и возврата русского посла (об этом всем как будто договорились уже прежде), еще и согласия на уступку всего правого берега Волги — Горной стороны. Адашев прибыл в Свияжск 6 августа. Попытки Шах-Али противиться передаче Горной стороны, как и возражения прибывших в Свияжск казанцев, ни к чему ни привели: Адашев и бояре «государевым наказом твердо делали» и пригрозили, что если казанцы не примут их условия, то Иван IV придет осенью «ратию со всеми людьми»⁸⁰. Казанское ханство утрачивало самостоятельность, а значительная его территория отходила непосредственно к Российскому государству.

Известие об этом событии вызвало резкое недовольство и в Крыму и в Турции. Не оставили мысли возвратить себе Горную сторону и казанцы и Шах-Али. Вернувшийся от ногаев П. Тургенев сообщил, что позиция Исмаила не вызывает доверия, а Юсуф настроен откровенно воинственно.

Положение в Казани представлялось исключительно серьезным, и туда снова едет А. Адашев с целью «укрепить» Казань русскими людьми. Так как Шах-Али не был склонен отказаться от самостоятельных действий и Адашев убедился в неприязни к нему большинства казанцев, решено было свести его с престола. Ранней весной 1552 г. у части казанцев возникла мысль о личной унии, чтобы Иван IV «държал бы их такоже, как и во Свиязском городе»⁸¹, т. е. чтобы казанским ханом стал русский царь, а Казань бы управлялась его наместником. В Казань снова едет А. Адашев (третья его миссия) с целью посадить там московского наместника. 6 марта Шах-Али прибыл в Свияжск.

После этого в Казань послали уполномоченных приводить «достальных людей к правде». Все, казалось бы, было подготовлено к приезду московского наместника. Но враждебные Москве группировки сумели использовать временное безвластие в Казани; распустив слухи о казни выведенных в Свияжск казанцев и о готовящихся русскими преследованиях жителей Казани, они подговорили закрыть городские ворота и не пускать наместника. Начинать серьезные военные действия тогда не предполагали. Наместник и выехавшие наперед его члены думской комиссии по переговорам с казанскими послами (во главе с Адашевым) вынуждены были ни с чем возвратиться в Свияжск. Проникший вскоре в Казань ногайский ставленник Ядигар начал с Москвой войну.

Таким образом, попытка окончательного присоединения Казанского ханства к Российскому государству мирным путем не удалась, хотя правительство Адашева прилагало настойчивые усилия подчинить Казань без издержек, связанных с большим военным походом. Но в результате действий московских дипломатов и воевод в 1551 — начале 1552 г. Казанское ханство было значительно ослаблено и покорение его существенно облегчено. Оттяжка большой войны дала правительству Ивана Грозного время подготовиться к организации последнего, победоносного похода на Казань.

16 июня 1552 г. Иван IV во главе основных военных сил выступил к Коломне, где русское войско стало фронтом до Каширы. Выбор этого места — дело точного

стратегического расчета: здесь московское войско могло отразить крымцев и ногаев и помешать их соединению друг с другом и с казанскими феодалами. Крымский хан Девлет-Гирей, стремясь воспрепятствовать походу Ивана IV на Казань, поспешил вторгнуться в русские пределы. У него были османские отряды и артиллерия, ногаи и «иных орд казанцы».

К войне с Российским государством подстрекал его и польский король. У Девлет-Гирея была предварительная договоренность с казанским ханом Ядигаром и ногайским владетелем Юсуфом о нападении с двух сторон на русские земли⁸². Это было большое, широко задуманное выступление. Девлет-Гирей полагал, что Иван IV с основным войском находится уже под Казанью, и не рассчитывал встретить на своем пути главные военные силы русских. Напуганный «множеством» русского войска, хан повернул назад и после безуспешных попыток взять Тулу бежал «с великим срамом», бросив часть обоза и артиллерии. Русские войска не стали преследовать крымцев, «чтоб своим ходом казанским не измодчати»⁸³. Попытка хана сорвать поход русских на Казань окончилась провалом.

13 августа войско Ивана IV подошло к Свияжску и вскоре двинулось к Казани. На предложение сдать город без боя Ядигар ответил отказом, и Казань была окружена кольцом осады. Русское войско достигало 150 тыс. человек — численное преобладание над казанцами было велико. Успешно действовала артиллерия. Велись минные подкопы. После получения отказа на новое предложение о сдаче 2 октября в результате кровопролитнейших боев город был взят штурмом. Погибло большинство защитников Казани, сильно пострадало и остальное население.

Казанское ханство, раздираемое феодальными усобицами, ослабленное борьбой подвластных хану народов, зависимое от чужеземных сил и влияний, не сумело противостоять крепнущему централизирующемуся Российскому государству, обладавшему относительно хорошо организованной армией и более передовой техникой.

Борьба с Казанским ханством — этапный момент в процессе образования и укрепления централизованного Российского государства, охватывающем целую эпоху, примерно с середины XV в. по начало XVII в. Дальнейшая же централизация государства происходила одновременно и взаимосвязанно с освобождением страны от остатков татарского ига и борьбой с новой опасностью — османской. Процессы эти были взаимно обусловлены, и не случайным было совпадение во времени серьезных преобразований внутри государства и завершения борьбы с Казанским ханством. Потребности самообороны ускорили процесс образования централизованного государства в России, а успехи в деле централизации, в свою очередь, обеспечили Российскому государству победу над Казанским ханством и помогли сдержать народы Востока, а также противостоять западным соседям.

Падением Казани закончилось существование ханства. Подчиненные хану народы стали подданными русского государя и обязывались уплачивать в его казну ясак, «якоже и прежним Казаньским царем»⁸⁴ (т. е. ханам). Тем самым Иван IV и его правительство (видимо, А. Ф. Адашев) отказались от программы дальнейшего «усмирения земли» (на чем настаивал А. М. Курбский)⁸⁵ и немедленной насильственной христианизации населения — программы, особенно четко отраженной в сочинении И. Пересветова, предлагавшего «сечи и пленити» некрестившееся население.

Ликвидация Казанского ханства предопределила судьбу и другого ханства в Поволжье — Астраханского⁸⁶. Важное стратегическое и торговое значение Астраханского ханства и в то же время его слабость делали его объектом борьбы между соседними государствами. На влияние там претендовали и соперничавшие ногайские мурзы. Обладание Астраханью обеспечило бы Османской империи еще большее влияние на политику «юртов» в Восточной Европе. Разбойничьи набеги крымцев (особенно в 1547 г.), а позже и грубый дипломатический нажим султанско-крымских агентов в ногайских ордах привели к тому, что часть ногайских мурз приняла русскую ориентацию.

Стремление Порты и Крыма подчинить себе народы Северного Кавказа вызвало и обращение некоторых из них к Ивану IV с просьбой «обороны».

Программа решительных действий по отношению к Астраханскому ханству была выработана в 1553 г. во время переговоров, и этапы ее напоминают программу присоединения Казанского ханства. Сначала решено было посадить на астраханский юрт ставленника Исмаила — ханыча Дервиш-Али. Русское войско, в 1554 г. спустившееся по Волге, посадило его ханом в качестве вассала русского царя. Хан дал обязательство платить дань и предоставить русским рыбакам ловить рыбу «безданно и безъявочно» по всей Волге. Советником при хане оставили знатока восточной политики П. Тургенева. Но крымцам удалось склонить Дервиш-Али на свою сторону, для поддержки его было послано крымско-османское войско с пушками и пищалями. Москва в ответ направила к Астрахани новую рать, при приближении которой хан бежал из города. В августе 1556 г. Астрахань была окончательно присоединена к Российскому государству⁸⁷.

Победы в Поволжье были сразу же использованы московским правительством в дипломатической борьбе за признание царского титула Ивана Грозного.

Завоевание ханств Поволжья привело к подчинению власти русского государя и ногайских орд Исмаила. Ногаи сами говорили: «Чья будет Астрахань, Волга и Яик, того будет вся Ногайская орда»⁸⁸. В 1551—1557 гг. территория народов Поволжья, Приуралья, Западной Сибири вошла в состав Российского государства. Некоторые из местных князьков и уцелевших казанских феодалов, подстрекаемые султанско-крымскими (а также ногайско-астраханскими) агентами, пытались поднять восстание против России и использовать в своекорыстных целях антифеодальное движение народов. Но такие попытки всякий раз кончались неудачей: народы Поволжья и Приуралья были не склонны воевать с русскими за интересы своих и иноземных феодалов.

Уничтожение остатков Золотой орды на восточных рубежах Российского государства, вхождение в его состав Поволжья и Приуралья имели огромное историческое значение. Было устранено крупнейшее внешнее препятствие культурно-хозяйственному росту страны.

Присоединение Поволжья представляло широкий простор для освоения новых земель и развития торгово-промышленной деятельности. Важно было для Российского государства и вхождение в его состав народов Поволжья, а затем Приуралья и Сибири, определившее их дальнейшие судьбы. Присоединение к России открывало этим народам, несмотря на страшный гнет царизма — национальный, крепостнический, религиозный, перспективы развития более тесных и взаимно необходимых экономических, общественных, культурных связей с русским народом⁸⁹.

Овладение Волгой заметно содействовало оживлению торговых сношений русских людей с народами Приуралья и Зауралья, Средней Азии, Ирана, Кавказа и Закавказья и развитию международной транзитной торговли, торговых взаимосвязей Российского государства и западноевропейских государств. Умело использовался «европейско-азиатский транзит мирового значения». Так, уже на основании русско-шведского договора 1557 г. шведы обязывались пропускать русских купцов в Любек, Антверпен, Испанию, Англию, Францию, а шведским «гостям» предоставлялось право «торговать вольно» в Москве, Новгороде, Казани, Астрахани и право проезда с торговыми целями в Шемаху, Тавриз, Бухару, Китай, Индию, «Литовскую землю», «ко Цареграду» (т. е. в Стамбул)⁹⁰. Торговые связи Российского государства со странами Востока приобрели постоянный и устойчивый характер и отличались интенсивностью товарообмена, причем вывоз в них имел большее значение, чем ввоз, а среди вывозимых товаров преобладали изделия ремесленного производства. Поэтому торговля с восточными странами, будучи сама следствием общего роста производительных сил страны, являлась в то же время фактором, стимулировавшим дальнейшее развитие производства и внутреннего товарооборота⁹¹.

Победы в Поволжье существенно отразились на характере правительственной деятельности, укрепили власть царя Ивана и позволили ему и его окружению перейти к более решительным действиям по ограничению княжеско-боярского своеволия.

Но особенно большое значение победы на Востоке имели в плане внешней политики, а также организации внешних сношений Российского государства. Возможности османско-крымской экспансии в Восточной Европе существенно ограничились. Установление предела дальнейшему распространению османской экспансии в Восточной Европе и Азии явилось важным внешнеполитическим фактором, способствовавшим ослаблению Османской империи, жившей за счет завоеваний. Русские военные успехи оказали большое влияние и на положение на Кавказе и в Закавказье.

Успешное решение восточного вопроса дало возможность Российскому государству вплотную подойти к осуществлению основных задач своей внешней политики на Западе, по-новому осмыслить нормы дипломатической практики, характер взаимоотношений с другими государствами, выработать новые критерии для оценки их международного положения и места Российского государства в ряду других держав. Включение Среднего и Нижнего Поволжья в состав России, особенно падение Казанского ханства, изменило политическую карту Восточной Европы, оказало влияние на складывание нового соотношения сил в Европе и в Азии.

¹ *Iorga N. Geschichte des Osmanischen Reiches. Gotha, 1909, Bd. 2, S. 385—426; Королюк В. Д. Турецкая феодальная агрессия в страны Юго-Восточной и Центральной Европы и формирование многонациональной Дунайской империи (XVI — XVII вв.)— В кн.: Юго-Восточная Европа в эпоху феодализма: (Резюме докладов Кишиневского симпозиума). Кишинев, 1973, с. 147— 149; Греков И. В. Очерки по истории международных отношений Восточной Европы XIV — XVI вв. М., 1963, с. 233—248, 288—296.*

² HDP, 1, s. 647, 650.

³ *Iorga N. Geschichte..., Bd. 2, S. 402—408.*

⁴ HDP, 1, s. 648; История УРСР. Київ, 1979, т. 1, кн. 2, с. 112; *Грушевский М.С. История украинского казачества. СПб., 1913, с. 47.*

⁵ *Wojciechowski Z. Zygmunt Stary. W., 1946, s. 217—223.*

⁶ *Wojciechowski Z. Zygmunt Stary, s. 231.*

⁷ HDP, 1, s. 652.

⁸ *Katalog dokumentow tureckich. W., 1959, N 21; HDP, 1, s. 652—653.*

⁹ *Wojciechowski Z. Zygmunt Stary, s. 232.*

¹⁰ *Ibid., s. 232—233.*

¹¹ *Ibid., s. 242.*

¹² *Katalog dokumentow tureckich, N 22; HDP, 1, s. 650.*

¹³ *Сказкин С. Д. Из истории социально-политической и духовной жизни Западной Европы в средние века. М., 1981, с. 168.*

¹⁴ *Iorga N. Geschichte..., Bd. 2, S. 407—412.*

¹⁵ HDP, 1, s. 654.

¹⁶ HDP, 1, s. 656.

¹⁷ *Iorga N. Geschichte..., Bd. 2, S. 415—426.*

¹⁸ HDP, 1, s. 657.

¹⁹ *Iorga N. Geschichte..., Bd. 2, S. 377—384.*

²⁰ *Wojciechowski Z. Zygmunt Stary, s. 252 — 255, 257; Сказкин С. Д. Из истории..., с. 169.*

²¹ *Hirschberg A. Hieronim Laski. Lwow, 1888, s. 189; Pocięcha W. Krolowa Bona (1494—1557). Czasy i ludzie Odrodzenia. Poznan, 1958, t. IV, s. 177.*

²² *Pajewski J. Wegierska polityka Polski w polowie XVI w. (1540—1571). Krakow, 1932, s. 4, 5.*

²³ HDP, 1, s. 597.

²⁴ *Pajewski J. Wegierska polityka Polski..., s. 40—45.*

²⁵ *Iorga N. Geschichte..., Bd. 3, S. 9—11; История Венгрии, М., 1971, Т. 1, с. 243.*

²⁶ HDP, 1, s. 660.

²⁷ *Базылев Л. Польско-турецкие дипломатические связи в XVI в.— В кн.: Россия, Польша и Причерноморье в XV — XVIII вв. М., 1979, с. 12—28. Wojciechowski Z. Zygmunt Stary, s. 330—334; Polska, jej dzieje i kultura. W., 1927, 1. 1, s. 346; Греков И. В. Очерки..., с. 295—296.*

²⁸ *Katalog dokumentow tureckich, N 30; HDP, 1, s. 657.*

²⁹ *Wojciechowski Z. Zygmunt Stary, s. 252—256.*

³⁰ HDP, 1, s. 658; *Konopczynski Wt. Dzieje Polski nowozytniej. W., 1936, t. 1, s. 37—39.*

- ³¹ Polska, jej dzieje..., t. 1, s. 327—328; Греков И. Б. Очерки..., с. 289—290.
- ³² Wojciechowski Z. Zygmunt Stary, s. 248, 249, 259; HDP, 1, s. 658.
- ³³ Базылев Л. Польско-турецкие дипломатические связи в XVI в., с. 17—18.
- ³⁴ Polska, jej dzieje..., s. 329—338.
- ³⁵ Kolankowski L. Polska Jagiellonow. Dzieje polityczne. Lwow, 1936, s. 229; Konopczynski Wl. Dzieje..., s. 62.
- ³⁶ Любавский М. К. Очерк истории Литовско-русского государства. М., 1915, с. 222—223, 225; Юргинис Ю. М. Посольство М. Литвина у Крымского хана в 1538—1540 гг.— В кн.: Россия, Польша и Причерноморье..., с. 90—93.
- ³⁷ HDP, 1, s. 669; Danilowicz Ign. Skarbiec Dyplomatow papieskich, cesarskich, krolewskich, ksiazecznych..., Wilno, 1863, t. 2 (1411—1569), s. 312, 314.
- ³⁸ HDP, 1, с. 669; Kolankowski L. Polska Jagiellonow. Lwow, 1936, s. 264; Katalog dokumentow tureckich, N 97, 101, 103, 108.
- ⁴⁰ HDP, 1, s. 669; Danilowicz Ign. Skarbiec Dyplomatow..., s. 312, 314.
- ⁴¹ Kolankowski L. Zygmunt August, wielki ksieze Litwy do roku 1548. Lwow, 1913, s. 75, 79; Любавский М. К. Очерк истории..., с. 224—230; История Литовской ССР. Вильнюс, 1977, с. 98.
- ⁴² Polska sluzba dyplomatyczna XVI—XVIII wieku. W., 1966, s. 120—121.
- ⁴³ Греков И. Б. Очерки..., с. 304—307.
- ⁴⁴ Флоря В. Я. Проект антитурецкой коалиции середины XVI в.— В кн.: Россия, Польша и Причерноморье..., с. 79—81.
- ⁴⁵ Смирнов И. И. Восточная политика Василия III.— ИЗ, 1948, т. 27; Зимин А. А. Россия на пороге нового времени. М., 1972, с. 369, 382.
- ⁴⁶ Смирнов И. И. Восточная политика...; Зимин А. А. Россия на пороге..., с. 370, 388.
- ⁴⁷ Katalog dokumentow tureckich, t. 1, N 27.
- ⁴⁸ Зимин А. А. Россия на пороге..., с. 370—371, 387.
- ⁴⁹ ПСРЛ, т. 13, с. 106—107; Смирнов И. И. Очерки политической истории Русского государства 30—50-х годов XVI в. Л., 1958. с. 56.
- ⁵⁰ Худяков М. Т. Очерки по истории Казанского ханства. Казань, 1923, с. 94—98.
- ⁵¹ Katalog dokumentow tureckich, t. 1, N 30; HDP, 1, s. 655—656.
- ⁵² Kolankowski L. Polska Jagiellonow, s. 231—232.
- ⁵³ Polska, jej dzieje i kultura, t. 1, s. 333—336; ПСРЛ, т. 13, с. 79, 100.
- ⁵⁴ Смирнов И. И. Очерки политической истории..., с. 53—66 и след.
- ⁵⁵ Греков И. Б. Очерки..., с. 291—296.
- ⁵⁶ Акты западной России. СПб., 1846, т. 2, № 218; Смирнов И. И. Очерки..., с. 83.
- ⁵⁷ Послания Ивана Грозного. М., 1951, с. 47, 107; Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. М., 1981, с. 37, 85.
- ⁵⁸ Подробнее см.: Шмидт С. О. Предпосылки и первые годы «Казанской войны» (1545—1549).— В кн.: Тр. Мос. гос. историко-архивного ин-та. М., 1954, т. 6 с. 229-234.
- ⁵⁹ Смирнов И. И. Очерки..., с. 93—100.
- ⁶⁰ О деятельности таких группировок в соседних с Россией юртах см.: Шмидт С. О. К характеристике русско-крымских отношений второй четверти XVI в.— В кн.: Международные связи России до XVII в. М., 1961.
- ⁶¹ Подробнее см.: Шмидт С. О. Предпосылки..., с. 237—239; Pelenski J/. Russia and Kazan. Conquest and Imperial Ideology (1438—1560). Hague; Paris, 1974.
- ⁶² ПСРЛ, т. 13, с. 150, 452; т. 29, с. 50.
- ⁶³ Савава В. И. Московские цари и византийские василевсы. Харьков, 1901, с. 270—272.
- ⁶⁴ Арциховский А. В. Древнерусские миниатюры как исторический источник. М., 1944, с. 116—118.
- ⁶⁵ Подробнее см.: Шмидт С. О. Становление российского самодержавства. М., 1973, с. 108 и след.
- ⁶⁶ Фехнер М. В. Торговля Русского государства со странами Востока в XVI веке. М., 1956.
- ⁶⁷ ЦГАДА, ф. 127, Дела Ногайские, кн. 4, л. 100.
- ⁶⁸ Сыроечковский В. Н. Гости-сурожане. М., Л., 1935.
- ⁶⁹ ПСРЛ, т. 13, с. 162, 463.
- ⁷⁰ Тихомиров М. Н. Россия в XVI столетии. М., 1962, с. 489—490; ЦГАДА, ф. 127, Дела Ногайские, кн. 3, с. 103.
- ⁷¹ Об этом см.: История дипломатии. М., 1941, т. 1, с. 130, 199; 2-е изд. М., 1959, т. 1, с. 171.
- ⁷² Кушева Е. Н. Народы Северного Кавказа..., с. 181 и сл.
- ⁷³ Подробнее см.: Греков И. Б. Очерки..., с. 298—307.
- ⁷⁴ ЦГАДА, ф. 127, Дела Ногайские, кн. 4, л. 39 об.— 40; Соловьев С. М. История России, т. III, с. 481—482.
- ⁷⁵ См.: ЦГАДА, ф. 127, Дела Ногайские, кн. 4, л. 11 и об.; Бурдей Г. Д. Взаимоотношения России с Турцией и Крымом в период борьбы за Поволжье в 40—50-х годах XVI века.— УЗ Саратов. гос. ун-та, 1956, т. XVII, с. 191; Наякин К. Я. Очерки по истории Среднего Поволжья. Куйбышев, 1955, с. 17; и др.

⁷⁶ ПСРЛ, т. 19, стб. 684—685; *Кунцевич Г. З.* История о Казанском царстве или Казанский летописец.— ЛЗАК, 1905, вып. 16, с. 387.

⁷⁷ Подробнее об этом см.: *Димитриев В. Д.* Добровольное вхождение Чувашии в состав Русского государства. — В кн.: 425-летие добровольного вхождения Чувашии...

⁷⁸ ПСРЛ, т. 13, с. 166, 468.

⁷⁹ ЦГАДА, ф. 123, Дела Крымские, кн. 10, л. 95 об.; *Шмидт С. О.* Правительственная деятельность А. Ф. Адашева. — УЗ МГУ, 1954, вып. 167; А. Ф. Адашев уже имел некоторый опыт в области восточной политики (ПСРЛ, т. 34, с. 181). Подробнее о миссиях А. Ф. Адашева в Казань см.: *Шмидт С. О.* Восточная политика России накануне «Казанского взятия». — В кн.: Международные отношения: Политика. Дипломатия. XVI—XX века. М., 1964.

⁸⁰ ПСРЛ, т. 13, с. 167-169, 468-470; т. 29, с. 64-65.

⁸¹ ПСРЛ, т. 13, с. 172—174, 473; т. 29, с. 68-69.

⁸² ЦГАДА, ф. 127, Дела Ногайские, кн. 4, л. 101; ПСРЛ, т. 19, стб. 110.

⁸³ ПСРЛ, т. 13, с. 190, 487; Сб. РИО, т. 59, с. 363.

⁸⁴ ПСРЛ, т. 13, с. 221-222, 516; т. 29, с. 110—111.

⁸⁵ РИБ, т. XXXI, стб. 205.

⁸⁶ *Кушеев Е. Н.* Народы Северного Кавказа..., с. 194.

⁸⁷ ПСРЛ, т. 13, с. 235, 236, 244, 274—275; *Шмидт С. О.* «Сказание о взятии Астрахани» в летописной традиции XVII — начала XVIII вв.— Тр. МГИАИ, 1963, т. 17.

⁸⁸ *Соловьев С. М.* История России, т. IV, с. 271; *Сафаргалиев М. Г.* Ногайская орда во 2-й половине XVI в.— В кн.: Сборник научных работ (Морд. гос. пед. ин-т). Саранск, 1949.

⁸⁹ Подробнее см.: *Тихомиров М. Н.* Россия в XVI столетии, гл. XXV— XXVII.

⁹⁰ *Полиевктов М. А.* Экономические и политические разведки Московского государства XVII в. на Кавказе. Тифлис, 1932, с. 7; *Бушев П. П.* История посольств и дипломатических отношений Русского и Иранского государств в 1568—1612 гг. М., 1976, с. 37 и сл.; Сб. РИО, т. 129, с. 52.

⁸¹ *Фезнер М. Б.* Торговля Русского государства..., с. 6, 51 и сл.

Глава 10 ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ДУНАЙСКИХ КНЯЖЕСТВ С ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИЕЙ В XVI в.

Воспользовавшись противоречиями между европейскими державами, главным стержнем которых было соперничество Габсбургов и Франции, Османская империя в 20-е годы XVI в. активизировала наступательные действия в Европе. В реализации планов продвижения в Центральную Европу Порты отводила определенную роль Дунайским княжествам, имея в виду прежде всего их материальные ресурсы и стратегическое положение. Это в полной мере оценивалось Венгрией и Польшей, которые, стремясь противодействовать замыслам султана, были заинтересованы в упрочении своего влияния в княжествах.

Валахия к началу XVI в. уже находилась в вассальной зависимости от султана. Борьба боярских группировок за власть в княжестве, последовавшая после смерти Нягое Басараба (1521), позволила Порте укрепить здесь свое влияние. Чтобы сохранить валашский престол, сын Нягое Феодосий обратился за помощью к султану против боярской партии, выдвигавшей претендентами на господство сначала Драгомира, затем Раду Афумац. Войска никопольского паши Мехмед-бея в конце 1521—начале 1522 г. дважды вступали на территорию Валахии. Драгомир и его сторонники были схвачены и убиты. Раду отступил в Трансильванию¹. Расправившись с противниками господаря, Мехмед-бей вскоре превратил Феодосия в орудие своей политики, затем отправил его в Стамбул, где он впоследствии и умер. Он стал вводить в княжестве турецкую администрацию, пытаясь превратить его в пашалык, который надеялся получить от султана в свое управление².

Но в июне 1522 г. Раду Афумац с помощью войск трансильванского воеводы Яноша Запольяи вернулся в Валахию. В течение 1522—1524 гг. Раду с переменным успехом вел борьбу за валашский престол с Мехмед-беем, а затем с его ставленником на господство Владиславом. В периоды отступлений Раду находил убежище в Трансильвании, откуда при поддержке Запольяи организовывал военные экспедиции в Валахию³.

Укрепление османов в соседнем Валашском княжестве создало непосредственную угрозу для Венгрии. Поэтому венгерский король Лайош II через трансильванского воеводу поддерживал Раду Афумац в борьбе за власть в Валахии, стремясь тем самым повлиять на положение дел в княжестве.

Чтобы не допустить упрочения венгерского влияния, Порты решила привлечь Раду на свою сторону, признав его господарем. Когда в сентябре 1524 г. Раду вместе с отрядами Запольяи вступил в столицу княжества Тырговиште, командуя османскими силами Ибрагим-паша, не оказав претенденту сопротивления, начал с ним переговоры⁴.

В стремлении утвердиться на валашском престоле Раду пошел на соглашение с султаном. В декабре 1524 г. он был на приеме у султана, которого признал своим сюзереном, согласившись на увеличение дани с 12 до 14 тыс. дукатов и подтверждение господства Портой через каждые три года⁵. В то же время, следуя традиционной тактике лавирования, он направил весной 1525 г. к венгерскому королю своего посла со сведениями об османских военных приготовлениях и с просьбой о помощи на случай необходимости⁶. В период подготовки османской экспедиции на Белград летом 1521 г. Сулейман усилил давление и на Молдавское княжество. Чтобы Польша не смогла оказать помощь Венгрии, султан поручил крымскому хану атаковать польские территории. Молдавскому господарю Штефэнице был также послан указ выступить против Трансильвании⁷. Господарь всячески затягивал с выполнением поручения Порты. Последовали второй и третий послы из Стамбула с тем же требованием⁸. С последним послом в конце июля — августе господарь направил Сулейману письмо, в котором объяснял невозможность выступления против Трансильвании опасностью для княжества со стороны татар и Польши⁹.

Включение Валахии в сферу османской политики, захват османами Белграда осложнили внешнеполитическое положение Молдавского княжества. Крупное молдавское боярство во главе с Лукой Арборе, тяготевшее к Польше, стремилось направить княжество в русло антиосманской европейской политики. Планы этой боярской группировки в данном случае отвечали занятой господарем позиции лавирования. Поэтому в декабре 1522 г. с посольством в Польшу отправился Лука Кыржэ. Задача посольства заключалась в том, чтобы побудить польского короля активизировать антиосманскую борьбу европейских государств, дав ему понять, что Молдавское княжество готово принять в ней участие¹⁰. Ответ Сигизмунда Штефэнице был общим, без каких-либо конкретных предложений. Соперничество Карла V и Франциска I мешало объединению европейских сил для антиосманской борьбы. Сам польский король не без влияния Франции был настроен на мирные отношения с султаном.

Бегство части крупного боярства в Польшу после расправы Штефэницы в 1523 г. с заговорщиками, выступившими против усиления господарской власти, и отказ Сигизмунда выдать их молдавскому господарю привели к ухудшению молдавско-польских отношений. Но в условиях возрастания османской угрозы обе стороны были заинтересованы во взаимной поддержке. Когда в мае-июне 1524 г. султанские войска, совершив вместе с татарами нападение на Польшу, возвращались через Молдавское княжество, Штефэница нанес им поражение на р. Прут, у местечка Тарасэуц¹¹. Этой акцией молдавский господарь дал Сигизмунду понять, что готов к совместным антиосманским действиям, но Польша все более склонялась к заключению мира с Портой. Польский король советовал и Лайошу II уладить конфликт с султаном лшрным путем¹². В 1525 г. между Сигизмундом и Сулейманом был заключен мир на три года¹³.

Между тем положение Штефэницы осложнилось. В конфликте с валашским господарем Раду Афумац из-за женитьбы на дочери Нягое Басараба Роксанде, подогреваемой бежавшими в Валахию после 1523 г. молдавскими боярами, против Штефэницы был султан, которого Раду призвал на помощь¹⁴. Боясь османских репрессий и не надеясь на поддержку Польши, молдавский господарь в начале 1525 г. направил послов к венгерскому королю с сообщением о султанских военных приготовлениях. В

феврале 1526 г. в Буде снова был посол Штефэницы с извещением, что Порта готова к выступлению против Венгрии¹⁵.

Чтобы парализовать отношения Дунайских княжеств с Венгрией, султан приказал их господарям участвовать с войсками в антивенгерском походе. От валашского господаря Раду Афумац он потребовал в качестве заложника единственного сына¹⁶.

Во время похода Сулеймана против Венгрии молдавский господарь располагался с войском вблизи границ с Польшей. Такая позиция была удобна Штефэнице. Она позволяла ему объяснять султану свое поведение намерением соединиться с татарами для атаки на Польшу, чтобы она не могла оказать помощь венгерскому королю. Поэтому молдавский господарь проявлял заинтересованность в распространении слухов о лодобных своих намерениях¹⁷. Эти слухи особенно поддерживались Польшей, так как они давали ей возможность, в свою очередь, объяснять Лайошу II невозможность прийти на помощь Венгрии. Венгерскому же королю Штефэница сообщал через своего посла, что готовится отразить нападение татар на княжество¹⁸.

Распад королевства Венгрии вследствие поражения при Мохаче (1526) привел к серьезным изменениям в политическом положении стран Центральной и Юго-Восточной Европы. Одним из важных его последствий было начало прямой конфронтации Габсбургов с Османской империей. В соперничестве султана за влияние в Карпато-Дунайском регионе Габсбурги стремились использовать Дунайские княжества. Молдавский и валашский господаи со своей стороны пытались заручиться поддержкой Габсбургов против оппозиционного боярства, поддерживаемого Портой. Это приводило к тому, что княжества оказывались прямо или косвенно втянутыми в борьбу двух империй, которая тем самым непосредственно воздействовала на внешнеполитическое положение княжеств. В то же время распад королевства Венгрии и подчинение восточной части Венгрии и Трансильвании во главе с Яношем Запольяи султану сузили возможности для лавирования господарей, что способствовало усилению зависимости Дунайских княжеств от Османской империи. Порта пресекала попытки княжеств установить контакты с Габсбургами.

Валашский господарь Раду Афумац, вмешавшись в борьбу Запольяи и Фердинанда за венгерскую корону, был вначале на стороне своего прежнего союзника, которого поддерживала Порта, а затем стал союзником Габсбургов. Последний шаг господарей вызвал недовольство бояр, проводивших политику соглашательства с султаном, который решил сместить Раду с валашского престола¹⁹. В результате заговора бояр, вдохновляемого Портой, Раду в 1529 г. был убит²⁰. Оказалась неудачной и попытка его преемника Моисея Воды (1529—1530) прибегнуть к поддержке Габсбургов²¹.

В начале января 1527 г. Фердинанд I направил к молдавскому господаю Штефэнице посла с поручением привлечь его на сторону Габсбургов²². Но смерть Штефэницы в январе 1527 г. помешала планам Фердинанда.

Преемник Штефэницы Петр Рареш в интересах консолидации власти в начале своего первого правления (1527—1538) должен был быть послушным Порте. Рарешу пришлось согласиться на увеличение Портой харача с 8 до 10 тыс. золотых²³. Этим же объяснялось и решение его сотрудничать с союзником султана Запольяи.

В борьбе Фердинанда и Запольяи Рареш видел возможность расширить наследственные владения молдавских господарей в Трансильвании и тем самым усилить материальную базу господаства. С целью реализации этих планов и выяснения возможностей вначале он вел переговоры с обоими претендентами²⁴. Когда же в 1529 г. Запольяи с помощью султана вернулся в Буду, Рареш заключил с ним в мае союз, получив в ответ на обещание военной помощи согласие на присоединение к бывшим молдавским владениям в Трансильвании Унгураша, Бистрицы и Родны²⁵. В соответствии с договоренностью летом 1529 г. молдавский господарь начал военные действия в Трансильвании против сторонников Фердинанда, содействуя ее подчинению власти Запольяи²⁶. Успешные акция Рареша в Трансильвании наряду с территориальными

приобретениями, полученными по договору с Запольяи, способствовали усилению его власти внутри княжества, укреплению его внешнеполитических позиций. Брак одной из его дочерей с валашским господарем Владом²⁷ давал Рарешу возможность в определенной степени контролировать также и внешнюю политику Валахии.

Затем Рареш занялся проблемой возвращения Покутья, которое в 1505 г. Богдан III уступил Польше. Имея в виду возможность союза с Московской Русью против Польши, молдавский господарь направил в 1529 г. своих послов к Василию III²⁸.

Напряженные отношения с Польшей заставляли Рареша аккуратно выполнять обязательства перед Портой, подчиняться всем требованиям султана. В исторической литературе существует мнение, что после падения Буды в сентябре 1529 г. Рареш принес присягу султану и что по этому случаю был заключен договор, оформлявший вассальное положение Молдавского княжества в системе Османской империи²⁹. Современное состояние источников не дает оснований говорить о заключении формального акта между Рарешом и султаном в 1529 г. Но вне связи с тем, существовал формальный договор или нет, в это время возрастает зависимость Молдавского княжества от Османской империи. Свидетельством этому является письмо Сулеймана от 1531 г. к польскому королю Сигизмунду I, в котором султан, подчеркивая свою власть над Дунайскими княжествами, называет Рареша как и валашского господаря данниками и рабами своими³⁰.

В августе 1530 г. Рареш просил польского короля уступить Покутье. Получив отказ, молдавский господарь в декабре того же года занял эту территорию. В ответ на требование Сигизмунда оставить Покутье Рареш намекал на османскую помощь, вызывая в Польше подозрение, что его акция санкционировалась султаном. С целью выяснения отношения Порты к действиям Рареша Сигизмунд направил в апреле 1531 г. своего посла в Стамбул. Султан заверил польского посла, что он намерен сохранять мир с Польшей³¹. В международной ситуации, сложившейся в Центральной Европе после битвы при Мохаче, такая позиция отвечала основной задаче Порты в ее отношениях с Польшей — стремлению не допустить польско-габсбургского сближения. Политика Габсбургов в Центральной Европе, их планы, связанные с утверждением в Венгрии, заставляли Польшу со своей стороны сохранять мир с Османской империей.

Позиция султана в молдавско-польском конфликте из-за Покутья означала его молчаливое согласие с действиями Польши. В начале августа 1531 г. польские войска вытеснили молдавские гарнизоны из Покутья. Попытка Рареша вернуть Покутье закончилась поражением молдавских войск при Обертыне (22 августа 1531 г.), в котором сказались не только поспешность действий господаря, но и предательская политика крупных бояр, недовольных укреплением его власти³².

Однако Рареш не смирился с поражением, Покутье на несколько лет становится театром постоянных молдавско-польских военных действий. Предпринимаемые с обеих сторон попытки решения конфликта дипломатическим путем не имели успеха. Во время польско-османских переговоров 1533 г. султан под влиянием своего советника венецианца Алоизио Гритти высказался за свержение Рареша³³.

Конфликт Рареша с Польшей в международных условиях 30-х годов XVI в. логически должен был привести его к переходу на антиосманские позиции. Заключение Польшей в 1532 г. «вечного» мира с Портой³⁴ в то время, когда продолжалась молдавско-польская война за Покутье, придало действиям Рареша направленность против султана. В поисках союзника молдавский господарь направил в 1533 г. послов в Москву³⁵. Возросшие требования султана, его позиция в отношении Покутья определили решение Рареша сотрудничать с Габсбургами. К этому решению молдавского господаря подтолкнула также боязнь султанского гнева за соучастие в убийстве в 1534 г. Гритти, который воспользовался поручением султана урегулировать конфликт между Фердинандом и Запольяи для осуществления личных планов, имевших цель добиться власти в Трансильвании и, возможно, в Дунайских княжествах³⁶.

4 апреля 1535 г. молдавский господарь заключил секретный договор с Фердинандом. В обмен на обязательство военного участия в антиосманских действиях Рареш закреплял свои владения в Трансильвании. Фердинанд обещал молдавскому господарю дипломатическую поддержку в урегулировании отношений с Польшей. Чтобы освободить своего союзника от длительного конфликта, Фердинанд пытался добиться заключения мира между Молдавским княжеством и Польшей³⁷. Также русское правительство в переговорах с Польшей в 1536—1537 гг. настаивало на мире короля с молдавским господарем³⁸. Сулейман также предпринял попытку привлечь Рареша на свою сторону, обещая ему прощение за участие в убийстве Гритти и благоприятное решение проблемы Покутья³⁹. Но Рареш, вступив в 1537 г. в отношения с императором Карлом V, закрепил свои антиосманские позиции⁴⁰ и продолжал войну с Польшей.

Складывавшаяся в это время в Европе международная обстановка благоприятствовала планам молдавского господаря. Создание Священной лиги в результате заключения Францией и Габсбургами договора в июне 1538 г. открывало возможности для европейских антиосманских действий в момент, когда султан был отвлечен продолжающимся конфликтом с Ираном⁴¹.

Мир между Фердинандом и Запольяи (февраль 1538 г.) предусматривал возвращение венгерской короны после смерти Запольяи Габсбургам⁴². Аннулируя договор 1528 г. между Сулейманом и Запольяи, этот мир создавал условия для включения Венгрии в сферу влияния Габсбургов.

В этом контексте европейской международной политики договор Рареша с Фердинандом от 1535 г. и попытки Габсбургов привлечь к Священной лиге Польшу рассматривались Сулейманом как непосредственная угроза интересам Порты. Используя в качестве предлога причастность Рареша к убийству Гритти, султан предпринял в 1538 г. военную экспедицию в Молдавское княжество. Планы Порты поддерживались польским королем⁴³. Претворение их в жизнь облегчалось тем, что недовольное сильной господарской властью боярство просило султана о замене Рареша.

В сентябре 1538 г. султан во главе огромной армии вторгся в Молдавское княжество. Одновременно восточные границы княжества атаковали татары, а с севера наступали польские войска. Первые военные действия Рареша были успешными. Он одержал победу над перешедшими Днестр татарскими отрядами на р. Прут, у Штефэнешть, и направил силы на север, чтобы противостоять польским войскам и добиться перемирия с Польшей, что дало бы ему возможность сосредоточиться на отражении османского нападения. Неудача под Хотином заставила польского короля пойти на перемирие. Но в это время крупное молдавское боярство предало господаря, скрыв факт вступления султана на территорию княжества. Когда Рареш узнал об этом, османские войска были уже под Сучавой, где боярство с согласия Порты посадило на престол нового господаря Штефана Лакусту. Рарешу пришлось покинуть княжество⁴⁴.

Предательство крупного боярства, отсутствие помощи со стороны антиосманской коалиции предопределили подчинение Молдавского княжества Османской империи. В столице княжества Сучаве расположился турецкий гарнизон. Султан захватил значительные территории между Прутом и Днестром. Буджак был присоединен к Белгороду, где обосновались татары. Тигин, переименованный после постройки турками новой крепости в Бендеры, с прилегающими к нему землями составил османскую райю⁴⁵.

Непосредственным следствием военной кампании 1538 г. было установление вассальной зависимости Молдавского княжества от Османской империи. Порта усилила свое влияние на внутреннюю жизнь княжества и контроль за поведением господаря, особенно во внешнеполитическом плане.

Экспедиция Сулеймана в Молдавское княжество оказала определенное влияние на расстановку сил в европейской международной политике. Успехи османских войск ускорили распад антиосманской коалиции. После разгрома союзного флота в Провесе 28 сентября 1538 г. и заключения Венецией нового договора с Портой европейские действия

против султана практически не имели места. 21 октября 1540 г. Лига заключила мирный договор с Османской империей. Османская кампания 1538 г. способствовала разрыву договора между Фердинандом и Запольяи и возобновлению конфликта за венгерскую корону. Поддерживая кандидатуру Яноша Жигмонда, преемника Запольяи, султан начал длительную войну против Фердинанда. Образование в 1541 г. пашалыка в Центральной Венгрии с центром в Буде и вассального султану Трансильванского княжества укрепило османские позиции в Европе, создало препятствие для габсбургско-венгерского объединения и связей Габсбургов с Дунайскими княжествами⁴⁶. Следствием этого было усиление вассальной зависимости княжеств от Османской империи, контроля Порты за внешнеполитическим поведением господарей.

После 1538 г. возросла угроза превращения княжеств в пашалыки. Стремление к этому многих османских сановников⁴⁷ не было поддержано султаном. Порта предпочитала держать княжества в вассальной зависимости при сохранении их внутренней автономии. Выкачивание материальных ресурсов из княжеств путем ежегодной дани и разного рода поборов было султану экономически выгоднее, чем их прямое административное подчинение. Кроме того, княжества должны были выставлять отряды для участия в османских военных действиях. Опора на крупное боярство в княжествах позволяла Порте использовать их социально-политическую структуру для создания соответствующей османским интересам системы подчинения княжеств. Главным инструментом этой системы было право султана на утверждение господаря, избираемого местными боярами. В знак гарантии верности господари были обязаны посылать в Стамбул сыновей или близких родственников в качестве заложников.

Во второй половине XVI в. право утверждения господаря, избираемого боярами княжества, превращается в систему прямого назначения их султаном без совета с боярством, что приводило к росту денежной суммы, уплачивавшейся претендентом за получение престола. Система назначений делала невозможным утверждение в княжествах неугодных Порте господарей, в том числе претендентов, поддерживаемых Габсбургами. Возраставшая потребность в средствах для претворения султанских завоевательных планов привела во второй половине XVI в. к усилению османской экономической эксплуатации Дунайских княжеств. Как средство политического давления и выкачивания денег Порта все чаще использовала угрозу превращения их в пашалыки и многочисленных претендентов на господарство, готовых заплатить любую сумму за престол. Неизбежным результатом этих изменений, связанных с усилением вассальной зависимости княжеств от Османской империи, было падение к концу XVI в. значения института господарей, а следовательно, ограничение внутренней функции сохранявшейся в системе империи государственности княжеств.

Что касается внешней функции княжеств, то она оказалась полностью связанной с интересами политики Порты. Статус Дунайских княжеств в системе Османской империи отражался и на специфике их внешнеполитического положения, на которое оказывали влияние международные отношения в Юго-Восточной Европе, внешнеполитические планы султана в этом регионе.

Валашский и молдавский господарь, признавая сюзеренитет султана, не имели права на покровительство другой страны, не могли иметь представителя в иных государствах и заключать с ними договоры. Нарушение данных условий являлось для султана юридическим основанием для свержения неугодных господарей. Такое положение княжеств давало возможность Порте держать под контролем их внешнеполитическую линию.

На практике султан допускал до определенного предела известную самостоятельность княжеств во внешних делах, что позволяло им тайно, а иногда и открыто вступать в отношения с Габсбургами, Польшей, Россией. Степень самостоятельности княжеств зависела от внешнеполитических планов Османской империи в тот или другой период. Порта не вмешивалась в отношения княжеств с

другими государствами до тех пор, пока они не вступали в прямое противоречие с интересами султана, его политики в Юго-Восточной Европе. Такая тактика позволяла Османской империи в зависимости от конкретных задач ее внешней политики на определенном этапе использовать княжества, их отношения с другими странами для вмешательства в соперничество европейских держав на юго-востоке континента с целью оказать соответствующее планам султана влияние на соотношение сил между ними.

В то же время допускаемая султаном определенная внешнеполитическая самостоятельность питала в самих княжествах стремление сначала к сохранению независимости, затем к ее восстановлению. В осуществлении этих планов молдавские и валашские господа ориентировались на помощь извне. Отсюда попытки Дунайских княжеств получить поддержку Габсбургов, которые, в свою очередь, стремились, особенно активно со второй половины XVI в., хотя и безуспешно, путем дипломатических и военных акций включить княжества в орбиту своих интересов. Особенность внешнеполитического положения Валашского и Молдавского княжеств в контексте международной ситуации в Юго-Восточной Европе позволяла господам, несмотря на усиление вассальной зависимости княжеств от Порты, проводить политику лавирования, с помощью которой они пытались использовать соперничество крупных держав в своих политических интересах, в интересах освобождения от власти султана. Однако успехи османских завоеваний в Центральной Европе резко ухудшили условия для проведения княжествами такой политики во второй половине XVI в.

Попытка Александра Корни, занявшего молдавский престол после убийства боярами Штефана Лакусты, получить помощь Габсбургов, чтобы вернуть захваченные султаном территории княжества, не имела успеха⁴⁸. Султан вернул в Молдавское княжество в 1541 г. Петра Рареша с условием увеличения харача до 12 тыс. золотых⁴⁹, сохранения османского гарнизона в Сучаве, присылки сына Илиаша в Порту в качестве заложника и признания территориальных изменений 1538 г. Рареш должен был участвовать со своим войском в османских экспедициях в Трансильванию в 1541 и 1542 гг. с целью водворения на престол Яноша Жигмонда.

Имея в виду враждебную политику польских феодалов, Рареш в 1543 г. возобновил связи с русским правительством, на денежную помощь которого господарь рассчитывал в условиях возрастающих требований Порты⁵⁰. Несмотря на подчинение султану, Рареш не отказался от освободительных планов, основывавшихся на сотрудничестве с Габсбургами. В период подготовки Габсбургами в 1542 г. военной кампании с целью освобождения Буды молдавский господарь снова вступает в отношения с ними. В марте 1542 г. Рареш заключил секретный договор с Иоахимом Бранденбургским, который по поручению Фердинанда должен был возглавить антиосманские действия. Молдавский господарь обязался предоставить войска и денежный заем в 200 тыс. флоринов, а также информировать о движении султанских войск⁵¹. Но недостаточная организация войск, медлительность и неспособность Иоахима возглавить кампанию привели ее к неудаче. Рареш оставил мысли об освобождении.

Валахия в 30—40-е годы XVI в. все больше подчинялась Османской империи. Важным средством османской политики в княжестве оставалось использование борьбы за власть между различными боярскими группировками. Связанная с этой борьбой внутривластная неустойчивость ослабляла Валахию и служила поводом для вмешательства султана в ее дела. Поэтому Порты проявляла заинтересованность в разжигании противоречий между группировками валашских бояр. Но как только борьба между ними входила в противоречие с интересами султана, Порты выставляла военные силы на помощь своему ставленнику-господарю.

Борьба боярских группировок, начавшаяся после смерти Раду Афумац, привела к частой смене господарей в Валахии. В 30-е годы XVI в. ослабевает влияние бояр Крайовы, которые постепенно уходят с политической сцены в борьбе с противостоящей партией, оставив ей в наследство политику соглашательства с султаном. Господари, сменявшие в

этот период друг друга на престоле почти каждые два-три года, были инструментами в руках боярства, являвшегося проводником интересов Порты в княжестве.

Пришедший в 1535 г. к власти Раду Паисий уступил Порте Браилу с прилегающим уездом, территория которого была превращена султаном в райю⁵². Как и его предшественник Влад Винтила (1532—1535), Раду попытался получить помощь Габсбургов. Он договорился в 1543 г. с Фердинандом о совместных действиях против султана, пообещав отказаться от помощи Яношу Жигмонду⁵³. Но эта антиосманская акция Раду стоила ему престола⁵⁴.

В 1545 г. Порта назначила господарем Мирчу Чобану, сына Раду Великого. Мирча попытался положить конец анархии в княжестве, ограничив политическое влияние крупного боярства. По его приказу в самом начале правления было убито 200 человек, в их числе — около 48 великих бояр⁵⁵. Многие из бояр бежали в Трансильванию, откуда с помощью наемников предпринимали нападения на Валахию с целью изгнания Мирчи. В августе 1548 г. Мирче удалось разгромить силы беглых бояр, которые на сей раз отступили в Браилу, рассчитывая получить помощь Порты⁵⁶. В ноябре 1552 г. претенденту на престол Раду Илие с помощью наемного войска удалось добиться устранения Мирчи, который был вынужден бежать к османам в Джурджу⁵⁷. Безуспешной была попытка Илие получить помощь Габсбургов⁵⁸. С помощью султана и молдавского господаря Александра Лэпушняну в конце 1553 г. Мирча сумел вернуться на валашский престол, но правил недолго. За связи с Габсбургами он был смещен султаном и заменен в 1554 г. Петрашку Добрым, сыном Раду Паисия⁵⁹. Союз с боярством позволил Петрашку закрепиться на престоле. В 1556 г. он участвовал в антигабсбургских действиях по возвращении Яноша Жигмонда в Трансильванию.

После смерти Петрашку в 1557 г. валашский престол вновь занял Мирча Чобану. Большинство великих бояр бежало из Валахии. Вернув их в княжество с помощью обещаний, Мирча расправился с верхушкой правящего боярства и духовенства⁶⁰. Часть враждебно настроенного по отношению к господарю боярства ушла в Трансильванию, к находившемуся там Раду Илие.

Смерть Мирчи (1559) привела к новому обострению борьбы боярских группировок в Валахии, в которой, с одной стороны, выступало среднее и мелкое боярство, заинтересованное в сильной господарской власти, с другой — крупные бояре, противники централизации. В период правления сына Мирчи Петра в господарский совет были введены представители среднего и мелкого боярства, а также сторонники проосманской политики, которые захватили наиболее важные посты в княжестве⁶¹.

В 1568 г. Порта назначила господарем другого сына Мирчи — Александра. Он продолжил борьбу против остатков оппозиционных бояр, чем вызвал неоднократные их обращения к султану с просьбой о смене господаря. Но эти просьбы не нашли поддержку у Порты, которая рассчитывала на помощь Александра в подавлении освободительного движения под руководством молдавского господаря Иона Воды.

Внутреннее положение в Молдавском княжестве при преемниках Петра Рареша, его сыновьях Илиаше (1546—1551) и Штефане (1551—1552), также характеризовалось неустойчивостью, сопровождавшейся ростом экономических и политических требований Порты. В этих условиях попытка Илиаша обложить налогом крупное боярство и духовенство с целью удовлетворения султанских требований вызвала их оппозицию. Илиаш оставил княжество, принял мусульманство и стал пашой Силистрии⁶².

Получив отказ польского короля на просьбу о помощи против султана⁶³, Штефан Рареш обратился к Габсбургам. Поскольку их власти в этот период была временно подчинена Трансильвания, Штефан через своих послов просил императора о возвращении молдавских владений Чичейул и Четатя де Балтэ, обещая выступить против султана. Господарь предложил имперскому генералу Кастальдо план совместных антиосманских действий⁶⁴. По поручению султана Штефан Рареш должен был в 1551 и 1552 гг. принять участие в военных действиях против сторонников Габсбургов в Трансильвании. Эти

акции Штефана и переход его брата Илиаша на службу к султану усилили сомнения Габсбургов в искренности предложений молдавского господаря. По распоряжению Кастальдо Штефан был убит боярами, сторонниками претендента из Польши на молдавский престол Александра, который в результате борьбы между различными боярскими партиями стал господарем. В 1552 и 1553 гг. господарь и бояре принесли присягу польскому королю ⁶⁵.

В интересах укрепления своего положения в княжестве Александр, прозванный Лэпушняну, с 1553 г. подчиняется султану. Утверждение Портой нового господаря сопровождалось удвоением харача, достигшего 30 тыс. золотых ⁶⁶. В 1556 г. молдавские отряды вместе с валашскими участвовали в составе османских войск в военных действиях по возведению на княжеский престол Трансильвании Яноша Жигмонда. За верную службу султану Лэпушняну получил в 1558 г. два молдавских феода в Трансильвании ⁶⁷.

Меры господаря по укреплению центральной власти привели к конфликту с боярством. Последовали движения бояр в 1555, 1558, 1560 гг., пытавшихся заручиться поддержкой Габсбургов или Польши. В 1560 г. бояре и духовенство направили к Фердинанду послов с просьбой возвести на господарский престол претендента Деспота ⁶⁸. Сам Лэпушняну в начале своего правления вел переговоры в 1552—1553 гг. с Кастальдо о совместных действиях против султана при условии возвращения молдавских владений Чичейул и Четатя де Балтэ ⁶⁹. Политическая неустойчивость и тяжелое экономическое положение княжества заставляли господаря искать союзников. Лэпушняну неоднократно обращался за помощью к русскому правительству. Его послы находились в Москве в 1555, 1560, 1564 гг. ⁷⁰

В 1561 г. с помощью Габсбургов, а также при поддержке протестантских немцев и поляков молдавский престол получил находившийся при дворе Лэпушняну грек Якоб Деспот ⁷¹. Но он не оправдал надежд Габсбургов, которые рассчитывали сделать его своим агентом в Юго-Восточной Европе ⁷². Необходимость утверждения господарства султаном, консолидации власти в княжестве вынудили Деспота подчиниться Порте. Чтобы выплачивать тяжелую дань султану и выполнять обязательства перед Габсбургами, господарь должен был проводить жесткую финансовую политику, которая вызвала недовольство не только народных масс, но также боярства и духовенства. В ноябре 1563 г. в результате заговора бояр во главе со Штефаном Томшей Деспот был убит. Попытка Томши закрепиться на престоле не имела успеха. В 1564г. Порта вновь назначила господарем Лэпушняну. Его второе правление характеризовалось тяжелым экономическим положением княжества, вызванным непосильными султанскими требованиями и военными опустошениями, предшествовавшими его воцарению ⁷³. В 1568 г. Лэпушняну умер. Его преемник Богдан (1568—1572) признал себя вассалом польского короля ⁷⁴. Конфликт с недовольными его политикой боярами, просившими султана об отставке господаря, привел к смещению Богдана. Он вынужден был бежать в Польшу, затем нашел убежище у Габсбургов, а впоследствии — у русского царя ⁷⁵.

Последние десятилетия XVI в. в Молдавском княжестве отмечены нарастанием освободительных стремлений. Поражение турок при Лепанто (1571) способствовало антиосманским настроениям в княжестве. Наряду с попытками получить помощь извне господари стремились опереться на освободительное движение внутри княжества.

В 1574 г. такое движение возглавил господарь Ион Вода. Отказавшись от уплаты повышенной дани Порте, он начал подготовку к борьбе с султаном. Главной опорой господаря были отряды служилых и ополченцев из крестьян и горожан. На стороне Иона Воды выступили: вначале и бояре. Просьбы Иона к Польше и Трансильвании о поддержке остались без ответа. На помощь господарю пришли отряды запорожских казаков во главе с гетманом Иваном Сверчевским ⁷⁶.

Весной 1574 г. назначенный султаном на молдавский престол Петр Хромой вместе со своим братом валашским господарем Александром II Мирчей во главе османовалашских войск вступил в Молдавское княжество. Успехи войск Иона и казаков

обеспокоили султана Селима. Против восставших было направлено многочисленное войско, которое должно было соединиться с татарами, получившими приказ вторгнуться с востока. В решающем сражении у Кагульского озера 10 июня 1574 г. бояре предали Иона Воду. Оказавшись в трудном положении, Ион вынужден был сдаться, доверившись обещаниям османов сохранить жизнь ему и его сподвижникам. Мятежный господарь был казнен султаном, а княжество подверглось страшному разорению.

В годы правления Петра Хромого (1574—1579, 1582—1591) внутривосточная неустойчивость в княжестве становится постоянной. Усилилось османское господство, приведшее к росту освободительного движения, которое поддерживалось военным сотрудничеством с казачеством. Активности запорожского казачества в 70-е годы способствовала внешнеполитическая позиция России, связанная с военными действиями против Крыма. В этих условиях русское правительство было заинтересовано в поддержке запорожцев, помогало им снаряжением и продовольствием. Но к планам России не имели отношения многочисленные походы казаков в Молдавское княжество в последних десятилетиях XVI в.⁷⁷

Прибывавшие в княжество запорожские казаки участвовали в освободительных восстаниях, в которых иногда находил выход и классовый протест народных масс, задавленных тяжелым налоговым бременем, вызванным ростом экономических требований Порты. Наибольший размах имело в конце 1577 — начале 1578 г. движение под руководством Ивана Подковы, выдававшего себя за брата Иона Воды⁷⁸. Освободительной борьбой пытались воспользоваться появившиеся в это время многочисленные претенденты на молдавский престол, в том числе и из народной среды, которые выдавали себя за близких родственников Иона Воды. Антиосманская программа претендентов обеспечивала им поддержку казачества и широких народных масс княжества.

В отличие от Молдавского княжества в 70—80-е годы XVI в. положение Валахии характеризовалось полным подчинением Османской империи. Рост харача с княжества приобрел небывалые размеры, увеличившись с 1568 по 1593 г. на 250%, в то время как благодаря освободительному движению под руководством Иона Воды харач Молдавского княжества держался в течение этого времени на уровне 1572 г., когда он составил 35 тыс. золотых⁷⁹. В результате непрерывной борьбы боярских группировок в этот период сменяют друг друга на валахском престоле Михня Турчитул (1574—1583, 1585—1591) и Петр Черчел (1583—1585). Важную роль в политической жизни Валахии начинает играть боярская семья Бузешть, стремившаяся монополизировать управление княжеством. Бесконечные боярские заговоры приводили к ослаблению господарской власти. В 1583 г. при поддержке Франции и Венеции валахский престол получил Петр Черчел, послушно выполнявший волю султана. Вследствие происков Михни Петр Черчел был свергнут и впоследствии убит турками. Вернувшись на престол, Михня Турчитул оказался неспособным выполнить экономические обязательства перед султаном. Чтобы избежать судьбы Черчела, он перешел в мусульманство и стал управителем Никопольского санджака⁸⁰.

Таким образом, к концу XVI в. под влиянием ряда внутренних причин, а также факторов внешнеполитического порядка, определявшихся международной обстановкой в Юго-Восточной Европе, усиливается вассальная зависимость Молдавского и Валахского княжеств от Порты, несмотря на сохранение ими юридической автономии в системе Османской империи. В то же время рост политического и экономического давления со стороны султана вызывал в княжестве антиосманские настроения, которые особенно отчетливо проявились в 70—80-е годы XVI в. в освободительном движении, развернувшемся в Молдавском княжестве.

¹ DR, 15/1, p. 250, 255; 11, p. 845; *Nicolaescu St. Documente slavo-romane cu privire la relatiile Tarii Romanesti si Moldovei cu Ardealul in sec. XV si XVI*. Buc., 1905, p. 5.

² DR, 2/5, p. 716; ITR, p. 44.

- ³ *Palade T.* Radu de la Aiumati. Buc., 1939, p. 18—41; *Pataki J.* Atitudinea lui Radu de la Afuma^{ti} și a lui Ioan Zapolya în ajunul luptei de la Mohacs.— SUBB, 1967, nr. 2, p. 13—28.
- ⁴ Tezaur de monumente istorice/Publ. de P. Ilarian. Buc., 1864, t. III, p. 19—20 (далее — Tezaur).
- ⁵ DR, 8, p. 52; *Stefanescu St.* Tara Romaneasca de la Basarab I «Intemeietorul» pina la Mihai Viteazul. Buc., 1970, p. 93.
- ⁶ DR, 2/3, p. 497—500.
- ⁷ DR, 2/3, p. 575.
- ⁸ *Costachescu M.* Documentele moldovenesti de la Stefanija voievod (1517—1527). Iasi, 1942, p. 541-543.
- ⁹ Текст письма: *Gemil T.* Din relatiile moldo-otomane în primul sfert al secolului al XVI-lea.- АПАИ, IX (1972), p. 136-138, 141-142,
- ¹⁰ *Cost&chescu M.* Documentele..., p.- 530—550; Acta Tomiciana, VI, p. 230— 236; *Ursu H.I.* Moldova în contextul politic european (1517—1527). Buc., 1972, p. 55-64.
- ¹¹ DR, 2/3, p. 483; Cronicele, p. 80.
- ¹² *Torok Pal.* L'Europe et le desastre Hongrois de 1526. Вр., 1929, p. 200.
- ¹³ *Pafewski J.* Stosunki polsko-wegierskie i niebezpieczenstwo tureckie w latach 1516—1526. W., 1930, s. 47; *Базылев Л.* Польско-турецкие дипломатические-связи в XVI в. — В кн.: Россия, Польша и Причерноморье в XV— XVIII вв. М., 1979, с. 19.
- ¹⁴ *Palade T.* Radu de la Afumati, p. 52—53.
- ¹⁵ DR, 2/3, p. 497-498, 516, 519.
- ¹⁶ Ibid., p. 528-530, 576.
- ¹⁷ Acta Tomiciana, VIII, p. 157—158.
- ¹⁸ DR, 2/3, p. 537—538; *Conduratu Gr.* Relatiunile Tarii Romanesti si Moldcvei cu Ungaria panS la anul 1526. Buc., 1898, p. 261—262.
- ¹⁹ Documents concerning Rumanian History (1427—1601) Collected from british archives by E. D. Tappe. London, 1964, p. 23—26.
- ²⁰ IJR, P- 46.
- ²¹ *Simionescu St.* Tarile romlne si inceputul politicii rftsaritene antiotomane a imperiului Hatsburgic (1526—1594).— RI, 1975, nr. 8, p. 1203.
- ²² DAMT, 1, p. 1-3.
- ²³ *Berza M.* Haraciul Moldovei si Tarii Romanesti în sec XV—XVIII.—SMIM, (1957), 2, p. 10.
- ²⁴ *Motogna V.* Relatiunile dintre Moldova si Ardeal în veacul al XVI-lea. Dej, 1928, p. 14—15; *Grigoras N.* Precursor al lui Mihai Viteazul.— In: Petru Rare?. Buc., 1978, p. 89-92.
- ²⁵ RD, 15/1, p. 325-326.
- ²⁶ *Ursu I.* Die auswartige Politik des Peter Rare§ Fiirst von Moldau. (1527—1538). Wien, 1908, S. 36-39.
- ²⁷ DR, 11, p. 32.
- ²⁸ Исторические связи, 1, с. 100—106, 307—309, примеч. 110—117.
- ²⁹ См.: *Ciurea D.* Relatii externeale Moldovei în secolul al XVI-lea. Consideratii de ansamblu.— АПАИ, X (1973), p. 4—5; *Gemil T.* În fata impactului oto-man.— In: Petru Rares, p. 145.
- ³⁰ DR, Supl. 2, v. 1, p. 26.
- ³¹ *Corfus I.* Activitatea diplomatica în jurul conflictului dintre Petru Rare«s si Polonia.— Romanoslavica, (1964), X, p. 320—321.
- ³² *Ursu I.* Die auswartige Politik..., S. 73—101.
- ³³ *Corfus I.* Activitatea diplomatica..., p. 336—338.
- ³⁴ *Базылев Л.* Польско-турецкие..., с. 19.
- ³⁵ Исторические связи, 1, с. 310—311, примеч. 119—122.
- ³⁶ *Decei A.* Aloisio Gritti în slujba sultanului Soliman Kanuni dupa unele documente turcesti inedite (1533—1534).— SMIM, (1974), VII, p. 108—109; *Stmio-nescu St.* Noi date despre situatia internS si externS a Moldovei în anul 1538 într-un izvor inedit.— St, 1972, nr. 2, p. 227.
- ³⁷ DR, 2/1, p. 91-94, 119-168; 11, p. 35.
- ³⁸ Исторические связи, 1, с. 310—311, примеч. 119—122.
- ³⁹ Calattori straini despre Tarile romane. Buc., 1968, V. I, p. 376—377.
- ⁴⁰ Documente privitoare la istoria romanilor / Culese de A. Gioranescu. Buc., 1940, p. 17—18; *Cioranescu A.* Petru Rares si politica orientala a lui Carol Quintul.— AAR, 1933-1936, t. XVII.
- ⁴¹ См.: *Palombini B. von.* Bundniswerben abendlandischen Machte um Persien, 1453—1600. Wiesbaden, 1968, Bd. 1.
- ⁴² История Венгрии. М., 1971, Т. 1, с. 305—306.
- ⁴³ DR, Supl. 2, v. 1, p. 105—110; *Ursu I.* Die auswartige Politik, S. 150—151.
- ⁴⁴ DR, 2/1, p. 197—206; Tezaur, 3, p. 162—163; Cronicele, p. 79; *Stanescu E.* Le coup d'Etat nobiliare de 1538 et son role dans l'asservissement de la Moldavie par l'Empire Ottoman.— In: Nouvelles etudes d'histoire. Buc., 1955, I; *Gemil T.* Agresiunea otomano-tataro-poloneza.— In: Petru Rares, p. 157—158.
- ⁴⁵ *Guboglu M.* Inscriptia sultanului Soliman Magnificul în urma expeditiei în Moldova (1538/945).— St, 1956, nr. 2—3, p. 111.

- ⁴⁶ *Simionescu St.* Relatiile Internationale ale Moldovei in timpul domniei lui Petru Rares. — RI, 1977, nr. 1, p. 104—105.
- ⁴⁷ DR, 4/2, p. 141.
- ⁴⁸ DAMT, 1, p. 21-22.
- ⁴⁹ *Berza M.* Haraciul..., p. 10.
- ⁵⁰ Исторические связи, 1, с. 311—312, примеч. 123.
- ⁵¹ DR, 2/1, p. 244—245; Tezaur, 3, p. 13—14; *Ciocan R.* Habsburgii in Transilvania in vremea lui Carol Quintul. Buc., 1945, p. 142.
- ⁵² *Stefanescu St.* Tara Romaneasca..., p. 97.
- ⁵³ Acta et epistolae, p. 252; DR, 1/1, p. 240—242; 2/4, p. 300.
- ⁵⁴ ITR, p. 48.
- ⁵⁵ IR, 2, p. 910.
- ⁵⁶ ITR, p. 49.
- ⁵⁷ DR, 2/2, p. 299.
- ⁵⁸ DR, 2/1, p. 304, 316—320.
- ⁵⁹ DR, 2/2, p. 132.
- ⁶⁰ ITR, p. 50.
- ⁶¹ IR, 2, p. 911.
- ⁶² DAMT, 1, p. 61, 78.
- ⁶³ Ibid., p. 52-53.
- ⁶⁴ *Motoena V.* Relatiile dintre Moldova si Ardeal..., p. 152—154.
- ⁶⁵ DAMT, 1, P- 102-103, 113; DR, 2/5, p. 31-32; 1, p. 46; Supl. 2, v. 1, p. 1/9, 184, 288.
- ⁶⁶ *Berza M.* Haraciul..., p. 11.
- ⁶⁷ DR, 2/5, p. 401, 407—408,
- ⁶⁸ DAMT, 1, P- 180-182.
- ⁶⁹ DR, 2/1, p. 303; 3/1, 288—289, 306—307; *Ciocan R.* Habsburgii in Transilvania..., p. 188.
- ⁷⁰ Исторические связи, 1, с. 126—127, 314, примеч. 135.
- ⁷¹ DAMT, 1, p. 202—203; *Ambruster A.* Jacobus Heraclides Despota und der Romanitats und Einheitsgedanke der Rumanen.— RRH, 1971, nr. 2, p. 257—265.
- ⁷² *Weczerka H.* Das mittelalterliche und fruhneuzeitliche Deutschtum im Furstentum Moldau von seinen Anfangen bis zu seinem Untergang (13—18. Jahr-hundert). Mimchen, 1960, S. 185-186.
- ⁷³ DR, 11, p. 64; Cronicele, p. 144-146.
- ⁷⁴ DR, 2/1, p. 265-267.
- ⁷⁵ Исторические связи, 1, с. 140—142; BB, И, p. 85—86.
- ⁷⁶ *Stanescu E.* Colaborarea militara dintre romini si cazaci in ultimul sfert al veacului al XVI-lea.— St, 1954, nr. 3, p. 119—144.
- ⁷⁷ *Флоря, Б. Н.* Россия и походы запорожцев в Молдавию в 70-х гг. XVI в.— В кн.: Юго-Восточная Европа в эпоху феодализма. Кишинев, 1973, с. 181—182.
- ⁷⁸ Исторические связи, 1, с. 145—160, 315—318, примеч. 145—164.
- ⁷⁹ *Berza M.* Haraciul..., p. 13, 29-34; IR, 2, p. 929.
- ⁸⁰ DR, 4/2, p. 63, 112-114, 126-127, 142-143, 150.

Глава 11

ГАБСБУРГИ, ВЕНГРИЯ, ТРАНСИЛЬВАНСКОЕ КНЯЖЕСТВО И ОСМАНСКАЯ ИМПЕРИЯ В XVI в.

После поражения при Мохаче армия королевства Венгрии перестала существовать. Среднее Подунавье стало театром постоянных войн между Османской империей и Габсбургами. Представители этой династии являлись королями Венгрии, фактически осуществлявшими власть над западными и северо-западными областями Среднего Подунавья. Короли Венгрии Фердинанд I (1526—1564), Максимилиан I (1564—1576), Рудольф I (1576—1608) были также императорами Германской империи и королями Чехии. В восточной части Среднего Подунавья находилось княжество Трансильвания, принявшее вассальную зависимость от султана. Центральная часть Среднего Подунавья была включена султаном Сулейманом I в состав его империи. Этот распад королевства Венгрии завершился в 1541 г. ¹ в результате военной и дипломатической борьбы, участниками которой были султан, Фердинанд I и Янош Заполяя — венгерский магнат, избранный частью венгерских феодалов 10 ноября 1526 г. королем Венгрии (1526—1541).

До июля 1527 г., когда началась борьба между ним и Фердинандом I, Янош Запольяи фактически был единственным правителем Венгрии.

Заняв в сентябре 1526 г. Буду, султан через месяц покинул территорию королевства, лишившегося центральной власти². Османы не оставили на венгерской территории севернее Срема (Серемшега) ни одного гарнизона. От областей, находившихся в составе Османской империи, Буду отделяло по прямой 250—300 км, Янош Запольяи был вынужден оставить 20 августа 1527 г. Буду, куда вступил Фердинанд I³.

Запольяи, потерпев несколько поражений от войск Фердинанда, бежал в 1528 г. в Польшу. Несколько ранее Запольяи в борьбе против Фердинанда решил обратиться за помощью к султану. 27 января 1528 г. Сулейман I заключил союз с Запольяи, интересы которого в Стамбуле представлял поляк по происхождению Иероним Лаский. Султан взял короля Венгрии Яноша Запольяи под свою «защиту» и при этом не потребовал уплаты дани⁴. Еще в феврале 1526 г. султан обещал свою помощь французскому королю, который, хотя и потерпел поражение при Павии от императора Карла V, тем не менее уже в мае 1526 г. создал антигабсбургскую коалицию (Коньякскую лигу).

Король Франции Франциск I (1515—1547), по договору, заключенному послом Яноша 28 октября 1528 г. в Фонтенбло, обещал Яношу ежегодную субсидию в 20 тыс. золотых⁵. 3 ноября 1528 г. Янош возвратился в Восточную Венгрию. В Мако состоялась его встреча с белградским пашой Мехмедом, который предоставил в его распоряжение османский отряд. Запольяи удалось восстановить свою власть над Восточной Венгрией. Между тем неудачной оказалась попытка Фердинанда добиться согласия султана на трехлетнее перемирие и признания Портой Фердинанда в качестве короля Венгрии. Посол Фердинанда Янош Хабарданец в декабре 1528 г. возвратился из Стамбула с ответом, означавшим объявление войны.

Такова была расстановка сил перед началом серии походов Сулеймана I через Среднее Подунавье на наследственные владения Габсбургов⁶. Султан совершал их, будучи союзником врага Габсбургов — Франции (договор Порты с ней был заключен в 1536 г.). На Средиземном море султан воевал с Карлом V и с Венецией. Походы на Вену имели целью нанести удары по суше и захватить богатства наследственных владений Габсбургов — Крайны, Штирии, Каринтии, австрийских земель. Такой захват решил бы и участь Среднего Подунавья. Первый поход на Вену Сулейман I начал в мае 1529 г. с двухсоттысячным войском. Как и в последующих походах XVI в., здесь проявились сильные и слабые стороны османской военной организации. Султанское войско было огромным по численности и соединяло в себе воинственность степных кочевников с боевой подготовленностью самых современных частей. Но его использование было ограничено по времени и территориально. Для осуществления похода надо было мобилизовать все военные силы султана. Поход провозглашался в конце года, чтобы в начале следующего года начать сбор отрядов. Собранное войско ожидало конца весенней распутицы, и только в апреле оно могло выступить из Стамбула, откуда до Буды по прямой было более 1000 км. Можно считать, что до театра военных действий в Среднем Подунавье требовалось идти по крайней мере четыре сяца. В лучшем случае в июле войско могло достичь подвластной Габсбургам Венгрии и начать военные действия, для которых у султана оставалось таким образом около трех с половиной месяцев. Если же начинались дожди, наступали холода, то боеспособность османских отрядов резко падала. Они отказывались воевать даже в том случае, если для завершения какой-то операции требовалось всего несколько дней. Самое позднее в конце октября нужно было отводить войско на зимние стоянки⁷.

18 августа 1529 г. султан прибыл к Мохачу, куда явился его союзник Янош Запольяи. Здесь был возобновлен договор о союзе Яноша с султаном, который 3 сентября прибыл под Буду, а 8 сентября занял ее. Через несколько дней султан утвердил Яноша в качестве короля Венгрии. Под Вену султанское войско подошло 26—27 сентября.

Шестнадцатитысячный гарнизон крепости под начальством Николауса Сальма отстоял город. В середине октября султанские войска начали отход от Вены, бросив орудия и обоз. Уходя из Венгрии, султан оставил при Яноше Запольяи в качестве советника венецианца Алоизио Гритти вместе с трехтысячным контингентом. В это время почти вся территория прежнего королевства Венгрии находилась под властью Запольяи. Фердинанду подчинялись лишь Хорватия, а также западные области Задунавья и северных комитатов страны. Такое положение оставалось почти неизменным до 1541 г. В возобновившейся борьбе двух королей Венгрии Яношу оказывал помощь Гритти, под руководством которого войско Яноша отстояло Буду, осаждавшуюся с 31 октября по середину декабря 1530 г. габсбургским военачальником Роггендорфом⁸. 26 декабря Запольяи назначил османского ставленника Гритти правителем.

Попытка Габсбургов овладеть Будой вызвала новый поход Сулеймана на Вену. На этот раз османское войско выступило в конце апреля 1532 г., продвигаясь по направлению к Вене не через Буду, а по Задунавью. 5 августа оно подошло к находившейся на территории австрийских владений небольшой крепости Кёсег. Ее гарнизон отбил два приступа и сдал крепость по соглашению с султаном, который отказался от похода на Вену и возвратился в Стамбул⁹. В этом сыграло свою роль то обстоятельство, что во время осады Кёсега между Венной и Винер-Нейштадтом стояло войско Карла V, который в первый и последний раз лично прибыл, чтобы защитить наследственные владения Габсбургов, но не Венгрию: после ухода Сулеймана войско было распущено. Габсбурги не пытались преследовать ни османов, ни Яноша Запольяи. В этом проявилась суть их политики по отношению к Османской империи.

Между тем Гритти использовал свое влияние и помощь османов для утверждения собственной власти в королевстве Яноша Запольяи. В конце июля 1534 г. с отрядом османов Гритти вошел в воеводство Трансильванию и убил самого видного военачальника Яноша — епископа надьварадского Имре Цибака. В ответ на это войско венгерских магнатов из Трансильвании с помощью отряда молдавского государя Петра Рареша напало на лагерь Гритти в Медьеше и убило турецкого ставленника (29 сентября)¹⁰. Все это происходило в обстановке относительного затишья экспансии османов: султан был занят войной с Персией. С другой стороны, Фердинанд I и после приобретения короны Венгрии и Чехии не обладал такими ресурсами, которые могли бы обеспечить победу над османами и над Яношем Запольяи¹¹. Это зависело от того, получит Фердинанд помощь от своего старшего брата — императора Карла V или нет. Император же такой помощи предоставить не мог, поскольку он был связан борьбой с Францией за гегемонию в Европе, продолжением войны с османами за западную часть Средиземноморья и внутренними противоречиями в Германской империи. Необходимость посылать наемное войско в Венгрию по просьбе Фердинанда I император рассматривал как помеху в осуществлении своих планов создания «всемирной» державы.

Занятость султана на Востоке и отсутствие достаточных сил у Фердинанда I обусловили заключение между ними в 1533 г. договора, по которому султан признал Фердинанда королем Венгрии, равным по рангу Яношу Запольяи, и фактически собственником занимаемых им областей¹². Таким образом, хотя и временно, стороны признали факт раздела королевства Венгрии на две части. Но вскоре султан объявил этот договор недействительным.

Все эти обстоятельства, а также постоянные набеги пограничных османских беев побудили Фердинанда I и Яноша Запольяи заключить мир (24 февраля 1538 г.)¹³. Договор признавал власть каждого из королей на занимаемой им территории, предусматривал взаимную помощь в борьбе против османов, а также переход территории Яноша Запольяи после его смерти Фердинанду. Этот тайный договор, имевший антиосманскую направленность, быстро стал известен Порте.

Главной целью султана в Среднем Подунавье было не допустить объединения Венгрии под властью одного короля. После смерти Яноша Запольяи (1540) королем

Венгрии стал его новорожденный сын Янош Жигмонд, который сразу получил поддержку султана¹⁴. При известии о смерти Запольяи Фердинанд обещал султану ежегодную дань в 30 000 золотых за разрешение взять под свою власть владения Яноша (по смыслу договора 1538 г.). В ноябре 1540 г. войско Фердинанда предприняло безуспешную попытку овладеть Будой. С конца апреля по 21—22 августа 1541 г. огромное войско Фердинанда снова осаждало Буду. В конце июня на помощь осажденным прибыло османское войско из Румелии. Войско Фердинанда было разгромлено. 26 августа в Буду прибыл султан во главе своих отрядов. 29 августа он вызвал к себе представителей венгерской знати во главе с Мартинуцци, опекуном короля-младенца Яноша Жигмонда. В это время янычары заняли Буду и разоружили ее гарнизон. Султан объявил Тиса-Дунайское междуречье эйялетом Османской империи с центром в Буде¹⁵. Королева Изабелла, король и их двор были удалены в Липну. За ними остались области Затисья и воеводство Трансильвания, которые составили Трансильванское княжество. Мартинуцци стал наместником короля, который в отличие от Яноша Запольяи являлся не союзником султана, а его вассалом, обязанным ежегодно платить 10 000 форинтов дани.

Так были зафиксированы итоги борьбы королей Венгрии между собой и с османами: Габсбургам удалось сохранить за собой западные и северо-западные области Среднего Подунавья, прикрывавшие их наследственные владения; султан добился разъединения сил венгров, в частности — их господствующего класса, который мог составить опасную для Османской империи военную силу, а также приобретения новой массы плательщиков налогов — венгерских крестьян нового эйялета¹⁶.

В октябре 1541 г. Мартинуцци начал переговоры с Фердинандом об осуществлении договора 1538 г. Уполномоченные Фердинанда и королевы Изабеллы подписали 29 декабря 1541 г. договор о переходе Трансильвании под власть Фердинанда, который обещал до этого освободить Буду. Предпринятая Фердинандом летом 1542 г. попытка занять крепость оказалась безуспешной. Собранные в основном за счет империи войска под командованием маркграфа Иоахима Бранденбургского потерпели неудачу при осаде Пешта. В июле 1542 г. король Франции Франциск I объявил войну императору Карлу V. Силы империи Габсбургов оказались связанными на европейском театре военных действий, что было на руку султану. Учитывая, видимо, все это (в особенности — неудачу имперского войска под Пештом), господствующий класс Трансильванского княжества на государственном собрании в Торде (совр. Турда) 20 декабря 1542 г. отказался от договора с Фердинандом, признал князем Яноша Жигмонда и постановил выплачивать султану ежегодную дань в 10 000 золотых¹⁷. В начале 1543 г. в казну султана впервые поступила дань с Трансильванского княжества¹⁸. Превращение его главы из союзника султана в вассала явилось закономерным следствием безуспешности борьбы Габсбургов против экспансии Османской империи.

Используя благоприятное соотношение сил и учитывая необходимость укрепления позиций Османской империи на границе ее владений в Центральной Европе, весной 1543 г. Сулейман еще один раз предпринял поход в Среднее Подунавье. В то время как имперские войска успешно действовали против Франции, которая была вынуждена запросить мира, османы в результате захватов 1543—1544 гг. отодвинули линию соприкосновения с противником далеко от Буды. Они подчинили себе территории, окаймлявшие на 50—100 км военную дорогу, шедшую по левому берегу Дуная — из Стамбула к Буде. Буда оказалась окруженной цепью крепостей, откуда османские отряды совершали набеги на еще не занятые османами территории, принуждая к уплате налогов жителей, находившихся за линией венгерских крепостей. Османы быстро привели в порядок захваченные крепости и разместили в них боеспособные гарнизоны. В ответ на это венгры начали создавать линию крепостей, прикрывавшую территорию, подвластную Габсбургам¹⁹. Создание линии крепостей (около 150 укреплений на территории венгерских комитатов, Хорватии и Славонии) приходилось на время относительной стабилизации. 10 ноября 1545 г. послы Карла V заключили с султаном перемирие

на полтора года²⁰. В 1547 г. в Стамбуле был подписан мирный договор между султаном, Фердинандом I и Карлом V²¹. Фердинанд I обязывался платить ежегодно 30 000 золотых в качестве дани за занятые им области королевства Венгрии. Стороны обещали удерживать своих воинов от опустошения территорий, принадлежавших партнерам по соглашению, выдавать друг другу беглецов, пропускать купцов на свои территории. Сущность соглашения состояла в признании сторонами сложившегося положения, во временном отказе от объединения территории Среднего Подунавья под властью одного из правителей, в освящении распада королевства Венгрии на три части и власти султана над землями, включенными в его империю. Эти условия были приняты сторонами, когда Карл V и Фердинанд I были заняты войной со Шмалькальденским союзом немецких князей-протестантов, а султан готовился к войне против Персии. Уступка султану территорий, где были расположены имения венгерских феодалов, признававших верховную власть Габсбургов, не могла не вызвать их недовольства. Но они были вынуждены признать факт соглашения, включив его в текст закона, принятого государственным собранием 25 ноября 1547 г. (ст. 2)²².

Пограничные крепости, создававшиеся Габсбургами для защиты своих владений, сооружались в основном трудом крепостных крестьян габсбургской Венгрии. Созданию линии крепостей способствовало приобретение казной (Палатой) крупных крепостей, имевших ключевое значение, но находившихся до того в собственности отдельных магнатов. В 1556 г. Фердинанд I создал Придворный военный совет, который стал руководить строительством пограничных королевских крепостей. Строительство и ремонт крепостей в течение полутора столетий борьбы с османской экспансией требовали большого труда крепостных крестьян. Когда опасность была велика, для укрепления отдельных крепостей собирали крестьян из окрестных местностей.

Таким образом, крестьянство, не участвовавшее, как и дворянство, в войнах с оружием в руках, вносило свой вклад в оборону габсбургской Венгрии. Оно же оплачивало содержание части войск, выплачивая налоги в пользу государства венгерских феодалов, признавших верховную власть династии Габсбургов.

Массу пехотинцев, стоявших в крепостях Венгрии, составляли венгры, превратившиеся из крестьян, мелких дворян в профессиональных военных. В незначительном числе здесь были наемники-немцы, а также выходцы из славянских земель.

Расстояние между пограничными крепостями составляло 10—20, а то и больше километров. Между ними не было войск, которые могли хотя бы на какое-то время приостановить продвижение османских отрядов, совершавших набеги. Здесь обитали так называемые свободные хайдуки — крестьяне и пастухи, бежавшие из порубежья занятых османами территорий. Они действовали самостоятельно, совершая налеты на владения османов и грабя, соревнуясь с османами, население, подвластное Габсбургам.

Известна лишь одна попытка широких народных масс выступить против османов. Осенью 1526 г. серб Иован Черный, бывший когда-то «конным слугой» Яноша Запольяи, организовал объединенное боеспособное войско, в котором к началу 1527 г. насчитывалось 10—15 000 воинов, в основном сербов, массы которых переселились в начале 20-х годов в южные районы Венгрии. К ним примкнули венгерские крестьяне и, по терминологии хрониста Яноша Зермега (1504—1584), «бродячие воины»²³ — видимо, наёмники различного этнического происхождения. Иован объявил себя потомком сербских деспотов и «ниспосланным богом» вождем борьбы против османов. Он придерживался этой программы и тогда, когда против него выступило дворянство. Местные феодалы рассматривали этих воинов из простонародья как нарушителей феодальных привилегий. В конце 1526 г. местные сторонники Яноша Запольяи выступили против Иована, потерпели сначала поражение, а потом захватили столицу Иована — Сабадку (Суботицу). После этого Иован осенью 1527 г. перешел на сторону Фердинанда I, рассчитывая, что тот будет вести войну против османов. Яноша Запольяи

в своей прокламации Иован называл вассалом османов. Посланное Яношем войско в апреле 1527 г. потерпело от армии Иована поражение. Лишь в июне самому опытному военачальнику Яноша Имре Цибаку удалось разбить войско Иована, который бежал в Сегед, где против него выступили горожане. Иована поймали и казнили, войска его рассеялись. Тысячи кавалеристов из войска -Иована были приняты в качестве наемников на службу к Запольяи и в дальнейшем использовались в борьбе против Фердинанда I²⁴.

В движении Иована имелись элементы антифеодальной борьбы, возникшие в связи с выступлением против сербских воинов местного дворянства²⁵.

Непосредственно в пограничных войнах принимали участие выходцы из народных низов, но они были воинами-профессионалами. Крестьянский труд и деньги обеспечивали их содержание, а руководство военным делом осуществляли венгерские феодалы, состоявшие на службе у Габсбургов. Оно находилось в руках королевского и государственного главных капитанов (командующих). Первому подчинялись находившиеся в стране наемники, второй командовал дворянским ополчением и стоял во главе постоянного войска, содержание которого определялось решениями государственного собрания. В него входили и гарнизоны крепостей. Этот командующий был членом наместничества, которое в отсутствие короля в качестве его коллективного наместника являлось высшим центральным органом управления. В заседаниях Придворного военного совета, главной задачей которого было руководство войнами против османов, принимал участие один из советников органа финансового управления — Венской палаты (камеры). Последней отводилась определенная роль в обеспечении обороны материальными средствами.

В 1564 г. Фердинанд I разделил свои владения между сыновьями на три части. В борьбе против османов были непосредственно заинтересованы прежде всего Венгрия, а также Чехия, Нижняя и Верхняя Австрия, которую получил император Максимилиан II (король Венгрии Максимилиан I). Нападения османов угрожали также Штирии, Каринтии и Крайне, которые достались эрцгерцогу Карлу (1540—1590). С 1577 г. пограничными крепостями Хорватии и Славонии руководил эрцгерцог Карл, Венгрии — эрцгерцог Эрнст (1553—1595), второй сын императора Максимилиана II. В Граце действовал особый военный совет, в ведении которого были крепости Хорватии и Славонии (так называемые вендские крепости). Венский Придворный совет ведал крепостями Венгрии. В 1590 г. Эрнст взял на себя руководство и хорватско-славонской линией обороны. Ранее линия крепостей была разделена между семью (шестью) главными капитанами (командующими). Они осуществляли военный суд, командовали войсками, принимая участие в военных действиях. За счет казны они могли содержать в своем непосредственном распоряжении (кроме гарнизонов крепостей) определенное количество воинов.

Самую главную статью расходов страны составляло содержание линии крепостей. Подсчитано, что на это уходила вся сумма налога, собираемого с крестьянства.

Приостановка экспансии османов являлась задачей не только Венгрии и Хорватии, но и наследственных владений Габсбургов и Германской империи. Послы Венгрии, участвовавшие с 1521 г. в рейхстагах, подчеркивали общность османской опасности. То же делали и хорватские сословия. Рейхстаги признавали, что оборонительная линия в Венгрии — это ближайшая оборона немецкой нации, требующая укрепления, снабжения припасами, воинами и т. д. Власти Крайны рассматривали в качестве своего щита Хорватию. Это признавал и Фердинанд I, оказывавший вследствие этого помощь хорватским и славонским крепостям. Габсбурги стремились получать средства от подчиненных им стран, а в империи — от курфюрстов, князей и сословий. Сделать это было непросто, поскольку результаты зависели от позиций императоров во внутривосточной борьбе. В частности, сословия Германской империи ставили свое согласие на сбор налога для борьбы с османами — «турецкой помощи» — в зависимость от уступок протестантам.

Подсчет данных о фактическом сборе «турецкой помощи» в Германской империи показал, что с 40-х годов XVI в., когда началась ее уплата, до начала Пятнадцатилетней войны (1593—1606) Габсбурги получили девять миллионов форинтов. Но эффективность использования денежной помощи Германской империи зависела от политики Габсбургов, предусматривавшей оборону наследственных владений, ради чего оборонялись и земли, населенные венграми, как предполье этих владений. Поэтому фактически получаемые суммы «турецкой помощи» шли не только на содержание хорватской, славонской и венгерской линий крепостей, но и на подготовку защиты австрийских провинций от османов. В 1577 г. Придворный военный совет выразил мнение, что лишь немногие из обследованных им сорока крепостей Венгрии нуждаются в строительных работах, а более настоятельно требует укрепления Вена.

Казна Габсбургов страдала от постоянного дефицита. Габсбурги регулярно брали займы. Следствием такого положения была задержка уплаты жалования гарнизонам пограничных крепостей или нерегулярная его выплата. В этом случае, как и предполагалось властями, войска содержались за счет местного населения, которое таким образом непосредственно оплачивало оборону страны.

Содержание войск, строительство и ремонт крепостей поглощали немалые суммы. В частности, помощь, оказываемая Чешским королевством Габсбургам для войны с османами, был значительна. Согласно решению сейма представителей всех владений Фердинанда (декабрь 1541 г.) «турецкую помощь» предоставили: земли чешской короны — 775 000 золотых (Чехия — 375 000, Моравия — 150 000, Силезия — 200 000, Лужицы — 50 000), Австрия — 400 000, Венгрия — 11 714²⁶. В 1542 г. чешские земли внесли 67% «турецкой помощи»²⁷. В 1552—1564 гг. чешские земли выплатили 67,5%, а австрийские — 32,5% «турецкой помощи»²⁸.

Материалы чешских и моравских сеймов позволяют подробно проследить, как оказывалась «турецкая помощь». Так, в 1529 г. чешский сейм выделил средства для оплаты 40 000 пехотинцев и 20 000 кавалеристов, моравский сейм — для оплаты 20 000 пехотинцев и 1600 конников²⁹. Часть этих войск храбро сражалась при защите Вены, взяв на себя всю тяжесть обороны³⁰. В материалах последующего времени иногда указывается норма сбора денежного налога, иногда — численность войска. Налоги собирались ежегодно (за редким исключением), суммы их были значительны, что приводило страну к постоянной нехватке финансов. Войска предоставлялись реже, поэтому эти случаи мы выделяем особо. В 1532 г. Моравия предоставила Фердинанду войско в 80 000 пехотинцев и 6000 конников³¹. Чешский сейм в 1537 г. обещал королю дать на 6 месяцев 4000 пехотинцев и 1000 конников³², моравский — решил дать четверть того, что дали чехи³³. Известно, что 5000 воинов из Чехии и Моравии погибли в битве у Эсека (Осека) в конце 1537 г.³⁴ В 1538 г. чешский сейм выплатил Фердинанду задолженность по «турецкой помощи» в 24 000 коп чешских грошей³⁵. В том же году Моравия выставила 3000 пехотинцев на 4 месяца³⁶. Моравский сейм в 1540 г. дал ополчение и выслал 3320 коп чешских грошей на нужды войска Фердинанда³⁷. В сентябре 1542 г. чешский сейм дал 2000 конников и 6000 пехотинцев, обещав выставить ополчение, если возникнет непосредственная угроза чешским землям в связи с утверждением османов в Буде³⁸. В 1543 г. чешский сейм удовлетворил просьбу Фердинанда, дав ему в долг 50 000 золотых³⁹. Ранее Фердинанд брал на ведение войн против османов в долг у чешских городов значительные суммы, никогда этих долгов не возвращая⁴⁰. В среднем в середине XVI в. Фердинанд ежегодно тратил на войну с османами приблизительно 900 000 — 1,5 млн. золотых⁴¹. Военные неудачи Фердинанда, в частности позорный провал кампании 1542 г., породили тенденцию сословий расходовать собранные средства на содержание гарнизонов пограничных с Венгрией крепостей и на их укрепление. Но ввиду близости османских войск «турецкая помощь» продолжала собираться, хотя и с большими задержками, что наблюдалось и прежде⁴².

Сословия королевства Чехии с середины 1540-х годов особо оговаривали обязанность использования «турецкой помощи» только для военных действий против османов ⁴³, не желая финансировать династическую политику Фердинанда в Венгрии. Вопрос оказания «турецкой помощи» стал основным полем сражения во внутривнутриполитической жизни между Фердинандом и сословиями, не желавшими подчиниться централизаторским устремлениям Габсбургов. Однако ограниченность политического кругозора сословий и их политическая недалекость иногда приводили к тому, что в помощи отказывалось в самые решающие моменты, как, например, на январском и мартовском сеймах 1538 г. ⁴⁴, что в итоге ослабляло сопротивление османской агрессии* (* Текст о помощи Чехии подготовлен Г. П. Мельниковым.).

Значительная часть получаемой Габсбургами «турецкой помощи» тратилась впустую, когда нанималось огромное войско, которое не вступало в бой, а ожидало османов на границе наследственных владений.

Несмотря на заключенный в 1547 г. мир, султан продолжал политику расширения и укрепления своих владений в Среднем Подунавье, предприняв в этой области ряд походов.

Походу 1552 г. предшествовали события, связанные со стремлением Фердинанда I утвердить свою власть в Трансильванском княжестве, воспользовавшись занятостью султанского войска в Персии (1548—конец 1549 г.). В сентябре 1549 г. представители Фердинанда заключили с наместником Трансильвании Мартинуцци соглашение о передаче Фердинанду власти над всеми землями прежнего королевства Венгрии (в том числе над Трансильванским княжеством). В качестве компенсации Фердинанд передавал королеве Изабелле и Яношу Жигмонду герцогство Оппельн (Ополье) и Ратибор в Силезии, а Мартинуцци назначал своим правителем в Трансильвании ⁴⁵. Султан узнал об этом уже в марте 1550 г. через своих послов в Вене. В Трансильванском княжестве началась внутренняя борьба, в которой возглавленная королевой партия магнатов опиралась на поддержку османов ⁴⁶. По приказу султана к Липпе подошло войско паши Буды — Касима, в княжество вторглись отряды валашского и молдавского господарей. Сторонникам Мартинуцци удалось отбить эти нападения ⁴⁷. Изабелла была вынуждена просить Касима отойти и приняла условия соглашения 1549 г. Фердинанд направил в Трансильванское княжество отряд наемников во главе с генералом Кастаньо ⁴⁸ и войско венгерских сословий под начальством Иштвана Лошонци. 19 июля 1551 г. Изабелла подписала акт об отречении от короны ⁴⁹. К этому времени войска Фердинанда вошли в княжество. 8 августа Изабелла и Янош Жигмонд покинули княжество.

Чтобы воспрепятствовать переходу Трансильванского княжества под власть Фердинанда, султан направил туда восьмидесятитысячное войско во главе с румелийским бейлербеем Мехмедом-Соколлу (Соколовичем). По просьбе Мартинуцци Фердинанд прислал на помощь еще пять тысяч наемников. Но убедившись в недостаточности военных сил Фердинанда для отпора османам, Мартинуцци вступил в переписку с Мехмедом-Соколлу и послал в Порту ежегодную дань, разрешив османскому гарнизону уйти из княжества. По поручению Фердинанда Мартинуцци был убит (17 декабря 1551 г.). Слабость сил Фердинанда для сохранения власти над Трансильванским княжеством была предопределена отказом Карла V на рейхстаге в Аугсбурге в ноябре 1550 г. дать помощь Фердинанду. В обстановке военного превосходства османов в Среднем Подунавье спасти Трансильванское княжество от непосредственного османского завоевания или от превращения его территории в театр военных действий могла только политика подчинения верховной власти султана и уплаты дани. Этого было достаточно и султану, стремившемуся не допустить объединения сил Габсбургов с Трансильванией.

В конце октября 1551 г. Мехмед-Соколлу отвел свое войско на зимние стоянки. Но на следующий год султан назначил новый большой поход в Среднее Подунавье. Международная ситуация складывалась благоприятно для османов. Карл V с конца 1551 г. вынужден был бороться с протестантскими князьями Германии во главе с курфюрстом

Саксонии Морицем (1521—1553). Союзник султана король Франции Генрих II (1547—1559) продвинулся в Эльзасе до Страсбурга. Сулейман I обратился с особым манифестом к протестантским князьям Германии, в котором подчеркивалось значение его союза с Францией и содержалось заявление о намерении начать поход с целью проучить Габсбургов. Но когда к началу июня 1552 г., главное войско османов выступило к Дунаю, успехи восточного противника султана — персидского шаха Тахмаспа не позволили султану самому участвовать в походе. К тому же стало известно о начале переговоров между Карлом V и курфюрстом Морицем.

Целью начавшегося похода была ликвидация власти Габсбургов в Трансильвании и восстановление благоприятного для османов положения в Среднем Подунавье. Поэтому главное войско под командованием второго визиря Ахмеда-Кара двинулось на южные районы Трансильванского княжества, другая часть османских войск, в которых были татары, а также молдавские и валашские отряды, вторглась с востока. В Трансильванском княжестве находилась лишь часть наемных войск Габсбургов. Всеобщий поход объявить было невозможно, так как по законам Венгрии его мог возглавить только король или член королевской семьи, а Фердинанд и наследник престола Максимилиан были заняты в войне против князей-протестантов Германии.

В результате военной кампании 1552 г. османам удалось занять территорию области Темешвара, которая была превращена в Темешварский эйялет с центром в Темешваре (совр. Тимишоара), раздвинув северные и восточные границы Будского эйялета. Таким образом, султан выполнил основную задачу, лишив тем самым военного значения союз Габсбургов и Трансильванского княжества, получив возможность добиваться и мирными путями с использованием внутренних противоречий формального разрыва княжеств с Габсбургами.

В 1553—1555 гг. Сулейман был занят войной с персами, усмирением восставших янычар, борьбой со рвавшимися к власти сыновьями. Все это исключало возможность организации нового похода в Среднее Подунавье. Задачу отрыва Трансильванского княжества от Габсбургов османские власти решили мирными средствами, опираясь на часть дворянства с протурецкой ориентацией. Эта группировка, недовольная ущемлением своих привилегий со стороны Габсбургов, призывала вернуть к власти Яноша Жигмонда и изгнать отряды немцев-наемников. Несмотря на протесты назначенного Фердинандом воеводы, летом 1552 г. государственное собрание решило продолжать уплату дани султану. Осенью 1552 г. сословия Трансильвании направили к османским властям посла с сообщением, что она остается верным данником султана и что, если султан возвратит ей область Темешвара, то будут удалены немецкие войска (наемники) и избран новый воевода. Летом 1553 г. собрание дворян ряда областей высказалось за возвращение Яноша Жигмонда и просило пашу Буды о помощи. В конце июля в Дебрецен с пятьюстами воинами прибыл ставленник султана и Изабеллы Петер Петрович. Но воеводам Трансильвании удалось осенью 1553 г. подавить проосманское движение⁵⁰.

Внутренние дела и занятость на Востоке заставляли султана ограничиваться в Среднем Подунавье действиями местного характера. В 1554 г. давление османов усилилось. Весной этого года султан снова потребовал возвращения Изабеллы и Яноша Жигмонда⁵¹. Опасаясь вторжения османов, в июне 1554 г. в Трансильвании собрали всеобщее ополчение, которое разошлось, не дождавшись помощи со стороны Фердинанда.

Став после отречения Карла V императором в 1556 г., Фердинанд был всецело занят имперскими делами. Он стремился сосредоточить в своих руках власть над всем Средним Подунавьем. Поэтому, чтобы привлечь на свою сторону господствующий класс Трансильвании, Фердинанд в апреле 1555 г. направил от своего имени посольство к султану с данью княжества. Через другого своего посла Фердинанд выражал готовность платить султану дань в 140 000 форинтов, если султан уступит всю Венгрию. Но султан не мог согласиться на это, так как его основной целью в Среднем Подунавье было не дать Габсбургам возможности присоединить Трансильванию. Закончивший войну с персами

Сулейман в ответ на это предложение потребовал от Фердинанда I до ноября оставить Трансильванию. 7 октября в особом фирмане султан сформулировал ультиматум господствующему классу княжества: либо будут призваны обратно Янош Жигмонд и его мать, и тогда Порта снова возьмет княжество под свою защиту и покровительство, либо страна будет стерта с лица земли⁵². По приказу султана господа Молдавского и Валашского княжеств готовились к походу на Трансильванию⁵³. Было известно и о военных приготовлениях османов в пограничных крепостях. Порта обратилась к Фердинанду с требованием передать Яношу Жигмонду территорию Трансильвании. Сообщая об этом государственному собранию Трансильвании 23 декабря 1555 г., представитель Фердинанда добавил, что император не может оказать никакой помощи княжеству. В январе 1556 г. государственное собрание заявило о призвании обратно Яноша Жигмонда и его матери, о разрешении войти в княжество войску Петра Петровича, а в марте 1556 г. признало Яноша Жигмонда в качестве «князя и короля», которому оно обещало верность⁵⁴.

Отказ Фердинанда от власти над Трансильванским княжеством свидетельствовал о соотношении сил султана и Габсбургов. В письме султану от 14 июня 1556 г. император заявлял, что он передает Трансильванию Яношу Жигмонду. К такому решению его вынуждало не только отсутствие сил для удержания княжества, но и наступление османского войска в Задунавье. 22 октября 1556 г. Изабелла и Янош Жигмонд торжественно въехали в княжество.

Султану удалось расчлнить силы венгерского господствующего класса, сохранив вассальную и данническую зависимость той его части, которая имела власть в Трансильванском княжестве. Его завоевание могло быть осуществлено османами в случае, если бы от него исходила угроза с тыла силам османов, которые считали своей основной целью подчинение или разграбление богатого Запада. Без такой угрозы со стороны Трансильвании османы, занятые также Востоком и Средиземноморьем, находили лишней тратой сил включение небогатого горно-лесного края в состав своей империи.

Появление зависимого от Порты Трансильванского княжества было одним из итогов экспансии османов в Среднем Подунавье, результатом сложившегося соотношения сил в европейской международной политике. Достигнутые результаты позволяли продолжать политику расширения их завоеваний в западной части Среднего Подунавья.

Но до осуществления следующего крупного наступления на владения Габсбургов прошли годы равновесия сил (1557—1564). Они характеризовались действиями местных османских и габсбургских военных властей. Обороняясь от нападений османов, Фердинанд осуществил наступательную политику по отношению к Трансильванскому княжеству, ведя с 1557 г. военные действия на территории Затисья. 31 января 1559 г. Фердинанд заключил с султаном мир, который 17 августа 1562 г. был продлен на восемь лет⁵⁵.

Война венского двора с Трансильванским княжеством возобновилась в 1564 г. Максимилиан, ставший после смерти Фердинанда королем Венгрии и императором Германской империи, направил против княжества семитысячное войско. Янош Жигмонд был вынужден подписать с императором соглашение, ограничивавшее власть трансильванского князя главным образом территорией воеводства Трансильвании. Жигмонд должен был отказаться от титула короля Венгрии, унаследованного им от Яноша Запольяи и подтвержденного султаном. После смерти Яноша Жигмонда Трансильвания переходила бы под власть Максимилиана⁵⁶. Но Янош Жигмонд обратился за помощью к османам. В результате действий темешварского паши условия соглашения были аннулированы.

Важными событиями был отмечен 1566 г. Еще в ноябре 1565 г. султан отдал распоряжение паше Буды о подготовке к походу следующего года. К этому времени был заключен мир с персами и подавлено движение сына султана Баязида. В войске султана находилось 42 000 регулярных воинов, не считая войск союзников (отряды из

Молдавского, Валашского и Трансильванского княжеств) и нерегулярных османских частей. 2 февраля государственное собрание габсбургской Венгрии постановило собрать по 2 форинта с крестьянского надела для снаряжения войска. Максимилиан получил денежную помощь от империи, папы, что позволило ему к началу лета собрать примерно стотысячную армию. Султан ставил задачу захватить Затисье и расширить южную границу завоеванной ранее части Задунавья, что было достигнуто в результате сражений в 1566г. между османскими войсками и отрядами Габсбургов⁵⁷. Преемники Сулеймана Селим II и Мурад III продолжали активную политику в Среднем Подунавье, стремясь сохранить и даже увеличить владения Османской империи и влияние в этом районе. Важное значение для проведения этой политики имело утверждение сюзеренитета Османской империи над Трансильванским княжеством. 29 июня 1566 г. Янош Жигмонд прибыл к султану в Белград и подтвердил свою верность сюзерену. Султан выдал ему атнаме, которое почти дословно воспроизводило письмо Яношу Запольяи (февраль 1528г.) о союзе. В нем признавалось право господствующего класса Трансильвании избирать князя, который мог начинать свое правление после его утверждения Портой. Ссылаясь на это атнаме, государственное собрание Трансильвании в 1567 г. приняло закон о свободном избрании князя⁵⁸. Княжество было обязано платить дань. Утверждаемый после избрания князь Трансильвании не ограничивался в реализации внутренней и внешней политики, кроме одного момента, выражавшего суть политики султана по отношению к Трансильвании: княжество не должно было объединяться с габсбургской Венгрией, чтобы не было восстановлено единство Венгрии. Такая степень и форма зависимости в данной обстановке была выгодна и султану, и господствующему классу Трансильванского княжества, и поэтому в течение последующих тридцати лет между ними сохранялись стабильные отношения.

Они являлись частью того равновесия сил в Среднем Подунавье, которое было признано договором между султаном и Максимилианом, заключенным 17 февраля 1568 г. в Эдирне (Адрианополе) и продленным в 1576 и 1583 гг. на 8 лет каждый раз. Король Венгрии обязался выплачивать ежегодно 30 000 форинтов дани. Стороны признали территориальное разделение Среднего Подунавья и право каждой из них взимать с населения пограничных районов, принадлежащих другой стороне, налог. Они обязались прекратить военные действия и даже запретить частые в пограничье поединки⁵⁹. Значение договора состояло в признании объективно сложившегося соотношения сил, которое означало завершение периода огромных османских завоеваний в Среднем Подунавье и вместе с тем их сохранение Портой.

Порта закрепила свои позиции и в Трансильванском княжестве. Их не поколебало заключение соглашения в Шпейере между представителями Яноша Жигмонда и Максимилиана (16 августа 1570 г., ратифицировано в Вене 10 марта 1571 г.)⁶⁰. Янош Жигмонд отказался от титула «избранный король Венгрии» и принял титул «князь Трансильвании и частей Венгрии» (Парциума). Тем самым признавалась правомерность существования Трансильванского княжества как владения Яноша Жигмонда. Верховная власть Максимилиана находила выражение в том, что договор предусматривал после смерти Яноша Жигмонда без наследника по мужской линии избрание трансильванскими феодалами князя, который в качестве воеводы должен был принести присягу верности королю Венгрии. После смерти Яноша Жигмонда (14 марта 1574 г.) государственное собрание Трансильванского княжества избрало князем Иштвана Батори. До 1576 г. он был воеводой, принесшим присягу верности королю Венгрии (с 25 января 1576 г. до кончины 13 декабря 1576 г. имел титул князя, уже будучи избран 14 декабря 1575 г. королем Польши). После избрания воеводой Иштван Батори получил заранее заготовленный в Стамбуле фирман, в котором султан ограничивался требованием признания его верховной власти и сотрудничества с его местными властями, а также сохранения согласия воеводы с господствующим классом Трансильвании. В фирмане не упоминалась обязанность уплаты дани, которая, судя по другим источникам, была

увеличена с 17 декабря 1575 г. с 10 до 15 тыс. форинтов⁶¹. Габсбургские власти признавали самостоятельность княжества. Максимилиану пришлось примириться с решением государственного собрания княжества, согласно которому король Венгрии не имел в Трансильванском княжестве судебных прав. После избрания Иштвана Батори королем Польши венскому двору приходилось принимать к сведению факты избрания князя государственным собранием княжества. Ценой признания верховной власти османов и Габсбургов оно получило возможность мирного развития и не нуждалось в создании линии крепостей.

В то время, когда габсбургская Венгрия и Трансильванское княжество пользовались передышкой, султаны Селим II и Мурад III вели постоянные войны. В 1570—1581 гг. продолжалась война с испанскими Габсбургами, в которой османы возвратили себе Тунис. Гигантской по размаху и затрате сил была третья война с Персией (1577—1590). Мурад III вел войны в южном Азербайджане, в западной Грузии, в Курдистане. Казна османов не выдерживала огромных расходов на войны. Внутренний кризис усугублялся порчей металлических денег, повышением налогов. Неудачи в войнах порождали мятежи в войсках, о чем свидетельствовали волнения сипахи 1588, 1593 гг., вооруженный мятеж янычар в Буде (1590). Все ощутимей были людские потери янычар.

Порта видела выход из назревавшего кризиса в ведении постоянных войн. Хотя в Стамбуле после завершения войны с Персией и пошли на продление мира с габсбургской Венгрией, но проявили намерение возобновить войну. Состояние императорского и королевского двора (император Рудольф удалился от дел и страной управляли эрцгерцоги Карл и Эрнст, который в 1578—1589 гг. был наместником короля в Венгрии) определялось нехваткой денег (к 1573 г. у казны было 10 млн. форинтов государственного долга)⁶², ненадежностью снабжения войск, слабостью военного командования, отсутствием дисциплины у среднего командного звена. Но руководящие деятели двора, находившегося в Праге, считали, что могут начать ограниченную войну, и поэтому стали задерживать выплату османам дани и организовывать крупные набеги отрядов пограничных крепостей на занятую османами территорию.

Сторонников войны с Габсбургами в Порте возглавлял великий везир Синаи. По его указанию паша Боснии Хасан в 1592 г. вторгся в Хорватию. Когда стало известно, что пражский двор не выслал дань и задолженность, Порта приказала быть в готовности к войне отрядам, расположенным в будском, темешварском и боснийском эйялетах. Прага в ответ распорядилась о подготовке ограниченного похода в южном направлении. В июне 1593 г. Хасан с тридцатитысячным войском снова начал действия на территории Хорватии, но был разгромлен. Получив известие о поражении Хасана, Мурад III приказал Синан-паше выступить против габсбургской Венгрии со стотридцатитысячным войском. Так началась Пятнадцатилетняя (Долгая) война (1593—1606).

¹ Изложение событий 1526—1541 гг. на основе свидетельств источников и результатов их исследований: *Barta G. Az erdelyi fejedelemség születése*. Бр., 1979, 8—71.1.

² ТТИ, 1, 255-265, 317.1.

³ SzE, p. 174.

⁴ АН, p. 185; *Barta G. A Sztambulba vezető út, 1526—1528 (A torok-magyar szövetség es elozmenyei)*.— Sz, 1981, N 1, 190—196.1.

⁵ *Charriere E. Negociations de la France dans le Levante*. Paris, 1848, t. 1, p. 162; ASL, Bd., 2, 1857, S. 325—328.

⁶ *Sinkovics I. Der Angriff der Osmanen in Donaul im 16. Jahrhundert und der Ausbau der Abwehr*.— *Etudes Historiques Hongroises*, 1975, v. 1, S. 347—378.

⁷ *Perjes G. Az oszman birodalom europai haboruinak katonai kerdesei (1356 — 1699)*.— НК, 1966, N 4, 862.1.; 1967, N 2, 329—372.1. Idem. *Mohacs*. Бр., 1979.

⁸ SzE, p. 283—296.

⁹ Szem, 142—144.1.; Torok P. *Koszeg 1532-i ostromanak tortenelmi jelentosege*. — НК, 1932; Sinkovics I. *Koszeg es az 1552. evi torok hadjarat*.— *Vasi Szemle*, 1967, N 2, 259—267.1.; Idem. *Koszeg vedelme 1532-bcn*.— *Ibid.*, 1963, 3. k., 22—40.1.

¹⁰ SzE, p. 333—338; QuB, 4, S. 550—552.

- ¹¹ *Nagii L.* A Habsburg-hatalom XVI. szzadi magyarorszagi torok politikajanak probiematikajaboz.— НК, 1966, N 4, 878—882.1.
- ¹² *Torok P.* I Ferdinand konstantinapolyi beketargyalasai, 1527—1547. Вр.г 1930, 69.1.
- ¹³ МТКК, 394—406.1.; OS, S. 65—85.
- ¹⁴ DR, 2/4, p. 248; 2/1, p. 219; ЕОЕ, 1, 23-24.1.
- ¹⁵ SzE, p. 364-367; МТТ, 1875, 20, k.; ТТИ, 1, 392-396.1.
- ¹⁶ Часть венгерского господствующего класса сохранила в Трансильванском княжестве свою феодальную государственность и условия для развития этнической культуры ценой признания верховной власти султана и уплаты ежегодной дани, что обеспечивало независимость во внутренних делах и да известных пределов — в осуществлении внешней политики.
- ¹⁷ ЕОЕ, 1, 130-133.1.; МТКК, 425-427.1.
- ¹⁸ *Barto G.* Az erdelyi..., 77.1.
- ¹⁹ *Szanto I.* A vegvari rendszer kiepitesi es fenykora Magyarorszagon, 1541—1593. Вр., 1980, 23-46. 1.
- ²⁰ *Torok P.* I Ferdinand..., 94-100.1.
- ²¹ МТКК, 453—454.1.; ТТИ, 2, 396—400.1.; *Torok P.* I Ferdinand..., 110.1.
- ²² CJH, 2,
- ²⁸ SRH, 2, p. 386—387.
- ²⁴ История Венгрии. М., 1971, т. 1, с. 355, сн. 18; *Bozib /. Srpske feudalne drzave i Makedonija od sredine XII st. do propasti.*— In: HNJ, 1, s. 446—450, 501; St, 1956, N 6, p. 121-148; 1957, N 1, p. 193-197; ТТИ, 2, 74.1. v
- ²⁵ Определение этих событий как «антитурецкого и антифеодального движения» неточно (История Венгрии, т. 1, с. 355). Значение их состоит в том, что венгерское дворянство в критический момент борьбы с османами выступило против тех сил, которые ввиду своего социального и профессионального положения могли бороться против османской экспансии.
- ²⁶ *Kamenlcek F.* Snemy a sjezdy moravske. Brno, 1902 (далее — SM), d. 2, s. 248—250; *Krofta K.* My a Ma'dafi v bojichs Turky.— Casopis svobodne skoly politickyh nauk v Praze, 1934, r. 6, s. 104, 107.
- ²⁷ *Pickova V.* Nuceny uver ceskych mest a valky v Uhrach v 16.—17. st.— Dejiny a vojenstvi (Praha), 1968, s. 970.
- ²⁸ *Urbanek R.* Cesi a valky turecke.— In: Co daly nase zcme Evrope a lidstvu. Praha, 1940, s. 121.
- ²⁹ SM, s. 225.
- ³⁰ *Miltner J. B.* Ccast Cechu v obrane Vidne proti Turkum 1529. Hradec Kraloye, 1880.
- ³¹ SM, s. 234.
- ³² Snemy ceske. Praha, 1877, d. 1 (далее — SC), s. 405—410.
- ³³ SM, s. 237.
- ³⁴ SM, s. 237.
- ³⁵ SC, s. 435—436.
- ³⁶ SM, s. 239.
- ³⁷ SM, s. 241.
- ³⁸ SC, s. 494, 496.
- ³⁹ SM, s. 252.
- ⁴⁰ *Pickova V.* Nuceny uver . . . , s. 98.
- ⁴¹ *Polisensky J.* Turecka otazka v evropske politice v 16.—17. stoleti.— In: Osmanska moc ve sredni a jihovychodni Evrope v 16.—17. stoleti. Praha, 1977, d. 2, s. 272.
- ⁴² SM, s. 257—261.
- ⁴³ SM, s. 266, 276—277.
- ⁴⁴ SC, s. 431—436, 442—449.
- ⁴⁵ OS, s. 109—113; ЕОЕ, 1, 250.1.
- ⁴⁶ *Barta G.* Az erdelyi..., 98—101.1.
- ⁴⁷ QuB, 4, S. 510-511; DAMT, 1, p. 44—45.
- ⁴⁸ *Kropf L.* Castaldo Erdelyben.— НК, 1895, 350—366, 509—521.1.; 1896, 53— 72, 161—186, 299—325, 465—483.1.
- ⁴⁹ OS, s. 119—136.
- ⁵⁰ *Barta G.* Az erdelyi..., 115-116.1.
- ⁵¹ DR, 2/1, p. 322-323, 324-325.
- ⁵² *Barta G.* Az erdelyi... 117.1.
- ⁵³ DR, 2/5, p. 343—348.
- ⁵⁴ ЕОЕ, 1, 569—570.1.
- ⁵⁵ DR, 2/1, p. 365-367; МТКК, 455-456.1.
- ⁵⁶ *Lukinich I.* Az eszakkeleti varhaboruk tortenetehez, 1561—1565.— НК, 1913, 370—394, 584-605.1.
- ⁵⁷ Важнейшие из них — осада Сигетвара 1 августа — 8 сентября султанским войском. Исследование основных вопросов обороны Сигетвара см.: SzigE.
- ⁵⁸ *Barta G.* Az erdelyi..., 184-185. 1.
- ⁵⁹ MHNS, 5, p. 216-233.

⁶⁰ OS, S. 189—198.

⁶¹ *Lipldk J. A portai ado tortenete az erdelyi fejedelemségben. Kesmark, 1911, 25—26.1.*

⁶² *Szekfu Gy. Magyar tortenet. Br., 1943, 3.k., 160.1.*

Глава 12 ТЕРРИТОРИИ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЫ ПОД ВЛАСТЬЮ ОСМАНОВ

§ 1. Балканские провинции Османской империи в XVI в.

Дальнейшее укрепление в XVI в. османского владычества над покоренными балканскими народами, а также заметное расширение в это время подвластных Порте территорий в ходе успешных действий против королевства Венгрии и Венеции привели к политическим переменам на карте Юго-Восточной Европы того периода ¹.

Уже в начале XVI в. османские войска заняли ряд венецианских опорных пунктов в Албании и Греции (Дуррес и др.), в 1521 г. под их натиском пал Белград. После сокрушительного разгрома венгерской армии при Мохаче (1526) под власть Порты попали обширные югославянские территории, прежде входившие в состав Венгерско-Хорватского королевства (Срем, Славония, часть Далмации и Боснии, северная Сербия); венецианские владения в Далмации свелись к узкой приморской полосе от Задара до Сплита и ряду изолированных городов и анклавов (Котор и др.); Венеция также сохранила еще часть Истрии, ряд островов в Эгейском море, Крит и Кипр. После разгрома королевства Венгрии и захвата турками центральной ее части (с Будой) значительно сократились и размеры Хорватии (так называемых «остатков остатков»), перешедшей под власть Габсбургов.

Эти изменения политической карты Балканского полуострова в XVI в. имели, как известно, своим последствием значительное увеличение численности югославянского населения, находившегося под османским господством, а также — в соответствии с успехами османской экспансии в Европе и упрочением власти Порты над ее балканскими владениями — и весьма глубокие внутривластные сдвиги, результатом которых было заметное ухудшение положения покоренного христианского населения.

Прежде всего эти перемены в положении местного крестьянства стали заметны в тех областях, которые до успешных завоеваний начала XVI в. служили пограничной полосой балканских владений Османской империи в Европе (в частности, в Северной Сербии, отчасти в Боснии, позднее в Среме). Когда во втором и третьем десятилетии XVI в. османские границы передвинулись в северо-западной части Балканского полуострова далеко вперед, одним из важнейших мероприятий Порты стала ликвидация прежних податных льгот, которыми пользовались некоторые категории местного крестьянства. В соответствии с решениями Порты об унификации крестьянских податей «влахи» Смедеревского санджака (в 1536 г.) были приравнены к райе; такие же изменения в положении владов происходили в то же время и в Боснии и в других областях; ликвидировались податные льготы и права «филируджиев» в северо-восточной Болгарии, а также сокращались права иных категорий и групп местного населения (войнуков, мартолозов и пр.) в других балканских провинциях Османской империи ².

Одновременно с этим переводом в податное сословие прежних «привилегированных» прослоек христианского населения отмечался и переход части их верхушки (например, влашских старейшин, стоявших во главе общин — «кнезов» и «примичуров») в ряды османского феодального класса ³. Однако не менее важен тот факт, что даже в тех областях, где имел место некоторый рост числа христиан-сипахов (спахиев) за счет упомянутых влашских кнезов и примичуров, это не приостановило все более ускорявшийся в середине и конце XVI в. процесс консолидации феодальной верхушки в балканских владениях Порты, превращения ее в монолитное сословие мусуль-

ман-землевладельцев, резко отделенное в силу социальных различий и религиозной принадлежности от податной массы местного крестьянства (в подавляющем большинстве — за исключением некоторых районов Боснии, Герцеговины и Албании — сохранявшего христианскую веру). Уже к середине и концу XVI в. число христиан-сипахов резко упало, как это явствует из сравнения дефтеров Крушевацкого (1516) и Видинского (1560) санджаков, а владения, еще остававшиеся у христиан-сипахов, (а также у христианской церкви и монастырей), заметно сократились⁴.

Не вызывает сомнения то обстоятельство, что процесс консолидации османского феодального класса в XVI в. не был связан только с исламизацией некоторых христиан-сипахов или с сокращением владений (либо с лишением их спахийского статуса) тех феодалов, которые сохраняли христианскую веру. В этой связи важную роль играли и те отношения, которые возникали между отдельными спа-хиями, их семьями и группировками, те изменения в системе юридического оформления прав феодального землевладельца, которые обозначались уже в XVI в. В частности, в то время значительно усилились боснийские и албанские мусульмане-феодалы (отчасти из числа местной знати, принявшей ислам, отчасти из рядов османских завоевателей, осевших в этих районах). Рост влияния этих группировок боснийских и албанских феодалов был закономерно связан с закреплением за одними и теми же семьями высших военных и административных постов в данной области, с передачей по наследству земельных пожалований — тимаров (в качестве так называемых оджаклук-тимаров) и чифликов⁵. Среди таких наиболее влиятельных феодальных родов балканских провинций Османской империи можно назвать, например, семью Синан-паши в Албании, обладавшую постами санджак-беев Влеры и Дельвины, Соколовичей и Караосмановичей в Боснии и др.

Вполне понятно, что процессы консолидации османского феодального класса и нивелировки положения местного крестьянства на Балканах находили непосредственное отражение и в соотношении мусульманского и христианского населения (особенно в городах балканских провинций), и в дальнейшей исламизации местного населения. Перевод боснийских и сербских влахов на положение прочей угнетаемой райи обуславливал, с одной стороны, постепенный переход в ислам тех представителей влашской верхушки, которые получали тимары, с другой стороны — стремление и простых крестьян-влахов таким же путем добиться некоторого облегчения податного бремени⁶. Вероятно, привилегированное положение горожан-мусульман было причиной заметной (особенно в XVI в.) исламизации городского населения, которая нашла свое отражение в налоговых реестрах, подробно рассмотренных Н. Тодоровым.

Эти материалы свидетельствуют о том, что на Балканах уже «в первой половине XVI в. ощутимо росло мусульманское население»⁷. Возрастание численности мусульман в балканских городах стало еще более заметным в конце XVI в. (удельный вес мусульман-горожан был к началу XVII в. равен уже 60, 93%, тогда как в середине XVI в. число мусульманских хозяйств в городах равнялось лишь 40,09%)⁸. Вполне возможно, что в действительности количество мусульман в городах Балканского полуострова в XVI в. было гораздо больше, поскольку специфика основной массы сохранившихся источников (податных реестров) не позволяет точно определить численность основных категорий и прослоек городского населения; понятно, что османские дефтеры (списки налогоплательщиков) не дают представления о тех категориях (прежде всего мусульманского) населения, которые не облагались податями либо находились в городах временно. К их числу нужно отнести значительные гарнизоны и другие подразделения османских войск, а также феодалов-сипахов, представителей исламского культа, управителей вакфов, местную османскую администрацию и т. п.⁹

В соответствии с этим, вероятно, допустимы и определенные коррективы в тех количественных пропорциях, которые устанавливаются Н. Тодоровым для чисто мусульманских и чисто немусульманских городов, как и для городов с преобладанием христианского или мусульманского населения. Однако все это, на наш взгляд, не может

оспорить намеченные в труде Тодорова выводы об основных закономерностях развития балканских городов в XVI в., а именно: о росте чисто мусульманских городов, увеличении числа городов с преобладанием мусульманского населения, более того — о концентрации мусульман в сравнительно крупных городах (например, в Сараево, Софии, Видине, Скопье, как и в столицах империи — Эдирне и Стамбуле)¹⁰. Однако исламизация была весьма быстрой не только в крупных военно-административных центрах, но и в более мелких городах, примером которых может служить Зворник. Так, в Зворнике «за десять лет 90 хозяйств (т. е. примерно $\frac{1}{5}$ всего городского населения.— *Е. Н.*) приняли мусульманство, так что осталось всего 30 хозяйств христиан, но и они спустя некоторое время также растворились в массе мусульман»¹¹.

Помимо процессов исламизации и ассимиляции немусульманского населения в городах, в XVI в. еще быстрее совершался процесс развития чисто мусульманских городов, как и городских центров с преобладанием нехристианского населения (Сараево, Эльбасан, Салоники и др.). Между тем, рост городов во многом (в частности, в сфере развития местных ремесел) был связан с политикой Порты, с выполнением ее военных заказов¹².

Об этих важных процессах, существенно менявших весь облик балканских городов, можно судить не только на основании официальных османских материалов. Весьма примечательны также свидетельства тех памятников, которые возникли в ту эпоху в среде-покоренных балканских народов и которые отражают процесс исламизации христиан в XVI в.

Важны, в частности, свидетельства двух житий софийских мучеников XVI в., погибших за отказ принять ислам,— жития Георгия Нового, написанного болгарским священником Пейо¹³, и жития Николы Нового, созданного болгарским писателем середины XVI в. и видным представителем христианского духовенства г. Софии Мате-ем Грамматиком¹⁴. Как повествует в своем произведении поп Пейо, Георгий Новый был сожжен живым в г. Софии 11 февраля 1515 г. за отказ принять предложение местного кадии (османского судьи) и фанатиков-мусульман отречься от христианства. В этом произведении заслуживает внимания указание на то, что Георгий был искусным ремесленником (золотых дел мастером) и что он был вынужден уехать в Софию из своего родного города Кратова при Баязиде II, так как «боялся, что будет насильно отведен во дворец султана»¹⁵. Сочинение Матея Грамматика также свидетельствует о «потурчении» болгар местными османскими властями: Никола Новый за отказ принять ислам в 1555 г. осужден на смерть и забит камнями мусульманской толпой во главе с правителем г. Софии — «Эпархом», как его называет Матей¹⁶.

Названные свидетельства средневековой болгарской литературы вполне согласуются с сообщениями других источников об усилении османского гнета. Известно, в частности, что при Селиме I и Сулеймане I обсуждались проекты обращения в ислам христиан и закрытия всех церквей¹⁷. В некоторых сербских летописях говорится о начале правления следующего султана — Селима II (1566—1574), что «царь продал церкви и монастыри по всем царствам его», т. е. обременил христианское духовенство «продажами» — штрафами¹⁸.

Вполне понятно, что столь значительное усиление в XVI в. османской политики, направленной на ассимиляцию и подавление покоренных балканских народов, вызывало нарастание протеста и сопротивления широких масс южнославянского, греческого, отчасти албанского населения Османской империи. Существенно, что недовольство выражала также христианская феодальная и полуфеодальная верхушка покоренных османами балканских народов, часть духовенства (вероятно, некоторые христиане-спахии), не желавшая мириться с сокращением своих земельных владений, с уменьшением или ликвидацией ее прав и привилегий, с вытеснением из рядов феодального сословия Османского государства.

Нарастание недовольства в среде христианского населения европейской части Османской империи в XVI в. нашло свое выражение в обострении идеологической борьбы, в отказе многих жителей этих земель (в частности, южных славян и греков) от перехода в ислам и в перестройке существовавшей тогда организации православной церкви. Появились цитируемые выше специальные сочинения, прославлявшие стойкость борцов за веру. Авторами этих произведений были представители как низшего православного духовенства (поп Пейо), так и среднего и высшего клира (Матей Грамматик — «великий ламбадарий» софийской митрополии). В этих житиях отражено горячее сочувствие к софийским мученикам со стороны их единомышленников, подчеркнут тот факт, что мужество Георгия и Николы, отвергавших посулы мусульман и османских правителей, воодушевляло новых борцов, не боявшихся умереть за свой народ¹⁹.

В этот период обострились также противоречия внутри православного духовенства в балканских областях Османской империи, в частности между южнославянским (прежде всего, низшим) клиром и верхушкой православной церкви (в основной своей части греческой или грецизированной), высшими представителями Охридской архиепископии и Константинопольской патриархии. Причиной недовольства южнославянского духовенства, как и широких кругов славянской паствы, было усиление греческого клира в названных церковных организациях, осуществлявших в начале XVI в. церковную власть над всем православным населением Балкан, а также большие поборы греческого духовенства и проявляемое им смирение и уступчивость перед османскими властями²⁰.

Наиболее ярко недовольство южнославянского населения сложившимся в начале XVI в. положением в системе православной церковной организации в Османском государстве нашло проявление в значительных переменах церковной структуры на территории, которая прежде входила в состав Сербского и Боснийского государств. Последовало «самозванное» отделение сербской церкви во главе с Павлом Смедеревским от Охридской архиепископии (в 20-х годах XVI в.), а затем с разрешения Порты официальное восстановление самостоятельной Сербской (Печской) патриархии (в 1557 г.), с чем должны были смириться владыки и Охридской архиепископии, и Константинопольской патриархии²¹.

В связи с тем что эти серьезные изменения в системе церковного управления сербских земель неоднократно освещались в литературе (хотя до сих пор некоторые детали остаются спорными), здесь следует обратить внимание на наиболее важные моменты, характеризующие отношение сербского народа и османских властей к указанным проявлениям резких противоречий в среде православного духовенства. Вполне вероятно, что в широких кругах славянского населения Сербии и других владений Османской империи стремление восстановить самостоятельную сербскую церковь, избавиться от усиления высшего греческого клира Охридской архиепископии и Константинопольской патриархии связывалось с надеждами на более действенное заступничество «своего» — сербского патриарха перед османскими властями, на более активное противодействие не только политике исламизации, но и попыткам «эллинизации» местной православной церкви. Несомненно, что путем создания сербской самостоятельной патриархии влиятельные прослойки христианского населения сербских земель, в особенности в Смедеревском санджаке (христиане-спахии, местное сербское духовенство, верхушка влашских общин, старейшины мартолозов, может быть, и некоторые сербы-горожане)²², стремились укрепить свое положение в рамках османской феодальной системы. Возможно, представители этих слоев рассчитывали с помощью названной церковной реформы добиться также большего влияния в западной части Балканского полуострова и в завоеванной османами Венгрии, т. е. в тех областях, куда еще накануне и в период османских завоеваний переселялись сербы и валахи и где резко возрастала численность православного (прежде всего сербского) населения.

Какова же была позиция османских правителей во время этой церковной борьбы на Балканах? Чем объяснялась та поддержка, которую оказали местные османские власти

и часть высшего чиновничества Порты стремлениям сербских кругов к восстановлению самостоятельности, сербской церкви? Даже в период своего «самозванного» выступления смедеревский епископ Павел, провозгласивший себя архиепископом и патриархом, не только чувствовал себя полноправным главой сербской церкви, назначая новых епископов, но и смог добиться ареста своего противника — охридского архиепископа Прохора и его приверженцев²³. Лишь через пять лет (ок. 1532 г.) Прохору Охридскому, использовавшему помощь всех восточных патриархов (в особенности константинопольского) для изменения позиции Порты, удалось вновь подчинить себе сербское духовенство. Такая «терпимая», а в 1557 г. открыто благожелательная, позиция Порты по отношению к требованиям восстановить сербскую церковную организацию, с одной стороны, обуславливалась, видимо, желанием использовать противоречия в среде православного духовенства балканских областей, прежде всего противоречия греческого и сербского клира. С другой стороны, Порта, разжигая церковную борьбу среди балканских христиан и вынуждая тем самым православное духовенство к большей податливости и покорности, имела своей целью надежно укрепить свое господство именно в той части своих европейских владений (в Сербии, Боснии, отчасти в Хорватии и Далмации, а также в Славонии, нынешней Воеводине и Южной Венгрии), где сербское население не только было весьма многочисленным, но и привлекалось к военной службе и пользовалось поэтому некоторыми льготами в рамках османской системы²⁴.

Не случаен тот факт, что в первый период существования новой Печской патриархии (т. е. в 1557—1587 гг.) во главе сербской церкви стояли близкие родственники уроженца Боснии, самого великого визиря Мехмеда Соколовича: его брат Макарий, позднее — племянники Макария (Антоний, Герасим и Савватий)²⁵. Политику тесного сотрудничества с Портой продолжали в конце 80-х — начале 90-х годов и эфемерные преемники патриархов из рода Соколовичей (Ерофей и др.). О тесной связи между благожелательной позицией Порты к Печской патриархии в этот период и стремлением османской феодальной верхушки укрепить таким образом свое господство в этих областях Османской империи свидетельствует также значительное расширение границ Печской патриархии (по сравнению с ее диоцезом в XIV—XV вв.), которые включили громадную территорию от Задра до Буды и от Дубровника до Софии и Скопье (т. е. всю Сербию, Боснию и Герцеговину, часть Хорватии, Далмации, Македонии и юго-западной Болгарии, значительную часть Венгрии). Показательно, что с ведома османских властей печские патриархи считали возможным подчинять себе и местных католиков, рассматривая себя в качестве полноправных пастырей всего христианского населения, жившего во «всей сербской земле и поморской и в северных странах Е остальных» (именно таким был официальный титул печских патриархов)²⁶.

Все эти проявления церковной борьбы в балканских провинциях Османской империи в известной мере были связаны также и с теми этносоциальными процессами, которые проходили в данном регионе в XVI в. В европейских областях империи продолжалось развитие сложившихся ранее народностей, а именно южнославянских, греческой, албанской и османской (турецкой), причем в ходе этих процессов значительную роль играла рассмотренная выше османская политика исламизации и ассимиляции покоренного нетурецкого населения²⁷. За счет исламизированных христиан существенно увеличивалась численность османской (мусульманской) этносоциальной общности, которая отнюдь не была однородной. По всей видимости, уже к XVI в. следует отнести начало формирования особой мусульманской народности в Боснии (или боснийско-мусульманской общности), становление которой было связано с широким распространением ислама не только в городах, но и в деревнях Боснии и Герцеговины, а также с консолидацией боснийских феодальных верхов, обусловленной практикой передачи по наследству тимаров местными мусульманскими феодалами²⁸. Сходные этносоциальные процессы протекали и в албанских землях, где среди местного населения также заметно возрос удельный вес мусульман и постепенно исламизируемых христиан.

В общем процессе развития южнославянских народностей в эту эпоху имело место расширение территории, на которой развивалась сербская народность. В результате крупных миграций сербского населения, как и боснийских мусульман, говоривших на сербском языке, границы сербской народности заметно раздвинулись на север и северо-запад, что, в свою очередь, обусловило этническую неоднородность населения в завоеванных османами областях (в части Хорватии, Славонии, в известной мере в Венгрии) и одновременно заметное сближение сербов и хорватов²⁹.

Естественно поэтому, что для дальнейшего развития этнического самосознания как уже существовавших, так и только формировавшихся народностей имело большое значение наличие народных традиций, особенностей социальной структуры, самостоятельных церковных организаций, выделявших ту или иную народность в пределах Османской империи в самостоятельную «общину» (миллет). Так, например, в связи с интенсивной исламизацией городов все более отчетливо проявлялись различия между преимущественно мусульманским городом и христианской деревней (славянской, албанской, греческой сельской общиной); в среде южнославянских (равно как и албанской) народностей роль горожан становилась менее важной, возрастало, напротив, значение патриархальной крестьянской среды, сохранившейся в особенности в малодоступных горных районах (в Черногории, в северной Албании, в горных массивах других частей Балканского полуострова)³⁰.

Вместе с тем в условиях упрочения османской феодальной системы для дальнейшего развития нетурецких народностей значение особенно важного фактора приобретало наличие самостоятельной христианской церкви (Константинопольской патриархии — для греков и Печской — для сербов). Более того, в кругах местного духовенства, не только пользовавшегося по соглашению с Портой сугубо конфессиональными правами, но в известной мере исполнявшего и политические, судебные и фискальные функции по отношению к представителям соответствующего «миллета» (народа), сохранялись традиции прежней феодальной государственности, существовавшей до османского завоевания (в частности, традиции Сербского государства Неманичей — в сербских землях)³¹.

Существование стабильных факторов исторической жизни народностей (наличие общего языка, устойчивых культурных традиций и обычаев, а для сербов и греков — самостоятельной церковной организации) в определенной мере обуславливало сохранение и этнических общностей среди балканского населения. Однако это не исключало развития таких тенденций, которые постепенно приводили к усилению локальных особенностей внутри той или иной народности и к образованию внутри ее небольших, но ярко выраженных этно-социальных единств (например, формировавшихся на базе так называемых «племен» в нынешней Черногории, северной Албании и Герцеговине)³².

Эти процессы были, несомненно, связаны со значительной ролью в балканских провинциях Османской империи сельского самоуправления, которое содействовало сплочению местных жителей (в особенности славян и албанцев, в меньшей мере — греков) в борьбе против османского государства. Однако местное самоуправление покоренных народов использовалось в то же время Портой для контроля за крестьянской массой, для сбора налогов с крестьян и даже с так называемой «привилегированной райи»³³. С этой целью, как указывалось выше, некоторым представителям сельской верхушки покоренных народностей (примичурам, кнезам, коджабашиям) Порты предоставляла небольшие тимары или разного рода льготы. Некоторые права, включая право ограниченной автономии, получили на Балканах небольшие области или острова, в пределах которых все внутреннее управление осуществляли местные выборные представители, происходившие из кругов местной христианской феодальной или полуфеодальной знати.

Весьма существенно при этом то обстоятельство, что зачастую такие «автономные» права приобретались жителями той или иной области (обычно горной,

малодоступной или пограничной) в ожесточенной борьбе против османских властей, нередко после неудачных карательных экспедиций войск Порты. Так, уже в XVI в. почти поминальной стала зависимость от Порты горных областей Албании — Химары, Дукагини, Великой Мальсии; фактической самостоятельности добились черногорцы, майноты и сулиоты (жители отдельных районов Пелопоннеса и Эпира)³⁴. Пользовалось некоторой автономией и население ряда островов Эгейского моря (Наксоса, Андроса, Пароса, Милоса, получивших в 1580 г. подтверждение своих прав от Порты, а также Тасоса, Псары и др.)³⁵.

Сохранение местного самоуправления в районах, заселенных покоренными нетурецкими народностями, независимо от целей, преследовавшихся при этом османскими властями, несомненно, способствовало сплочению славянского, греческого и албанского населения в борьбе против османского гнета, феодальной эксплуатации и политики исламизации. Эта борьба постепенно усиливалась в течение XVI в., особенно активизируясь во время военных конфликтов Османской империи с враждебными ей державами (Венецией, Испанией и др.). Именно в XVI в., в эпоху так называемого «процветания» Османской державы и ее наивысшего военного могущества, приобрело особый размах народное движение против османской власти — борьба болгарских и сербских гайдуков, греческих клефтов, хорватских ускоков³⁶.

Гнет османской феодальной системы, исламизация, отмена прежних льгот отдельных прослоек христианского населения обусловили не только выступления отрядов гайдуков, но и массовые восстания против власти Порты. Уже в 1526—1527 гг. вспыхнуло восстание сербского населения южных областей бывшего королевства Венгрии (Баната и Бачки) под руководством Йована Ненада³⁷.

Во время турецко-венецианской войны 1537—1540 гг. призывы Венеции и ее союзников по антиосманской Священной лиге выступить с оружием в руках против Порты нашли отклик среди славянского, греческого и албанского населения прибрежных районов Ионического и Адриатического морей³⁸. Благодаря поддержке местного населения (в том числе черногорцев) испано-венецианские силы заняли г. Херцег-Нови и Рисан, а ожесточенное сопротивление албанцев Химары сорвало план османского вторжения в Апулию. Химара так и осталась непокоренной, несмотря на то, что османскими войсками в этой области руководил сам султан Сулейман I и великий визирь Аяз-паша (потурчившийся химариот)³⁹.

Выступления нетурецкого населения имели место не только в приморских районах, где местных повстанцев могли поддержать военные силы противников Порты и их флот. В 1564 г. началось восстание в одной из внутренних областей Румелии — в Прилепской области (Македония). Сначала против османской власти здесь выступили крестьяне всей Мориховской нахии, затем движение охватило горные малодоступные местности, равнинные селения и часть христианского населения г. Прилепа. Известно о выступлении горожан Прилепа и крестьян окрестных сел против местных властей и в конце 1565 г.⁴⁰, т. е. еще до нового подъема освободительного движения балканских народов, связанного с турецко-венецианской войной и разгромом османского флота при Лепанто (1571).

Весть о войне Венеции против Порты и о создании широкого антитурецкого союза была с воодушевлением встречена черногорцами, албанцами Химары и Дукагини, греками Морей. Множество добровольцев присоединилось к войскам Венеции, опытные моряки из балканских приморских областей участвовали в битве при Лепанто, где был уничтожен османский флот. Однако острые разногласия среди участников антитурецкой лиги и выход Венеции из коалиции не позволили развить наметившиеся в начале этой (так называемой «Кипрской») войны локальные успехи освободительного движения.

Победы османских сил в борьбе против христианских коалиций и локальных выступлений местного населения балканских провинций империи не могли помешать сопротивлению покоренных народностей, резко усилившемуся именно в этот период, начиная с 70-х годов XVI в.⁴² Значительно возросли размеры гайдуцкого движения,

постоянно вспыхивали волнения в отдельных районах, находившие поддержку у населения соседних областей⁴³. Но особый размах приобретает освободительное движение балканских народов в конце XVI — начале XVII в., когда наступил кризис Османской империи, наиболее остро проявившийся в ее европейских провинциях.

Именно в этот период, когда началась война так называемой «Священной лиги» (коалиция Австрии, Испании, папской курии) против Порты (1593-1606), одно за другим вспыхивали восстания в разных частях Балканского полуострова: вооруженное выступление сербов в Банате (1594), албанцев (1594-1596), болгарского населения в г. Тырново, где был провозглашен новый болгарский царь Шишман III (1598), населения Южной Сербии и Герцеговины (1597-1598) Гайдуцкие отряды захватывали даже крупные населенные пункты: в 1595 г. они взяли Софию; в 1596 г. ускоки заняли на некоторое время важный опорный пункт османских войск — г. Клис.

Существенное значение имело в это время такое новое явление, как активное участие в освободительном движении балканских народов конца XVI — начала XVII в. представителей тех феодальных и полуфеодальных прослоек местного населения которые ранее воздерживались от открытых выступлений против Порты. В подготовке названных выше восстаний конца XVI в. против османско, власти особую роль сыграли руководители местных церковных организаций (в частности, Печской патриархии и Охридской архиепископии), видные представители сельского и племенного самоуправления сербских земель и Албании, местное духовенство и горожане Болгарии⁴⁴. Они развернули оживленную дипломатическую деятельность, стараясь добиться помощи со стороны держав антиосманской коалиции (а также от России). Эти деятели стремились также обеспечить координацию усилий разных повстанческих центров и объединение всех балканских народов в борьбе против султанской власти.

Кризис османского владычества на Балканах, совпавший по времени с общим кризисом феодальной системы Османской державы, наглядно показал, что политика Порты неминуемо вела к обострению социальных и конфессиональных противоречий в балканских провинциях империи, к подъему освободительного движения всего немусульманского населения и его сплочению в борьбе против Порты. Закономерно, что христианское население (славяне, греки, албанцы) в антиосманской борьбе искало поддержки прежде всего у тех держав, которые находились под угрозой османской экспансии и пытались дать ей отпор. Исторически обусловленным было то, что подвластное Порте население балканских стран стремилось в эту эпоху укрепить свои культурные связи с соседними государствами и Россией. Эта тенденция ярко проявилась в деятельности и православного духовенства, и представителей других прослоек христианского населения Османской империи. Важным показателем изменившейся к концу XVI в. общей социально-политической обстановки на Балканах явилось дальнейшее развитие славянских, греческой и албанской народностей, их сближение и сплочение в борьбе против гнета османского феодального класса, создавшей предпосылки для нового подъема освободительного движения в XVII в.

В частности, постепенное сокращение налоговых льгот и привилегий отдельных прослоек крестьянства (влахов, войнуков и др.), резкое сокращение числа христиан-сипахов, ликвидация самостоятельной сербской церкви и другие мероприятия Порты,— все это создавало со временем реальные предпосылки для нарастания в XVI в. сопротивления южнославянских и других балканских народов и перехода к открытой форме освободительной борьбы, к вооруженным выступлениям против османского феодального владычества.

§ 2. Области Среднего Подунавья в составе Османской империи в XVI в.

После распада королевства Венгрии в результате поражения под Мохачем (1526) отдельные части ранее единой венгерской этнической общности продолжали

существовать в новых социально-экономических и политических рамках габсбургской Венгрии, Трансильванского княжества и эйялетов Османской империи.

Социальные организации габсбургской Венгрии и Трансильванского княжества являлись в общем результатом внутренней эволюции домохачской Венгрии, осложненной османской экспансией, которая не могла, однако, изменить внутреннюю экономическую структуру.

Что же касается территории королевства, включенной в состав Османской империи, то ее население оказалось в новых социальных условиях⁴⁵.

В 20—30-е годы XVI в. в результате вторжений османских войск обезлюдели районы междуречий Савы и Дравы, Дуная и Дравы в комитате Баранья, комитатах Бач и Бодрог (историческая область Бачка) — до Кал очи. Исключение здесь составляли окрестности некоторых крепостей (например, Печа). После 1541 г. начались набеги османских отрядов на более северные районы. Их испытал каждый населенный пункт, расположенный южнее линии крепостей: Дьер — Ноград — Сольнок.

Те области, которых не коснулись набеги отдельных османских отрядов, опустошались османами во время больших султанских походов. Население бежало на север и в Трансильванию. К опустошению вели и действия крымских татар, которые принимали участие в походах султана и его полководцев. Иногда татары оставались и на зимовку в занятых османами областях.

В страхе перед ужасами османских набегов венгерское население в течение XVI — первой четверти XVII в. покинуло территорию, ограниченную на юге Дравой, а на севере — линией Сегед — Калоча. Переселившиеся сюда в XV в. группы сербов составляли перед 1526 г. лишь 5—6% общей численности населения. Опустошая эти области, османы не делали различий между венграми и сербами. В комитате Шомодь с конца XV до конца XVI в. осталось менее 10% населения. Сохранившееся к началу 50-х годов XVI в. в Темешском банате сербское население (оно давало наемников в войска, боровшиеся с османами) после падения Темешвара (1552) перешло на службу к османам, в войсках которых уже находилось множество сербских марталосов, рекрутировавшихся на Балканах. Марталосы составляли часть гарнизонов всех османских крепостей в Венгрии.

После занятия османскими властями указанной территории и ухода венгров приток сербов на эти земли усилился. Постепенно сербы заселили оба берега Тисы, окрестности Зенты (Сенты) и Уйвидека (Нови Сад). В отличие от венгров они в большей степени занимались скотоводством, в том числе пастушеством. Плотность сербского населения была меньше, чем плотность прежнего, венгерского населения. Сербы использовали для поселения деревни венгров. Венгерские топонимы получали при этом сербскую огласовку или осмысление. Сербские названия деревень (со слов самих сербов) были внесены и в описи налогов — дефтеры.

Сербские общины возглавлялись кнезами, руководившими, в частности, и самим переселением. За привилегии, предоставляемые при заселении, сербы несли дополнительные военные обязанности.

В церковном отношении сербы, жившие на оставленной венграми территории, были подчинены Печской патриархии. От Печской патриархии зависели около двенадцати сербских епископов, проживавших в монастырях, которые основали на занятых османами венгерских территориях сербские феодалы Бранковичи и Якшичи.

Важнейшее значение для дальнейшей этносоциальной истории венгров имели демографические изменения на той, занятой османами части этнической территории венгров, которая лежала севернее земель, ставших местом расселения сербов. Сюда наряду с османами также проникали сербы, нередко они поселялись в городах. Сербы брали на откуп у султанской казны места сбора пошлин на пристанях, сбор подушного налога (хараджа), рыбные ловли и переправы.

Набеги османов и татар-крымчаков в Затисье, Задунавье и севернее Буды вели лишь к временному запустению. Жители деревень под угрозой набегов иногда на десятки

лет оставляли свои опустошенные, сожженные поселения, чтобы потом снова занять их. Однако не все поселения отстраивались вновь. В условиях постоянной военной опасности возник новый тип сельских поселений — так называемые хай-дуцкие городки, где дома и хозяйственные постройки располагались в виде круга и были укреплены заборами и палисадами.

Увеличивалось в ряде районов и влашское население, переходившее к оседлому образу жизни и к занятию земледелием.

Меньше всего изменился этнический состав населения в центральных районах территории, попавшей под власть османов: севернее линии Сегед—Калоча и южнее Буды, западнее линии Чанад—Бекеш и восточнее линии Дуная. Но и здесь произошли перемены в распределении венгерского населения. Масса его оставила мелкие деревни и сосредоточилась в местечках, ставших центрами степных районов, где развивалось пастбищное скотоводство⁴⁶. Эти поселения были расположены на султанском домене, в ведении султанской казны (хасс). Их население составляли крестьяне, община которых имела договор (ильтизам) с казной, которой она сообщала платила подушный налог (харадж). Эта община не была подчинена какому-либо владельцу тимара, имея статус, подобный статусу свободных королевских городов в габсбургской (и в домохачской) Венгрии. Особую часть хассов составляли поселения, обязанные содержать части османского войска, соответствующий военачальник которого был в этом случае заинтересован и в защите этих поселений, в частности от разорения крымчаками. Османы осуществляли управление, сбор налогов через совет и судью (главу совета) местечек. Их жители были обязаны также отработками, среди которых наиболее тяжелой повинностью был извоз. Переход жителей местечек к пастбищному скотоводству как основной отрасли хозяйства означал регресс хозяйства венгров. Поставляя скот на зарубежные рынки, обогащались отдельные жители местечек, составившие особый слой новых богачей, причастных к отправлению судебных и налоговых функций⁴⁷.

Для междуречья Тисы и Кереша (Надькуншаг) и бассейна правого притока Тисы — Задьвы (Ясшаг) характерно исчезновение живших здесь с XIV в. потомков кунов (половцев) и ясов (алан), составивших особую этническую группу мадьяр, сохранявших еще в XVI в. двуязычие. Набеги крымчаков 1556, 1594 и 1596 гг. привели к исчезновению этого населения. Определенные привилегии, которыми оно некогда пользовалось, были унаследованы новыми поселенцами — венграми.

Все эти этнодемографические изменения являлись результатом военных акций, которые не прекращались на занятой Портой территории Среднего Подунавья в течение почти полуторавекового существования здесь эйялетов Османской империи. Однако сохранившиеся источники позволяют проследить также воздействие и социально-экономических факторов. Основную массу этих памятников составляют налоговые описи, учитывавшие доходность каждого населенного пункта⁴⁸, фактически получаемые с подвластного населения денежные суммы или общую оценку натуральных податей⁴⁹. По мусульманским законам полагалось отдавать султану вместе с налогами десятину всего, что произведено на земле. Поэтому назначенные его казной уполномоченные составляли описи всей территории империи, в которых указывали имена жителей, десятины урожаев и суммы налогов. Наиболее богатые города и деревни выделялись во владения султана — в так называемый султанский хасс. Остальные владения распределялись на строго ограниченное время между военными и гражданскими должностными лицами, не получавшими жалованья наличными деньгами.

Содержание султанского войска и административного аппарата империи основывалось на денежных средствах, получение которых влияло на цели внутренней и внешней политики Порты. Но сбор денег в условиях неразвитости товарно-денежных отношений, характерной для основной части владений империи, был весьма трудной задачей. Поэтому Порта предпочитала не платить наличными должностным лицам и воинам, а распределять среди них хассы, зиаметы и тимары, чтобы их владельцы сами

занимались сбором с населения этих владений причитающихся им сумм. Судя по сохранившейся смете доходов и расходов Османской империи на 1527 г., султанский хасс давал 51% всех доходов, т. е. только половину доходов султана должна была собирать казна (37% доходов собирали владельцы других хассов, зиаметов и тимаров, 12% доходов султана были выделены для церковных и частных владений). Но раздача тимаров и зиаметов не могла уменьшить потребностей казны в наличных деньгах: постоянно росла численность наемников, получавших денежную плату.

Для султанской казны превращение желаемого (доходности владений, определенной ее уполномоченными) в действительное (денежные суммы) было задачей практически невыполнимой в полном объеме. Нехватка денег определяла многое в политике Порты, в особенности по отношению к областям Среднего Подунавья. Из финансового дневника казны Будского эйялета за 1559—1560 гг. известно, что на его территории находилось 10 328 наемников, для содержания которых требовалось 23 млн. акче. Доход же казны, не считая доходов тимаров, зиаметов и хассов, составлял в год 6—8 млн. акче. Ежегодно из Стамбула в Буду привозили 17—18 млн. акче золотом для покрытия дефицита⁵⁰ за счет налогов с населения богатого Египта⁵¹.

Порта считала наиболее выгодным приспособлять в Среднем Подунавье вводимую ею систему налогообложения к существовавшим некогда в королевстве Венгрии правовым нормам и обычаям. Ежегодно харадж в размере 50 акче должен был вносить каждый, кто имел движимое имущество (кроме дома, виноградника, земли), в том числе — скот, домашний скарб и вино в бочках — стоимостью в 300 акче. Единицей налогообложения была семья, ведшая самостоятельное хозяйство. Обязанность уплаты хараджа соответствовала условиям внесения военного налога с имущества в 6 форинтов. Шесть форинтов приравнивались к 300 акче, или цене одного вола. Поскольку пастухов труднее было заставить платить налог, то с них полагалось брать по 50 акче, если у пастуха было более 10 голов крупного рогатого скота или более 50 овец. От уплаты хараджа были освобождены судьи, помогавшие османским сборщикам налога, а также жители, обязанные ремонтировать мосты, дороги и крепости. Сборщику налога (эмину) и писцу каждый налогоплательщик вносил по 1 акче.

В 1578 г. сумма хараджа была увеличена: теперь его должен был платить каждый глава семьи и каждый холостой человек, имеющий какой-либо доход независимо от своего имущественного положения.

Все немусульмане (райя), платившие харадж, были обязаны вносить по 25 акче денежной подати (испендж) в пользу своего землевладельца. Жители Буды и Пешта от этой подати были освобождены, «поскольку обычно не платили во времена королей». Освобожденные от уплаты хараджа были свободны и от этого взноса. Налогоплательщики были обязаны поставлять землевладельцу сено и дрова, но позднее вместо поставок того и другого стали взимать по 10 акче. Имущественное положение провинившегося, учитываемое османским судьей (кади), влияло на размеры штрафа. Со всего произведенного на земле райя платила землевладельцу десятину. Если крестьянин имел надел в другой деревне, он вносил владельцу земли десятину, а владельцу деревни, где он жил, тридцатину. Около 1580 г. часть десятины с винограда заменили денежным взносом. Вместо венгерского помещичьего «права корчмы» султанская казна «держала монополию» на продажу вина в течение двух месяцев и десяти дней, когда крестьянин не мог продавать своего вина. С оставленной ради другого промысла необрабатываемой земли райя была обязана согласно распоряжению султана от 1571 г. платить землевладельцу 150 акче. В связи с увеличением к концу XVI в. необрабатываемых пашен их мог обрабатывать любой желающий, получая иногда освобождение от налога на 1—2 года. Райя платила землевладельцу десятину с пчелиных ульев, свиней, овец, рыбы, пойманной в реках. Половина рыбы, выловленной в прудах, полагалась землевладельцу. По мусульманским законам не подлежали обложению крупный рогатый скот и кони. Однако в 1560 г. в Сегедском санджаке, а в 1580 г. в некоторых поселениях Будского

санджака стали собирать пастбищный налог по 1 акче с головы крупного рогатого скота. С мельниц взимали по 50 акче, если они работали в течение года, и 25 — с работавших полгода. В отдельных санджаках собирали налог с храмов — 50 акче в год — в пользу казны. При выходе девушки замуж землевладельцу полагалось 30 акче, вдове новое замужество стоило половину этой суммы. Все эти взносы райя обязана была делать сообща, всем поселением. Повинности ушедших из поселений несли оставшиеся вплоть до следующей описи, которая проводилась в XVI в. один раз в каждые 10 лет⁵².

Доходы султанского хасса собирались сборщиками налога или вносились самими жителями. Сборщиков направляли прежде всего в пункты, где находились места сбора торговых пошлин, которые надо было взыскивать ежедневно. Эти пункты были расположены по Дунаю и Тисе⁵³. В деревнях по этим рекам также действовали сборщики налогов. Их статус был своеобразен: как служащие они получали жалованье, а действовали как откупщики. Казна давала им полномочия на три года, но если кто-то предлагал большую сумму, то его тут же назначали новым сборщиком налогов⁵⁴. Используя соперничество откупщиков, казна стремилась увеличить суммы налога. Жителям ряда населенных пунктов хасса султана было предоставлено право самим вносить общую сумму налогов и десятин в будскую казну.

На землях хасса развивалось преимущественно товарное скотоводство. Значительные массы скота гнали на продажу в австрийские земли. Османские власти получали от этой торговли денежные доходы в виде пошлин. В 60-е годы XVI в. через г. Вац ежегодно прогоняли для продажи в Вену в среднем 60 000 голов крупного рогатого скота, 1500 лошадей и 25 000 овец. Наибольшие доходы давала султанской казне таможня в Сегеде: в 1546 г. пошлины составили 474 550 акче (в Буде собирали 85 000, в Ваце — 46 000)⁵⁶.

Существенной особенностью положения эйялетов Среднего Подунавья было сохранение претензий Габсбургов на сбор налогов в подчиненных Порте областях в пользу короля, церкви и венгерских дворян. Хотя Порта не признавала правомерность этих претензий, сбор податей фактически осуществлялся с крестьян эйялетов войсками пограничных крепостей и хайдуками, служившими светским и церковным землевладельцам королевства Венгрии⁵⁶. Стремление расширить круг налогоплательщиков проявляли и османы, которые совершали набеги с целью сбора налога с жителей деревень, расположенных в тылу пограничных крепостей Венгрии.

Бичом для этих местностей был угон османами жителей в рабство. Согласно описи 1546 г., казна собирала в Буде ежегодно 40 000 акче для содержания 2000 перегоняемых оттуда рабов⁵⁷.

В некоторых городах (Эстергом, Вишеград, Ноград) к 1570 г. не осталось ни одного дома, который принадлежал бы местным жителям. Часть храмов османы немедленно после завоевания превращали в мечети. Строго запрещалось возводить новые храмы, для ремонта старых требовалось особое разрешение. Взамен сгоревшего храма можно было возвести новый, точно воспроизводивший размерами прежний. Османские власти отдавали предпочтение сторонникам реформации как противникам католицизма, которого придерживались Габсбурги⁵⁸.

В целом система эксплуатации османскими властями местного венгерского населения обеспечивала удовлетворение основного стремления султанской казны — получить как можно больше денег и при этом сохранить их источник — крестьянское хозяйство. Быстрое разорение приносили факторы внеэкономического характера, в первую очередь набеги отрядов крымчаков и воинов пограничных крепостей королевства Венгрии, как и военные действия во время больших походов османских войск.

Введению и функционированию османской системы эксплуатации, предполагавшей сохранение объекта эксплуатации, способствовала такая особенность занятой османами части королевства Венгрии, как наличие здесь развитой и прочно

укоренившейся сети институтов сельского и городского самоуправления, системы правовых норм и обычаев, характерных для развитого феодализма.

¹ Кроме изданий, названных в примеч. к § 2, гл. 3, см. также; *Ари Г. Л., Сенкевич И. Г., Смирнова Н. Д.* Краткая история Албании. М., 1965; *Джурджев Бр.* Столкновение между охридской и смедеревской церквами в первой половине XVI века.— В кн.: Македония и македонцы в прошлом. Скопье, 1970; *Бурнев Бр.* Турска власт у Црној Гори у XVI и XVII веку. Сарајево, 1953; *Еремеев Д. Е.* Этногенез турок: (Происхождение и основные этапы этнической истории). М., 1971; *Историја а Црне Горе.* Титоград, 1975, кн. 3, т. 1; *Крушевац кроз векове.* Крушевац, 1972; *Лукач Д.* Видин и Видинският санджак през 15—16 век. София, 1975; *Новичев А. Д.* Аграрные отношения и положение крестьян в Османской империи в XVI — начале XVII в.: Проблема крепостничества.— В кн.: Проблемы социальной структуры и идеологии средневекового общества. Л., 1980; вып. 3; *Он же.* Рабство в Османской империи в средние века.— Там же, 1978, вып. 2; *Поповић Д.* Срби у Војводини. Нови Сад, 1975, кн. 1; Српска православна црква 1219—1969. Београд, 1969; *Тверитинова А. С.* Аграрный строй Османской империи XV—XVII вв. М., 1963; *Тодорова М.* Подбрани извори за историјата на балкански-те народи (XV—XIX вв.) София, 1977; *Тричковић Р.* хуприја и среднее Поморавље до првог српског устанка.— В кн.: Бој на Иванковцу 1805. године. Београд, 1979; *Balic S.* Kultura Bosnjaka. Muslimanska komponenta. Wien, 1973; *Durdev Br.* Die historisch-ethnischen Veränderungen bei den siidslawi-schen Volkern nach der tiirkischen Eroberung. Graz, 1974; *Durdev Br.* Uloga crkve u starijoj istoriji srpskog naroda. Sarajevo, 1964, *Kucerova Kv.* Chorvati a Srbi v Strednej Europe. Bratislava, 1976; *La ville balkanique XVe — XXe ss.* Sofia, 1970, (*Studia balkanika*, N 3); *Vacalopoulos A.* Histoire de la Grece moderne. Paris, 1975, *Vasic M.* Martolosi u jugoslovenskim zemljama pod turskom vladavinom. Sarajevo, 1967.

² См., например: ИИЈ, т. 2, с. 85—86 и др.; *Лукач Д.* Видин..., с. 48, 49; *Va-siћ M.* Martolosi..., с. 133, 163; *Osmanska moc ve Stredni a jihovychodni. Evrope v 16.— 17. stoleti.* Praba, 1977, sv. 1, s. 86.

³ См., например: ИИЈ, т. 2, с. 128—129; *Vasic M.* Sum ami defter sandzaka Aladza Hisar (Krusevac) iz 1516. god. kao istorijski izvor.— РОР, 1978—1979, т. XXVIII—XXIX, с. 343, еел. 79.

⁴ ИИЈ, т. 2, с. 74—75; ср.: *Лукач Д.* Видин..., с. 116 и след. (ср. с. 26—27).

⁵ См., например: *Ари Г. Л., Сенкевич И. Г., Смирнова И. Д.* Краткая история Албании..., с. 44, ИИЈ, т. 2, с. 124—132; *Супеска А.* Еволуција у наслеђивану оцаклуктимара у Босанском пашалуку.— Годишаак Друштва историчара Босне и Хорцеговине, год XIX (1970—1971), с. 32—33.

⁶ См.; например: ИИЈ, т. 2, с. 134; ср. также: Бој на Иванковцу 1805. године, с. 115; *Vasic M.* Sumarno defter..., з. 337.

⁷ *Тодоров Н.* Балканский город XV—XIX веков. М., 1972, с. 65.

⁸ Там же, с. 66, табл. 4.

⁹ Там же, с. 100.

¹⁰ Там же, с. 67, ср. также с. 98—100.

¹¹ Там же, с. 100.

¹² Там же, с. 72, 74, 100.

¹³ См., например: *Диников П., Куев К., Петканова Л.* Христоматия по старо-българската литература. София, 1961, с. 431—438 (о житии Георгия Нового см. также: *Калиганов И. И.* К вопросу о тестологическом изучении русского жития Георгия Нового.— ССл., 1974, № 3; *Он же.* «Повесть о Георгии Новом» в русской рукописной традиции XVI—XVII вв.— Там же, 1975, № 5, и др.).

¹⁴ См., например: *Диников П., Куев К., Петканова Л.* Христоматия, с. 439—442.

¹⁵ Там же, с. 431—432.

¹⁶ Там же, с. 442.

¹⁷ См., например: *Димитров С., Манчев К.* История на балканските народи (XV—XIX в.) София, 1971, с. 83.

¹⁸ *Стојановић Л.* Стари српски родослови и летописи. Београд, 1927, с. 267, № 923.

¹⁹ *Диников П., Куев К., Петканова Л.* Христоматия..., с. 436 и ел.

²⁰ См., например: *Димитров С., Манчев К.* История..., с. 86; *Джурджев Бр.* Столкновение..., с. 91, 102.

²¹ См., например: *Иванов И.* Български старини из Македония. София, 1931, с. 569—575; ИИТ, т. 2, с. 100—104; *Джурджев Б.* Столкновение..., с. 92—102; *Димевски Сл.* Црковна историка на македонскиот народ. Скопје, 1965, с. 64 и ел.; *Мирковић М.* Правни положај, с. 66—69 и 85 и ел.; Српска православна црква..., с. 143—149.

²² См.: например: *Джурджев Б.* Столкновение..., с. 98.

²³ См., например: *Мирковић М.* Правни положај..., с. 67.

²⁴ Српска православна црква..., с. 145—146 (карту диоцеза Печской патриархии см. на с. 147).

²⁵ *Мирковић М.* Правни положај..., с. 87.

²⁶ ИИЈ, т. 2, с. 103.

²⁷ См., например: *Vacalopoulos A.* Histoire..., р. 34.

²⁸ Ср., например: Прилози (Сарајево), 1975—1976, год XI—XII, № 11—12, с. 275—276 и сл. (в выступлениях Н. Филиповича, Б. Джурджева, А. Ханджича); *Durdev Br.* Die historisch-ethnischen..., S. 17.

- ²⁹ См., например: *Durdev Br. Die historisch-ethnischen...*, S. 13, 17.
- ³⁰ См., например: *Чубриловић В. Историја политичке мисли у Србији XIX века*. Београд, 1958, с. 28 и сл.; *Durdev Br. Die historisch-ethnischen...*, S. 11, 14.
- ³¹ Ср., например: *Чубриловић В. Историја политичке мисли...*, с. 23—28; *Durdev Br. Die historisch-ethnischen...*, S. 12—13.
- ³² См., например: *Ариш Г. Л., Сенкевич И. Г., Смирнова П. Д. Краткая история Албании...*, с. 35—36; *Историка Црне Горе*, кн. 3, т. 1; ИИИ, т. 2, с. 152—154.
- ³³ См., например: *Димитров С., Манчев К. История...*, с. 90—91; *Грозданова Е. Българската селска община през XV—XVIII век*. София, 1979.
- ³⁴ *Ариш Г. Л., Сенкевич И. Г., Смирнова П. Д. Краткая история Албании*, с. 36—38; *Димитров С., Манчев К. История...*, с. 91; *Иурчев Бр. Турска власт...*, с. 71 и след.
- ³⁵ *Димитров С., Манчев К. История...*, с. 91.
- ³⁶ *Достян И. С. Борьба сербского народа против турецкого ига XV — начало XIX вв. М., 1958*, с. 56—58; *Димитров С., Манчев К. История...*, с. 94—95; ИИИ т. 2, с. 464 и след.
- ³⁷ *Достян И. С. Борьба сербского народа...*, с. 25—27; ИИИ, т. 1, с. 446 и след.; *Поповић Д. Срби...*, с. 133—150.
- ³⁸ См., например: *Димитров М., Манчев К. История...*, с. 96.
- ³⁹ *Ариш Г. Л., Сенкевич И. Г., Смирнова П. Д. Краткая история Албании*, с. 38—39; *Историка Црне Горе*, кн. 3, т. 1, с. 47—51.
- ⁴⁰ ИИИ, т. 2, с. 57—58.
- ⁴¹ *Ариш Г. Л., Сенкевич И. Г., Смирнова П. Д. Краткая история Албании*, с. 39; *Историка Црне Горе*, кн. 3, т. 1, с. 55—61; *Димитров С., Манчев К. История...*, с. 96—97.
- ⁴² Ср.: *Ариш Г. Л., Виноградов В. Н., Достян, И. С., Наумов Е. П. Балканы в международной жизни (XV—XX вв.)*.— ВИ, 1981, № 4. с. 32.
- ⁴³ См., например: ИИИ, т. 2, с. 58.
- ⁴⁴ *Димитров С., Манчев К. История...*, с. 97—98; *Српска православна црква...*, с. 150; *Димевски Сл. Црковиа...*, с. 70—72; ИИИ, т. 2, с. 460—475; *Ариш Г. Л., Сенкевич И. Г., Смирнова П. Д. Краткая история Албании*, с. 39—40; *Историка Црне Горе*, кн. 3, т. 1, с. 73 и сл.
- ⁴⁵ *Szekfii Gy. Magyar tortenet. Vp., 1943, 3., k., 423-437, 613—618.1.*
- ⁴⁶ *Szakydy F. A mohacsi csata. Vp., 1975, II, 130.1.*
- ⁴⁷ *Kaldy-Nagy Gy. Haracs-szedok es rajak. Torok vilag a XVI. szazadi Maffvaror-szagon. Vp., 1970, 160. 1.*
- ⁴⁸ Венгерские переводы этих описей (тахрир дефтерлери) по отдельным санджакам (эти описи называются специалистами также санджакскими описями) см.: МТКВ, 1, 266—321. 1.; *Fekete L. Az esztergomi szandzsak 1570, evi adoos-szeirasa. Vp., 1943*; подробную источниковедческую характеристику этих памятников, основная масса которых не опубликована, см.: *Kaldy-Nagy Gy. A penztari naplorol.*— ВТSz, 1962, 594—595. L; *Kaldy-Nagy Gy. Magyarorszagi torok adoosszeirasok. Vp. 1970, 9—55. L; Idem. Haracs-szedok... 55 83—86, 190. 1*
- ⁴⁹ Одну из этих двух категорий составляют так называемые тимардефтеры — описи доходов, получаемых владельцами хассов (конечно, кроме султанского), зиаметов и тимаров. См.: *Kaldy-Nagy Gy. Haracs-szedok...*, 175—183, 193. 1. Вторая категория описей доходов с подвластного населения — это особый финансовый (кассовый) дневник отдела казны, занимавшегося учетом доходов и расходов султанского хасса. Венгерский перевод кассового дневника Будской казны за 1558—1560 гг. см.: ВТSz, 277—550. 1. Характеристику этого памятника см.: *Kaldy-Nagy Gy. A penztari naplorol*, 596. 611.1, Источниковедческий анализ этого и других источников см.: *Kaldy-Nagy Gy. Magyarorszagi torok...*, 56—61.1.
- ⁵⁰ *Kaldy-Nagy Gy. A penztari naplorol*, 610—611.1.
- ⁵¹ Воспроизведение свидетельства см.: *Kaldy-Nagy Gy. Haracs-szedok...*, 174.1.
- ⁵² Сведения о повинностях венгерского населения в пользу османов см.: ВТSz., 72, 74, 75, 77-82, 84.1.
- ⁵³ Венгерский перевод дневников сбора пошлин в Буде и Пеште в 1550—1551, 1572—1574, 1579—1580 гг. см.: ВТSz, 12-276. 1. Классификация сведений, содержащихся в дневнике сбора пошлин в Буде и Пеште см.: *Fekete L. A vamnaplokrol.*— ВТSz, 555—593.1.
- ⁵⁴ Сведения архивных памятников об этой системе сбора повинностей (ильтизам) см.: *Kaldy-Nagy Gy. A penztari naplorol*, 598—601.1.; *Idem. Magyarorszagi torok...*, 51—62.1.; *Idem. Haracs-szedok...*, 87.1.
- ⁵⁵ Резюме статьи исследования архивных памятников см.: *Kaldy-Nagy Gy. 123, 169, 191, 193. 1.; Fekete L., Nagy L. Budapest Haracs-szedok..., tortenete a torok korban.*— In: *Budapest tortenete*, 1975, 2. k., 375—383.1.
- ⁵⁶ *Szakydy F. Magyar adoztatás a torok hodoltságban. Vp., 1981, 44—148, 476—478.1.*
- ⁵⁷ *Kaldy-Nagy Gy. Haracs-szedok...*, 186.1.
- ⁵⁸ Изложение свидетельств памятников см.: *Kaldy-Nagy Gy. Haracs-szedok...* 135, 140, 141, 148, 159.1.

ПРОБЛЕМЫ ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ БОРЬБЫ ПРОТИВ ОСМАНСКОЙ ЭКСПАНСИИ В ЛИТЕРАТУРЕ И ПУБЛИЦИСТИКЕ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ (конец XV-XVI в.)

Вполне естественно, что в культуре славянских народов, подвергшихся османскому нашествию, в их самосознании нашли отражение последствия опустошительного бедствия, какими не могли не восприниматься ликвидация самостоятельных государств, разрушение городов, гибель множества людей. Такова была первая непосредственная реакция. Именно она характерна для произведений Григория Цамблака («Похвальное слово Евфимию Тырновскому», прибавление к «Житию» Параскевы-Петки), Иоасафа Видинского, посетившего Тырнов в 1394 г. («Похвальное слово Филофее»), Владислава Грамматика («О перенесении мощей Иоанна Рыльского»), как и для известий об аналогичных явлениях Сербской летописи (в известиях второй половины XIV в.), рассказа монаха Исаяи 1371 г., цикла сочинений (жития, похвалы, слова) о Косовской битве, в особенности житие Стефана Лазаревича, написанное Константином Философом в 1431 г., — все эти произведения преисполнены горькой боли об утраченном величии и свободе.

И болгарские и сербские писатели воспринимали происшедшую трагедию в полном соответствии со средневековыми провиденциалистскими воззрениями. Вместе с тем — и это характерно прежде всего для сербских авторов — в этих произведениях прославлялся героизм тех, кто сражался против завоевателей, не устранившись перед превосходящими силами. Народ сохранял веру, что он способен на героизм, на сопротивление захватчикам.

Этот важный мотив нашел свое преломление в самых разнообразных формах. В болгарской письменности XV—XVI вв. повествуется прежде всего о сопротивлении исламизации, лишавшей народ языка, традиций, связи с прошлым, надежды на самостоятельное будущее. Такова тема сочинений попа Пейо и Матфея Грамматика.

Поп Пейо создал цикл произведений, посвященный Георгию Новому, пострадавшему от османских властей в Софии 11 февраля 1515 г. за отказ перейти в ислам¹. Сам Пейо был не только современником, но даже участником описываемых событий. Для Пейо подвиг Георгия — это образец лучшего подражания христианским мученикам. Пейо прославляет Георгия, а вместе с тем и борьбу за сохранение болгарской народности. Все его многочисленные изобличения — это прежде всего осуждение насилия, протест против османского режима в Болгарии и вообще на Балканах.

Особенно лирична, приподнято-эмоциональна составленная попом Пейо служба «Георгию Новому». Основные идеи службы те же, что и жития. Ее более доступная для простых людей форма сделала ее известной широким кругам южных славян (она известна и в сербских списках).

Произведения попа Пейо оказали заметное влияние на Матфея Грамматика, произведения которого (также житие и служба) относятся ко второй половине XVI в. Они посвящены Николаю Новому, забитому османами камнями в Софии в 1555 г.² Николай отказался изменить своей вере и народу. Николай любит свою родину, любит Софию, и Матфей Грамматик дает описание Софии, не скрывая своего восторга перед «дивным, прекрасным городом», прославленным в истории.

Судьба сербского народа, подвергшегося османской экспансии, нашла живейший отклик в сербской литературе. Как известно, Сербия дольше Болгарии более чем на столетия сохраняла, хотя и в территориально ограниченных пределах и на условиях вассальной подчиненности, свою независимость. Эти особенности сербо-османских отношений наложили свой отпечаток и на «турецкую тему» в сербской литературе и общественной мысли конца XV—XVI в. Особенно четко они прослеживаются в памятниках сербского эпоса³. В нем обособленную группу составляют песни, в которых

прославляется королевич Марко, сын Вукашина. Он самоотверженно борется с врагами «царя Сулеймана», хотя и осуждает своеволие и деспотизм местных османских властей. Наряду с этими песнями в XV—XVI вв. возникает цикл произведений народного сербского творчества ярко выраженной антиосманской направленности. Эта настроенность неизменно сочетается с провенгерскими симпатиями, с прославлением таких сербских героев, как Якшичи, и воспеванием венгерских полководцев, например Янкула (Яноша Хуньяди) и др. В XVI в. продолжает развиваться и Косовский цикл сербского эпоса.

Из жанров сербской письменной литературы XVI в. наиболее ощутимо тема османской экспансии нашла отражение в сербских летописях и хронографах. По сравнению с русскими летописями их известия выглядят чрезвычайно краткими, подчас это просто скудные заметки хрониста. Тем не менее они могут служить свидетельством того, как сербское общество реагировало на происходящие события, чему уделяло особое внимание⁴. Типичными для сербских летописей являются сообщения такого характера: «1503 г. Браше аничаре по вьсехь земляхь, и тогда бысть и прикладно» (2-я белградская летопись, список XVI в.). Эта запись отражает нечто постоянное, установившееся под османским игом.

Сербские летописи аккуратно фиксируют все походы султанов, уделяя особое внимание походам на христианские, и прежде всего сопредельные с Сербией, народы. Подавляющее большинство летописей XVI в. в своих оценках вполне солидаризируется со второй, провенгерской группой сербских исторических песен. Едва ли можно сомневаться поэтому, что основная часть сербских летописей сложилась в эпоху Бранковичей. Вот почему такие сербские летописи, как Руваричева II и Белопольская, с большим вниманием следят за венгеро-османскими отношениями, а чуть ли не все сербские летописцы живо откликнулись на битву при Мохаче (1526). Дальнейшие завоевания османов в Венгрии вызывают острую тревогу у сербских летописцев. Так, захват Сигетвара (1566) потряс составлявшего Цетинский кодекс летописца. Отдавая должное султану как «строителю воинства», летописец называет его «зверолютым», «вторым Артаксерксом». В сербских летописях отмечены также и другие завоевательные акции османов на Балканах и вне их.

С особой радостью летописец отмечал неудачи завоевателей. Таковы известия о нападениях на Албанию и Кипр в 1570 г., когда летописец восклицает: «Не успеше ничто же!». Особенно подробно почти во всех летописях говорится о захвате османами Белграда (1521).

Столь развитые в предыдущие столетия агиографический и гимнографический жанры в сербской литературе XVI в. явно затухают. Последние произведения в этом жанре относятся к рубежу XV и XVI вв. и связаны со Сремом и монастырем Крушедол. Это жития и службы канонизированным правителям из рода Бранковичей. Такова «Служба святому и праведному деспоту Стефану Новому», написанная между 1486 и 1491 гг. В ней доминирует мысль о том, что внутренние распри не уступают по своим последствиям османским опустошениям⁵.

Особенно богато фактическим материалом, живо передающим сербо-османские отношения, написанное в начале XVI в. житие архиепископа Максима (Георгия Бранковича), сына деспота Стефана. Житие это скорее напоминает историческую хронику с элементами светской повести и чуть ли не рыцарского романа. Главным достоинством человека автор жития считает мужество, проявленное в борьбе с османами⁶.

Начало XVI в. для Хорватии и Далмации, как и для Венгрии, было временем особо напряженной борьбы с османской экспансией. С каждым годом ситуация становилась все более угрожающей. Фольклор этого времени насыщен героическими сюжетами. Особенно популярным героем народного творчества был бан Бериславич, сложивший свою голову в бою с османами⁷.

В хорватской литературе отклики на османскую опасность находим еще в середине XV в. в стихотворении Юрая Шижгорича «Элегия на опустошения Шибеника», написанном по-латыни. О страдании от «басурманских рук» писал знаменитый своими морализаторскими трактатами Марио Марулич (1450—1524) в «Молитве против турок»⁸. Под таким же названием и явно под влиянием Марулича опубликовал свое антиосманское сочинение и младший современник и последователь Марулича Фран Транквил (1490—1571), предупреждавший все европейские страны, «даже британцев и край предельный», о неминуемой опасности. В 1518 г. на имперском съезде в Аугсбурге, выступая в качестве посла хорвато-далматинского бана, он говорил о том же⁹.

Хорватские публицисты настойчиво проводили идею о всеевропейской опасности, пользуясь любым удобным случаем. Так, в 1530 г. хорват граф Бук Франколан снова обратился к императору, продолжая развивать идеи Транквила. В самых трагических тонах описывал он действия османов на Балканах, предупреждая, что то же ожидает и всю Европу¹⁰.

Призывы хорватских публицистов звучали тем убедительнее, что многие из них были живыми свидетелями того, о чем писали. Так, Транквил сам побывал в Стамбуле. Долгое время в османском плену был и другой широко известный в Европе хорватский писатель и публицист Бартоломей Джурджевич, или Георгиевич (1506—1566)¹¹. Он воевал в турецких войсках и посетил различные области Османской империи. Поэтому его трактаты об османах, их обычаях, религии, государственном устройстве ценились как достовернейшая информация. Эти сочинения печатались с 1544 г. в Антверпене, Риме, Вене, Базеле, Париже, Праге, Кракове. Джурджевич писал и об угнетенных османами народах. Таков его трактат «О скорбной участи как пленников, так и христиан, живущих под турецкой властью» (1544).

Большой интерес вызывали сочинения хорватов — непосредственных участников битв с османами. К их числу относится книга канцлера венгеро-хорватского королевства Степана Бродарича (ок. 1480—1539), участника битвы под Мохачем, описавшего ее в книге «О столкновении с турками под Мохачем». Внутренние раздоры, своеволие магнатов — вот, по мнению Бродарича, причины постигшего королевство несчастья¹². Популярен был и другой хорватский автор, прославлявший борьбу с османами, Брно Карнарутич (1520—1573), многие годы сражавшийся на стороне Венеции с турками. Большой драматической выразительностью отличалась его поэма «Взятие Сигета» (1584)¹³.

Особое место среди южнославянских земель в XVI в. занимала Дубровницкая республика. Дубровник так и не был завоеван османами, хотя и попал в вассальную зависимость от них. Он даже извлекал немалые выгоды из торговли на землях Османской империи. XVI век в Дубровнике — это бурный расцвет культуры, развивавшейся на гуманистических ренессансных основах¹⁴. В дубровницкой литературе и публицистике османская тема находит отражение в творчестве знаменитого поэта первой половины XVI в. Мав-ро Ветрановича (1482—1576), прежде всего в его сатирах. В них Ветранович упрекает Венецию в эгоизме и полном равнодушии к угнетенным османами народам¹⁵.

Проблемами современности интересовались и ученые-гуманисты Дубровника. Историк Церва-Туберон (ум. 1526) написал трактат «Происхождение турок». Стараясь объяснить причины успехов османов, он отмечал многое положительное в Османской империи, в частности в магометанстве. Вместе с тем Туберон воспел героизм народов, сопротивлявшихся османским завоевателям, прославлял мужество сербов, сражавшихся на Косовом поле (во многом эта часть его труда была навеяна сербским историческим эпосом). Труды Туберона не увидели свет при его жизни и были напечатаны лишь в 90-е годы XVI в., когда в связи с австро-турецкой войной османский вопрос приобрел особую остроту. Изданием их занялся дубровницкий ученый Франческо Сердонати (1537—1615), сам живо интересовавшийся этой проблематикой и написавший труд «Обычаи турок и как следует с турками воевать»¹⁶.

В русской публицистике и общественной мысли османская экспансия, несмотря на территориальную отдаленность России от происходивших событий, нашла отражение очень быстро. Теснейшие исторические, культурные, церковные, а с южными славянами — и языковые контакты связывали Россию с балканскими народами. События, происходившие на Балканах, воспринимались в России с величайшим сочувствием и состраданием.

В грамоте митрополита Ионы 1454 г. Дмитрию Греку сообщается о падении Константинополя от «безбожных турок»¹⁷. Вскоре записи об этом событии, как и о других этапах османского завоевания на Балканах, появляются в русских летописях (московских, новгородских, тверской и др.). Еще до 1468 г. возник древнерусский перевод «Рыдания Иоанна Евгеника», где оплакивалось падение Византийской столицы¹⁸.

Столь же горестно звучит и замечание одного из безымянных современников трагических событий о гибели не только Византии, но и других государств, покоренных османами, на страницах Воскресенской летописи под 1480 г.¹⁹ В словах летописца слышится упрек в том, что народы не проявили мужества в сопротивлении врагу. Воспринимать и понимать эти слова надо в контексте летописи. Ведь 1480 год — это год стояния на Угре, когда на Руси широко звучал призыв проявить стойкость в борьбе с врагом.

Все приведенные выше памятники были, однако, лишь отдельными откликами либо переводами.

К концу XV в. в России создается значительное сочинение на тему о падении Кинетантинополя, которое в следующем столетии обрастает другими сочинениями о Царьграде, образуя целый цикл памятников, посвященных Второму Риму. Мы имеем в виду повесть Нестора Искандера²⁰. Споры об ее авторе не прекращаются до сих пор: был ли им обращенный в магометанство русский или эта повесть написана в России, а послесловие к ней, которое позволяет сделать первое предположение, добавлено для придания повести большей ценности. Наиболее вероятной представляется точка зрения М. Н. Сперанского, что подлинные записи очевидца событий попали в руки московского книжника, который на их основе и создал повесть, особенности которой характерны для русских исторических повестей XV-XVI вв.²¹

Воздействие повести Нестора Искандера на читателя достигается прежде всего яркостью и подробностью изложения событий. В то же время использование автором повести столь знакомых читателям того времени сочинений пророка Даниила, Мефодия Патарского (особенно популярного в XV в.) и Льва Премудрого, отрывками из которых завершается сочинение, создавало впечатление, что описываемые в нем события знаменовали особый, исключительный по значению рубеж мировой истории. В повести имеется характерное завершение, как бы пророчество: «Руссии же род... измаилита победят и седмахолмага примут с преждезаконными сего...» Если эти слова и являются добавлением к основному авторскому тексту повести (они есть и в самых ранних ее списках начала XVI в.), то это не меняет сути дела.

Повесть стала ядром целого комплекса сочинений о Царьграде. Состав таких сборников не всегда был устойчив. Наиболее часто с «Повестью о взятии Царьграда» соединялось «Сказание о его начале и построении», в котором также содержались пророчества и предречения о его судьбе. Тем самым еще более подчеркивалась идея, выраженная в повести. Существовали и такие сборники, в которых названные сочинения дополнялись «сказанием о царях турецких», содержащим рассказы о жизни турецких султанов. Это сказание было включено и в «Степенную книгу царского родословия».

Одновременно или вскоре после возникновения указанного комплекса сочинений в официальных кругах России создается «Плач о падении Царьграда», дошедший до нас в виде 208-й (последней) главы Хронографа 1512 г. Падение столицы Византии традиционно рассматривается в нем как наказание за грехи. Но вместе с тем утверждается мысль, что царства могут гибнуть, но могут и возродиться, меняя свое место²². Эту

мысль несколько позже развил старец Филофей в своем послании к Мисюрю Мунехину. Он считал, что Русское царство — не просто растущее и преуспевающее, оно является наследником всех православных царств²³.

В русской официальной публицистике утверждалась мысль о том, что Россия является естественным покровителем и защитником православных народов, оказавшихся под османским игом. Представители этих народов обращались к России с призывами о помощи. Показательно обращение Максима Грека к Василию III по случаю завершения перевода Толковой Псалтыри (что и было поводом для приезда знаменитого ученого в Москву)²⁴.

Оставшись, хотя и не добровольно, в России, Максим Грек в своем публицистическом творчестве выразил насущные проблемы, занимавшие русское общество в первой половине XVI в. Он оказался втянутым в ожесточеннейшую общественно-политическую борьбу, жертвой которой и оказался. На судебных процессах 1525 и 1531 гг. его обвиняли среди прочего в шпионаже в пользу Порты. Новейшие изыскания, и в особенности находка Сибирского списка следственного дела, показали всю голословность этих обвинений²⁵. Для нас существенно, что османская тема фигурировала в это время во внутренней жизни России.

С большой силой сочувствие к славянским народам, оказавшимся данниками султана, прозвучало в творчестве выдающегося русского публициста второй половины XVI в. Ивана Пересветова²⁶.

Для сочинений Пересветова характерно противоречивое отношение к Османской империи. С одной стороны, он говорит о турках как о глумителях и поработителях. Пересветов знает и понимает, что греки и сербы уповают на то, что освобождение придет от Руси, и он явно сочувствует этим единоверным народам.

Пересветов, как и другие русские писатели, со скорбью вспоминает о падении Царьграда, хотя вовсе не склонен объяснять это событие наказанием за грехи. Положив в основу своего сочинения о Царьграде повесть Нестора Искандера, Иван Пересветов по своему осмысливает излагаемые им события. Главную причину падения Царьграда он видел в ослаблении власти императора и измене его вельмож. Подобного рода воззрения более чем соответствовали программе действий Ивана Грозного. Только в этом ключе мы сможем понять и другую сторону отношения Пересветова к Турции.

Здесь имеется в виду, что нигде в русской публицистике мы не найдем столько восхищений Османской державой, восторгов ее устройством, обычаями и порядками, как в «Большой челобитной», «Сказании о Магмет-султани» и «Сказании о книгах греческих» Ивана Пересветова. Особенно Пересветов выделял правление и реформы Мехмеда II, т. е. как раз завоевателя Константинополя. По мнению Пересветова, этот султан «великую правду во царство свое ввел». И с тех пор в Османской империи, как утверждал русский публицист, стал царить идеальный и образцовый порядок.

Достоинства этого порядка заключались прежде всего в том, что посты в системе управления люди занимали не по происхождению, а по своим заслугам. «Кто мне верно служит и отважно сражается против врага, тот и будет у меня лучшим», — якобы провозгласил Мехмед II, положив этот принцип в основу системы османского правления. Мехмед II провел, по словам Пересветова, целую систему реформ в государстве и войске. Им была учреждена система кормления наместников по областям, проведена судебная реформа. Особенно султан заботился о «воинниках», видя в них основу силы государства. Личная охрана (40 тыс. янычар, «гораздых челцов») была предметом особого попечения султана. Все эти действия Мехмеда II, как и его преемников, сопровождалась «грозою мудрою» и проводились с беспощадной твердостью.

Обрисованные Пересветовым реформы Мехмеда II далеки от исторической действительности Турции XV в. и реальных действий этого султана. Но зато они вполне соответствовали той программе реформ, которая назревала в России в середине XVI в. и была реализована правительством Ивана Грозного. Приписывание же таких реформ

султану, как и воспевание идеального правления по османскому образцу, являлись чисто публицистическим приемом. И все же то обстоятельство, что именно Турция избирается Пересветовым в качестве образца, могло иметь место только в обстановке стабилизации отношений между государствами. Такая ситуация действительно имела место в системе международных отношений в середине XVI в. Поэтому не случайно в сочинениях Пересветова мы нигде не найдем призывов к войне с Портой или обращений к Ивану IV в какой бы то ни было форме вмешаться в отношения османов, греков и южных славян²⁷.

В Польше XVI в. османский вопрос являлся одним из насущных внешнеполитических вопросов, и это не могло не найти живейшего отклика в ее публицистике, общественной мысли, исторической литературе. Постоянная, непосредственная угроза со стороны Османской империи существовала в течение всего столетия. Уже к концу XV в. значительно усилившееся Польско-литовское государство начинает претендовать на роль форпоста, защищающего «христианский мир» от османской угрозы. В памяти народа остался неудачно кончившийся героический поход Владислава Варненчика на Балканы. Имена поляков — участников походов Венгрии против османов были увековечены в 1431 г. в знаменитой эпитафии королевского нотариуса Адама Свинки. Большое внимание Османской империи стали уделять польские историки XV в., такие, как Ян Длугош.

Матвей Меховский — замечательный польский ученый эпохи Возрождения, исторические труды которого относятся уже к началу XVI в. (первое издание его хроники вышло в 1519 г.). В его сочинениях есть описания столкновений поляков с османами. Меховский создал специальный очерк, посвященный истории Турции, включив его в состав своего «Трактата о двух Сарматиях» (вышел в 1517 г.). Очерк этот краток и содержит только фактическую канву истории османов и их завоеваний²⁸.

Сходен с ним по характеру и раздел «О султанах и обычаях турок» в «Хронике всего света» Мартина Бельского (Краков, 1551; переработанные издания 1551, 1553, 1564 гг.). В третьем издании Бельский обогатил «Хронику» включением в нее «Повести о Скандербеге». Для написания своей повести он использовал известную книгу итальянца Марина Бартелия «История жизни и деяний Скандер-бега» (первое издание ок. 1510 г. Рим, множество переизданий в течение XVI в. в различных странах Западной Европы). Бельский дополнил его сведения сочинениями других западных авторов, а также материалами какой-то неизвестной нам «венгерской хроники». Возможно, он использовал также так называемую южнославянскую Повесть о Скандербеге, восходящую, в свою очередь, к книге Бартелия. Уже в 70-е годы третье издание сочинения Бельского было переведено на русский язык и с тех пор, особенно в XVII в., получило распространение в России под названием «Повесть о Скандербеге княжати албанском. Возложено с полския хроники на руское с Мартинова писма Белсакого»²⁹.

Острый, ярко публицистический характер имеет книга другого знаменитого польского историка второй половины XVI в. Мацея Стрыйковского «О вольности Короны польской и Великого княжества Литовского и о тяжелой неволе других королевств под тиранским турецким ярмом, о мятеже нынешнего турецкого султана Амурата и всех королей оттоманского дома краткое, но полезное рассуждение» (Краков, 1575). Свою книгу Стрыйковский написал после большого путешествия в составе польского посольства в Стамбул. По дороге на Балканах он осматривал древние стены, надгробные памятники, места сражений, слушал сербские исторические песни и предания, в Стамбуле читал турецкую хронику, трудился над составлением карт Османской империи. В результате им была создана книга, весьма ценная по содержащемуся в ней материалу, проникнутая горячим сочувствием к угнетенным славянским народам. Книга Стрыйковского полна горьких упреков в адрес соседних с Турцией государств, которые остались глухими к стонам угнетенных. Он сетует на отсутствие единодушия в позиции свободных стран.

Эти же мысли Стрыйковский проводил и в своей знаменитой «Хронике Польской, Литовской, Жмудской и всей Руси» (1582), хотя в ней хрониста занимали по преимуществу другие вопросы³⁰.

Если в польской исторической литературе турецкая тема затрагивалась чаще всего (за исключением Стрыйковского) в рамках общей или отечественной истории, то одновременно с этим в польской общественной мысли существовали и произведения, специально посвященные османской опасности и ее предотвращению. Ярким примером такого сочинения может служить труд Константина Михайловича из Островицы, известный под заглавием «Записки янычара»³¹ (рубеж XV—XVI вв.). Его автор был по происхождению серб, участвовавший на стороне османов во вспомогательных сербских войсках при взятии Константинополя, через два года взятый в янычары. В конце концов он оказался в султанской артиллерии, участвовал в многочисленных походах османских войск от Трапезунда до Боснии, а затем за свои заслуги был поставлен во главе турецкого гарнизона в боснийском городе Звечай. В 1463 г. после длительного сопротивления он сдал его венграм. В Венгрии, однако, Константин не ужился и, судя по всему, оказался в Польско-литовском государстве, видимо, в Великом княжестве Литовском, население которого поддерживало традиционные культурные связи с Сербией. Есть сведения, что первоначально записки были написаны кириллицей, родной для Константина, что вполне соответствует и предположению о его окончательном местожительстве.

Распространение свое записки получили главным образом на польском языке, известно несколько списков на чешском языке. Именно они и были положены в основу первого издания памятника, вышедшего в Литомышле в 1569 г. в составе сборника, содержавшего и другие материалы об османах.

По своему жанру и составу «Записки янычара» сложны и необычны. Это историческая хроника и записка о состоянии и устройстве Османского государства, это одновременно памфлет и пламенный призыв. В исторической части труда Константин сосредоточивает внимание на событиях, происходивших в Турции и Сербии, причем сведения его основаны почти всегда на устных преданиях, памятниках фольклора, воспоминаниях. И если «Записки» дают мало нового с фактической стороны, а нередко и просто неточны, то они весьма ценны как источник, из которого мы узнаем о преломлении тех или иных событий в народной памяти. Особенно это относится к периоду османского завоевания Балканского полуострова, чему Константин уделил преимущественное внимание.

Страницы «Записок янычара» пронизаны горькими упреками к тем, кто забыл о святом долге помощи угнетенным османами народам. Венгерский король, по мнению Константина, большинство средств тратит на войну с христианами, а не мусульманами. Император («Римский король») пирует с рыцарями в своих землях, и турки не боятся его. Бесстрастное спокойствие сохраняет и папа в Риме. По мнению Константина, только польский король способен возглавить борьбу христианского мира с османами³².

Свое сочинение Константин рассматривал как своеобразный меморандум и вместе с тем как пособие для участников предстоящего крестового похода. Их он призывает знать османов, но не бояться, не преувеличивать османского могущества. Отсюда столь детальное описание турецкой армии и артиллерии, административного устройства, финансовой системы, верований и обычаев. Все это основано на великолепных личных знаниях автора. Очень часто Константин дает прямые советы, как вести войну с османами (задерживать пехоту в поле, удерживать города), какое лучше выбирать оружие и т. д. Не случайно «Записки янычара» в XVI—XVII вв. охотно переписывались, комментировались и дополнялись аналогичными материалами. Из них делали выписки как из ценного справочника.

И все же настоящим основоположником «турецкой» темы в польской публицистике и общественной мысли конца XV—XVI в. принято считать ученого и публициста, академика Филиппа Буонакорси-Каллимаха (1437—1496)³³. Будучи

замешанным в заговоре против папы, Каллимах бежал в Турцию, а оттуда в Польшу. Здесь он был любезно принят Казимиром IV, стал воспитателем наследника престола Яна Ольбрахта. Неоднократно ему поручались ответственные дипломатические миссии. Во время одной из них в 1490 г. он произнес папе Иннокентию VIII от лица польского короля программную речь по османскому вопросу. В переработанном виде она была издана в Италии через два года, а в Кракове — в 1523 г. В этой речи Каллимах (и в этом он перекликается с автором «Записок янычара») предупреждает об опасности преувеличения силы османов. Причины их побед, по мнению ученого, не в их силе, а в хитрости и главным образом в тех неблагоприятных обстоятельствах, в которых находились государства, подвергшиеся нападению османов. Вот почему, по мнению Каллимаха, нет необходимости ждать объединения всего христианского мира для борьбы с османами. Достаточно объединения тех сил, которые быстрее могут выйти на поле брани. Возглавить же эти силы Каллимах считал достойной только Польшу, местоположение которой наиболее отвечало стратегическим условиям антиосманской коалиции.

В биографии короля Владислава (издана только в 1592 г. под заглавием «О деяниях Владислава, короля Польши и Венгрии») Каллимах наглядно показывает, в чем заключались ошибки в борьбе с османами (Владислав потерпел поражение под Варной). Вместе с тем эта биография полна прославления Владислава как героя борьбы с османской угрозой.

Каллимах был убежден, что со своей «священной миссией» Польское королевство справится, только укрепив себя, положив конец как своеволию светских феодалов, так и вмешательству пап в государственные дела Польши. Эти идеи нашли свое отражение в знаменитых «Советах Каллимаха», написанных в духе идей Макиавелли.

Каллимах слыл в Европе за особо осведомленного специалиста по восточным вопросам, особенно по османскому. В самой Польше его труды во многом дали толчок широкому интересу к османской проблематике.

Успехи османов в Венгрии, и в особенности взятие ими Буды, (1525) вызвали целую серию выступлений в польской литературе. Поэт Ян Дантшнек откликнулся на эти события поэмой «О бедствиях нашего времени» (издана в 1529 г.), где он призывал христианский мир к стойкости в борьбе против османов и возлагал все надежды в этом на Ягеллонов. Клеменс Яницкий (1516—1543) в первой из своих «Тристий» (изданы в 1542 г.), используя форму плача, горестно обращался к Дунаю, взывал о мщении к королю Матяшу Корзину³⁴.

Проникла тема сострадания к венграм и в польскую музыку. От того времени до нас дошла песня «Кантилена», в которой оплакивалась горькая судьба венгерской земли, покоренной османами³⁵.

В 40-е годы XVI в., когда усилилась угроза вторжения и в Польше один за другим были организованы походы против османов, появились новые публицистические выступления, посвященные османской теме. Не все они равноценны. Если в сочинениях Я. Пшилуского (ум. в 1554 г.) и Я. Любельчика больше эмоций и лозунгов, бахвальства и недооценки османской силы, то в произведениях С. Ожеховского (1513—1566), К. Варшевицкого (1543—1603), Д. Кшиштофа и В. Папроцкого (1543—1614) при всей их взволнованности налицо конкретный анализ ситуации, стремление понять истоки происходящих событий и конкретные пути разрешения стоящих задач³⁶. Для всех названных авторов характерно осознание единства с угнетенными османами народами, чувства долга перед ними. Именно в это время в Польше получает распространение сарматская теория, согласно которой предками как поляков, так и всех других славян был один народ — сарматы. Идеями славянской солидарности пронизаны «Книги выступлений Польской земли против турок» (Краков, 1543), в особенности книга «Верноподданный». Эти идеи звучали в прославленных «Турциках» К. Варшевицкого, содержащих 14 «турецких речей» (Краков, 1595), предназначенных для сейма 1596 г. С

горечью Варшевицкий констатирует, что османы используют против славян детей славян, туркизированной и обученных в школах янычар. Столь острое чувство славянского единства характерно именно для польской литературы XVI в. Варшевицкий требовал без промедления начать войну против Порты (особенно в поэме-хронике «Венеция» 1575 г. и прозаическом сочинении «Парадокс» 1601 г., посвященном истории османских завоеваний). Такой же призыв к войне и упрек в бездействии и равнодушии поляков к другим угнетенным славянам содержится в сочинении В. Папроцкого «Призыв против язычников ко всем христианским народам» (1595). Интересно, что в качестве примера борьбы с «язычниками» Папроцкий выставляет действия русских против Крымской орды. У них, по его мнению, могут и должны учиться поляки.

Таковыми же примерами героического прошлого хотел побудить к мужественной борьбе с османами и Крымской ордой и великий поэт польского Возрождения Ян Кохановский (1530—1584). Особенно он призывал не забывать битву при Варне, память о которой должна объединить всех славян. А единство их — это то, в чем, по мнению поэта, они прежде всего нуждаются³⁷.

Эти мысли поддерживал Д. Кшиштоф, хорошо знавший Османскую империю (он был там в плену). В своей «Лиге послов» (1596) он иносказательно говорит, что Порту могут победить только Польша в союзе с Россией, приписывая эти слова завещанию султана Сулеймана Великолепного.

Этот пассаж в «Лиге послов» далеко не случаен. В польской публицистике второй половины XVI в. широко обсуждался вопрос о возможных союзниках Польши в предстоящей войне с Портой. Идея о совместных действиях России и Польши против Османской империи особенно часто возникала в периоды междуцарствия (1572—1573, 1574—1576 и 1587), когда выдвигалась русская кандидатура на престол Речи Посполитой³⁸. Особенно развернуто эти проблемы дебатировались в 1573 г., когда Европа была окрылена победой при Лепанто (1571). В это время вышло несколько брошюр на тему об избрании русского царя, что рассматривалось как гарантия победы над османами. Таковы анонимные памфлеты «Мнение об избрании нового короля» и «Суждение об избрании нового короля из князей московитов»³⁹. Особый интерес представляет сочинение П. Мычельского «Предостережение с указанием невыгодности избрания государя из своей среды». П. Мычельский вслед за В. Папроцким считает, что только русский царь способен победить османов, и при этом ссылается на умение русских вести борьбу с Казанским и Крымским ханствами и особенно на созданную в России разветвленную систему обороны от них.

Особое обилие брошюр, посвященных Османской империи, относится к самому концу XVI в. Несомненно, это было связано с выдвинутым папой Климентом VIII и императором Рудольфом II проектом совместной борьбы европейцев с османской угрозой, реализованным, как известно, лишь частично.

События, происходившие на Балканском полуострове, нашли отражение и в публицистике Чехии. В Чехии, как и во всех странах Центральной Европы, видели и понимали османскую опасность, но Чехия не испытывала нападений турок, хотя на границах Моравии после взятия Буды османами и возникла угроза их вторжения. В 1444 г. в Чехии распространяется песня о Варненской битве — «Песнь о короле Владиславе»⁴⁰. В ней король, обращаясь к современникам, призывает помнить, что защита от османов — дело чести каждого христианина.

Одним из первых откликов на османское нашествие было сочинение гуманиста-чашника Шимона из Сланого «Об истории королевства Богемии» (1461), в котором он призывал христианские народы объединиться против османской угрозы. Ему вторил Ян из Рабштейна, который в «Диалоге» (1469) говорил об османах как об опасных врагах всего славянства. К активному участию в борьбе с османской агрессией призывал чехов Тума Пржелочский в «Повести о происхождении братской общины и о плохих людях» (1502)

В Чехии в XVI в. продолжали петь песни об османском нашествии и его постоянной угрозе. В песнях оплакивался король Людовик Ягеллон, возглавивший чешско-венгерское войско под Мохачем (1526) и погибший в битве⁴².

В XVI в., когда Чехия оказывается связанной с Венгрией личной унией, а затем становится частью империи Габсбургов, чехи в объединенных войсках часто сражаются с турками. В этих условиях интерес к османской проблеме резко возрастает⁴³. Прага становится посредником в передаче известий об османах на запад. Информация шла в Прагу из Стамбула, Венеции, Испании, Львова и других мест. В 90-е годы XVI в. новости о взаимоотношениях с османами стали систематически печатать, только о военных действиях в Венгрии за эти годы было опубликовано свыше 100 известий на чешском и немецком языках. Это значительно превосходило всю печатную периодику на данную тему любого европейского центра⁴⁴.

С призывом вступить в борьбу против османов обращался в своих стихах к правителям европейских стран поэт Богуслав Лобковиц из Гассенштейна (1461—1510). Римского папу, как и венецианского дожа, он смело обвинял в равнодушии. Их, по мнению поэта, более заботит война с другими христианами, нежели османская угроза⁴⁵. Широкую известность приобрела книга Братислава из Митровиц (1576—1635), где описываются пребывание автора в османском плену и перенесенные им страдания⁴⁶.

Чешские историки и географы также проявляли интерес к современным событиям в Юго-Восточной Европе. Очень показательны дополнения, которые сделал Зикмунд из Цухова к осуществленному им в 1554 г. переводу космографии Мюнстера. В главе, посвященной Венгрии, он пишет о том, как захватчики «убивают бедных христиан вопреки законам всех народов». Надеяться на Габсбургов как на защитников христиан автор не считает возможным, так как они стараются извлечь только собственную выгоду из борьбы с османами. Дополнения Зикмунда из Цухова содержат также сведения об Османской империи и ее завоеваниях. Особенно подробно дан хронологический обзор с 1529 г. Ряд интересных дополнений к переводу хроники Кариона сделал Адам Белеславин в 1584 г. В них он ободряет всех, кто хочет бороться с османами. «Конец турецкого могущества близок», — пишет он, и хотя высказывает эту идею Белеславин в апокалиптическом духе, он пытается, однако, дать анализ и реальной действительности⁴⁷.

Таким образом, в конце XV—XVI в. османская экспансия стала постоянным фактором международных отношений в Центральной и Юго-Восточной Европе. Естественно поэтому, что османский вопрос, тема османского нашествия нашли отражение в фольклоре, литературе и публицистике стран указанного региона.

¹ *Новаковић С.* Служба и живот њурџа Краговца.— Гласник србске словесности, 1867, т. 21; *Диников П.* Софийски книжовница през XVI в. София, 1939.

² *Ангелов Б. Ст.* Стари славянски текстови. — Известия на Институт за българската литература, 1950, т. 8.

³ Эпос сербского народа/Изд. подготовил И. Н. Голенищев-Кутузов. М., 1963, с. 234, 247.

⁴ Стари српски родослови и летописи/Средно их Л. Стојановић. Београд; Ср. Карловци, 1927, с. 259—270. Классификацию и критический анализ сербских летописей см.: *Качановский В. В.* История Сербии с половины XIV до конца XV в.: (Критическое исследование источников). Киев, 1899. Т. 1.

⁵ Србљак. Београд, 1970, кн. 2, с. 409—463.

⁶ Гласник србске словесности, 1859, т. 11, с. 125—130. О сербских житиях и гимнографических произведениях этого периода см.: *Кашапин М.* Српска книжевност у средним веку. Београд, 1975, с. 489—493.

⁷ *Голенищев-Кутузов И. Н.* Итальянское Возрождение и славянские литературы XV— XVI вв. М., 1963, с. 56.

⁸ Там же, с. 56—57.

⁹ Там же, с. 59—60.

¹⁰ Там же, с. 61.

¹¹ *Kidric F. Georgievic.* Wien. 1920.

¹² *Голенищев-Кутузов И. Н.* Итальянское Возрождение..., с. 153 — 154.

¹³ *Boric D. Joii o zadraniu Brni Karnarutica. Iz knjizevne proslosti Dalmacije.* Split, 1956.

- ¹⁴ О литературе и культуре Дубровника см.: *Попович П.* Обзор истории сербской литературы: Древняя культура. Народная словесность. Дубровницкая Литература. СПб., 1912.
- ¹⁵ *Svelec F.* Mavro Vetranovic.— Radovi Instituta JAZU u Zadru, 1959, sv. 4—5, s. 175—214.
- ¹⁶ *Голенищев-Кутузов И. Н.* Итальянское Возрождение..., с. 109—110.
- ¹⁷ АИ, т. 1, с. 496.
- ¹⁸ *Мещерский Н.А.* «Рыдание» Иоанна Евгеника и его древнерусский перевод.— ВВр, 1953, т. 7, с. 72-86.
- ¹⁹ ПСРЛ, т. 8, с. 207.
- ²⁰ *Архимандрит Леонид.* Повесть о Царьграде Нестора Искандера XV века: Памятники древней письменности. СПб., 1881.
- ²¹ *Сперанский М. Н.* Повести и сказания о взятии Царьграда турками (1453) в русской письменности XVI—XVII вв.— ТОДРЛ, т. 10, с. 136—165; т. 12, S. 188 — 225; *Скрипиль М. О.* «История о взятии Царьграда турками» Нестора Искандера.— Там же, т. 10, с. 166—184.
- ²² ПСРЛ, т. 22, ч. 1, с. 440.
- ²³ *Калинин В.* Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания. Киев, 1901, с. 383.
- ²⁴ *Максим Грек.* Сочинения. Казань, 1860, ч. 2, с. 318.
- ²⁵ *Казакова Н. А.* Очерки по истории русской общественной мысли. Первая треть XVI в. Л., 1970, с. 189—192; *Синицына Н. В.* Максим Грек в России. ДО, 1977, с. 141—142; Судные списки Максима Грека и Исаака Собаки. М., 1971.
- ²⁶ Сочинения Ивана Пересветова. М.; Л., 1956.
- ²⁷ Анализ высказываний Ивана Пересветова по турецкому вопросу см.: *Зимин А. А.* И. С. Пересветов и его современники. М., 1958, с. 349 — 411.
- ²⁸ *Матвей Меховской.* Трактат о двух Сарматиях. М.; Л., 1937, с. 85 — 89.
- ²⁹ Повесть о Скандербеге. М.; Л., 1957, с. 93 — 129.
- ³⁰ *Рогов А. И.* Русско-польские культурные связи в эпоху Возрождения (Стрыйковский и его хроника). М., 1966, с. 27 — 28.
- ³¹ Перевод текста и анализ памятника см.: Записки янычара. Написаны Константином Михайловичем из Островицы/Введение, перевод и комментарий А. И. Рогова. М., 1978.
- ³² Там же, с. 58.
- ³³ *Bujak F.* Kalimach i znajomosc panstwa Tureckiego w Polsce okolo poczatku XVI w.— Rozprawy Akademii Umiejtnosci. Wydzial historyczno-filozoficzny, 1901, ser. 2, t. 15, s. 268—288.
- ³⁴ *Cwiklinski L.* Klemens Janicki, poeta uwienczony. Krakow, 1893.
- ³⁵ *Szwejkowski Z.* Kultura w XVI — wiecznej Polsce. Krakow, 1949, s. 24, 31 — 32, 40, 56.
- ³⁶ Обзор публицистики по османскому вопросу в Польше см.: *Голенищев-Кутузов И. Н.* Итальянское Возрождение..., с. 308—336; *Baranowski B.* Znajomosc wschodu w dawnej Polsce do XVIII wieku. Lodz, 1950.
- ³⁷ *Ulewicz T.* Swiadomosc slowianska Jana Kochanowskiego. Krakow, 1948, s. 161.
- ³⁸ Подробнее об этом см.: *Флоря Б. Н.* Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы во второй половине XVI — начале XVII в. М., 1978.
- ³⁹ Тексты см.: *Czubek J.* Pisma polityczne z czasow pierwszego bezkrolewia. Krakow, 1906.
- ⁴⁰ *Dujcev I.* La conquete-turque et prise de Constantinople dans la literature slave contemporaine.— Byzantinoslavica, 1956, r. 18, z. 2, s. 319.
- ⁴¹ Prameny dejin ceskych. Praha, 1907, d. VI, s. 369—370.
- ⁴² *Dujcev J.* Op. cit., s. 326—327.
- ⁴³ *Simecek Z.* Osmanska expanze v ceskem spravodajstvi 16 a pocatku 17. stoleti.— Osmanska moc ve stfedni a jihovychodni Evrope v 16—17 stoleti. Praha, 1977, d. II, s. 310—373; *Polisensky J., Hrubes J.* Turecke valky uherska povstani a verejne mineni pfedbelohorskyh Cech.— Historicky casopis, 1959, sv. 7, s. 74-103.
- ⁴⁴ *Simecek Z.* Pocatky novinoveho spravodajstvi v ceskych zemich.— In: Sbornik. historicky, Praha, 1971, d. 18, s. 5; *Idem.* Noviny z Prahy na sklonu 16. stoleti (K predpokladum vzniku tydennich tittenych novin).— Vedecke informace, Praha, 1970, supl. 1.
- ⁴⁵ *Голенищев-Кутузов И. Н.* Итальянское Возрождение..., с. 190—191.
- ⁴⁶ Русский перевод этого сочинения издавался дважды: СПб., 1877 и М., 1904.
- ⁴⁷ *Polisensky J.* Bohemia, the Turk atid the Christian Common-wealth (1462— 1620).— Byzantinoslavica, 1953, r. 14, s. 95—96.

Глава 14

ОСМАНСКАЯ ИМПЕРИЯ, КРЫМ И СТРАНЫ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В 50-70-е ГОДЫ XVI в.

Взятие Казани и Астрахани Иваном IV в 1552—1554 гг. знаменовало собой наступление нового этапа в развитии международных отношений в Восточной Европе.

После этих событий соотношение сил в системе восточноевропейских государств изменилось в пользу Московской Руси, Это было очевидно для многих политических наблюдателей того времени ¹. Успехи Московского государства на Востоке вызвали немедленную реакцию на Западе.

Дальнейшее усиление Москвы беспокоило не только Турцию и Крымское ханство, но также Польшу и Литву, Ливонию и Швецию. Встревожились также Рим и Габсбурги, хотя до недавнего времени они, по существу, сотрудничали с Иваном IV.

Естественно, что прежде всего реакция последовала со стороны Порты и Крыма ², увидевших в факте ослабления османского влияния на территории Поволжья серьезную угрозу их наступательным планам во всем восточноевропейском регионе. Правда, занятый проблемами Ближнего Востока, а также борьбой с Габсбургами ³ Сулейман старался избегать прямого вмешательства османов в восточноевропейские дела. Эту задачу по-прежнему брал на себя крымский хан.

Именно Девлет-Гирей осуществлял политику создания выгодной для Крыма и Порты расстановки сил в Восточной Европе. Эта политика предполагала как прямые атаки крымцев против Москвы (например, в 1555, 1558, 1560 гг. ⁴), так и провоцирование выступлений против России ее западных соседей. При этом допускалось параллельное поощрение гегемонистских устремлений двух ведущих восточноевропейских государств, разжигание литовско-московских противоречий в Поднепровье и в Прибалтике, создание «благоприятных» политических условий для возникновения нового вооруженного конфликта между Москвой и Польско-литовским государством. Так, если в начале 50-х годов — в период максимальных успехов Ивана IV в Поволжье — Девлет-Гирей поддерживал союзные отношения с польским королем (в 1552 г. Крым заключил с Сигизмундом антимосковский союз, в 1553 г. сама Порта подтвердила мирный договор с Польшей)⁵, то в 1557 г., видимо, в связи с наметившимся продвижением Сигизмунда Августа в Прибалтику крымский хан изменил свои внешнеполитические установки в Восточной Европе: он не только предложил Ивану IV в декабре 1557 г. политическое сближение против Польши ⁶, но и предпринял в конце 1557 г.— начале 1558 г. вооруженное выступление против Польско-литовского государства ⁷. Тем самым Крым и Порта старались активизировать западную политику Ивана IV, пытались внушить ему мысль о том, что тогда создалась выгодная международная обстановка для включения России в борьбу за Ливонию.

Однако этот зигзаг крымской политики был весьма кратковременным. Уже в конце 1558 г. у границ Московского государства появилась стотысячная татарская орда во главе с царевичем Мухаммед-Гиреем, угрожая Рязани, Туле и Кашире. А весной 1560 г. не только Крым, но и сама Османская империя демонстративно готовились к большой кампании против Русского государства ⁸.

В эти годы было восстановлено реальное сотрудничество Крыма и Польско-литовского государства, направленное против Москвы. Так, в 1559 г. Сигизмунд предложил тогдашним союзникам Крыма — Малым Ногаям (казыевцам) — переселиться на левый берег Днепра, в район, максимально приближенный к московским рубежам ⁹. Весьма показательным был и тот факт, что крымский хан выдал в 1560 г. Сигизмунду как главе литовско-русского княжества традиционный ярлык на Русские земли, а польско-литовский посол в Крыму Тышкевич тогда же перезаключил с Девлет-Гиреем договор о союзе против Москвы ¹⁰.

Вполне закономерным при таких обстоятельствах было стремление Кракова и Стамбула найти новые рычаги политического воздействия на ход международной жизни Восточной Европы, в частности, такие рычаги, которые были бы способны оказывать скрытое воздействие на развитие отношений между Польско-литовским и Московским государствами в нужном для них направлении, а вместе с тем и на сдерживание происходившего тогда стихийного формирования казачества в Поднепровье — процесса, тревожившего как Крымское ханство, так и феодальную Польшу ¹¹.

Одним из таких средств в руках султана и короля могло быть использование в указанных целях отдельных магнатов литовско-русского происхождения путем предоставления им некоторой политической самостоятельности в международной жизни восточноевропейского региона, разумеется, «самостоятельности» регулируемой и, по существу, подконтрольной. Поэтому уже вскоре после падения Казани Порты и Краков приступили к практическим поискам политических деятелей такого плана.

В самом этом факте ничего не было удивительного. Исторические «прецеденты» подобного рода были хорошо известны правительствам Турции и Польши. И Сулейман, и Сигизмунд, разумеется, помнили о попытках использования крымско-турецкой дипломатией кн. Михаила Глинского в начале XVI в. * (* См. с. 155 данной работы.), помнили и об особых услугах, оказанных им двадцать лет назад князем «Гедиминова рода» Семеном Бельским, который, будучи московским эмигрантом, вел энергичную борьбу против Русского государства¹², пытаясь, если не захватить вместе с крымцами и литовцами Москву, то значительно ее ослабить путем «выведения» Рязанского княжества из состава Русского государства¹³.

Теперь, в середине 50-х годов XVI в. султан Сулейман, занятый событиями на Ближнем Востоке и в Венгрии, так же, как и польский король Сигизмунд Август, стремившийся подчинить себе Ливонию, особенно остро нуждались в подобных политических помощниках — непосредственных исполнителях их замыслов в Восточной Европе. Видимо, не случайно они остановили свой выбор на крупном магнате среднего Поднепровья — князе Дмитрие Вишневецком, являвшемся с 1551 г. каневским и черкасским старостой. Судя по всему, отправка королем в 1553 г. Вишневецкого в Стамбул также, как и пребывание этого князя при султанском дворе в течение почти шести месяцев, вряд ли были случайными эпизодами тогдашней международной жизни региона. Эти факты имели определенный политический смысл, хотя до сих пор еще не раскрытый историками с достаточной полнотой. Тем не менее, на основе определенных данных можно все же полагать, что тогда при султанском дворе с Вишневецким велись важные переговоры по поводу его дальнейшей политической деятельности, переговоры, в курсе которых, вероятно, был и сам польский король¹⁴. Об этом говорит тот факт, что пока Вишневецкий находился в Стамбуле, функции каневского старосты выполнял его брат, а после завершения переговоров Дм. Вишневецкий не только был хорошо принят в Литве (у него возникла перспектива брачного союза с представительницей дома Острожских), но и снова получил каневское и черкасское староства¹⁵. Хорошо приняв князя Вишневецкого, только что обласканного Стамбулом, польский король еще раз продемонстрировал, что он не только высоко ценит любые политические контакты с султанским двором, но и готов их использовать в своей конкретной дипломатической деятельности.

Так, опираясь на поддержку Порты, зная о начавшейся в 1554 г. шведско-московской войне, Сигизмунд Август стал осуществлять еще более активную политику в Прибалтике, а также в Венгрии. Свои позиции в Ливонии Ягеллоны утверждали в весьма своеобразных формах. В 1554 г. коадьютором рижского архиепископа католика Вильгельма (брата прусского герцога Альбрехта) был назначен родственник польского короля герцог Христоферс Мекленбург¹⁶. А когда же магистр Ливонского ордена Генрих фон Гален, города и дворянство Ливонии ответили на эту акцию активным противодействием, дело дошло даже до открытой вооруженной борьбы (в 1556 г.)¹⁷.

Но если политическая поддержка Порты не давала пока заметных результатов польскому королю в Ливонии, то совсем иными оказались итоги польско-турецкого сотрудничества в Венгрии. В 1556 г. Изабелла Ягеллон и ее сын Янош Сигизмунд Запольяи при прямой поддержке султана Сулеймана оказались реальными правителями значительной части венгерских территорий¹⁸.

В этих условиях заметно усилившейся политической активности Османской империи и Польши положение Русского государства становилось все более напряженным.

Для правительства Ивана IV, стоявшего перед фактом создания антимосковской коалиции, особенно острым стал вопрос об определении дальнейшего курса. Не имея возможности вести энергичную борьбу на нескольких фронтах, Грозный, учитывая устремления короля Сигизмунда в Ливонию, оказался перед необходимостью форсировать свою западную политику, ослабив при этом на некоторое время военно-политическую активность на востоке и юге.

Однако даже при таком перемещении главного направления своей политики Грозный отнюдь не сразу достиг сколько-нибудь заметных результатов в попытках разорвать замыкавшееся вокруг Руси кольцо враждебных сил. Прямые переговоры с Крымом, происходившие в 1553 г., не оправдали надежд Ивана IV, хотя его связи с Ордой Больших Ногаев и с Кабардой расширились¹⁹. Не увенчались большими успехами и переговоры с Сигизмундом Августом, который согласился в 1554 г. продлить перемирие лишь на два года²⁰.

Более результативными для Московского правительства оказались контакты с Ливонским орденом, с его магистром Галеном, который в 1554 г. подписал с Москвой договор о 15-летнем перемирии. В этом договоре был пункт, исключавший возможность союза Ордена с Польско-литовским государством²¹.

Таким образом, несмотря на усилия Грозного, на договор с Ливонией, Московское государство в середине 50-х годов XVI в. продолжало оставаться в опасной изоляции, в тесном окружении явных и скрытых противников.

Но дипломатический опыт Ивана IV подсказал ему все же правильное решение. Выход из создавшегося положения оказался связанным с умелым использованием острой политической борьбы, происходившей тогда в Западной Европе.

Середина 50-х годов в жизни Западной Европы характеризовалась чрезвычайно важными событиями. Это было время крайнего обострения противоречий между католичеством и протестанством, поражения католических сил, зафиксированного Аугсбургским религиозным миром 1555 г. Именно тогда ряд протестантских государств, противопоставивших себя Риму и Габсбургам, добились легального признания²². В те же годы происходили столкновения интересов Габсбургов и Османской империи в Средиземноморье, на Балканах, в Венгрии, где, как мы знаем, в 1556 г. при поддержке Турции и Польши оказался королем Янош Заполяя Младший²³. Все эти события, явно ослаблявшие позиции Габсбургов и Рима в Западной Европе, вновь заставляли их искать союзников на Востоке.

В такой обстановке Русское государство опять вошло в орбиту интересов габсбургско-римской дипломатии, рассчитывавшей с его помощью ослабить военный потенциал Крыма и Порты, затруднив тем самым активную политику Стамбула на Балканах, в Венгрии, Средиземноморье. Ради этой цели габсбургско-католические деятели готовы были даже пойти навстречу внешнеполитическим интересам Грозного.

Другим обстоятельством, пробудившим большой интерес Рима и Вены к Москве, оказалась неожиданно обнаружившаяся «нетерпимость» Грозного к Лютеру и его последователям в Северной Европе. Иван IV хорошо понимал, что религиозные противоречия становятся теперь политическими противоречиями между отдельными государствами, а политическое соперничество между ними довольно часто приобретает религиозный характер²⁴.

Это стало особенно очевидным при попытке Сигизмунда Августа навязать летом 1557 г. протестантской Ливонии протекторат католической Польши. Реальное политическое значение этой акции состояло в том, что в результате вторжения большой армии Сигизмунда в Прибалтику только что ставший магистром Ордена Фюрстенберг (фон Гален умер в мае 1557 г.) вынужден был капитулировать и заключить с Польско-литовским государством 5 сентября 1557 г. договор в Позволе. Одним из пунктов этого соглашения предусматривалось превращение Ливонии в союзника Польши против

Москвы, что находилось в прямом противоречии с ливонско-московским договором 1554 г. и шестилетним перемирием России и Польши, заключенным в 1556 г.²⁵

Имея в виду первостепенные задачи России на международной арене того времени (предотвращение создания антимосковской коалиции, обеспечение выхода к Балтийскому морю, противодействие крымско-польскому сотрудничеству, направленному против Москвы), а также реально оценивая тогдашние возможности протестантских и католических сил с точки зрения их полезности для внешнеполитических целей Москвы, Иван IV вполне сознательно пошел на сближение с Габсбургами и Римом, рассчитывая таким путем ослабить их вмешательство в ливонские дела, а вместе с тем надеясь на более действенное их участие в борьбе против Османской империи.

Но, осуществляя подготовку к Ливонской войне, заботясь о нейтрализации Рима и Габсбургов в Прибалтике, Грозный предпринял одновременно попытки установить какое-то взаимопонимание с самим Константинополем по интересовавшим его актуальным проблемам тогдашней международной жизни восточноевропейского региона.

В 1557 г. он попытался добиться в Константинополе признания его царского титула, а также выяснить отношение Царьграда к перспективе развертывания борьбы за Ливонию. Обращаясь с такого рода запросами к Порте, Грозный имел основание рассчитывать на положительное к ним отношение с ее стороны. Во-первых, он знал, что Османская империя была заинтересована тогда в нагнетании политической напряженности в Восточной Европе, в дальнейшем ухудшении московско-литовских отношений (пусть даже на почве борьбы за Ливонию), во-вторых, Грозный исходил из того, что Порта накануне назревшего уже польско-московского конфликта в Прибалтике исключала возможность масштабной войны с Москвой. (Как мы знаем, она даже предлагала тогда политическое сближение с Московской Русью, направленное против Польши.) Эти два соображения позволяли Ивану IV рассчитывать на удовлетворение Константинополем его запросов, разумеется, при прочих благоприятных обстоятельствах. Как известно, Царьград признал в конце 50-х — начале 60-х годов и царский титул Грозного, и его наступательные акции в Прибалтике (в форме санкционирования его «антипротестантской» политики в Ливонии и Литве)²⁶.

Но, начиная борьбу за Ливонию под флагом осуждения «Лютеровской ереси», Грозный, разумеется, имел в виду не поддержание планов католической Польши в протестантской Прибалтике, а выдвигание таких идейно-политических «аргументов», которые были бы способны нейтрализовать Габсбургов в наиболее напряженные моменты Ливонской войны.

И надо признать, что эти «идейные находки» Грозного оправдывали себя как в самом начале Ливонской войны, так и на последующих ее этапах.

Если общие причины Ливонской войны, ее социально-экономические и политические предпосылки представляются в достаточной мере ясными²⁷, то конкретные обстоятельства ее возникновения долгое время вызывали споры в историографии.

Как на важное внутривосточное условие, позволившее России начать Ливонскую войну, историки обычно указывали на факт разрыва Грозного с так называемой «Избранной Радой», выступавшей будто бы против активной политики царя Ивана на Западе и являвшейся якобы сторонницей активизации политики России только на востоке и юге²⁸. Представляется, однако, что эти утверждения не совсем правильны. Скорее не торжество Грозного над «Избранной радой» сделало возможной войну, а сам новый этап внешнеполитической деятельности Ивана IV, оказавшийся связанным с началом Ливонской войны, в конце концов потребовал устранения тех соратников и советников Ивана IV, которые представляли предшествующий период его политики и которые становились теперь помехой для его новых акций на международной арене. Тех самых акций, которые были связаны с попытками форсировать политику в Прибалтике (поскольку Позвольский договор 1557 г. сделал Ливонию вассалом Сигизмунда Августа),

а вместе с тем с попытками свести к минимуму наступательные операции на востоке и юге, добиться какого-то взаимопонимания с Крымом и Портой.

Таким образом, отличительной чертой всей внешней политики России эпохи Грозного была ее тесная, органическая связь с постоянно меняющейся международной конъюнктурой, способность намечать новые направления своей активности в зависимости от складывавшейся расстановки сил в данной части европейского континента. Период подготовки Ливонской войны, а также начальные ее годы не были в этом отношении исключением. Следя за всем ходом тогдашней международной жизни в Европе, и в частности — за попытками Сигизмунда Августа использовать союзные отношения с Портой и Крымом для утверждения позиций Ягеллонов не только в Венгрии, но и в Прибалтике, Грозный вел весьма осторожную и гибкую политику в отношении своих соседей, имея в виду создание выгодного для себя общего соотношения сил в регионе.

Не удивительно, что в столь сложной и запутанной международной обстановке вспыхнувшая в январе 1558 г. Ливонская война с самого начала приобрела довольно необычные формы. Вступившие в начале 1558 г. в Ливонию русские войска под командованием Шагалея в сущности ограничились глубокой разведкой и демонстрацией своей мощи, после чего покинули территорию Ордена. Весной того же года новая русская армия вторглась в Прибалтику и в течение мая—июля овладела Нарвой, Дерптом и рядом других укрепленных пунктов. В январе 1559 г. было предпринято еще одно разведывательное наступление в сторону Риги, которое, однако, не дало результатов. «Странная война» в Прибалтике неожиданно закончилась в марте 1559 г. заключением перемирия между русским командованием и Орденом²⁹.

Этот шаг русского правительства оценивается в историографии самым различным образом. Одни считают его проявлением чуть ли не глупости царя, другие склонны видеть в нем вынужденную уступку Ивана IV «Избранной раде», осуществлявшей будто бы боярскую программу национального предательства, третьи склонны думать, что свертывание" борьбы в Ливонии было обусловлено стремлением царя Ивана заключить с Сигизмундом Августом союз против Крыма и начать в соответствии с программой «Избранной рады» совместную борьбу против якобы главного тогда противника — Турции и Крымского ханства. Представляется, однако, что временный отказ Грозного от активных действий в Прибалтике, санкционированные им переговоры об антикрымском союзе с Сигизмундом (февраль 1558 г., март 1559 г. и т. д.), а также одобренные им походы Адашева и Вишневецкого против Крыма (лето 1559 г.) были вызваны совершенно иными обстоятельствами и иными соображениями³⁰.

Дело в том, что уже зимой 1558—1559 гг. сравнительно скромные успехи Грозного в Ливонии заставили Швецию, Данию и, что особенно важно, Габсбургов ставить вопрос о «посредничестве» в мирном урегулировании ливонско-русских отношений, об оказании Ягеллонам косвенной поддержки³¹. Именно эта позиция, означавшая, что Габсбурги грозили прекратить скрытое сотрудничество с Москвой, и вынудила Грозного снова продемонстрировать ограниченность своих претензий к Ливонии, одновременно доказав «на деле» и свою мнимую готовность быть активным участником антитурецкой, антикрымской коалиции.

Если в отношении Прибалтики Иван IV ставил перед собой в те годы задачу противодействия попыткам Сигизмунда II закрепить за собой данные территории, задачу изоляции Ливонии на международной арене, а потом ослабления ее политического потенциала как дипломатическими, так и военными средствами, то в отношении Крымского ханства и Порты у Грозного были тогда несколько иные цели. Здесь он стремился отнюдь не к масштабной войне с Крымом, а по сути дела — к примирению с ханом Девлет-Гиреем, хотя при этом старался прикрыть эти стремления перед западными соседями демонстрацией своей мнимой готовности вести борьбу против Крыма.

Вместе с тем важная цель южной политики Грозного состояла еще и в том, чтобы любыми средствами ослабить сотрудничество Крыма с Польско-литовским государством,

а при благоприятных обстоятельствах и внести элемент раздора между ними. Реализация такой задачи оттягивала бы силы Литвы и Польши на юг, значительно затрудняя бы их продвижение в сторону Ливонии. В сущности, санкционированные Москвой «антикрымские» акции Дм. Вишневецкого, Ржевского и др. 1556—1558 годов³² так же, как и более поздние переговоры Московского правительства с Сигизмундом, формально посвященные заключению антикрымского союза³³, в действительности имели в виду указанные цели.

Весьма характерно, что и польско-лиувское правительство, хотя и санкционировало военно-политическое сотрудничество Дм. Вишневецкого с Иваном IV и вело в 1558—1559 гг. с московскими дипломатами переговоры якобы по поводу союза против Крыма, на самом деле вынашивало применительно к отношениям Крыма с русским государством аналогичные планы — планы столкновения их друг с другом ради отвлечения Грозного от Ливонии. Содействуя переселению казыевцев — тогдашних противников Ивана IV — в район московско-литовского пограничья, с благодарностью принимая ярлыки Девлет-Гирея на Русские земли, а потом и заключая прямой союз с Крымом против Москвы³⁴, Сигизмунд Август тем самым доказывал, что он на деле думал не о сотрудничестве с Грозным против Крымского ханства, а об ослаблении Московского государства в Восточной Европе, об оттягивании военных сил России из Прибалтики в Причерноморские степи.

Таким образом, следует иметь в виду, что формальные и реальные цели двух правительств в указанных военно-политических акциях не совпадали. Если формально упомянутые мероприятия должны были обеспечить совместное выступление Ивана IV и Сигизмунда против Крымского ханства, то, по существу, они выдвигали при этом совершенно иные задачи: каждая из сторон стремилась тогда втянуть другую в конфликт с Крымом и делала это главным образом для того, чтобы снизить уровень военного присутствия соперника в Ливонии.

В сущности, отражением этой сложной игры различных политических сил региона явились загадочное, на первый взгляд, поведение литовско-русского князя Дмитрия Вишневецкого в середине 50-х годов, частые смены его внешнеполитических ориентации в тот период. В самом деле, если во время своего пребывания в Стамбуле в 1553 г. Дм. Вишневецкий рассматривался султанским правительством как еще один рычаг крымско-турецкой политики в Восточной Европе, в частности как рычаг столкновения Польско-литовского государства с Москвой, то в дальнейшем его роль оказалась более сложной: во второй половине 50-х годов он превратился в политическое орудие двух ведущих правителей восточноевропейского региона — Сигизмунда и Грозного, каждый из которых пытался при его содействии посорить соперника с крымско-османской дипломатией. Так, польский король, санкционируя и, по существу, поощряя сотрудничество Вишневецкого с Москвой в 1557—1559 гг. якобы ради совместного противодействия натиску Крыма и Порты, на самом деле пытался таким путем втянуть Русское государство в новый конфликт с грозными южными соседями, стараясь при этом Польшу оставить вне этого конфликта. О том, что Вишневецкий (Дмитраш — крымско-турецких источников), находясь формально на службе Ивана IV, в действительности выполнял «особые» поручения Сигизмунда, свидетельствует тот факт, что после разрыва с Москвой летом 1560 г. этот князь был с почестями принят польским королем, «вознагражден» восстановлением его прав, привилегий, возвращением ему всех его должностей и земельных владений³⁵. А сам Грозный, принимая Вишневецкого к себе на службу, даже выделяя ему в управление Белёвский «удел»³⁶, старался в то же время поставить его в такую политическую ситуацию, при которой этот князь представлял бы перед Портой и Крымом интересы не столько московской, сколько польско-литовской стороны.

В сущности, не только все поведение Дм. Вишневецкого, но и организация серии походов московских и днепровских «казаков» в направлении Крыма подчинялись этим политическим замыслам Грозного. Не случайно, видимо, Иван IV организовал

«совместные» походы против Крыма таким образом, что ответственность за них чаще всего должна была ложиться на польско-литовские власти: в одних случаях потому, что отряды «казаков» (как московских, донских, так и днепровских) ходили на Крым с польско-литовских территорий (такими были походы московских военачальников Ржевского в 1556 и в 1560г., Адашева в 1559 г.³⁷), в других случаях потому, что походы осуществлялись, хотя и от московских границ, через Дон к Азову и Керчи, тем не менее под руководством таких очевидных представителей «литовско-русской» знати, каким был «Дмитраш» Вишневецкий (так было в 1558, 1559 и 1560 г.)³⁸. Судя по крымско-турецким документам тех лет, и в Крыму и в Стамбуле его считали не военачальником московского войска или «князем царя Ивана», а «самостоятельным» политическим деятелем, - предводителем сложного по структуре военно-политического объединения, в состав которого входили «черкасы», «русские казаки» вообще (московские, донские и днепровские) и политическая линия которого отнюдь не совпадала с тогдашней программой Грозного³⁹.

Не менее показательным было и использование правительством Ивана IV в 1559 г. одного из активных «сторонников» казанской войны Д. Адашева в качестве военачальника отряда «казаков», направляющихся с польско-литовских территорий в сторону Крыма⁴⁰. Данное назначение Д. Адашева также хорошо вписывалось в общий тактический замысел Грозного: этим шагом Иван IV не только прибавлял к старым казанским «заслугам» дома Адашевых новые, связанные с Крымским походом, но и превращал этот дом в еще более ценную «разменную монету» в его сложном торге с крымско-турецкой дипломатией. Последовавшая вскоре после крымского похода отставка Адашевых как бы символизировала решительный отказ Грозного от враждебной Крыму и Порте политики, была еще одним доказательством его стремления установить мирные отношения со своими южными соседями. Видимо, не случайно уход из политической жизни Адашевых совпал с удалением и другого временного политического партнера Грозного — Дмитрия Вишневецкого. Разрыв Ивана IV с литовско-русским князем произошел, видимо, летом 1560 г., после чего он должен был вернуться назад в Литву, где его подчеркнуто хорошо встретили⁴¹.

Дальнейшее развитие международных отношений в Восточной Европе подтвердило правильность всех перечисленных выше политических шагов Грозного, предпринятых им в 1558—1560 гг. Хотя польский король 31 августа 1559 г. и сумел навязать свой протекторат Ливонии, а датский король Фридрих осенью 1559 г. установил контроль над островом Эзель⁴², тем не менее Крым и Порта не проявляли тогда значительной антимосковской активности (весной 1560г. от похода на Москву они отказались, Константинополь даже готов был признать царский титул Ивана IV)⁴³, а Габсбурги и Рим не вмешивались энергично в дела Ливонии, не угрожали войной Русскому государству⁴⁴.

Вероятно, в таком ходе событий большую роль сыграли не только упомянутые уже военно-политические акции Грозного, но также и то обстоятельство, что царь Иван, сознательно или бессознательно допустив поглощение Ливонии Польшей в 1559г., тем самым столкнул Сигизмунда II Августа с императором Фердинандом, являвшимся верховным протектором Ливонского ордена. Последнее обстоятельство способствовало еще большему сближению Габсбургов с Русью.

Наличие скрытых союзников в Европе, с одной стороны, а также установление какого-то временного взаимопонимания с Константинополем, с другой, позволили Грозному возобновить вооруженную борьбу в Прибалтике уже в 1560 г. В ходе военной кампании этого года русским войскам удалось овладеть рядом важных укрепленных пунктов Ливонии (Мариенбургом, Феллином и др.)⁴⁵. Этот успех Грозного вызвал быструю реакцию не только Польши, но Дании и Швеции, которые договорились в ноябре 1561 г. о разделе Прибалтики, а польский король Сигизмунд 28 ноября 1561 г. подписал акт о присоединении Ливонии к Польско-литовскому государству⁴⁶.

В этих условиях Грозный должен был снова отказаться от активных военных операций в Ливонии, а также попытаться установить мирные отношения со своими западными соседями. Еще летом 1561 г. он заключил перемирие со шведами, в 1562 г. — с Данией⁴⁷, однако его попытка добиться примирения с Польшей путем заключения брачного союза с домом Ягеллонов не увенчалась успехом⁴⁸.

Одновременно Иван IV стал опять добиваться сближения с Крымом и Портой. Характерно, что Грозный решил теперь искать себе супругу на мусульманском востоке. Осенью 1561 г. он остановил свой выбор на кабардинской («черкасской») княжне Марии Темрю-ковне⁴⁹. Этим браком Иван IV открыл целую серию мероприятий 60-х годов, которые должны были доказать его лояльность к мусульманским странам, а вместе с тем подчеркнуть решимость Москвы вести борьбу против Польско-литовского государства. К числу этих мероприятий следует отнести многочисленные знаки внимания татарским царям, перешедшим на московскую службу⁵⁰, настойчивые попытки дипломатическим путем добиться примирения с Крымом (миссия Аф. Нагого) и более глубокого взаимопонимания с Кон-стантинополем, подчеркнутое использование татарских контингентов на западном фронте⁵¹. Однако как ни энергичны были попытки Грозного разорвать польско-крымский союз, добиться значительного эффекта в этой области ему тогда не удалось. Политическое и военное сотрудничество польского короля с Девлет-Гиреем продолжалось и в начале 60-х годов. В результате Ивану IV приходилось не только вести операции в районе Белоруссии и Полоцка, но также держать оборону со стороны Крыма.

Так, в мае 1562 г. Иван IV вынужден был приостановить едва начавшиеся на литовско-русском пограничье разведывательные операции из-за вторжения на территорию Московского государства Крымской орды. Появление армии Девлет-Гирея в районе Мценска в момент развертывания военных действий в Литве, разумеется, следует рассматривать как результат прямой договоренности Сигизмунда с правящими кругами Крыма⁵². По поводу этого похода крымских татар состоялся даже обмен мнениями между ханом и польским королем. Сигизмунд благодарил Девлет-Гирея за совершенную в мае 1562 г. операцию, настаивая при этом на новом выступлении татарских войск против Москвы осенью того же года. Видимо, этим новым походом польский король хотел помешать начинавшимся операциям русских войск в районе Полоцка. Однако осенью нового татарского вторжения не последовало. Возможно, в этом была заслуга уже московской дипломатии.

Как бы то ни было, Иван Грозный получил возможность в течение зимних месяцев 1562/63 гг. сосредоточить усилия на литовском фронте. Перед русскими войсками стояла задача овладеть Полоцком, важнейшей крепостью на Двине, контролировавшей подступы не только к Риге, но и к самой столице Литовского княжества — Вильно. Хотя подготовительные операции в районе Полоцка начались осенью 1562 г., непосредственная осада города происходила в январе и феврале 1563 г. Операциями руководил сам Иван IV. Город был взят 15 февраля 1563 г.⁵³ Захват Полоцка русскими произвел настолько сильное впечатление на правящие круги Литовского княжества, что уже 21 апреля начались переговоры между представителями Сигизмунда II Августа и Ивана IV, закончившиеся заключением короткого перемирия (до декабря 1563 г.)⁵⁴. Пользуясь этой передышкой, прикрываясь мирными переговорами, обе стороны осуществляли военную и дипломатическую подготовку к возобновлению борьбы.

Сигизмунд созвал в мае 1563 г. сейм и старался мобилизовать денежные и людские ресурсы для увеличения военного потенциала страны. Он активизировал усилия по осуществлению унии между Польшей и Литвой, ставя это новое сближение условием участия короны в обороне литовских земель⁵⁵. Вместе с тем польский король стремился активно действовать и на международной арене. Он снова толкал Крым к выступлению против Москвы, а также зондировал почву в Скандинавии⁵⁶.

Со своей стороны и Грозный деятельно готовился к предстоящим столкновениям с противником, широко используя дипломатические средства. Его послы продолжали

хлопоты в Крыму и Прибалтике. Так, Афанасий Нагой, находившийся в Крымском ханстве с мая — июня 1563 г., пытался нейтрализовать союзника Сигизмунда⁵⁷, и в январе 1564 г. ему даже удалось заключить с Девлет-Гиреем договор о мире⁵⁸. Правда, этот договор не сразу создал перелом в крымско-московских отношениях: крымские феодалы не выполняли соглашения, продолжая осуществлять враждебную Москве политику.

В этом не было ничего удивительного: Россия, овладевшая Поволжьем, частью Ливонии, Полоцком, казалась Крыму более сильным государством, чем Польша и Литва. Этого соотношения сил не изменили и отдельные довольно крупные поражения русских армий (при р. Уле 26 января 1564 г., под Оршей 2 июня). Поэтому в сентябре — октябре 1564 г., т. е. именно тогда, когда литовско-польские войска пытались вернуть Полоцк, крымский хан Девлет-Гирей выступил с большим войском против Московского государства⁵⁹. Однако ни татарам, ни польско-литовским войскам не удалось добиться важных стратегических результатов. Девлет-Гирей, разорив Рязань, вернулся в Крым, а отряды Сигизмунда вынуждены были оставить мысль об овладении Полоцком. Более того, в ноябре русские войска, перейдя в контрнаступление, заняли важную крепость на Витебщи-не — Озерище⁶⁰.

Хорошо известно, что кровопролитные столкновения между русскими и литовскими войсками в эти годы сопровождались острой внутривосточной борьбой как в Русском⁶¹, так и в Польско-литовском государстве⁶². Естественно поэтому, что именно в середине 60-х годов обе стороны почувствовали необходимость в передышке. Мирные переговоры между Иваном IV и Сигизмундом возобновились в июне 1566 г., когда в Москву прибыли литовские послы Ходкевич, Тышкевич, Гарабурда.

Переговоры сосредоточились на тех же проблемах, что и в 1563 г., когда максимальные требования обеих сторон показали стремление Ивана IV и Сигизмунда II Августа к гегемонии в Восточной Европе. Важное место в переговорах заняла проблема будущей судьбы Ливонии. Польская сторона предложила план раздела, по которому Россия не получала выхода к морю (если не считать Нарвы). Естественно, что этот проект был отвергнут царем и собором⁶³.

В результате послы были вынуждены покинуть русскую столицу, не добившись никаких результатов. Такими же безрезультатными оказались и переговоры в феврале 1567 г., когда в Литву направились русские послы Колычев, Нагой и Щелкалов⁶⁴. Однако сам факт мирных переговоров двух ведущих государств Восточной Европы, видимо, настораживал крымско-турецкую дипломатию. Активизируя свою борьбу с Габсбургами за Венгрию, Порта была заинтересована в те годы в том, чтобы политическая напряженность в Восточной Европе сохранялась. С этой заинтересованностью, видимо, следует связывать попытки турецко-крымских правителей восстановить ту политическую обстановку в регионе, которая исключила бы продолжение мирных переговоров между Грозным и Сигизмундом и спо-собствовала возобновлению открытой борьбы между ними. Можно допустить, что достижению этой цели служили такие акции крымско-турецкой дипломатии, как временный отказ от военного сотрудничества с Сигизмундом против Москвы (неудача миссии польских послов в Стамбуле и в Бахчисарае в 1565 г.⁶⁵) и даже небольшие походы крымцев на территории Польско-литовского государства⁶⁶, прекращение в середине 60-х годов атак на Москву и предложение Ивану IV добиться политического сближения за счет Литвы. Этим же целям служили, вероятно, и переговоры крымских дипломатов с московскими о присылке большой казны хану, а также по поводу «целесообразности» отказа Москвы от мирных переговоров с польским королем и возобновления борьбы с ним⁶⁷.

Но такого рода отношения России и Польши с Крымом не исчерпывали всей сложности их положения на международной арене.

Грозный и Сигизмунд продолжали вести сложную политическую борьбу в Прибалтике, им приходилось постоянно учитывать и значительную роль империи Габсбургов в сложившейся международной обстановке⁶⁸.

Польский король Сигизмунд усиленно старался найти хотя бы скрытых союзников в Скандинавии, добивался сближения с Габсбургами⁶⁹.

Стремясь заручиться поддержкой Швеции, Иван Грозный заключил в 1566 г. соглашение со шведским королем Эриком, в силу которого ряд центров Ливонии (Ревель, Пернов, Вайсенштейн) должен был оказаться под шведским контролем⁷⁰. Тогда же Иван IV стал на путь сближения с Англией.

Совершенно естественно, что временное прекращение активной борьбы против Крыма, сближение Ивана IV со Швецией и Англией не могли вызвать одобрения габсбургско-римской дипломатии, тер-невшейкак раз в это время удары со стороны и Турции (осада Сегета 1566 г.), и протестантских государств Северной Европы⁷¹. Раздражение Рима и Вены усилилось, когда в 1566 г. на непосредственное обращение императора Максимилиана II (1564—1576) к Руси выступить против Крыма и Турции и поддержать таким образом Империю Иван Грозный ответил, по существу, отказом. Он «согласился» оказать помощь только при условии выполнения двух его требований: 1) чтобы ливонцы перестали ему «несправедливо противоборствовать», 2) чтобы польский король не беспокоил его несправедливыми и непрерывными войнами⁷².

Такая позиция Ивана IV повлекла за собой, по-видимому, какие-то важные сдвиги в отношениях между Габсбургами и Сигизмундом Августом, а позднее и одобрение Максимилианом II акта Люблинской унии⁷³. Произошли изменения тогда и в отношениях Германской империи с султанской Турцией. Во всяком случае бесспорными являются факт заключения в 1568 г. императором Максимилианом мира с новым турецким султаном Селимом, а в дальнейшем и попытки Порты несколько ослабить политические противоречия между трансильванским князем Яношем Запольяи и Габсбургами⁷⁴.

В 1568 г. на путь еще более тесного сближения с Османской империей встал и польский король, заключивший тогда союз с султаном Селимом и начавший переговоры с крымским ханом Девлет-Гиреем об осуществлении широкомасштабных военных акций против Москвы. В этом не было ничего удивительного. Заинтересованная в сохранении благоприятных политических условий для развертывания наступательных операций в Юго-Восточной Европе, турецко-крымская дипломатия заботилась о поддержании нужного ей баланса сил в регионе, стремилась восстановить равновесие между Русским и Польско-литовским государствами. На данном этапе международной жизни региона она добивалась этого, с одной стороны, путем ослабления России (турецкие приготовления к астраханскому походу, намеченному на 1569 г., а также последующие атаки крымцев на московские окраины), а с другой стороны — путем усиления Польско-литовского государства (одобрение планов сращивания Польши и Литвы в один государственный организм). Показательным в этом смысле было присутствие на Люблинском сейме 1569 г. большого турецкого посольства Ибрагим-бея, открыто провозгласившего готовность султана Селима поддерживать все тогдашние политические и военные начинания Сигизмунда а Августа в Восточной Европе⁷⁵.

Не случайно именно в это время польские феодалы, воспользовавшись благоприятной международной обстановкой, в частности, позицией Порты, а также военными и политическими трудностями Литовского княжества, сравнительно легко добились на Люблинском сейме 1569 г. превращения Польши и Литвы в один государственно-правовой комплекс. Это событие имело огромное значение для дальнейшего внутривнутриполитического развития многонациональной магнатско-шляхетской Речи Посполитой, а также большие последствия международного плана, создав новую расстановку сил в Восточной Европе. В результате унии Речь Посполитая стала более сильным государством, с которым еще в большей мере должны были считаться ее соседи⁷⁶.

Таким образом, международная обстановка, сложившаяся в конце 60-х — начале 70-х годов, вновь оказывалась явно неблагоприятной для Русского государства. Внешнеполитическое положение Московской Руси осложнилось еще и тем, что в Швеции

в 1568 г. пришел к власти давний враг Грозного — Юхан III, женатый на бывшей «невесте» царя Екатерине Ягеллон, сестре польского короля Сигизмунда. Новый шведский король сразу стал добиваться примирения с Данией (1569), имея в виду бросить все силы на борьбу с Иваном IV в Прибалтике ⁷⁷.

Заключение в 1570 г. в Щецине мира, положившего конец семилетней скандинавской войне, во многом изменило расстановку сил в Северной Европе: если Швеция стала сотрудничать с Польшей, то Дания прекратила это сотрудничество ⁷⁸.

Положение Русского государства на международной арене, таким образом, становилось все более сложным. Явное усиление Речи Посполитой, поддерживавшей связи с Крымом и Портой, отсутствие у Москвы контактов с Габсбургами и Римом, грозная перспектива новой волны крымско-турецкой агрессии и вероятность атак нового шведского короля в Ливонии — все это толкало Ивана IV на поиски новых союзников, новых внешнеполитических комбинаций и соглашений. В 1569—1570 гг. Грозный вел сугубо секретные переговоры с английской королевой Елизаветой по поводу заключения союза, направленного против Польско-литовского государства ⁷⁹. Не добившись успеха, Иван решил пойти на некоторые уступки Сигизмунду II Августу: в 1570 г. он заключил трехлетнее перемирие с королем на условиях сохранения фактически занятых территорий, что имело определенное значение в деле предотвращения намечавшегося военного сотрудничества Польши и Турции ⁸⁰.

Другой областью дипломатической активности Грозного в это время была сфера сношений с Данией ⁸¹, в союзе с которой царь стремился возобновить борьбу в Прибалтике. Именно в 1569 г. Таубе и Крузе, действуя по поручению Ивана IV, стали вести переговоры с братом датского короля Магнусом, находившимся тогда в Ливонии в качестве епископа Эзельского ⁸² и стремившимся там укрепиться. Прямым результатом этих переговоров было то, что Магнус, не добившись поддержки Сигизмунда, направился в начале 1570 г. в Москву, где был подчеркнута хорошо принят, провозглашен королем Ливонии и обручен с царской племянницей Марией, дочерью Владимира Старицкого ⁸³. Выполняя соглашение, заключенное с Грозным, «король» Магнус уже в августе 1570 г. во главе большого войска двинулся в Эстонию, находившуюся тогда под формальным верховенством императора, но фактически контролировавшуюся Швецией и частично Данией. Вооруженные силы Магнуса и Ивана IV вскоре начали многомесячную осаду Ревеля (до 16 марта 1571 г.) ⁸⁴, однако успеха не добились. Дальнейшие наступательные операции Грозного в Прибалтике были осложнены вторжением крымско-ту-рецких войск на южные территории Русского государства.

Еще в 1569 г. состоялся знаменитый астраханский поход турецких войск. Однако, несмотря на тщательную подготовку нападения, относительную слабость русского гарнизона в Астрахани и небольшие размеры посланного к Дону русского подкрепления под командой князя Серебряного, экспедиция кончилась полным провалом для Турции, не дав сколько-нибудь значительных результатов противникам Русского государства ⁸⁵. Тем не менее неудача не обескуражила Селима и Девлет-Гирея ⁸⁶. В 1570 г. крымцы предприняли новую экспедицию в рязанские и каширские земли, а в 1571 г. совершили грандиозный поход непосредственно на Москву, в результате которого русская столица была сожжена. В 1572 г. Девлет-Гирей опять пришел с войсками на Оку, но встретил здесь отпор армии Воротынского. В 1573 г. крымские царевичи снова нападали на Рязанщину, стремясь соединиться с поднявшими мятеж казанскими феодалами ⁸⁷.

Военная активность Крыма и Порты в 1569—1572 гг. проявилась не стихийно, это была целеустремленная экспансия, осуществлявшая широко задуманные, далеко идущие планы ⁸⁸. Если во время похода 1571 г. Девлет-Гирей требовал передачи Астрахани и Казани ⁸⁸, то в 1572 г. речь шла о подчинении Порте и Крыму всего Московского государства, о восстановлении ордынского ига над русскими землями ⁹⁰.

Международная обстановка, сложившаяся в то время в Восточной и Центральной Европе, благоприятствовала реализации планов крымско-турецкой дипломатии. По

существо, в эти годы Московское государство оказалось изолированным, и наступательные акции Крыма и Порты осуществлялись при сочувствии и поддержке Речи Посполитой и Швеции. По-видимому, следовало иметь в виду организацию грандиозной антимосковской коалиции, в которой главную роль должны были играть Турция и Крым, с одной стороны, Польско-литовское государство и Швеция — с другой⁹¹. Программа коалиции предусматривала наступление на Русское государство с запада, юга и востока.

Рестаурация Астраханского и Казанского ханств должна была стать лишь началом осуществления широких замыслов противников Москвы. Поэтому вряд ли может быть принята существующая в исторической литературе точка зрения, рассматривающая астраханскую экспедицию Селима как изолированное от Крыма военное мероприятие Турции, а крымские походы 1570—1572 гг. как кампании, осуществлявшиеся в интересах только Крыма и вопреки воле турецкого султана⁹². По существу, операции турецких войск на Волге и набеги крымцев на Москву были частями одного стратегического плана. Значительное количество фактов позволяет видеть в крымско-турецкой экспансии 1569—1572 гг. не проявление соперничества между Константинополем и Бахчисараем, а осуществление своеобразного сотрудничества, реализацию политики «рационального разделения труда», при которой Крым и Порта не только выступали в роли фланговой защиты по отношению друг к другу, но и добивались необходимого им распыления сил Московского государства.

По-видимому, это хорошо понимал Иван Грозный, осуществляя оборонительные мероприятия на всем протяжении южных рубежей Русского государства. Исходя из существования одновременной угрозы со стороны Крыма на Оке и Порты на Дону, Северном Кавказе и Южной Волге, русское правительство вынуждено было усиливать гарнизоны в Астрахани, поощрять донское казачество и организовывать все более планомерную оборону южных границ. С 1569 г. размещение полков «на берегу» стало постоянным и обязательным; с 1572 г. установился следующий порядок дислокации войск: большой полк — в Серпухове, полк правой руки — в Тарусе (или Алексине), передовой полк — в Калуге, сторожевой — в Коломне, левой руки — в Кашире⁹³.

Организуя оборону южных границ Русского государства от крымско-турецких вторжений на Волге и Оке, Иван Грозный не прекращал также попыток нейтрализовать Крым и Порту дипломатическими методами. В Крыму, как известно, продолжал находиться Афанасий Нагой, в Константинополь 24 января 1571 г. был послан Новосильцев, чтобы заверить турецкого султана в том, что мусульманское население в Московском государстве не испытывает никаких притеснений, и предложить Селиму II политический союз, направленный против цесаря, королей польского, чешского, французского и всех итальянских государей. Однако эти смелые предложения, по-видимому, не нашли отклика. Несмотря на сравнительно вежливый прием Новосильцева и Кузьминского, султанская Турция продолжала толкать Крым на территории Московского государства, по-прежнему настаивала на «возвращении» Порте Казани и Астрахани, требовала подчинения Москвы Константинополю⁹⁴.

Естественно, что в условиях напряженной борьбы с крымско-турецкими силами на юге Иван IV вынужден был сократить размах операций, начатых им в Прибалтике. Уже в марте 1571 г. пришлось отказаться от осады Ревеля и пойти на другие уступки⁹⁵. Хотя и тяжелой ценой, но Русское государство все же нашло силы не допустить полного осуществления программы крымско-турецких захватчиков, отстоять свои государственные рубежи на юго-востоке. Крах планов завоевания Московской Руси заставил крымско-турецких политиков, рассчитывавших противопоставить значительно ослабленной Москве окрепшую после Люблинской унии Речь Посполитую, более трезво оценивать сложившуюся к тому времени обстановку в Восточной Европе. Этому отрезвлению содействовал и разгром турецкого флота кораблями Испании, Венеции, Италии 7 октября 1571 г. у Лепанто⁹⁶.

Все это вынуждало крымско-турецкую дипломатию постепенно менять линию своей внешней политики в Восточной Европе, заставляло уже в середине 70-х годов XVI в. ослаблять натиск на Москву, усиливать военно-политическую активность в отношении Польско-литовского государства. Это проявлялось не только в попытках использования в своих интересах отдельных литовско-русских княжеских домов (например, дома Острожских), не только в поддержке кандидатуры на польский престол тогдашнего вассала Порты трансильванского князя Стефана Батория, но и в организации ряда походов крымских войск на южные территории Польско-литовского государства⁹⁷. В сущности, однако, это были лишь новые формы старой стратегии Константинополя и Бахчисарая в данной части европейского континента, нацеленной на поддержание здесь такого баланса сил, на сохранение таких политических границ между восточноевропейскими государствами, которые, совершенно не совпадая с этническими, создавали весьма благоприятные условия для дальнейшего развертывания крымско-турецкой экспансии в этом регионе, для все более активного их вмешательства во внутривосточную жизнь стран Восточной Европы.

¹ Четко эту мысль сформулировал ливонский хронист Б. Руссов. «Когда великий князь Московский,— писал он,— покорил все княжества в России и оба упомянутые татарские царства (Казань и Астрахань.— *И. Г.*), то с ним не мог уже справиться не только ливонский магистр, но и король». *Руссов Б.* Ливонская хроника. — В кн.: Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Рига, 1880, т. III, с. 282; *Donnert E.* Der livlandische Ordensritterstaat und Rutland. Berlin, 1963, S. 25.

² *Jorga N.* Geschichte des Osmanischen Reiches. Gotha, 1910, Bd. 3, S. 113; *Кушева Е. Н.* Политика русского государства на Северном Кавказе в 1552—1572 гг.— Ист. зап., М., 1950, т. 34, с. 243—245; *Она же.* Народы Северного Кавказа и их связи с Россией (Вторая половина XVI — 30 гг. XVII в.). М., 1963, с. 191—192, 207—211; *Бурдей Г. Д.* Взаимоотношения России с Турцией и Крымом в 40—50-х гг. XVI в.— Учен. зап. Саратов, ун-та, 1956, т. 47, с. 201—205.

³ *Jorga N.* Geschichte..., Bd. 3, S. 114—118; *Кушева Е. Н.* Народы..., с. 183—186, 210.

⁴ *Кушева Е. Н.* Народы..., с. 207—213; *Она же.* Политика..., с. 261; *Новосельский А. А.* Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. М.; Л., 1948, с. 16—17; *Голобуцкий В. А.* Запорожское казачество. Киев, 1957, с. 82; *Lemercier-Quelquejau Ch.* Un condottiere lithuanien du XVI siecle le prince D. Visneveckij et l'origine de la Sec Zaporogue d'apres les Archives Ottomanes.— In: La Russie et l'Europe XVI—XX v. Paris, 1970, p. 163.

⁶ *Historia dyplomacji polskiej.* W., 1982, t. 1, s. 683, 688 (далее — HDP); *Katalog dokumentow tureckich.* W., 1959, N 148, 150, 151; *Tomczak A.* Z dziejow stosunkow polsko-tureckich za Zygmunta Augusta 1548—1553.— In: *Ksiega pamiatkowa 150-lecia Archiwum Glownego akt Dawnych.* W., 1958, s. 441—478.

⁸ ПСРЛ, т. 13, с. 288; *Rasmussen K.* Die livlandische Kriese 1554—1561. Kobenhavn, 1973, S. 91.

⁷ Книга посольская. Метрика Великого княжества Литовского. М., 1843, № 91, с. 141—143; *Jasnowski J.* Mikolaj Crarny Radziewill (1555—1565). W., 1939, s. 124 i nast.

⁸ *Lemercier-Quelquejau Ch.* Un condottiere..., p. 163 — 164.

⁹ *Новосельский А. А.* Борьба..., с. 17.

¹⁰ *Kolanowski L.* Problem Krymu w dziejach jagiellonskich.— КН., 1935, z. 3, s. 290; *Idem.* Polsja Jagiellonow. Lwow, 1936, s. 288; HDP, s. 688, 696; *Rasmussen K.* Die livlandische Kriese..., S. 188.

¹¹ *Голобуцкий В. А.* Запорожское казачество, с. 71 — 80.

¹² *Греков И. Б.* Очерки по истории международных отношений Восточной Европы XIV—XVI вв. М., 1963, с. 290—291.

¹³ Не исключено, что открытое выступление князя Семена Бельского против Москвы, предпринятое в середине 30-х — начале 40-х годов XVI в., идеологически подготавливалось в предшествующие годы, во всяком случае следы этой подготовки, как показал Б. А. Рыбаков, зафиксировал еще в 1526 г. имперский посол в Москве С. Герберштейн, который, видимо, получил от сторонников С. Ф. Бельского, И. М. Воротынского, И. В. Лятского и самого князя И. И. Рязанского (бежавшего в Литву еще в 1521 г.) «чертеж» Северо-Восточной Руси, воскрешавший период обособленного от Москвы существования Рязанского, Воротынского и иных княжеств и представлявший, возможно, уже тогда программу расчленения русского государства. Обстоятельства передачи этого «чертежа» Герберштейну, как и политический его смысл, раскрыты в работе Б. А. Рыбакова «Русские карты Московии» (XV — начало XVI в.) М., 1974, с. 85—111.

¹⁴ *Голобуцкий В. А.* Запорожское казачество, с. 72 — 73.

¹⁵ Там же, с. 74; Книга Посольская. Метрики Великого княжества Литовского. М., 1843, № 88; *Lemercier-Quelquejau Ch.* Un condottiere..., p. 155—158.

¹⁶ История Латвийской ССР. Рига, 1952, т. 1, с. 158 — 159. Главных виновников этого плана современный датский историк видит в Сигизмунде Августе, отчасти в прусском герцоге Альбрехте; именно польский король, по его мнению, стал инициатором польско-литовской интервенции в Ливонию. *Rasmussen*

- K. Die livlandische Kriese..., S. 28—33, 45—52, 91, 103; *Klodzinski A.* Stosunki Polski i Litwy z Inflantami przed zatargiem z r. 1550 — 1557. — КН, 1909, т. XXII, с. 377—379, 387.
- ¹⁷ *Klodzinski A.* Stosunki..., с. 390—391; HDP, с. 683; *Rasmussen K.* Die livlandische Kriese..., S. 46—52.
- ¹⁸ *Pajewski J.* Wegierska polityka Polski w polowie XVI wieku (1540 — 1571). Krakow, 1932, с. 128—135, 147—152, 161—162; Каталог документов турецких, N 142—144, 146, 147, 149, 152.
- ¹⁹ HDP, с. 683; Каталог документов турецких, N 148, 150, 151; ПСРЛ, т. 13, с. 231—232; *Кушева Е. Н.* Политика..., с. 248; *Она же.* Народы..., с. 195, 207, 214.
- ²⁰ Сб. РИО. М., 1887, т. 59, с. 421—446; НОР, з. 685.
- ²¹ *Ubersberger H.* Osterreich und Ruffland. Wien, 1906, S. 315; HDP, с. 602, 686.
- ²² *Egelhaaf G.* Deutsche Geschichte. Stuttgart, 1892, Bd. II, S. 587—600; Histo-ria powszechna XVI—XVII w. W., 1973, с. 135—138.
- ²³ *Pajewski J.* Wegierska polityka..., с. 147—152, 161—162.
- ²⁴ ПСРЛ, т. 13, с. 359—360; Послания Ивана Грозного. М.; Л., 1951, с. 490—491.
- ²⁵ HDP, с. 686; *Hitter M.* Deutsche Geschichte im Zeitalter der Gegenreformation. Stuttgart, 1889, Bd. 1, S. 243; *Rasmussen K.* Die livlandische Kriese..., S. 83—89.
- ²⁸ ПСРЛ, т. 13, с. 335; *Греков И. Б.* Очерки..., с. 323.
- ²⁷ *Маркс К.* Хронологические выписки. Тетрадь IV.— Архив Маркса и Энгельса. М., 1946, т. VIII, с. 165.
- ²⁸ *Bunner P. Ю.* Иван Грозный. М., 1944, с. 51; *Бахрушин С. В.* Научные труды. М., 1954, т. II, с. 351—352; *Королюк В. Д.* Ливонская война. М., 1954, с. 44—46.
- ²⁹ История Латвийской ССР, т. 1, с. 158; *Ubersberger H.* Osterreich..., S. 318—319; *Donnert E.* Der livlandische Ordensritterstaat..., S. 44—46; *Rasmussen K.* Die livlandische Kriese..., S. 146.
- ³⁰ Различные точки зрения по этим вопросам отражены в следующих работах: *Бахрушин С. В.* Научные труды, т. II, с. 351—353; *Королюк В. Д.* Ливонская война, с. 45—46; *Дербов А. А.* Борьба Русского государства за Прибалтику и Белоруссию в 60-х гг. XVI в.— Учен. зап. Саратов, ун-та, № 47, с. 149—181; *Зимин А. А.* Реформы Ивана Грозного. М., 1960, с. 471—476; *Скрынников П. Г.* Начало опричнины. Л., 1966, с. 128—130; *Она же.* Иван Грозный. М., 1975, с. 65—69; *Флоря Б. Н.* Проект антитурецкой коалиции середины XVI в.— В кн.: Россия, Польша и Причерноморье в XV—XVII вв. М., 1979, с. 84, 76, 82; *Donnert E.* Der livlandische Ordensritterstaat..., S. 46, 50-51.
- ³¹ *Donnert E.* Der livlandische Ordensritterstaat..., S. 46—48, 101—112; *Rasmussen K.* Die livlandische Kriese..., S. 103—110—121.
- ³² *Голобуцкий В. А.* Запорожское казачество, с. 74—80.
- ³³ Сб. РИО, т. 59.
- ³⁴ *Новосельский А. А.* Борьба..., с. 17; *Kolankowski L.* Problem Krymnu w dziejach Jagiellonskich.— КН, 1935, з. 3, с. 290.
- ³⁵ *Lemercier-Quelquejay Ch.* Un condottiere..., p. 162, 165.
- ³⁶ Сб. РИО, т. 59, с. 543; ПСРЛ, т. 13, 2-я полов., с. 286. Возможно, Грозный это делал для того, чтобы, во-первых, лучше контролировать политическую деятельность этого князя, а во-вторых, чтобы исключить возможность создания для него «буферного» княжества в Поднепровье.
- ³⁷ *Голобуцкий В. А.* Запорожское казачество, с. 74, 82; *Lemercier-Quelquejay Ch.* Un condottiere..., p. 158, 161; *Кушева Е. Н.* Народы..., с. 212—213.
- ³⁸ *Голобуцкий В. А.* Запорожское казачество, с. 80—83; *Lemercier-Quelquejay Ch.* Un condottiere..., p. 158—165; *Кушева Е. Н.* Народы..., с. 217. Показательными были также предписание Грозного именно Дм. Вишневецкому организовать преследование крымцев, совершивших зимой 1557/1558 гг. набег на польско-литовские территории (Вольнь, Брацлавщину), а также приказ отобрать у них «польский» полон (Сб. РИО, т. 59, с. 541).
- ³⁹ *Lemercier-Quelquejay Ch.* Un condottiere..., p. 162; *Кушева Е. Н.* Народы..., с. 217—218.
- ⁴⁰ *Голобуцкий В. А.* Запорожское казачество, с. 82; *Соловьев С. М.* История России. СПб., 1894, т. VI, с. 106; *Зимин А. А.* Реформы Ивана Грозного, с. 471-477.
- ⁴¹ *Голобуцкий В. А.* Запорожское казачество, с. 83; *Lemercier-Quelquejay Ch.* Un condottiere..., p. 162, 165; *Кушева Е. Н.* Народы..., с. 219.
- ⁴² *Rasmussen K.* Die livlandische Kriese..., S. 145—146, 171.
- ⁴³ *Lemercier-Quelquejay Ch.* Un condottiere..., p. 164; ПСРЛ, х. 13, с. 335.
- ⁴⁴ *Ubersberger H.* Osterreich..., S. 324; *Ritter M.* Deutsche Geschichte... Bd. 1, S. 241—244; *Donnert E.* Der livlandische Ordensritterstaat..., S. 101—111.
- ⁴⁵ История Латвийской ССР, т. 1, с. 163; *Donnert E.* Der livlandische Ordensritterstaat..., S. 48.
- ⁴⁶ *Vbersberger H.* Osterreich..., S. 355; *Rasmussen K.* Die livlandische Kriese..., S. 211—225; *Donnert E.* Der livlandische..., S. 230—231.
- ⁴⁷ ПСРЛ, т. 13, с. 329—330, 365—366, 373—374; *Форстен Г. В.* Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях. СПб., 1893, с. 288.
- ⁴⁸ Сб. РИО. СПб., 1892, т. 71, с. 23-40; ПСРЛ, т. 13, с. 329; HDP, *Ubersberger H.* Osterreich..., S. 351; *Donnert E.* Der livlandische Ordensritterstaat..., S. 229.
- ⁴⁹ ПСРЛ, т. 3, с. 333, 366; *Кушева Е. Н.* Политика..., с. 265, 273; *Она же.* Народы..., с. 235.

- ⁵⁰ ПСРЛ, т. 13, с. 347—350, 360, 364; *Вельяминов-Зернов В. В.* Исследование о касимовских царях и царевичах. СПб., 1863, с. 455, 459, 461, 464.
- ⁵¹ ПСРЛ, т. 13, с. 363; *Новосельский А. А.* Борьба..., с. 19—25; *Греков И. Б.* Очерки..., с. 322—323.
- ⁵² *Новосельский А. А.* Борьба..., с. 18; *Lemercier-Quelquejau Ch.* Un condottiere..., p. 164.
- ⁵³ ПСРЛ, т. 13, с. 354—358; Сб. РИО, т. 71, с. 121—131; Характерно, что овладение Полоцком Иван IV трактовал как торжество «православного христианства греческого закона» над «безбожной лютеровой ересью».
- ⁵⁴ ПСРЛ, т. 13, с. 373; Сб. РИО, т. 71, № 12.
- ⁵⁵ *Королюк В. Д.* Ливонская война, с. 55—56, 60.
- ⁵⁶ HDP, s. 693—695 i nast.; *Donnert E.* Der livlandische Ordensritterstaat..., S. 231—232. ⁵⁷ ПСРЛ, т. 13, с. 366, 369—370.
- ⁵⁸ *Новосельский А. А.* Борьба..., с. 21; *Соловьев С. М.* История России, т. VI, с. 292—294.
- ⁵⁹ *Новосельский А. А.* Борьба..., с. 21; НВР, з. 696.
- ⁶⁰ *Королюк В. Д.* Ливонская война, с. 61—62.
- ⁶¹ *Скрынников Р.* Начало опричнины, с. 128—130.
- ⁶² Historia polityczna Polski. Krakow, 1923, t. II, s. 104—113.
- ⁶³ Сб. РИО, т. 71, с. 369-370, 336-431, 380—381; *Королюк В. Д.* Ливонская война, с. 62—64.
- ⁶⁴ Сб. РИО, т. 71, № 18, с. 447—497; *Королюк В. Д.* Ливонская война, с. 64—68.
- ⁶⁵ HDP, s. 696.
- ⁶⁶ *Kolankowski L.* Problem..., s. 298; Katalog dokumentow tureckich, N 190.
- ⁶⁷ ПСРЛ, т. 13, с. 406; *Новосельский А. А.* Борьба..., с. 23.
- ⁶⁸ *Donnert E.* Der Livlandische Ordensritterstaat..., S. 128—131, 237 u. a.
- ⁶⁹ HDP, s. 700—702; *Королюк В. Д.* Ливонская война, с. 69—70.
- ⁷⁰ *Donnert E.* Der Livlandische Ordensritterstaat..., S. 190—192, 213 u. a.
- ⁷¹ *Ritter M.* Deutsche Geschichte..., Bd. 1, S. 290—291; *Vberskerger H.* Osterreich..., S. 359.
- ⁷² Послания Ивана Грозного, с. 492; *Ubersberger H.* Osterreich..., S. 359, 361.
- ⁷³ *Ubersberger H.* Osterreich..., S. 383—386; *Donnert E.* Der livlandische Ordensritterstaat..., S. 238—239.
- ⁷⁴ *Ritter M.* Deutsche Geschichte..., Bd. 1, S. 292; *Pajewshi J.* Wegierska polityka..., s. 222, 227.
- ⁷⁵ Katalog dokumentow tureckich, N 182, 197, 200; HDP, s. 700—703; *Pajews-ki J.* Legacija P. Zborowskiego do Turcji. w 1568.— Rocnik Orientalistyczny, 1936, N 12, с. 31—39; *Idem.* Wegierska polityka..., s. 222.
- ⁷⁶ Historia Polski. W., 1957, t. 1, cz. 2; История Польши Л., 1954, т. 1, с. 178—180; *Ланно И. И.* Великое княжество Литовское. СПб., 1901, с. 1—85.
- ⁷⁷ *Vunner P. Ю.* Иван Грозный, с. 93, 130; *Королюк В. Д.* Ливонская война, с. 69; *Donnert E.* Der livlandische Ordensritterstaat..., S. 211, 216.
- ⁷⁸ HDP, s. 705, 707—708; Zapiski Historyczne, (1972), 37, т. 2, s. 55—56; *Bodnick S.* Kongres szescinski na tie baltyckiej polityki polskiej. Krakow, 1929, s. 66.
- ⁷⁹ *Соловьев С. М.* История России, т. VI, с. 292—294; *Королюк В. Д.* Ливонская война, с. 71—72; *Donnert E.* Der livlandische Ordensritterstaat..., S. 217—218.
- ⁸⁰ Сб. РИО, т. 71, с. 432; Katalog dokumentow tureckich, N 197, 199; НВР, s. 703, 709—710.
- ⁸¹ *Vunner P. Ю.* Иван Грозный, с. 193.
- ⁸² Послание И. Таубе и Э. Крузе.— Русский исторический журнал, 1922, № 8, с. 29-59.
- ⁸³ *Королюк В. Д.* Ливонская война, с. 73; *Ubersberger H.* Osterreich..., 3. 364.
- ⁸⁴ *Donnert E.* Der livlandische Ordensritterstaat..., 8. 193—194.
- ⁸⁶ *Hammer J.* Geschichte des Osmanischen Reiches. Pest, 1835, Bd. II, S. 377—378; *Садиков П. А.* Поход татар и турок на Астрахань в 1569 г.— Ист. зап., 1947, т. 22; *Смирнов Н. А.* Россия и Турция в XVI—XVII вв. М., 1946, т. 1, с. 94—98; 109—115; *Кушева Е. Н.* Политика..., с. 281—283; *Бурдей Г. Д.* Русско-турецкая война 1569 г. Саратов, 1962.
- ⁸⁶ Le Khanat de Crimee dans les Archives du Musee du Palais de Topkapı. Paris, 1978, p. 134—138, 330—331.
- ⁸⁷ *Strykowski M.* Kronika... W., 1846, t.II, S. 419; *Lemercier-Quelquejau Ch.* Les expeditions de Dovlet Giray contre Moscou en 1571 et 1572.— CMRS, 1972, vol. XIII, N 4.
- ⁸⁸ *Vunner P. Ю.* Иван Грозный, с. 115—116; *Новосельский А. А.* Борьба..., с. 28; *Королюк В. Д.* Ливонская война, с. 81.
- ⁸⁹ *Флетчер Д.* О государстве русском. СПб., 1906, с. 75—76.
- ⁹⁰ *Карамзин Н. М.* История государства Российского. СПб., 1843, т. IX, с. 119; *Штаден Г.* О Москве Ивана Грозного. Записки немца-опричника. Л., 1925, с. 111—112. Штаден по данному поводу писал следующее: «Тогда и уезды Русской земли все уже были расписаны и разделены между мурзами, бывшими при крымском царе... При крымском царе было несколько знатных турок, которые должны были наблюдать за этим; они были посланы турецким султаном по желанию крымского царя. Крымский царь похвалялся перед турецким султаном, что он возьмет всю Русскую землю в течение года, великого князя пленником уведет в Крым и своими мурзами займет Русскую землю... Он дал своим купцам и многим другим грамоту,

чтобы ездили они со своими товарами в Казань и Астрахань и торговали там беспопынно, ибо он царь и государь всея Руси».

⁹¹ *Hammer J. Geschichte...*, Bd. II, 8. 377—378; *Масса И.* Краткие известия о Московии в начале XVII в. М., 1936, с. 27; *Смирнов Н. А.* Россия и Турция в XVI—XVII вв. М., 1946, т. 1, с. 108, 115; НБР, з. 710.

⁹² *Карамзин Н. М.* История..., т. IX, с. 76—77; *Смирнов В. Д.* Крымское ханство под верховенством оттоманской Порты до начала XVI в. СПб., 1887, с. 433; *Allen W.* Problems of Turkish Power in the 16th Century. L., 1963; *Греков И. Б.* Очерки..., с. 334, примеч. 215; *Некрасов А. М.* Некоторые вопросы политических взаимоотношений на восточных и южных рубежах России XVI в. в зарубежной историографии. — История СССР, 1983, № 1, с. 195-197.

⁹³ *Новосельский А. А.* Борьба..., с. 43; *Загорский В. П.* Белгородская черта. Воронеж, 1969, с. 56—60; *Александров В. А.* Организация обороны южной границы Русского государства во второй половине XVI—XVII вв. — В кн.: Россия, Польша и Причерноморье в XV—XVIII вв., с. 159—173.

⁹⁴ *Карамзин Н. М.* История..., т. IX, с. 118—119; *Vunner P. Ю.* Иван Грозный, с. 129.

⁹⁵ *Форстен Г. В.* Балтийский вопрос..., с. 579; *Королюк В. Д.* Ливонская война, с. 81.

⁹⁶ *Iorga N. Geschichte...*, Bd. III, 3. 145—152.

⁹⁷ *Греков И. Б.* Очерки..., с. 343, 345, 351—354, 360—361.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучение всего сложного комплекса взаимоотношений Османской империи и стран Юго-Восточной, Центральной и Восточной Европы в XV—XVI вв. в контексте международной европейской политики позволяет выявить характерные черты и основные тенденции этих отношений.

Рассмотрение социально-экономической и политической истории Османской империи со времени возникновения государства османов и до конца XVI в. показало, что развитие османского феодализма происходило одновременно со становлением империи, что оба процесса были взаимообусловлены. И действительно, с одной стороны, тимарная система, ставшая определяющей основой феодальных отношений в империи, требовала постоянного наличия свободных земель, необходимых для содержания той прослойки феодального класса, с помощью которой осуществлялись османские завоевательные походы и которая ко времени Мехмеда II стала главной опорой султанской власти. Иными словами, само развитие османских феодальных отношений обусловило постоянную практику завоевания новых территорий. С другой стороны, непрерывные походы султанов, стабильная потребность в материальных средствах для их осуществления воздействовали определенным образом на социально-экономическую основу империи, обуславливали сложение соответствующей структуры господствующего класса.

Оба эти процесса тесно взаимодействовали и с такими важными явлениями исторической жизни Османской империи, как формирование турецкой народности, миграция османского этнического элемента в страны Балканского полуострова, а иногда и прямая исламизация населения завоеванных территорий.

На направление внешнеполитической активности Османской империи оказывали влияние стратегические задачи политики Порты в тот или иной период, которые определялись экономическими потребностями империи, в том числе интересами торговли, являвшейся важным источником доходов султанской казны.

Главным объектом османской экспансии в XIV—XV вв. стала Юго-Восточная Европа. Феодальная децентрализация и обострение междоусобной борьбы внутри стран региона, соперничество мелких и крупных государств, перераставшее часто в ожесточенные войны, способствовали распространению завоеваний султанов на Балканах. Здесь османская экспансия встретилась с политикой католических держав Запада (Венеции, королевства Венгрии, самого Рима), стремившихся отстоять свои позиции в регионе. Венгерские короли вели борьбу с османами, чтобы сохранить свой сюзеренитет над рядом государств Юго-Восточной Европы. Но объективные результаты этой борьбы оказывали положительное воздействие на сопротивление балканских народов османскому завоеванию, имели значение в сдерживании натиска османов в районы Центральной Европы.

В результате османских завоеваний, последовавших после захвата Мехмедом II Константинополя, под властью султана оказались почти все балканские территории. К концу XV — началу XVI в. Османское государство превратилось в большую и сильную империю, оказывавшую влияние на судьбы стран Европы, Азии и Африки, стало определяющим фактором международной жизни.

Рассматриваемый в труде период характеризовался вмешательством Османской империи как в политическую жизнь каждого государства Юго-Восточной, Центральной и Восточной Европы, так и в сложившуюся здесь всю систему международных отношений. Изучение взаимоотношений этих государств с османами показало, что противостояли тогда друг другу не только экспансия Порты и оборона ее северных соседей, но также и различные по своему характеру типы феодальной государственности, различные социально-экономические, политические и этносоциальные процессы.

Осуществлявшееся на протяжении XV в. развертывание военно-политической активности Османской империи на Балканах совпало во времени с формированием в Центральной и Восточной Европе ряда крупных феодальных государств, в частности таких, как Германская империя, Венгрия, Чехия, Польша и Московская Русь. В условиях сложных внутренних процессов эти государства вели в то время напряженную борьбу друг с другом за усиление своего влияния на международной арене, борьбу, приводившую постепенно к созданию нового соотношения сил в регионе, а в дальнейшем и к изменениям политической карты данной части европейского континента.

Представляя варианты общего закономерного процесса становления феодальных государств, указанные страны вносили в этот процесс элементы того или иного своеобразия, определявшегося разным их географическим положением, отнюдь не схожей предысторией, неодинаковой продвинутостью на путях превращения «моноэтнических» государств в государства «многонациональные».

Прослеживая общее и особенное в исторической жизни стран региона, необходимо отметить то обстоятельство, что Польша, Венгрия, Австрия значительно опережали в рассматриваемое время Московскую Русь и Чехию в создании многонациональных государственных комплексов. Так, например, Московское государство, считавшее на рубеже XV—XVI вв. своей главной задачей восстановление целостности «Русской земли», дольше других политических систем региона развивалось в рамках этнически однородного государственного образования. То же самое можно видеть и в развитии послегуситской Чехии, в частности Чехии эпохи Иржи Подебрада. Такое «отставание» одних государств региона и «опережение» других обуславливало специфику политического развития каждой страны, определяло в известной мере характер и особенности их внешней политики.

При всем этом во внешнеполитических условиях всех феодальных государств Европы, начиная в особенности со второй половины XV в., общим становится усиливавшееся влияние Османской империи на международную жизнь континента. Хотя борьбу с османами вели главным образом народы Юго-Восточной Европы, находившиеся под непосредственной угрозой завоевания, османская опасность воспринималась всеми европейскими странами, все больше превращаясь в течение изучаемого времени в политический феномен, оказывавший непосредственное воздействие и на международные отношения в Европе. Существование османской опасности приводило ко все более настойчивым попыткам создания антиосманской коалиции европейских государств, к воскрешению в политической идеологии ряда стран Европы концепции христианского универсализма, идеи «крестовых походов». Однако реализация этих идей входила в противоречие с конкретным ходом международной жизни в Европе, с процессом формирования обширных феодальных государств на континенте, с тенденцией сохранения политического равновесия между ними. Одним из проявлений этого противоречия было, в частности, стремление таких стран, как Империя, Венгрия, Польша, использовать антиосманскую борьбу для осуществления своих политических программ.

Само папство, выступавшее в роли защитника «христианского единства» и инициатора походов против османов, преследовало при этом прежде всего цели сохранения сфер своего влияния и источников дохода, отвлечения внимания Габсбургов и Франции от Италии; в то же время с помощью крестовых походов римская курия стремилась усилить позиции католичества в Европе в борьбе с реформацией и православием.

Тем не менее идея крестовых походов продолжала сохраняться в идейно-политической жизни европейских стран. Однако эволюция международной европейской политики в изучаемое время постепенно подтачивала ее. С конца XV в. ряд европейских правителей в соперничестве друг с другом начинают вступать в союзные отношения с Османской империей. Наличие этой тенденции в международной политике представляло главную сложность в дипломатических отношениях европейских держав в рассматриваемое время, когда Порты начала осуществлять программу расширения своих завоеваний в Европе.

В конфронтации европейских стран с Османской империей определенное место занимали Валашское и Молдавское княжества. Стороны придавали большое значение их географическому положению, экономическим и материальным ресурсам. Это учитывалось как в стратегических планах Порты по расширению завоеваний в Европе, так и в политических программах, в частности королевства Венгрии и Польско-литовского государства, стремившихся к утверждению своих позиций в устье Дуная и Причерноморье. Султан ставил задачу подчинения Дунайских княжеств. В этих условиях Венгрия и Польша были заинтересованы в их антиосманских действиях. В соответствии со своими целями каждая из сторон прилагала усилия к укреплению влияния в княжествах, используя их внутривнутриполитическую неустойчивость, вызванную непрекращавшейся борьбой боярских группировок за власть. В такой ситуации валашский и молдавский господа, в свою очередь, в интересах сохранения власти и независимости княжеств стремились использовать конфронтацию европейских стран с Османской империей, постоянно лавируя между ними в зависимости от расстановки политических сил в регионе и внутреннего положения в княжествах.

Как показано в труде, расширение османских завоеваний в Юго-Восточной и Центральной Европе во второй половине XV—XVI в., складывавшаяся в связи с этим международная обстановка в регионе, а также состояние внутривнутриполитического развития в самих Дунайских княжествах привели к окончательному установлению вассальной зависимости их от Османской империи (Валахии — к концу XV в., Молдавского княжества — в середине XVI в.). Эволюция отношений княжеств с Портой в изучаемое время характеризовалась возрастанием вмешательства султана во внутренние дела княжеств, несмотря на сохранение ими юридической автономии, усилением данничества и экономической эксплуатации, в области внешнеполитической — все более полным включением княжеств в сферу политики Османской империи.

Изучение конкретной истории взаимоотношений Османской империи и стран Юго-Восточной, Центральной и Восточной Европы в XV—XVI вв. показало, что, поставив перед собой стратегическую задачу продвижения в Европу, Порты выработала при этом гибкую тактику, необходимую для ее успешного осуществления. Главный смысл этой тактики состоял в том, чтобы не допустить создания в регионе мощной антиосманской коалиции, способной начать эффективное контрнаступление против султана. Из этого основного условия вытекало необходимость предотвратить чрезмерное усиление какого-либо одного государства, которое было бы в состоянии консолидировать все остальные в антиосманский фронт. Намеченной цели Порты добивалась не только вооруженными выступлениями османско-крымских войск против какого-либо одного наиболее боеспособного тогда государства, но и путем умелого сталкивания государств региона друг с другом, провоцирования вооруженных конфликтов между ними. Использование султаном тех или иных тактических приемов для достижения поставленной цели определялось конкретным развитием международной и внутривнутриполитической жизни Османской

империи, складывавшейся в регионе расстановкой политических сил на том или ином этапе.

Чтобы создать благоприятные условия для своей экспансии, султан был заинтересован в поддержании необходимого ему баланса сил в регионе. Это достигалось тем, что Порты была в полной мере осведомлена о происходивших в Европе процессах, учитывала специфику внутреннего развития каждой страны в отдельности и их внешнеполитические устремления в различные периоды международной жизни континента. Султанская дипломатия не только знала перипетии политической жизни региона, но и умело использовала противоречия между европейскими державами, вступая с конца XV в. в переговоры и союзные отношения то с одной, то с другой страной в целях создания выгодной для Порты международной конъюнктуры. Рассмотренный в труде конкретно-исторический материал свидетельствует о том, что выработанная османской дипломатией тактика позволяла Порте осуществлять и координировать военно-политическую активность в разных направлениях. При этом наступательная политика в одном районе региона подкреплялась созданием в других районах выгодной для османов ситуации с помощью соответствующих приемов султанской дипломатии.

Так, в 50—60-е годы XV в., направив экспансию прежде всего против королевства Венгрии и Венецианской торговой республики, султан поддерживал добрососедские отношения с Польско-Литовским государством, скованным затяжным конфликтом с Орденом. Однако, установив контроль над основными балканскими территориями, подойдя вплотную к Среднему Подунавью, султан счел рискованным дальнейшее продвижение вверх по Дунаю при сохранении необеспеченных флангов в Северном Причерноморье и на Адриатике, в частности при сохранении независимых Крымского ханства и Молдавского княжества, а также остававшихся под властью Венеции важных опорных пунктов адриатического побережья Балканского полуострова.

Поэтому в 70-е годы XV в. Османская империя сосредоточила внимание на решении стратегических задач в Северном Причерноморье и на Адриатике. В 1475—1478 гг. был подчинен Крым, в конце 70-х годов Порты заняла Албанию, Скутари, укрепила свои позиции на адриатическом побережье. С этого времени, как показано в труде, важную роль в проведении османской политики в регионе, и особенно в Восточной Европе, начинает играть в качестве вассала султана Крым. Действуя в рамках внешнеполитической программы Порты, крымские ханы в своих отношениях с северными соседями умело чередовали политику мира и войны, осуществляя тем самым задачу выравнивания их сил, сохранения равновесия между ними, а вместе с тем и задачу предотвращения возможности создания антиосманской коалиции в регионе. По мнению авторов, существенным было то обстоятельство, что Османская империя по особым тактическим соображениям часто маскировала свое сотрудничество с Крымом, намеренно создавая впечатление несогласованности поведения Стамбула и Бахчисарая на международной арене. Разумеется, «эффект раздвоенности», по существу, единой османско-крымской политики дезориентировал европейские державы, а тем самым и значительно облегчал осуществление замыслов Порты в регионе.

В 70-е годы XV в. Османская империя столкнулась с фактом усиления Польско-литовского государства, добившегося не только подчинения себе Тевтонского ордена в 1466 г., включения в сферу своего влияния Чехии (королем которой в 1471 г. стал Владислав Ягеллон), но и выдвинувшего тогда программу польско-чешско-венгерской унии, а также план выхода к берегам Черного моря (план, который должен был осуществляться в тесном контакте с Волжской ордой — тогдашним антагонистом Крымского ханства). Османскую дипломатию занимало и стремление Польско-литовского государства к расширению сферы своего влияния за счет присоединения к Великому княжеству Литовскому древнерусских земель. В поле зрения Порты была и напряженная политическая жизнь Русского государства, его внешнеполитическая программа

восстановления целостности «Русской земли», превращения великого князя Владимирского и Московского в «государя всея Руси».

Султанско-крымская дипломатия в 80—90-е годы XV в. ставит задачу ослабления Польши и Литвы. Этой цели служили систематические набеги крымских татар на польско-литовские окраины. Важное значение Порты придавала установлению антиягеллонско-го союза как с Московской Русью, так и с Венгрией. В Стамбуле хорошо учитывали весьма сложный характер политики королевства Венгрии в это время, допускавшего, с одной стороны, довольно тесное сотрудничество с Портой (особенно в период правления Матьяша Корвина), а с другой — проявлявшего готовность политического сближения с польским правящим домом Ягеллонов.

В этих условиях Османская империя и ее вассал крымский хан встали на путь противодействия планам сближения Польши с Чехией и Венгрией, стремлениям Ягеллонов подчинить Молдавское княжество и выйти к берегам Черного моря, поощряли антипольскую активность Русского государства. Союз Порты и Крыма с Иваном III сохранялся до самого начала XVI в., отношения Стамбула с Венгрией заметно осложнились уже в 90-е годы, когда на венгерском престоле оказался представитель ягеллонской династии — чешский король Владислав.

Закрепившись в конце XV в. в Крыму и Адриатике, добившись отказа Польши от планов утверждения в Причерноморье и убедившись в общем ослаблении Польско-литовского государства, Османская империя повела с начала XVI в. приготовления к открытой конфронтации с королевством Венгрия.

Хотя султан в начале XVI в. был занят завоевательными походами на Ближнем Востоке, Порта не сократила свою активность в изучаемом регионе. С помощью традиционных приемов османско-крымская дипломатия развернула деятельность по созданию необходимого на данном этапе баланса сил в Юго-Восточной, Центральной и Восточной Европе. В Центральной Европе Порте все больше начинают в это время противостоять Габсбурги. Серьезное значение султан придавал попыткам австромосковского сближения и планам возможного формирования антиосманской коалиции на юго-востоке Европы.

В этих условиях. Порта широко использует методы своей дипломатии. После того как Волжская Орда окончательно потеряла свой военно-политический потенциал (после событий 1502 г.), а Русское государство перестало иметь для Порты значение противовеса этому ордынскому улусу, османско-крымская дипломатия стала добиваться взаимоослабления Москвы и Польско-литовского государства, сначала путем стимулирования их политического соперничества, затем и провоцирования открытой войны между ними. В то же время со второго десятилетия XVI в. Порта стала сотрудничать с Польшей. При этом расчеты султанской дипломатии были связаны с напряженной борьбой между польским королем и Габсбургами, стремившимися к утверждению в Венгрии с целью усиления своих позиций в Центральной Европе. Результатом действий османско-крымской дипломатии в этот период оказалась вынужденная переориентация политики Ягеллонов на соперничество с Габсбургами, свертывание былой активности на южном направлении и сосредоточение на конфликте с Москвой.

Такое поэтапное рассмотрение истории взаимоотношений Османской империи и стран Юго-Восточной, Центральной и Восточной Европы XV—XVI вв. позволяет, по мнению авторов, преодолеть существующий в историографии подход к изучению проблемы с точки зрения двусторонних отношений с Портой одной из стран, с которым логически связана и бытующая в литературе гиперболизация роли одних стран и недооценка других в развитии международных отношений в регионе в указанный период.

Осуществленное в труде изучение эволюции взаимоотношений стран Юго-Восточной, Центральной и Восточной Европы с Османской империей в органической связи с их внутривнутриполитической историей и в контексте международной политики XV—

XVI вв. дает возможность выявить объективно-историческую роль каждой из стран, понять причины ослабления одних и усиления других важных тенденций в историческом развитии славянских и неславянских народов юго-восточной части европейского континента, показать роль Османской империи в процессе формирования здесь новых многонациональных государств, в утверждении новой политической карты юго-востока Европы.

В то же время предпринятое авторами комплексное исследование проблемы, выявляя ведущие тенденции во взаимоотношениях стран региона с Портой, раскрывает характерные черты османской политики и тактики османско-крымской дипломатии, способствовавшие устойчивым успехам Османской империи в регионе на протяжении двух-трех столетий.

Возникшая в последней трети XV в. тенденция формирования политического комплекса в Центральной и Юго-Восточной Европе под эгидой Ягеллонов не получила развития. Одной из причин неудачи плана польско-чешско-венгерской унии была тогдашняя политика Стамбула в этом регионе.

Полной неудачей завершились и усилия королевства Венгрии противостоять продвижению османов в Юго-Восточной и Центральной Европе. Изучение хода политической и военной борьбы королевства Венгрии с Османской империей показало, что Венгрия в силу внутренних социально-экономических причин не только не смогла сохранить свои позиции в Юго-Восточной Европе, но и потерпела в 1526 г. поражение. В результате успешных военных действий османских войск в 20—40-х годах XVI в. в Среднем Подунавье Венгерское королевство оказалось разделенным на три части: 1) Трансильванское княжество, попавшее в вассальную зависимость от Порты наряду с Дунайскими княжествами, 2) венгерские территории, оккупированные османами, 3) венгерские земли, ставшие надолго владениями Габсбургов. После роковых для Венгрии 20—40-х годов XVI в. по-разному стали складываться исторические судьбы этих территорий, разными путями пошло их социально-экономическое, политическое и культурное развитие.

Весьма значительной была роль османско-крымского фактора в политической жизни Восточной Европы второй половины XV—XVI в. Использование дипломатией Крыма и Порты соперничества между Русским и Польско-литовским государствами оказало во многом влияние на формирование межгосударственных границ в данном регионе. В результате одна из магистральных тенденций восточноевропейского исторического процесса периода феодализма — тенденция восстановления этнически однородных государств, реализованная на древнепольских территориях еще в начале XIV в., на древнерусских землях оказалась «заблокированной» воздействием, между прочим, и такого фактора, как восточноевропейская политика Османской империи и Крыма, ставившая тогда своей целью поддерживать нужное ей равновесие сил в данном регионе как путем поощрения роста Польши за счет западнорусских, белорусских и украинских земель, так и путем противодействия попыткам Москвы форсировать воссоединение всего восточного славянства. Одним из следствий этой политики было доминирование в политической жизни Восточной Европы XV—XVI вв. той тенденции, которая привела в ходе указанного выравнивания сил к утверждению политической карты, не совпадавшей с этнической, к формированию двух больших многонациональных феодальных государств, разделивших между собой древнерусские территории и создавших тем самым условия для обособленного развития отдельных частей «русской земли».

Как показано в труде, взаимоотношения Османской империи со странами Юго-Восточной, Центральной и Восточной Европы в XV—XVI вв. находили прямое отражение во внешнеполитических концепциях этих стран, влияли на их идеологическую жизнь. Идеи освободительной борьбы с османской экспансией стали источниками многочисленных памятников и публицистической литературы народов указанного региона. Об этом свидетельствует, в частности, представленный в труде анализ

литературных и публицистических памятников славянских народов. Изучение же всего комплекса памятников, связанных с формированием и развитием в Европе в XV—XVI вв. антиосманских идей, является задачей будущих исследований.

Таковы некоторые итоги исследования проблемы взаимоотношений Османской империи и государств Юго-Восточной, Центральной и Восточной Европы в XV—XVI вв.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АЗР — Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1846—1848. Т. 1: 1340—1506; Т. 2: 1506—1544

АИ — Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1841. Т. 1: 1338—1598

ВВр — Византийский временник. М.

ВИ — Вопросы истории. М.

ИВАН — Институт востоковедения АН СССР. М.

ИЗ — Исторические записки. М.

ИНТ — Историка народа Югославије. Београд, 1953—1960, т. 1-2.

ИП — Исторически преглед. София

Исторические связи — Исторические связи народов СССР и Румынии в XV — начале XVIII в. Документы и материалы в трех томах. М., 1965, Т. 1: 1408—1632

ЛЗАК — Летопись занятий Археографической комиссии. СПб.

ЛОИВ — Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР

НАА — Народы Азии и Африки. М.

ПДС — Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Ч. 1. Сношения с государствами европейскими. Т. 1. Памятники дипломатических сношений с Римскою империею (с 1488 по 1594 г.) СПб., 1851 ПСРЛ — Полное собрание русских летописей. Т. 4, ч. 1. Новгородская четвертая летопись. Пг., 1915; Ч. 2. Новгородская пятая летопись. Л., 1925; Т. 6. Софийские летописи. СПб., 1853; Т. 8. Продолжение летописи по Воскресенскому списку. СПб., 1859; Т. 12, 13. Никоновская летопись. СПб., 1861; Т. 17. Западнорусские летописи. СПб., 1907; Т. 18. Симеоновская летопись. СПб., 1913; Т. 19. История о Казанском царстве (Казанский летописец). СПб., 1903; Т. 20. Львовская летопись, ч.1. СПб., 1910; Т. 22. Русский хронограф, ч. 1-2. СПб., 1911 — 1914; Т. 25. Московский летописный свод конца XV в. М.; Л., 1949; Т. 26. Вологодско-Пермская летопись. М.; Л., 1959; Т. 28. Летописный свод 1497 г.— Летописный свод 1518 г. (Уваровская летопись). М.; Л., 1963; Т. 29. Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича — Александро-Невская летопись — Лебедевская летопись. М.; Л., 1965; Т. 33. Холмогорская летопись. Двинский летописец. Л., 1977; Т. 34. Постниковский, Пискаревский, Московский и Бельский летописцы. М., 1978

РИБ — Русская историческая библиотека. Т. 31. Сочинения князя Курбского. СПб., 1914

Сб. РИО — Сборник Русского исторического общества. Т. 35, 41, 59, 71, 95, 129. СПб., 1882, 1884, 1887, 1892, 1895, 1910

СГТД — Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел. М., 1828, ч. 5

ССл — Советское славяноведение. М.

ТОДРЛ — Труды отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР. М.; Л., 1954, 1956, т. 10, 12

Тр. МГИАИ — Труды Московского гос. историко-архивного института

Тр. САГУ — Труды Среднеазиатского гос. университета

УЗИС — Ученые записки Института славяноведения АН СССР. М.

УЗЛГУ — Ученые записки Ленинградского гос. университета

- УЗМГПИ — Ученые записки Московского гос. педагогического института
 УЗМГУ — Ученые записки Московского гос. университета
 ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов. М.
 ААК — *Analete Academiei Romane*. Buc.
 Acta et epistolae — Acta et epistolae relationum Transylvaniae, Hungariaeque cum Moldavia et Valachia. Bp., 1914, v. 1 (1468—1540)/Collegit et edidit A. Veress
 Acta Tomiciana — Acta Tomiciana. Epistole, legationes, responsa, aktiones, res geste Serenissimi Prin-cipis Sigismundi, ejus nominis primi, Regis Polonie.../Per Stanislaum Gorski, Cracov. et Plocen. Canonicum, ejusdem Petri Tomicii, post Serenissime Bone Sfforcie, Regine Polonie Secretarium, collecte, et in Tomos XXVII digeste. Poznaniae, 1852—1860. T. 1. Gontinet A. D. 1507-1511; T. 4. A. D. 1516—1518; T. 6. A. D. 1522-1523; T. 8. A. D. 1526
 AFr — Acte si fragmente cu privire la istoria romanilor/Ed. N. Iorga. Buc., 1897, v. 3
 AH — *Adparatus ad historiam Hungariae*/Ed. M. Bel. Posonii, 1735
 AIIAI — Anuarul Institutului de istorie si arheologie din Iasi
 AO — Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. Bp.
 APJ — Arkiv za povestnicu jugoslavensku. Zagreb, 1852, ka. 2
 ASL — Archiv des Vereins für sieben-biirgische Landeskunde. Hermann-stadt
 ASz — Agrartortenetí Szemle. Bp.
 AUB — Annales Universitatis Scientiarum Budapestiensis. Sectio Historica
 Bonf. — *Antonius de Bonfinis*. Rerum Ungaricarum Decades/Ed. J. Fogel, B. Ivanyi, L. Juhasz. Bp., 1941, t. 4, pars. 1
 BTSz — Budai Torok Szamadaskony-vek, 1550—15807 Kozzetette Fekete L. es Kaldy Nagy Gy. Bp., 1962
 Bp. — Budapest
 Buc. — Bucuresti
 CDH — Codex diplomaticus Hungariae ecclesiasticus ac civilis/Ed. G. Fejer. Buda, 1833, 1834, 1842—1844. T. 9, v. 2; T. 10, v. 2, 5-7
 Chalc. — *Laonici Chalcocondylae* Historiarum demonstrationes/Ed. E. Darko. Bp., 1922-1927. T. 1, 2, pars. 1—2
 CI — Cercetari Istorice. Iasi
 CMRS — Cahiers du monde Russe et Sovietique. Paris, 1964—1972
 CJH — Corpus Juris Hungarici. Bp., 1899, T. 2
 CL — Convorbiri literare. Buc.
 Grit. — *Critobul din Imbros*. Din domnia lui Mohamed al-II-lea anii 1451 — 1467/Ed. de V. Grecu. Buc., 1963
 Cronicele — Cronicele slavo-romine din sec. XV—XVI/Publicate de I. Bog-dan. Edijie revazuta si completat& de P. P. Panaitescu. Buc., 1959
 Cronici turcesti — Cronici turcesti pri-vind T&rile Romane. Extrase/Intocmit de M. Guboglu, M. Mehmed. Buc., 1966, v. 1 (sec. XV — mijlocul sec. XVII)
 DAMJ — Documente privitoare la istoria Ardealului, Moldovei si Tarii Romanesti. Acte si scrisori/Ed. A. Veress. Buc., 1929, V. 1 (1527—1572)
 DIR — Documente privind istoria Romaniei. B. Tara Romaneasca. Veacul XVI. Buc., 1951, V. 1.
 Dlugosz — *Jana Dlugosza* Kanonika Krakowskiego Dziejow Polski ksiag dwanascie. Krakow, 1868—1870. T. 3, ks. 9—10; T. 4, ks. 11—12; T. 5, ks. 12 (*Joannis Dlugossii Senioris Canonici Cracoviensis Opera Omnia...*, t. 4—6)
 DocM — Documentele moldovenesti inainte... de Stefan eel Mare/Publ. de M. Costachescu. Iasi, 1932, v. 2 (1438-1456, 1387—1458).
 DocSt — Documentele lui Stefan eel Mare (1457—1492)/Publ. de I. Bog-dan. Buc., 1913, v. 2
 DR — Documente privitoare la istoria Romanilor/Culese de E. de Hur-muzaki. Buc., 1890—1911, v. 1, pt. 2; v. 2, pt. 1—5; v. 3, pt. 1; v. 4, pt. 2; v. 8; v. 11; v. 15, pt. 1; supl. 2, v. 1

- DRH — Documenta Romaniae Historica. B (Tara Romaneasca), v. 1 (1247—1500). Intocm. de P. P. Panaitescu, D. Miok. Buc., 1966
- Ducas — *Ducas*. Istoria turco-byzantina (1341—1462)/Ed. critica de V. Grecu. Buc., 1958
- EOE — Erdelyi Orszaggyulesi Emlekek. Bp., 1875, 1. k.
- EM — Erdelyi Muzeum. Kolozsvár, 1893, 10. k.
- Esch — *Peter Eschenloer*. Geschichte der Stadt Breslau/Hrsg. von J. G. Kunisch. Breslau, 1828, Bd. 2
- HOP — Historia diplomacji polskiej. W., 1980, t. 1
- HK — Hadtortelenmi Közlemények. Bp.
- HKM — Hunyadiak eora Magyarországon, 10. k. (Okmánytar). Pest, 1853, Szerk. Teleki J.
- HNJ — Historija naroda Jugoslavije. Zagreb, 1953, t. 1
- IR — Istoria României. Buc., 1962, v. 2.
- ITR — Istoria Tarii Romanesti 1290—1690. Zetopisetul cantacuzinesc/Ed. de C. Grecescu si D. Simonescu. Buc., 1960
- JAZU — Jugoslavenska Akademija znanosti i umjetnosti
- JT — Jajcza (banság, vár és város) története (1450—1527)/Kiadta L. Thalloczy. Bp., 1915 k. — kötet
- KH — *Kwartalnik Historyczny*. W.
- Korr.— Korrespondenzen österreichischer Herrscher. Die Korrespondenz Ferdinands I. Wien, 1912, Bd. 1. Familienkorrespondenz bis 1526/Bearb. von W. Bayer
- Kron. — Magyarország történeti kronológiája/Főszerkesztő Benda K. Bp., 1981, 1. k. (a kezdetek-től 1526-ig)
- MaEkv — Matyas kiraly Emlekkönyv / Szerk. S. Marki. Bp., 1902
- MEky — Matyas kiraly Emlekkönyv szilletesenek otszazeves fordulojara/ Szerk. J. Lukinich. Bp., 1940, 1. k.
- MEp — *Matthiae Coryini... Epistolae ad Romanes pontifices datae et ab eis acceptae* (1458—1490). Bp., 1891
- MHHS — *Monumenta Hungariae Historica. Scriptorum*. Pest, 1895, y. 5
- MLey — Matyas kiraly levelei. Kuliigyi osztaly/Kozzeteszi Fraknoi Vilmos. Bp., 1893—1895, I. k. (1458—1479); II. k. (1480—1490)
- MTKD — Magyarország torok kincstari defterek/Ford. Velics L. A. Bp., 1886, 1. k.
- MNy — Magyar Nyelv. Bp. MSerb — *Monumenta Serbica*/Ed. F. Miklosich. Viennae, 1858
- MSzO — Magyarország es Szerbia kozti osszekottet^sek okleveltara (1198—1526)/Szerk. L. Thalloczy, A. Aldasy. Bp., 1907
- MTKK — A Magyar Történet Kötésinek Könyve. Bp., 1902
- MTT — Magyar Történelmi Társaság — *Monumenta Vaticana Historiam regni Hungariae Illustrantia* OSzK — Országos Szechenyi Könyvtár Evkönyve. Bp.
- OS — *Osterreichische Staatsverträge. Fürstentum Siebenbürgen (1526—1690)*/Bearb. Goos R. Wien, 1911
- QuB — *Quellenbuch zur Geschichte der Stadt Brasso*. Kronstadt; Brasso, 1903, Bd 4
- PAN — *Polska Akademia Nauk* POP — *Prilozi za orijentalnu filologiju*. Sarajevo
- Prilozi — *Prilozi za orijentalnu filologiju i istoriju jugoslavenskih naroda pod turskom vladavinom*. Sarajevo
- PSB — *Polski Słownik biograficzny*. Krakow, 1948, t. 7/2, z. 32; Wrocław etc., 1970, 1973—1978; t. 15/3, z. 66; t. 18/2, z. 77; t. 23/3, z. 98 pt. — partea
- RI — *Revista istorica*. Buc. RRH — *Revue roumaine d'histoire*. Buc. SMIM — *Studii si materiale de istorie medie*. Buc.
- Sphr. — *Georgios Sphrantzes. Memorii (1401—1477). Pseudo-Phrantes; Macarie Melissenos. Cronica (1258—1481)*/Ed. critica de V. Grecu. Buc., 1966

- SRH — *Scriptores Rerum Hungaricarum veteres ac genuini*/Ed. J. G.Schwandtner. Vindobooae, 1746, t. 1—2
 St — *Studii. Revista de istorie. Buc.*
 SUBB — *Studia Universitatis Babes-Bolyai, ser. 4. Historia. Cluj Sz — Szazadok. Bp.*
 SzE — *Szeremi Gyorgy Emlekirata Magyarorszag romlasarol (1434—1543). Pest, 1857.*
 Szem — *Szemelvenyek a magyar had-tortnelmi tanul-manyozasahoz. Bp., 1955, 1. k.*
 SzigE — *Szigetvari Eml^ktonyv. Bp.,*
 SzO — *Szekely okleveltar/Szerk. Sza-bo K. Kolozsvar, 1872, I. k. (1211-1519)*
 TT — *Tortnelmi Tar. Bp. TTI — Torok Tortenetirok. Bp., 1893— 1896, 1. k. (-1520), 2. k. (1521-1556). Ford, es jegyzetekkel kissrte J. Thury*
 Ureche — *Grigore Ureche. Letopisesul Tarii Moldovei/Ed. ingrijita, studii introductiv, indice si glosar de P. P. Panaitescu. Buc., 1958, Ed. a II-a, revazuta. W. — Warszawa*
 Wind. — *Eberhart Windeckes. Denk-wiirdigkeiten zur Geschichte des Zeit-alters Kaiser Sigmunds/Hrsg. voa W. Altmann. Berlin, 1893 z — zeszyt*
 ZO — *A zichi es vasonkeoi grof Zichy család idosbb aganak okmanytara/ Szerk. Nagy Imre, Nagy Ivan, Veg-helyi Dezso, Kammerer Erno. Pest, 1895, 8. k. (1421—1439) ZsO — Zsigmondkori Okleveltar/Ossze-all. Malyusz E. Bp., 1951, 1. k. (1387—1399)*

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН¹

- Абдул-Латиф (Абдул-Летиф, Абдул-Латмф, Абу-ал-Лятиф), ханыч крымск., затем хан. казанск., пасынок Менгли-Гирея 152
 Абидова М. А. 41
 Аbugай, ногайск. хан 171
 Абуссуд, осн. муфтий 25
 Адашев Алексей Федорович, стольник, постельничий Ивана IV, позднее окольничий, воевода 175, 177, 179, 180, 181, 186
 Адашев Даниил Федорович, брат А. Ф. Адашева, воевода 258, 260, 261
 Адриан VI, папа 145
 Алаеддин (Ала-ад-дин) Кей Кубад I, сельджукский султан 9
 Алаэддин Али, старший брат и везир Орхана 11, 22
 Александр VI Борджиа (Борджа), папа 114, 138, 151
 Александр Казимирович см. Александр Ягеллончик
 Александр Корня, молд. господарь 194
 Александр Лэпушняну, молд. господарь 195—197
 Александр II Мирча, валаш. господарь, брат Петра Хромого 196, 198

¹ Фамилии авторов исследовательских, коллективных и популярных работ, издателей источников даны без пояснений. Принятые сокращения: австр.— австрийский, архиеп.— архиепископ, астрах.— астраханский, библ.— библейский, болг.— болгарский, боен.— боснийский, в.— великий, валаш.— валашский, венг.— венгерский, венец.— венецианский, виз.— византийский, в. кн.— великая княгиня, великие князья, великий князь; герм.— германский, дат.— датский, дубр.— дубронницкий, еп.— епископ, зап.— западная, имп.— император, императоры; иранск.— иранский, исп.— испанский, имперск.— имперский, ит.— итальянский, казанск.— казанский, кард.— кардинал, кн.— княгиня, княжна, князь; кор.— королева, короли, король; крымск.— крымский, курф.— курфюрст, лит.— литовский, митр.— митрополит, младш.— младший, молд.— молдавский, моек.— московская, московский; неап.— неаполитанский, нем.— немецкий, ногайск.— ногайский, осм.— османский, патр.— патриарх, персидск.— персидский, печск.— печский, печские; польск.— польский, преим.— преимущественно, прозв.— прозванный, русск.— русский, сакс.— саксонский, св.— святая, святой, святые; свящ.— священник, сев.-зап.— северо-западная, сербск.— сербские, сербский; трансильв.— трансильванский, франц.— французский, хорв.— хорватский, чега.— чешский.

- Александр Ягеллоньчик, в. кн. лит., затем и кор. польск. 96—99, 124, 126, 137, 139, 148, 149, 152, 154, 159, 160
- Александров В. А. 272
- Али-беи, глава осм. войск в походе на Молдавское княжество 123
- Альбрехт, сакс, курф., муж дочери Иржи Подебрада Здены 70
- Альбрехт II Габсбург, имп. Священной Римской империи, кор. венг. и чеш. 64, 80
- Альбрехт VI Габсбург, эрцгерцог австр. 67
- Альбрехт (Альберт) Гогенцоллерн Бранденбургский, в. магистр Тевтонского (Прусского) ордена, кн. прусский 139, 140, 160, 262
- Амурат см. Мурад III
- Ангелов Б. Ст. 250
- Андрей Васильевич Большой, кн. углицкий, брат Ивана III 86
- Андрей, кн. Старицкий 172
- Андроник IV Палеолог, имп. виз. 13
- Анна, кн., дочь Владислава II, сестра Людовика II Ягеллоньяка, жена эрцгерцога австр. Фердинанда, будущего имп. Фердинанда I 139—141
- Арборе Лука, молд. боярин, глава группировки крупного молд. боярства 188
- Артамонов В. А. 7
- Арциховский А. В. 185
- Арш Г. Л. 56, 57, 234, 235
- Ахмат (Ахмед), хан Большой орды 62, 63, 75, 79, 86—88, 90, 100
- Ахматовичи, потомки и родственники хана Ахмата (см. также Джанибек, Махмуд, Муртаза, Сейд-Махмет) 75
- Ахмед Кар (Ахмет-паша), второй везир Сулеймана I 211
- Аяз-паша, в. везир Сулеймана II 226
- Бабингер Ф. см. Babinger F.
- Бадоев Джакомо, венец, купец 56
- Базилевич К. В. 78, 79, 82, 83, 100—102, 117, 133, 161
- Базылев Л. 184, 199, 200
- Балаж Мадьяр, венг. военачальник 94
- Балша II, кн. Зеты и Албании 44
- Балшичи, кн. Зеты 44
- Бальтазар, папский нунций в Польше 72. 77
- Балязин В. Н. 160
- Барбара (Борбала) Запольяи, дочь палатина венг. Иштвана Запольяи, сестра Яноша Заполья, первая жена Сигизмунда I Старого 140
- Бартелий Марин, ит. писатель 244
- Басараб I, валаш. господарь 134, 199
- Басараб Лайота, валаш. Господарь 73. 76, 119, 120, 122, 132
- Басараб Цепелюш, валаш. господарь 120, 128
- Батори Иштван (Стефан Баторий), трансильв. магнат, воевода и кн., кор. польск., в. кн. лит. 215, 268
- Батори Иштван, венг. магнат и военачальник 94
- Бахрушин С. В. 270
- Баязид I Ийлдырым (Молниеносный), осм. султан, сын Мурада I 13, 14, 15, 17, 19, 20, 38, 135
- Баязид II, осм. султан 88—90, 95, 103, 112—114, 123, 126, 129, 130, 136, 149, 150, 153, 156, 221
- Баязид, сын Сулеймана I, претендент на султанский трон 214
- Бедреддин, шейх, кадиаскер при Мусе, глава антиосманского восстания 18—20, 23, 104
- Белдичану Н. см. Beldiceanu N.

- Бельские, кн., бояре 172, 173
 Бельский Иван Федорович, кн., боярин 172
 Бельский Семен Федорович, кн., боярин 172, 253, 269
 Бельский Федор, кн., лит. магнат 88
 Бельский Мартин, польск. историк 244
 Беннигсен А. см. Bennigsen A.
 Берза М. см. Verza M.
 Бериндей, претендент на молд. престол 121
 Бериславич, хор. бан, фольклорный герой 239
 Вернадский В. Н. 83
 Богдан III, сын Штефана Великого, молд. господарь 129—131, 135, 190
 Богдан Лэпушняну, молд. господарь, сын Александра Лэпушняну 197
 Бона Сфорца, дочь герцога миланского Джана Галеаццо Сфорца, вторая жена
 Сигизмунда I 127, 134, 165, 167—169, 184, 282
 Бонфини Антонио, ит. гуманист, автор труда по истории Венгрии 116, 117, 282
 Борис Васильевич, кн. волоцкий (волоколамский), брат Ивана III 86
 Бранковичи, сербск. княжеская (деспотская) династия, сербск. феодалы (см. также
 Георгий, Лазар, Максим, Стефан Новый) 44, 46, 229, 239
 Бродарич Степан (Иштван), еп., писатель 240
 Бромлей Ю. В. 57
 Брун Ф. 22
 Бузешть, влиятельная боярская семья в Валахии 199
 Буонакорси (Буонакорзи), прозв. Каллимах, Филиппе, ит. гуманист, ученый,
 историк, писатель, поэт, политический деятель, воспитатель сыновей Казимира IV,
 дипломат и доверенное лицо Казимира IV и Яна Ольбрахта 72, 81, 82, 84, 85, 91, 97,
 98, 100-103, 246, 247, 251
 Бургио Дж. см. Бурджо
 Бурдей Г. Д. 185, 269, 272
 Бурджо Антонио Джованни (Бургио Джовани), кард., папский нунций в Венгрии
 146
 Бушев П. П. 186
 Варшавацкий Кшиштоф, польск. публицист, поэт, историк 247
 Василий II Васильевич (Темный), в. кн. моск. 62
 Василий III Иванович, в. кн. всея Руси 143, 144, 153—155, 157—163, 171, 185, 190,
 242
 Васко да Гама, португальский путешественник 36
 Вацлав, кн. чеш., св. патрон Чехии 70
 Велеславин Адам (Даниэль Адам из Велеславинн), издатель и публицист чеш. 249
 Вельяминов-Зернов В. В. 271
 Вернер Э. см. Werner E.
 Ветранович, Мавро, дубр. поэт 240, 250
 Вильгельм, рижский архиеп., брат прусского герцога Альбрехта 254
 Виноградов В. Н. 57, 235
 Виппер Р. Ю. 270—272
 Висковатый Иван Михайлович, думный дьяк, глава посольского приказа 177
 Вишневецкий Дмитрий, лит.-русск. кн. 254, 258-261
 Влад, валаш. господарь 190
 Влад Винтила, валаш. господарь 195
 Влад Дракула, валаш. господарь 105, 106, 120
 Влад Кэлугэр, сын Влада Дракулы, валаш. господарь 120
 Влад Молодой, брат Раду Великого, валаш. господарь 129
 Влад Цепеш, валаш. господарь 107, 116, 119, 128, 135

- Владимир, кн. Старицкий 266
 Владислав, ставленник Мехмед-бея на валаш. престол 187
 Владислав II, валаш. господарь 106
 Владислав III Варненьчик, кор. польск., венг. (Уласло I), сын Владислава Ягайло 106, 244, 246, 248
 Владислав Габсбург Погробовец, кор. чеш., венгр. (Ласло V), сын Альбрехта II Габсбурга 64, 66
 Владислав Грамматик, писатель южнославянский 237
 Владислав Ягайло, кор. польск. и в. кн. лит. 104
 Владислав II Ягеллон (Ягеллончик), кор. чеш., венг. (Уласло II), сын Казимира IV 70—72, 77, 78, 81, 94, 95, 97—99, 111—113, 115, 117, 124—126, 129, 130, 134, 136, 137—141, 148, 151, 154, 246, 277, 278
 Влайку (Владислав Влайку), валаш. господарь 45, 57
 Войе Н. 58
 Воротынский И. М., князь, перебежчик в Литву 269
 Воротынский М. И., князь, моек. воевода 266
 Вратислав из Митровиц, чеш. писатель-мемуарист 249
 Вроцимовский Мартин, польский дипломат 91
 Габсбурги, династия, правившая в Австрии, Чехии, Венгрии, части Италии, Испании, Нидерландах, ими. «Священной Римской империи» 39, 76, 93—98, 113—115, 117, 125—127, 132, 136-147, 154, 163—167, 169—171, 186, 189—197, 200—203, 205—216, 218, 233, 249, 252-268, 279, 280 (см. также Альбрехт II, Альбрехт IV, Владислав, Елизавета, Карл V, Карл Эрцгерцог, Максимилиан I. Максимилиан II, Мария, Рудольф II, Фердинанд I, Фридрих III, Эрнст)
 Гален Генрих фон, магистр. Ливонского Ордена 254, 256
 Галецкий О. см. Halecki O.
 Гандев Х. 58
 Гарабурда Михаил, польско-лит. дипломат 263
 Гасратян М. А. 41
 Гезик-Ахмед-паша, везир Мехмеда II 74
 Генрих II Валуа, франц. кор. 39, 211
 Генрих VIII Тюдор, кор. английский 126
 Георгий (Джурдже) Бранкович, сербск. деспот (кн.), племянник и наследник Стефана Лазаревича 104—108
 Георгий Новый, св. 221, 222, 234, 235, 237, 238, 250
 Герберштейн Сигизмунд (Зигмунд), барон, имперск. дипломат, путешественник, посол Максимилиана I и Карла V к Василию III, автор трудов по истории России и др. 160, 269
 Гереи (Гирей), династия крымск. и казанск. ханов (см. также Девлет, Ислам, Менгли, Мухаммед, Саедат, Сафа, Сахиб, Хаджи Г.) 74—76, 157, 158, 173-174, 176, 178, 179, 252, 253, 258-266
 Гермияны, правители бейлика в Зап. Анатолии 8, 10
 Геронтий, митр. моск. 101
 Гильдебранд Г. 161
 Гирей см. Гереи
 Глинская Елена Васильевна, в. кн., вторая жена Василия III 171—172
 Глинский Иван Львович, кн. лит., магнат, воевода Киевский, польско-лит. посол в Крыму, брат М. Л. Глинского 88
 Глинский Михаил Львович («Дородный», «Михаил Немец»), кн., лит. магнат, позже на службе у Василия III, дядя Елены Глинской 155, 156, 253
 Голенищев-Кутузов И. Н. 250, 251
 Голобуцкий В. А. 269, 270

- Гонца Г. В. 135
 Горина Л. В. 57
 Горностай Аникей (Оникей), лит. посол в Крыму 169
 Горностай Остафий, посол Сигизмунда I в Крыму 143
 Гослубский, каноник познанский, польский посол в Риме 77
 Греков И. Б. 2, 7, 57, 82, 83, 101, 102, 133, 134, 161, 184, 185, 269, 271, 272
 Григораш Н. см. Grigoras N.
 Гритти Алоизио, венец. авантюрист, советник Сулеймана I, затем Яноша Запольяи 191, 192, 200, 203
 Грозденова Е. 235
 Грушевський М. С. 100, 184
 Дан II, валаш. господарь 104, 105
 Даниил, пророк (библ.) 241
 Данишмендиды, одна из раннетюркских династий 18
 Дантишек Ян, польск. поэт, дипломат, позже еп. хелминский и варминский 247
 Данчу, сын Басараба Цепелюша, претендент на валаш. престол 128
 Дашкевич Остафий, дворянин Сигизмунда I, воевода лит., наместник кричевский 144, 157
 Девлет-Герей (Гирей), крымск. хан 170, 177, 180, 181, 252, 253, 258, 259, 262, 263, 266
 Дели-Хасан, руководитель антиосманского джелалийского восстания в Анатолии, затем санджакбей Боснии 40
 Дербов А. А. 270 Дервиш-Али (Дербыш-Али), ханыч, затем хан астрах. 182
 Деспот Якоб. см. Якоб Гераклидес
 Дечей А. см. Desei A.
 Джан-Али (Ян-Алей), казанск. хан 171
 Джанибек, один из Ахматовичей, хан крымск. 75, 100
 Джем, младш. сын Мехмеда II, брат Баязида II, претендент на султанский трон 112, 117
 Джурджев Б. 235
 Джурджевич (Георгиевич) Бартоломей, хорв. писатель 240, 250
 Джуреску К. см. Giurescu C.
 Дилявский См. 235
 Димитриев В. Д. 186
 Димитров Стр. (С.) 22, 56, 57, 235
 Динеков П. 234, 235, 250
 Динић М. 56
 Длугош Ян, польск. историк 79—83, 100, 116, 117, 244, 261
 Дмитрий Иванович, в. кн., внук Ивана III и Штефана III 153
 Достян И. С. 56, 57, 235
 Драгомир, претендент на валаш. престол 187
 Дука, виз. писатель 116, 261
 Дунаев Б. И. 162
 Дьюрдъев Бр. 234, 235
 Евфимий Тырновский, патр. болг. 237
 Екатерина Ягеллон, жена швед, короля Юхана III 265
 Елена Ивановна, кор. польск., в. кн. лит., дочь Ивана III 96, 102
 Елена Штефановна (Стефановна) Во-лошанка, дочь молд. господаря Штефана III, сноха Ивана III, в. кн. моск. 101, 123
 Елизавета Габсбург, дочь Альбрехта II, жена Казимира IV Ягеллоньчика, сестра Владислава Погробовца 83-65
 Елизавета, кор. английская 266

- Елизавета Ягеллон, дочь Казимира IV 138
 Еремеев Д. Е. 22, 41, 234
 Жигмонд (Сигизмунд Люксембургский), кор. венг., затем наместник Чехии, кор. римский, кор. ит. и имп. 46, 103-105, 115, 262
 Жуков К. А. 22, 23
 Заборовский Л. В. 2, 7
 Загориц Г. см. Zagoritz Gh.
 Загоровский В. П. 272
 Запольяи, магнатский род в Венгрии (см. также Барбара, Иштван, Янош, Жигмонд, Янош 3.) 140, 167
 Запольяи Иштван, венг. магнат 94
 Захарьина Н. С. 7
 Здена, дочь Иржи Подебрада, жена курф. сакс. Альбрехта 70
 Зевакин Е. С. 82
 Зермег Янош, венг. хронист 207
 Зикмунд из Цухова, чеш. поэт (словак по происхождению), переводчик «Космографии» С. Мюнстера 249
 Зимин А. А. 161, 162, 185, 250, 270
 Зосима, митр. моск. 101
 Ибрагим-бей, турецкий дипломат (поляк—потурченец Иоахим Страш) 265
 Ибрагим-паша, в. везир Сулеймана I, командующий осм. силами в Валахии и в битве при Мохаче в 1526 г. 147, 165, 187
 Иван III Васильевич, в. кн. всея Руси 35, 78, 82, 86-89, 92, 93, 95, 96, 98, 100, 102, 111, 113, 117, 123, 148-152, 171, 278
 Иван IV Васильевич Грозный, царь 171—177, 179—183, 185, 243, 252—268
 Иван Иванович Молодой, в. кн. моск., сын Ивана III 88, 101, 123
 Иван Страцимир, царь Видинской Болгарии 46
 Иван Шишман см. Шишман Иван
 Иванов И. 235
 Иванов С. А. 7
 Иванова О. В. 7
 Изабелла Ягеллон, дочь Сигизмунда I Старого, жена Яьюша Запольяи, кор. венг. 166—168, 204, 205, 210, 212, 213, 254
 Илиаш, сын Петра Рареша, молд. господарь, затем паша Силистрии 194, 196
 Ильханы см. Хулагиды
 Иннокентий VII, папа 90, 93, 112, 246
 Иоан Деспот см. Якоб Гераклидес
 Иоанн II см. Янош Жигмонд
 Иоанн Евгении, виз. ритор, законовед 241, 250
 Иоанн VI Кантакузин, виз. имп. 43, 56
 Иоанн Рыльский, св. 237
 Иоасаф, митр. моск. 172, 173
 Иоасаф Видинский, болг. писатель 237
 Иоахим Бранденбургский см. Иоахим II Гогенцоллерн
 Иоахим II Гогенцоллерн, маркграф, курф. бранденбургский, глава антиосманской армии 195, 205
 Ион Вода, молд. господарь, руководитель антиосманского движения 196, 198
 Иона, еп. рязанский, затем митр. моск. 241
 Иорга Н. см. Iorga N.
 Иржи Подебрад (Иржи из Подебрад), кор. чешск. 66—71, 81, 121, 274
 Исаак (Исайя), кн. мангупский (Исайка русск. источников) 75
 Исайя, монах 237

- Ислам-Герей (Гирей), претендент на крымск. престол 159
 Исмаил (Измаил), шейх ардебильский (азербайджанский), затем шахиншах Ирана (Исмаил I Сефевид) 37, 38, 126
 Йемаил (Измаил), брат и соперник Юсуфа, мурза, затем хан ногайск. 178—180
 Исфендияр-оглу, анатолийский бей 20
 Иштван (Стефан) I, св. 140, 166
 Йован Ненада см. Йован Черный
 Йован (Йован) Черный (Ненада), вождь антиосманского крестьянского восстания, серб по происхождению 207, 226
 Казакова Н. А. 101, 160, 250
 Казимир IV Ягеллончик, в. кн. лит., затем и кор. польск. 60—72, 76, 78, 79, 81, 82, 84—87, 89, 94, 96, 100, 102, 110—113, 120—124, 246
 Казимир, младш. Ягеллончик, сын Казимира IV, претендент на венг. престол 81, 111
 Калиганов И. И. 235
 Каликст III, папа 66, 107
 Каллимах см. Буонакорси
 Кальди-Надь Дьюла см. Kaldy-Nagy Gy.
 Кампеджо (Кампеджио) Лоренцо де, кард. 146
 Капистрано Джованни да (Капистран Ян, Янош), инквизитор-францисканец, организатор антиосманского похода 107
 Кара Языджи, руководитель антиосманского джелялийского восстания в Анатолии, затем санджакбей Чорума 40
 Караманы, правители бейлика в горных районах Зап. Киликии 8, 13, 21, 35, 36
 Карамзин Н. М. 272
 Караосманоглу, влиятельный род мусульман-феодалов в Боснии 219
 Карачаров Митрофан Федорович, посол Ивана III и Италию (в Венецию и др.) 152
 Карвайял Джованни, папский легат в Венгрии, кард. 107
 Каргалов В. В. 162
 Карион Иоанн, нем. хронист 249
 Карл V см. Карл Габсбург, внук Максимилиана I
 Карл Габсбург, внук Максимилиана I, эрцгерцог, затем кор. испанск. (Карлос I), позже имп. Священной Римской империи (Карл V) 113, 114, 132, 139, 140, 142, 143, 145, 146, 164, 166, 188, 191, 200, 202—206, 211, 212
 Карл Габсбург, эрцгерцог Штирии, Каринтии, Крайны (Карл Штирийский), младш. сын Фердинанда I, 208, 216
 Карл VIII Валуа, кор. франц. 112
 Кариафутич Брно, хорв. писатель и поэт, участник битв с османами 240, 250
 Карнковский Ян, секретарь королевский, еп. вроцлавский, доверенный чел. Сигизмунда I и кор. Боны, польск. посол при дворе Людовика II Ягеллончика 147
 Карпов Г. Ф. 161
 Карпов С. П. 56
 Касим, паша Буды 210
 Кастальдо Джанбаттиста, граф, генерал, военачальник императорской армии в Трансильванском княжестве 196, 197, 210, 217
 Качановский В. В. 250
 Кашанин М. 250
 Кашпровский Е. И. 161, 162
 Кемаль (Терлак Кемаль), ученик шейха Бедреддина 19
 Кемаль-паша-заде, муфтий осм. 25
 Кёпрюлю М. Ф. 22

- Кжицкий (Кшицкий) Анджей, польск. поэт, секретарь кор. Барбары Запольяи, посол Сигизмунда I при дворе Людовика II Ягеллончика, позже еп., архиеп. грозненский, примас Польши 147
- Климент VII, папа 147, 165
- Климент VIII, папа 248
- Коланковский Л. см. Kolankowski L.
- Колле Ф. де, посол Максимилиана I к Василию III 160
- Комнины, правящая династия в Трапезундской империи 75
- Константин Михайлович из Островицы, сербск. писатель 245, 246, 250
- Константин Философ, сербск. историк и грамматик 237
- Контарини Амвросий (Амброджо), посол венец. к Узун Хасану, вел также переговоры в Москве и Польше, автор описания своих поездок 84
- Корвин см. Матьяш I Хуньяди
- Корольюк В. Д. 184, 270—272
- Котроманичи, династия боен, банов 44
- Кохановский Ян, польск. поэт 248, 251
- Кристиан II, кор. дат. 126
- Крузе Э. 266, 272
- Крупский Георгий (Ежи), каштелян львовский, воевода белзский, польск. дипломат, посол Сигизмунда I в Османской империи 131
- Куев К. 234, 235
- Кузнецов А. Б. 162
- Кузьминский, русский дипломат 268
- Кунцевич Г. З. 186
- Курбатов Г. Л. 57
- Курбский Андрей Михайлович, кн., боярин, воевода, публицист 181, 185, 260
- Курицын Федор, дьяк, русск. политич. деятель и дипломат, посол Ивана III к Матьяшу I и Штефану III, один из руководителей московско-новгородской ереси 89, 100, 101
- Кучак (Кошак), правитель (наместник) Казанского ханства 177
- Кучук-Мухаммед, хан одного из ордынских улусов на Волге 62
- Кушева Е. Н. 185, 269—272
- Кшиштов Д., польск. писатель 247, 248
- Кымпина Б. см. Cimpina B.
- Кыржэ Лука, молд. посол к Сигизмунду I 188
- Кятиб Челеби, осм. ученый 40
- Лазар Бранкович, сын Георгия Бранковича, деспот (кн.) сербск. 108
- Лазарь Хребелянович, сербск. кн. 44, 46
- Лайош I Великий, кор. венг. 45, 46, 56
- Лайош II см. Людовик II Ягеллончик Лала Шахин, бывш. воспитатель Мурада I, первый правитель бейлербейлика Румели 14
- Лаппо И. И. 271
- Лаский Иероним, воевода серадзский, дипломат польск., посол в Османской империи, посредник в переговорах между Яношем Запольяи и Портой, Англией 164, 165, 184, 202
- Лаский Ян, архиеп. гнезненский, примас Польши, канцлер в. коронный 166
- Лацку, молд. господарь 45
- Лев X (Леон X), папа 114, 126, 127, 131, 134, 142, 143
- Лев Премудрый (Лев VI Мудрый), виз. имп., писатель 242
- Лемерсье-Келькеже см. Lemercier-Quelquejau Ch.
- Леон X см. Лев X Леонид, архимандрит 250
- Лже (Дюзме) Мустафа 20

- Лимонов Ю. А. 7
 Литаврин Г. Г. 2, 7
 Лобкович Богуслав, чеш. поэт 249
 Лошонци, посол Владислава II к Яну Ольбрахту 98 (Ласончи польск. источников)
 Лошонци Иштван, венг. военачальник 210
 Лукач Д. 234
 Лурье Я. С. 101
 Лэпушняну см. Александр Лэпушняну
 Любавский М. К. 79, 184, 185
 Любельчик Ян (Ян из Люблина, Люблинский), польск. органист, музыковед 247
 Людмила, дочь Иржи Подебрада 70
 Людовик, курф. баварский 67, 70
 Людовик XI Валуа, кор. франц. 109
 Людовик XII Валуа, кор. франц. 114, 126, 138
 Людовик II Ягеллончик (Лайош II), кор. чеш. и венг., сын Владислава II Ягеллончика, племянник Сигизмунда I 129, 139—143, 145-148, 163, 187—189, 249
 Лютер Мартин 255
 Лянцкоронский (Ланцкороньский) Николай (Миколай), чашник сандомирский, бурграф краковский, посол Яна Ольбрахта ко двору Баязида II 149
 Лятский И. В. 269
 Магнус, брат датского короля Фридриха, «король» Ливонии 266
 Макарий, архиеп. новгородский, позже митр. моск. 174—176
 Макиавелли (Макьявелли) Никколо, ит. политический мыслитель и писатель 247
 Максим (Георгий Бранкович), сын сербск. деспота (кн.) Стефана Бранковича, деспот в Среме, позже архиеп. 239
 Максим Грек, публицист, писатель, переводчик 162, 242, 250
 Максимилиан I Габсбург, сын Фридриха III, кор. римский, затем имп. Священной Римской империи 78, 80, 94-96, 102, 110, 114, 115, 118, 124, 126, 127, 132, 134, 136, 138—143, 159
 Максимилиан I, кор. чеш. и венг, см. Максимилиан II
 Максимилиан II Габсбург, кор. чеш. и венг. (Максимилиан I), имп. Священной Римской империи (Максимилиан II), сын Фердинанда I 201, 208, 211, 213—215, 263, 264
 Малинин В. Н. 250
 Малиновский А. В. 80, 162
 Малкоч-огуллары, беи, знатный осм. род 25
 Мамак см. Эминек (предположительно) Мануил II Палеолог, виз. имп. 19
 Манчев К. 22, 56, 57, 235
 Маринов В. 41
 Мария Владимировна Старицкая, кн., жена Магнуса 266
 Мария Габсбург, внучка Максимилиана I, жена Людовика II Ягеллончика, кор. венг. и чеш. 126, 147
 Мария Темрюковна, одна из жен Грозного 261
 Марко королевич, сын сербск. кор. Вукашина Мрнявчевича 238
 Марков Г. Е. 23
 Маркова З. 58
 Маркс К. 270.
 Мартинуци (Утешенович) Дьердь, опекун Япоша Жигмонда, наместник трансильванского княжества 204, 205, 210, 211
 Мартышко Угрин, прибыл в Москву из Буды вместе с Ф. Курицыным, один из видных деятелей московско-новгородской ереси 89, 101
 Марулич Марко, хорв. писатель 239
 Масса И. 272

- Матей (Матфей) Грамматик, в. ламбадарий софийской митрополии, болг, писатель 221, 222, 237, 238
- Матьяш I Хуньяди (Корвин), венг. кор. 66, 67, 70—73, 76—78, 80—83, 85, 88, 89, 92-95, 101, 102, 108-113, 116—118, 120, 121, 123, 124, 247, 278
- Махмуд, хан Большой орды, соправитель Ахмата 79
- Махмуд-паша, в. везир Мехмеда II 108
- Медведев И. П. 57
- Мейер М. С. 40, 58 Мельников Г. П. 7, 117, 210
- Менгли-Герей (Гирей), крымск. хан 63, 74—76, 79, 87, 88, 90, 95, 99, 130, 148—153, 155—157
- Мефодий, еп. патарский (Мефодий Патарский) 241
- Мехмед I, осм. султан, третий сын Баязида I, 17, 19, 20, 21, 103
- Мехмед II Завоеватель (Фатах), осм. султан 3, 21, 22, 24, 25, 27, 31, 35, 36, 40, 44, 52, 72—76, 80—82, 85, 100, 107, 108, 112, 116, 119, 120—123, 133, 135, 243, 273, 274
- Мехмед, младш. сын Мехмеда II Завоевателя, зять Менгли-Гирея, осм. представитель в Каффе 100
- Мехмед, паша белгородский 202
- Мехмед-бей, паша никопольский, руководитель похода осм. войск в Валахию 128, 129, 187
- Мехмед М. см. Mehmet M.
- Меховский Матвей (Мацей из Мехова, Мацей Карпига, Меховит), польск. ученый и педагог, автор ряда сочинений по географии, истории, медицине 244, 250
- Мещерский Н. А. 250
- Миллер А. Ф. 56, 57
- Мирковић М. 58, 235
- Мирча, сын Михни Жестокого, валаш. господарь 129
- Мирча Старый, валаш. господарь 17, 20, 104, 119, 135
- Мирчу Чобану, сын Раду Великого, валаш. господарь 195, 196
- Михаил VIII Палеолог, имп. виз. 10
- Михайлушка, сын в. кн. лит. Сигизмунда Кейстутовича 62
- Михал-оглы, влиятельный род в Османской империи, бейлербей при Мусе 17, 18, 19
- Михалон (Михаил) Литвин (псевдоним), автор трактата «О нравах татар, литовцев и московитов» 184
- Михня Жестокий, валаш. господарь, сын Влада Цепеша 128, 129
- Михня Турчитул, валаш. господарь, затем управитель Никопольского санджака 199
- Моисей, валаш. господарь 189
- Мориц, сакс. курф., глава протестантских князей Германии, боровшихся с Карлом V 211
- Моро Кристофоро, венец. дож 109
- Мохов Н. А. 78, 80
- Мрнявчевичи (братья Вукашиы и Углеша), правители (кор. и деспот соотв.) Сербского царства 47
- Мунехин Мисюръ (Михаил Григорьевич), псковский дьяк, путешественник на Востоке 242
- Мурад I, второй сын Орхана, осм. бей 12—16
- Мурад II, осм. султан, сын Мехмеда I 20, 21, 31, 105, 107
- Мурад III, сын Селима II, султан осм. 214, 215, 216, 244
- Муртаза (Муртоза), сын Ахмата, хан Большой Орды 90, 91
- Муса, сын Баязида I, осм. султан 17 — 19
- Мустафа Берклюдже, ученик шейха Бедреддина 19, 23
- Мутафчиева В. П. см. также Mutafcieva V. P. 26, 40

- Мухаммед-Герей (Гирей), соправитель Менгли-Герей (калга), затем хан крымск. 141, 143, 144, 157, 158, 253
- Мухаммед-Эмин, казанск. хан 96, 152, 153, 157
- Мюнстер Себастьян, нем. ученый 249
- Мычельский Петр, польск. писатель-публицист 248
- Нагой Афанасий Федорович, боярин, посол в Крыму 261, 263, 267
- Нагой Григорий Иванович, посол в Польше 263
- Наумов Е. П. 7, 57, 58, 235
- Наякшин К. Я. 186
- Некрасов А. М. 3, 162, 272
- Неманичи, потомки сербск. в. жупана Стефана Немани, династия сербск. кор. и царей (см. также Стефан и Стефан Душан 225
- Неринг К. см. № Ъгт8 К.
- Нестор Искандер (Александр), русск. писатель, автор «Повести о Царь-граде» 241, 243, 250
- Никитин Афанасий, тверской купец, путешественник и писатель 35, 41
- Никола (Николай) Новый, св. 221, 222, 238
- Николае-Александр, валаш. господарь 45
- Николай V, папа 107
- Новаковић С. 250
- Новичев А. Д. 22, 23, 57, 58, 234
- Новосельский А. А. 269—272
- Новосельцев Лукьян, русский дипломат 267, 268
- Нягое Басараб, валаш. господарь 129, 130, 135, 186, 188
- Одровонж Станислав, посол Сигизмунда I к Сулейману I 147
- Ожеховский (Оржеховский) Станислав, польск. политич. писатель-публицист 247
- Олелькович Михаил, кн., двоюродный брат Ивана III 87
- Олельковичи, киевские кн. 62
- Олесницкий Збигнев (младший) 85
- Ольшанский Иван, кн. 87
- Опалиньский Петр, каштелян гнезненский, посол Сигизмунда I к Сулейману I 167, 168
- Орешкова С. Ф. 2, 7, 41, 58
- Орхан, сын Османа, глава бейлика 10—12, 15, 22, 34
- Осман, сын Эртогрула, сельджукский уджбей, затем глава бейлика в сев.-зап. Анатолии 10—12
- Османы, правители бейлика (княжества) в сев.-зап. Анатолии, позже династия турецких султанов (см. также Алаэддин, Баязид I, Баязид II, Баязид, Джем, Мехмед I, Мехмед II, Мехмед, младший сын, Мурад I, Мурад II, Мурад III, Муса, Орхан, Осман, Селим I, Селим II, Сулейман, сын Орхана, Сулейман, сын Баязида I, Сулейман I, Халил) 9—25, 27, 30, 31, 34—40, 158, 202, 216, 218
- Острожские, кн. 254, 268
- Острожский Константин, кн., гетман лит. 148, 164
- Оцеский Ян, посол Сигизмунда I при дворе Сулеймана I 168
- Ощерин, посол Ивана III к Менгли-Герейю 152
- Павел II, папа 68, 70, 109
- Павел, еп. смедеревский, затем глава сербск. церкви, архиеп., патр. 222, 223
- Палеологи, династия виз. имп. и их потомки (см. также Андроник IV, Мануил II, Михаил VIII, София) 56
- Папе Ф. см. Рарее F.
- Папроцкий Барташ (Варфоломей), польск. историк, поэт, публицист, специалист по геральдике 247, 248

- Параскева-Петка (Параскева Пятница), св. 237
 Пашкович, посол Казимира IV ко двору Менгли-Герее 90
 Пейо, свящ., болг. писатель 221, 222, 237, 238
 Пенчко Н. А. 82
 Пересветов Иван Семенович, русск. писатель и публицист 175, 181, 242, 243, 250
 Петканова Д. 234, 235
 Петр, брат Штефэницы 131
 Петр II, молд. господарь 106
 Петр Арон, молд. господарь 65, 107, 120, 121
 Петр Молодой, сын Мирчи Чобану, валаш. господарь 196
 Петр Рареш, молд. господарь 189—192, 194—196, 200, 203
 Петр Хромой, молд. господарь 198
 Петр Хронот, соперник Штефана III, претендент на молд. престол 123
 Петр Черчел, валаш. господарь 199
 Петрашку Добрый, сын Раду Паисия, валаш. господарь 196
 Петрович Петер, юзкновенг. магнат, военачальник 212, 213
 Петросян Ю. А. 41
 Петрушевский И. П. 37, 42
 Пий II, папа 66, 108, 109
 Подградская Е. М. 78
 Подкова Иван (Иоан), руководитель отрядов запорожских казаков, глава народного антиосманского движения в Молдавском княжестве, молд. господарь 198
 Полиевктов М. А. 186
 Попови Д. 234, 235
 Попович П. 250
 Поппель Николаус (Николай), ими. дипломат, посол Фридриха III к Ивану III 102
 Пресняков А. Е. 100
 Пржелоучский Томаш (Тума), чеш. историк и публицист 249
 Прохор, архиеп. охридский 223
 Путятич Дмитрий, киевский воевода, лит. посол в Крыму 148
 Пшилуский Якуб, польск. писатель-публицист и юрист 247
 Пясты, династия кн. и кор. польских, кн. куявских, мазовецких, силезских и др. 160
 Раду Афумац, валаш. господарь 187—189, 195, 199
 Раду Великий, валаш. господарь 128, 129, 195
 Раду Илие, валаш. господарь 195, 196
 Раду Красивый, брат Влада Цепеша, валаш. господарь 71, 119
 Раду II Празноглав, валаш. господарь 104, 105
 Раду Паисий, валаш. господарь 195, 196
 Разумовская Л. В. 78
 Ралев Дмитрий Иванович, грек на службе у Ивана III, глава русск. посольств в Зап. Европу, в т. ч. в Италию (в Венецию и пр.) 152
 Ржевский М. И., дьяк, воевода 259, 260
 Рогендорф Вильгельм, командующий армией Фердинанда I в Венгрии 203
 Рогов А. И. 250
 Розов Н. Н. 57
 Роксанда, дочь Нягое Басараба 188
 Рудольф I, кор. венг. и чеш., см. Рудольф II
 Рудольф II Габсбург, кор. венг. и чеш. (Рудольф I), имп. Священной Римской империи (Рудольф II), сын Максимилиана II 201, 216, 248
 Рыбаков Б. А. 269

- Рюриковичи, русск. княжеская династия (см. также Андрей Васильевич, Андрей, кн. Старицкий, Борис Васильевич, Василий II, Василий III, Дмитрий Иванович, Елена Ивановна, Иван III, Иван IV, Иван Иванович) 76
- Рюссов Бальтазар, ливонский хронист 268
- Савва В. И. 185
- Садиков П. А. 272
- Саедат-Герей (Гирей), крымск. хан 158, 159, 171
- Салкаи Ласло, примас Венгрии 147
- Сальм Николаус, начальник венского гарнизона во время первого похода Сулеймана I на Вену 203
- Сантай Сигизмунд, венг. дипломат, посол Владислава II Ягеллона и папы Александра VI к Ивану III 151
- Сафа-Герей (Гирей), хан казанск., племянник Сахиб-Герейя 171, 173, 174, 177
- Сафаргалиев М. Г., 79, 82, 186
- Сахиб-Герей (Гирей), Сагиб Гирей, хан казанск., позже крымск., дядя Сафа-Герейя, брат Мухаммеда-Герейя, 144, 157—159, 168—171
- Сванидзе М. X. 41
- Сверчевский Иван, запорожский гетман 198
- Свинка Адам, королевский нотариус 244
- Сейд-Ахмет, хан Большой Орды 62
- Сейд-Махмед, сын Ахмата, хан Большой Орды 90, 91
- Селим I, осм. султан, сын Баязида II 37, 38, 40, 113, 126, 130, 131, 135, 141, 156, 221
- Селим II, сын Сулеймана I, осм. султан 82, 198, 214, 215, 221, 264—268
- Сельджукиды, династия тюркских, огузо-туркменских султанов, правивших в державе «Великих Сельджукидов» 8, 9, 10
- Семенов Л. С. 41
- Семенова Л. Е. 2, 7, 102, 103, 132, 134
- Сенкевич И. Г. 56, 234, 235
- Сердонати Франческо, дубр. ученый 241
- Серебряный-Оболенский П. С., кн., воевода 266
- Сериков Н. И. 7
- Сефевиды, династия иранск. (персидск.) шахов (см. также Исмаил I, Тахмасп I) 37, 38, 42
- Сигизмунд Люксембургский см. Жигмонд
- Сигизмунд I Старый, кор. польск., в. кн. лит., сын Казимира IV, брат Яна Ольбрахта, Владислава II Ягеллона и Александра Ягеллончика 102, 115, 124, 126, 127, 130, 131, 137, 139, 140—147, 154—158, 161—166, 168—172, 184, 188, 190
- Сигизмунд II Август, сын Сигизмунда I Старого, наследник польск. престола, в. кн. лит., кор. польск. 166—170, 185, 252—268
- Сикст IV, папа 71, 77, 109, 112
- Синан-паша, в. везир Мурада III, представитель исламизированной при Сулеймане I семьи в Албании, занимавшей видные посты в осм. администрации 216, 219
- Синицина Н. В. 250
- Сказкин С. Д. 184
- Скандербег (Георгий Кастриот, Кастриоти), руководитель антиосманского восстания в Албании 44, 57, 106, 244, 250
- Скиндер (Искандер), кн. мангупский, посол Сулеймана I ко двору Василия III 159
- Скржинская Е. Ч. 56
- Скрипиль М. О. 250
- Скрынников Р. Г. 270, 271
- Смирнов В. Д. 79, 82, 101, 160, 162, 272
- Смирнов И. И. 161, 162, 185

- Смирнов П. А. 162, 272
Смирнова Н. Д. 56, 234, 235
Советов П. В. 132, 133
Соколлу Мехмед (Мехмед-паша), представитель рода Соколовичей, румелийский бейлербей, затем в. везир Сулеймана I, Селима II, Мурада III 211, 223
Соколов Н. П. 56
Соколович Ерофей, патр. печек, (сербск.) 224
Соколович Макарий, брат Мехмеда Соколлу, патр. печск. (сербск.) 223
Соколович Мехмед см. Соколлу Мехмед
Соколовичи Антоний, Герасим, Савватий, племянники Макария Соколовича, патр. печек, (сербск.) 223
Соколовичи, влиятельный род в Боснии, родственники Мехмеда Соколлу 219, 224
Соловьев С. М., 162, 185, 186, 270, 271
София (Зоя) Палеолог, принцесса виз., дочь деспота Морей Фомы Палеолога, вторая жена Ивана III 153
Сперанский М. Н. 241, 250
Старицкие, кн., см. Андрей, Владимир Старицкие
Стахонь Б. см. Stachon B.
Стефан I св. см. Иштван I св.
Стефан Дабиш, босн. кор., преемник Твртко I 46
Стефан Душан (Стефан Урош IV), кор., позже царь сербск. 41, 43, 44, 47, 49
Стефан Лазаревич, кн., позже деспот сербск., сын Лазаря Хребеляновича 13, 44, 46, 104, 105, 115, 237
Стефан Молдавский см. Штефан III Великий
Стефан Новый, канонизированный сербск. деспот (кн.) Стефан Бранкович 239
Стефан Остойя, воен. кор. 104
Стефан Томаш (Томашевич), воен. кор. 106, 108
Стојановић Л., 235, 250
Стрежовский Н., посол Яна Ольбрахта при дворе Баязида II 98
Стрыйковский Матвей (Мацей), польск. историк и поэт 79, 244, 245, 250, 272
Сулейман, сын Баязида I, султан осм. 17, 19
Сулейман, сын Орхана, осм. бей 12
Сулейман I Законодатель (Кануни), в европейской литературе Сулейман Великолепный (иногда Сулейман II), султан осм., преемник Селима I 27, 30, 38—40, 82, 113—115, 117, 144—146, 158, 164—168, 171, 172, 187, 188, 190—192, 200—206, 210—212, 214, 221, 226, 238, 239, 248, 252—255
Супеска А. 234
Сыроечковский В. Н. 185
Сююн-Бике, дочь Юсуфа, ханша, вдова казанск. хана 178, 179
Таллоци Янош, венг. военачальник 105
Тарновский Ян, гетман в. коронный 169
Таубе, ливонский дворянин, опричник 266, 267
Тахмасп I Сефевид, персидск. шах, преемник Исмаила I 211
Тверитинова А. С. 22, 23, 40, 41, 58, 234
Твртко I, бан, позже кор. босн. 44, 46
Твртко II, кор. босн. 105
Тенчиньский Андрей (Анджей) 168
Тенчиньский Ян, посол Сигизмунда I при дворе Сулеймана I 165
Тимур (Гамерлан), Темир-Кутлук, среднеазиатский гос. деятель, полководец, эмир 9, 13, 16, 17, 35
Тиффен Иоганн фон, в. магистр Ордена крестоносцев (Тевтонского) 98
Тихомиров М. Н., 42, 185, 186

- Тодоров Н. 33, 41, 58, 220, 234
Тодорова М. 234
Транквил Фраи, хорв. писатель 239, 240
Траханиот Юрий, посол Ивана III к Фридриху III и Максимилиану I 102
Тревизан (Тревизани) Жан Баттиста (Дзуан Баттиста, Я. Б.), секретарь венец, сената, посол к хану Ахмату, вел также переговоры в Польше 84
Тричковић Р. 234
Трухцесс Мартин, в. магистр Ордена крестоносцев (Тевтонского) 71, 72, 78, 81
Туберон см. Туберо
Туберо (Цервко) Людовик, свящ. из Дубровника, автор труда по истории Венгрии 240, 241
Тунген Николай, еп. Вармии 71, 78
Тургенев Петр Дмитриевич, сын боярский, русск. посол в Ногайской орде 178, 180, 182
Турн Георг фон, имперский дипломат, посол Фридриха III к Ивану III 102
Туроци Янош, венг. хронист 103, 104
Тышкевич (Тишкович) Михаил, лит. посол в Крыму, великокняжеский дворянин, боярин 169
Тышкевич Ежи, лит. посол в Крыму 253, 263
Удальцова З. В. 56
Узун-Хасан (Узун-Хасан, букв. Длинный Хасан, имя Хасан-бек), султан гос-ва Ак-Коюнлу 35, 41, 73, 81, 111, 119
Уласло I см. Владислав III Варненчик
Уласло II см. Владислав Ягеллон
Улу (Улуг)-Мухаммед, хан Волжской
Уляницкий В. А. 80, 100, 102, 132, 160
Умный-Колычев Ф. И., моск. боярин, дипломат 263
Феодосии, валаш. господарь, сын Нягое Басараба 187
Фердинанд I Габсбург, внук Максимилиана I, младший брат Карла V, эрцгерцог Австрии, Штирии, Каринтии, Крайны, затем кор. чеш., венг., римский, позже имп Священной Римской империи 114, 139, 140, 164—167, 169, 189-192, 190, 197, 201—213, 216, 217, 261
Фердинанд III (Фердинанд II Арагонский, Фердинанд Католик), кор. Арагона, Сицилии (Ф. И), Кастилии (ф. V), с 1504 г. ее регент, кор. неаполитанский (Ф. III) 114
Фердинанд VIII, кор. неаполитанский союзник Матьяша I, 73, 82, 112
Фехнер М. В. 185, 186
Филипович Н. 58, 235
Филипп Буонакорси Каллимах см. Буонакорси
Филипп VI Валуа, кор. франц. 9
Филофей, старец псковского Елеазарова монастыря, писатель 242, 250
Филофея, св. 237
Флетчер Д.
Флоря Б. Н. 185, 201, 251, 270
Фирлей Н., польск. посол в Османской империи 91, 149
Фируз Оглу (Фирузбегович), осм. военачальник 107
Форстен Г. В. 271, 272
Франкопан Вук, граф (Франгепан), хорв. писатель 240
Франциск I Валуа, франц. кор. 39, 113, 117, 127, 132, 134, 142, 145, 146, 188, 202, 205
Фридрих II, кор. Дании 261

- Фридрих III Габсбург, имп. Священной Римской империи (Ф. V, герцог, затем эрцгерцог австр., Ф. IV, кор. римский, Ф. III, имп.) 63, 67, 70, 72, 77, 78, 80—82, 85, 88, 89, 94, 101, 108—112, 121
- Фридрих, кн. сакс., в. магистр Ордена крестоносцев (Тевтонского) 138, 139, 160
- Фюрстенберг, магистр Ливонского Ордена 256
- Хабарданец Янош, посол Фердинанда I к Сулейману I 202
- Хаджи-Герей (Гирей), хан крымск. 62, 63, 79
- Хаджи Сулейман-паша, бейлербей румелийский 121
- Халил, сын Орхана, брат Мурада I 12
- Ханджич А. 235 Хасан, паша босн. 216
- Хвостова К. В. 58
- Ходкевич, Ежи, польск. дипломат 263
- Ходкевич Иван, воевода киевский 88
- Хорошкевич А. Л. 101, 117, 133, 134, 160
- Худяков М. Т. 185
- Хулагиды (Ильханы), династия монгольских ханов 8, 10, 22
- Хуньяди, род венг. магнатов и кор. (см. также Матьяш I, Янош Х.) 76, 78, 93, 261
- Хуссейн, астрах. хан 158
- Хюсейн, осм. хронист 22
- Хюсейн Хазарфен, осм. хронист 40
- Цамблак Григорий, митр, киевский, писатель 237
- Цветкова Б. А. 56—58
- Церва-Туберон см. Туберо
- Церетели Е. 102
- Цибак Имре, еп. надьварадский, военачальник Яноша Запольяи 203, 207
- Чандарлы, знатный род в Османской империи 17, 20, 25
- Чандарлы Халил Хайреддин-паша, первый везир Османов (при Мураде I) 15
- Чезарини Джулио, кард., папский легат в Венгрии 106
- Черепнин Л. В. 78
- Чингизиды, родственники и потомки Чингисхана 75
- Чингисхан, в. хан Монгольской империи 75
- Чистякова Н. А. 57
- Чубрилович В. 235
- Шамсутдинов А. М. 22, 23
- Шах-Али (Шигалей), царевич касимовский, позже хан казанск. 157, 174, 177—180, 257
- Шенберг (Шонберг) Николай, посол папы Льва X 142
- Шереметев Иван Васильевич Большой, кн., боярин 177
- Шехабеддин, бейлербей румелийский, командующий европейскими войсками османов 105, 106
- Шижгорич Юрай, хорв. поэт 239
- Шильберг Иоганн (Шильдбергер Иоганн фон), автор воспоминаний 22
- Шимон из Сланого, чеш. гуманист и историк 249
- Ширины, мурзы, влиятельный род в Крыму 74, 75, 79
- Шитиков М. М. 56
- Ших Ахмат, хан Большой Орды 148—152, 154
- Шишман Иван, болг. царь 13
- Шишман III, болг. царь 227
- Шмидт С. О. 7, 185, 186
- Шоу С. см. Shaw S.
- Штаден Генрих, немец-опричник 272
- Штефан II, молд. господарь 106

- Штефан III Великий, молд. господарь 66, 71, 73, 76, 78, 79, 81, 88, 92, 95, 97, 99, 101, 102, 110—112, 116, 117, 119-125, 129, 132-135, 151, 153
- Штефан Лэкуста, молд. господарь 192-194
- Штефан Рареш, сын Петра Рареша, молд. господарь 196
- Штефан Томша, молд. господарь 197
- Штефэница, молд. господарь 130—132, 187—189, 199
- Шуйские, кн., бояре 172
- Шушарин В. П. 7
- Щелкалов В. Я. 263
- Эвлия Челеби, осм. военачальник, полит, деятель, путешественник и писатель 83, 161
- Эвренос, знатный род в Османской империи (Эвренос-огуллары) 20, 25
- Эминек мурза (мирза), глава Ширинов 74, 79, 122, 133
- Эрик XIV, кор. Швеции 264
- Эрнст Габсбург, эрцгерцог, второй сын Максимилиана II, наместник в Венгрии 208, 216
- Эртогрул, предводитель группы кочевников из племени кайя (кайя), владелец сельджукского пограничного уджа в сев.-зап. Анатолии 9
- Эфендиев О. А. 42
- Юлий II, папа 126, 138, 139, 151
- Юргинис Ю. М. 184
- Юсуф, мурза, затем хан ногайск. 178—181
- Юхан III, кор. Швеции 265
- Ягеллоны, династия кор. польск. и в. кн. лит. 5, 60, 63—67, 69—73, 76, 78—81, 83, 84, 89, 90, 92—96, 99—102, 117, 123—125, 132, 136—142, 144, 146, 147, 154, 156, 157, 159-164, 166, 184, 185, 247, 252-265, 278—280 (см. также Александр, Анна, Владислав III, Влади-слчв Ягайло, Владислав II, Елизавета, Казимир младший, Изабелла, Казимир IV, Людовик II, Сигиз-мунд I, Екатерина, Сигизмунд II, Ян Ольбрахт)
- Ядигар, астрах, ханыч, затем хан ка-занск. 180, 181
- Якоб Гераклидес Базилик, прозв. Деспот (Иоанн Деспот), грек при дворе Александра Лэпушняну, затем молд. господарь 197, 201
- Якшичи, сербск. феодалы 229, 238
- Ян из Рабштейна, чеш. полит, писатель-публицист 249
- Ян Ольбрахт, кор. польск., сын Казимира IV 93, 94, 96—99, 102, 103, 124, 125, 134, 137, 138, 149, 160, 246
- Яницкий Клеменс, польск. поэт 247, 251
- Янош Жигмонд, кор. венг., затем кн. трансильв., сын Яноша Запольяи 167, 192, 194—197, 204, 205, 210, 212—215, 254, 255, 264
- Янош Запольяи, магнат и воевода трансильв., позже кор. венг. 140, 141, 147, 164—168, 171, 187, 189—192, 199, 201—204, 207, 213, 214
- Янош Хуньяди, венг. магнат, правитель Венгрии 104—108, 115—118, 238
- Aldasy A. 262
- Alien W. 272
- Altmann W. 262
- Ambruster A. 201
- Antalfy A. 133
- Asik-pasa zade, осм. хронист 22, 23
- Babinger F. 80, 81, 82, 116, 132, 134
- Bachmann A. 81
- Balard G. P. 56
- Balbi M. 56
- Balic S. 234

- Banlaky J. 116
 Baranowski B. 251
 Barkan O. L. 40, 41
 Barta G. 116, 216, 217
 Bayer W. 262
 Bel M. 261
 Beldiceanu N. N. 22, 133
 Beldiceanu-Steiner J. 22
 Benda K. 262
 Bennigsen A. 162
 Bertrandon de la Broquiere 41
 Berza M. 133, 134, 200, 201
 Berzeviczy E. 117
 Boda M. 117
 Bogdan J. 132, 134, 261
 Bonfinis Antonius de (Bonf), см. Бонфини Антонио, ит. гуманист
 Borsa G. 117 Bozic D. 250
 Bozic J. 116, 118, 119, 217 Boyle J. A. 22 Вуџак F. 251
 Chalocondil Laonic (Николай) (Chalc), виз. писатель и полит, деятель 132, 261
 Charewiczowa L. 78
 Charriere E. 216
 Chrysostomides J. 56
 Cimpina B. 132, 133, 134
 Ciocan R. 200, 201
 Cioranescu A. 200
 Ciuca M. 135
 Ciurea D. 200
 Cioranescu A. 200
 Conduratu Gr. 200
 Cook M. A. 22
 Corfus J. 200
 Costachel V. 133
 Costachescu M. 199, 261
 Crabek J. 251
 Critobul din Imbras (Grit), Критовул Михаил, виз. историк, находился на службе у
 Мехмеда II, наместник о-ва Имброс 116, 261
 Csanski D. 116
 Cwiclinski L. 151
 Cyftecka A. 234
 Danilowicz Jgn. 184, 185
 Darko E. 261
 Decei A. 132, 133, 200
 Dhigosz J. (Joannis Dlugossii Senioris), польск. историк, см. Длугош Ян
 Dogiel M. 80, 160
 Donado Da Lezze, венец. хронист, автор «Турецкой истории» 132
 Donnert E. 268, 270-272
 Doucet R. 159
 Ducas см. Дука
 Dujcev J. 251
 Durdev Br. 234, 235
 Eberhart Windeckes (Wind), нем. историк из г. Майнца 115, 262
 Edelhaaf G. 160, 270

- Elekes L. 115—118
 Eschenloer Peter (Esch.) нем. историк из г. Вроцлава, 117, 261
 Eyice S. 41
 Fejer G. 261
 Fekete L. 236, 261
 Fekete Nagy A. 116
 Fessler-Klein 103
 Filipovic N. (см. также Филипович Н.) 41
 Finkel L. 102 Fogel J. 261
 Forstreuter K. 110
 Fraknoi V. M. 78, 80, 117, 262
 Garbacik J. 81, 82, 100—103
 Gemil T. 133, 135, 199, 200
 Georgios Sphrantres, Георгий Сфрандзи (Сфрандзис), виз. писатель и политич. деятель, 116, 262
 Geresi K. 117
 Giurescu C. 133, 135
 Goos R. 262
 Gorka O. 103
 Gorski Stanislaus, каноник краковский и плоцкий 261
 Gokbilgin M. T. 23, 40, 41
 Grecescu C. 132, 262
 Grecu V. 132, 261, 262
 Grigoras N. 133, 200
 Guboglu M. 200, 261
 Gyalokay J. 116
 Halecki O. 79, 100
 Hammer J. 272
 Heck R. 81
 Hermann Zs. 117
 Heyd W. 22, 78
 Hirschberg A. 160, 184
 Homan B. 56, 115—118
 Horvath J. 116
 Hrubes J. 251
 Huber K. 117
 Hurmuzaki E. de 261
 Ilarian P. 199
 Imre S. 116
 Inalcik H. 22, 23, 26, 40-42
 Ioannis Cantacuzeni см. Иоанн VI Кантакузин, виз. имп.
 Iorga N. 56, 80—82, 100-103, 160, 161, 184, 269, 272
 Ivanys B. 261
 Jablonovski A. 80
 Jasnowski J. 269
 Junasz J. 117, 261
 Kaldy-Nagy Gy. 117, 236, 261
 Kamenicek F. 217
 Kammerer E. 262
 Karpat K. 40, 41
 Kaser K. 78
 Katona St. 116

- Kidri.; F. 250
 Kiss L. 116, 117
 Klaic V. 115-118
 Klodzinski A. 269
 Kolankowski L. 79—83, 100—103, 159,
 161, 162, 184, 185, 269, 271 Konopczinski WI. 160,184 Kb'priilii M. F. 40 Kosa J. J.
 117 Kosary D. 116—118 Kraus W. 78, 80 Kretschmayr H. 117, 134 Krofta K. 217 Kropf L. 217
 Kubinyi A. 117 Kucerova Kv. 234 Kulesar P. 117 Kunisch J. G. 261 Kupelwieser L. 116—118
 Kurat A. N. 42, 82 Kuun G. 116
 Lapedatu A. si J. 116
 Latreille A. 159
 Lemercier-Quelquejay Ch. 162, 269—272
 Lewicki A. 103 Liptak J. 217 Longinescu S. 135 Lukinich J. 217, 262
 Maghul Y. 42
 Malowist M. 78—80, 82
 Malyusz E. 262
 Marinescu I. 135
 Marki S. 117, 262
 Markov W. 22, 23
 Matschke Kl.-R. 57
 Mehmet M. (Mehmed M.) 80, 82, 133—135, 261
 Mihai Viteazul (Михай Храбрый), валаш. господарь 134, 199, 200
 Miklosich F. 262
 Miltner J. B. 217
 Mioc D. 132, 261
 Mircse J. 117
 Miskolczy Gy. 115-118
 Moravcsik Gy. 116
 Motogna V. 200, 201
 Mutafgieva V. P. 40, 41
 Nagy Imre 262
 Nagy Ivan 262
 Nagy L. 216, 236
 Neagoe M. 135
 Nehring K. 78, 80—83, 101, 102
 Ne-ri M. 22
 Nicolaescu St. 199
 Oikonomides N. 56
 Orhonlu C. 41
 Ovary L. 56
 Pajewski J. 117, 160, 161, 184, 199, 269—271
 Palacki F. 81, 117
 Palade T. 199
 Palombini B. von 134, 200
 Panaitescu P. P. 133, 261, 262
 Papacostea §. 80, 132, 134
 Papee F. 78, **79**, 99—103, 159, 160
 Parvan V. 132, 134
 Pastor L. 80, 81, 160
 Pataki J. 56, 199
 Pelenski J. 185
 Perjes G. 117, 216

- Perroy E. 159
 Pettko B. 117
 Philippe Le Bon, due de Bourgogne (Филипп Добрый), герцог бургундский 41
 Pickova V. 217
 Pipe Ozorai (Сколари Филшшо), военачальник Сигизмунда Люксембургского 115
 Posiecha W. 134, 161, 184
 Polinsky J. 217, 251
 Popescu Radu, валаш. хронист 132, 134
 Prochaska A. 81
 Pufaski K. 161
 Rasmussen K. 269—271
 Razso Gy. 116—118
 Ritter M. 270, 271
 Sabau I. 133
 Shaw S. 21, 22, 23
 Schildhauer J. 80
 Schopen J. 56
 Schwandtner J. G. 262
 Simecek Z. 251
 Simionescu St. 200
 Simonescu D. 262
 Sinkovics J. 216
 Stachod B. 80—82, 99—101 B
 Stinescu E. 200, 201
 Stefan Dusan см. Стефан Душан, кор.
 Strykowski M. см. Стрыйковский М., польск. хронист
 Suceca A. 41
 Svelec F. 250
 Szabo D. 117
 Szakaly F. 116—118, 236
 Szanto J. 217
 Szekely O. 115, 118
 Szekfii Gy. 56, 217, 235
 Szeremi Gyorgy (Сереме Дьёрдь), венг. историк, придворный капеллан Людовика
 II) Ягеллоньчика и Яноша Запольяи 216, 283
 Szucs J. 116
 Zwejkowski Z. 251
 Stefan cel Mare см. Штефан III Великий, молд. господарь
 Stefinescu St. 134, 199, 200
 Tappe E. D. 200
 Teke Zs. 116-118
 Teleki J. 116, 117, 118, 261
 Thallosy L. 56, 116, 262
 Thury J. 262
 Thusane L. 117
 Tomok W. W. 117
 Tomicius Petrus (Томицкий Петр), секретарь кор. Боны Сфорцы 135, 160, 199
 Torok P. 117, 118, 199, 216, 217
 Turam S. 41
 Нурфев Вр. 234, 235
 Ubersberger H. 102, 160, 270—272
 Uhlirz M. 134

Ulewicz T. 251
 Urbanek R. 217
 Ureche Grigore, молд. хронист 133, 135, 262
 Ursu I. 117, 132, 134, 135, 199, 200
 Uzuncarsili J. H. 23
 Vakalopoulos A. 234, 235
 Vasic M. 234
 Veghelyi D. 262
 Velics L. A. 262
 Veress A. 261
 Verlingen Ch. 22
 Weczerka H. 201
 Wenzel G. 115
 Werner E. 22, 23, 40, 57, 133
 Wiesflecker H. 78, 80, 102, 159
 Wojciechowski M. 160
 Wojciechowski Z. 160, 184
 Zagoritz Gh. 133
 Zinkeisen J. 134, 160

ОСМАНСКАЯ ИМПЕРИЯ
 И СТРАНЫ ЦЕНТРАЛЬНОЙ,
 ВОСТОЧНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ
 В XV —XVI ВВ.

Утверждено к печати
 Институтом славяноведения и балканистики
 АН СССР

Редакторы издательства С. Н. Васильченко, Л. И. Тормозова
 Художник О. В. Камаев. Художественный редактор Н. А. Фильчагина
 Технический редактор Н. Н. Плохова. Корректоры О. В. Лаврова,
 В. А. Парядчикова
 ИБ № 26640

Сдано в набор 21.06.83. Подписано к печати 26.12.83. Т-24112. Формат 60x90 1/16
 Бумага типографская М 1. Гарнитура обыкновенная Печать высокая Усл. печ. л. 19. Уч.-
 изд. л. 24,2. Усл. кр. отт. 19. Тираж 3550 экз.

Тип. зак. 3057

Цена 2 р. 70 к.

Издательство «Наука» 117864 ГСП-7, Москва, В-185, Профсоюзная ул., 90
 2-я типография издательства «Наука» 121099, Москва, Г-99,
 Шубинский пер., 10